

РОБЕРТ
МАККАММОН

СЫЩАЩИЙ

Мастер,
который
завораживает
читательскую
аудиторию
каждой фразой.

[Amazon.com](https://www.amazon.com)

РОБЕРТ
МАККАММОН

СЫШАШИЙ

Мастер,
который
завораживает
читательскую
аудиорию
каждой фразой.

Роберт Маккаммон

Слышащий

Robert R. McCammon
The Listener

© 2018 by Robert R. McCammon

© А. В. Третьяков, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

**Часть первая. Мужчина с
ангельским лицом**

Глава 1

Пути Дьявола неисповедимы. Он может овладеть душой как мужчины, так и женщины. Дьявол вездесущ и многолик: ему сослужат службу и жесткая пружина в сиденье машины, и мошка в глазу, и удар полицейской дубинки по прутьям тюремной камеры, и вспышка молнии, и глоток паршивого виски, и яблоко, сгнившее в корзине свежих фруктов, и ремень, которым порют ребенка. Дьявол может затаиться и в коробке с дешевыми Библиями, что пухнут от жары на заднем сиденье выгоревшего на солнце зеленого двухдверного седана «окленд», который за восемь долгих лет службы не развалился лишь потому, что местами приржавел как следует, да кое-где был вовремя прихвачен проволокой.

На этот раз Дьявол и в самом деле оказался именно там.

За рулем автомобиля восседал мужчина с ангельским лицом. На вид ему было лет тридцать с небольшим. Блондин. Волосы кудрявые, коротко подстриженные. Глаза серые, цвета летней дымки. Лицо красивое, но скорбное – с глубокими складками у рта. Одет он был в идеально отглаженные белоснежные брюки и накрахмаленную сорочку с плиссированной планкой. Поперек узкого черного галстука блестел серебряный зажим в форме молитвенно сложенных ладошек. На растрескавшемся кожаном сиденье лежали белый пиджак и соломенная шляпа-федора с черной лентой. Руки на руле седана были мягкими; физический труд явно придумали не для этого человека: рыть канавы за доллар в день под палящим тexasским солнцем, превращающим людей в ходячие трупы, он определенно не собирался. А тяжелые времена надеялся пережить, полагаясь на ум и смекалку.

Имелась, правда, одна загвоздка: времен лучших он отродясь не знал.

На своем выдавшем виды автомобиле мужчина ехал по изрытой колеями дороге, прорезавшей сосновый лес. Под правым локтем водителя лежала нарисованная от руки карта, на которой он чернильными крестиками отметил нужные городки и фермы. Первая ферма уже совсем близко, но остановок запланировано много, так что километраж «окленду» предстоит накрутить нешуточный.

Белоснежная сорочка намочила от пота. Вздохнуть полной грудью не получалось. Ветерок, задувавший в салон автомобиля, совсем не освежал. Воздух был пропитан запахом гниющих персиков. Этот сладковатый аромат будил в мужчине с ангельским лицом смутные воспоминания, но он гнал их прочь.

«Человеку будущего не пристало думать о прошлом, – рассуждал он. – Выжить в этом старом жестоком мире можно только одним способом. Нужно уметь сбрасывать кожу, как змея, и никогда не останавливаться: скользить от камня к камню, от тени к тени, чтобы не стать добычей других хищников».

Шла первая неделя июля 1934 года. Почти пять лет минуло с тех пор, как 29 октября грянул Черный вторник – Биржевой крах 1929 года – и отправил экономику страны на дно. Рынок ценных бумаг рухнул, точно карточный домик. Банки закрывались один за другим. Распахнутые окна Уолл-стрит приглашали разорившихся богачей попытаться счастья на том свете. Как только окошки касс, до этого щедро сыпавшие долларами, захлопнулись, сотни предприятий прогорели. Долги росли как на дрожжах, повсеместно арестовывалась недвижимость. На фоне всеобщего краха – и рынка ценных бумаг, и банков – казалось, что наступившая зима выдалась по-особенному холодной, а последовавшее за ней лето – исключительно жарким. На пораженные засухой Великие равнины налетели сильные ветра. Пыльные бури уничтожили все фермерские поля. Жители еще вчера процветавших американских городов остались без работы. В поисках лучшей доли сотни тысяч бродяг мыкались по стране: кто на товарняках, кто на своих двоих, а кто на едва живом автомобиле или грузовике.

И ни конца ни края не было видно этому жалкому существованию. Развлекательные радиопередачи вроде «Шоу талантов майора Боуза», «Американские пляски в амбаре», «Дуэт комиков Эймса и Энди», «Одинокий рейнджер» и «Бак Роджерс в XXV веке» лишь ненадолго скрашивали тяжелую жизнь. Голоса ведущих, доносившиеся из ламповых радиоприемников, звучали весело и беззаботно, но мир за окном лежал в руинах. И даже пламенные речи президента Рузвельта особых надежд в сердца людей не вселяли. Экономический кризис разрушил прежний мир до основания. Но свято место пусто не бывает,

и за строительство нового мира взялись предприимчивые Сталин и Гитлер.

Несмотря на все невзгоды, несмотря на палящий зной – на капоте автомобиля можно было жарить яичницу, – мужчина за рулем зеленого выгоревшего «окленда» чувствовал себя превосходно. Как говорится, еще утром при гроше, а уже к вечеру – в барыше: накануне наш герой наварился почти на тридцать баксов. По такому знаменательному случаю он заехал в центральное кафе Хьюстона и побаловал себя бифштексом с картофелем фри. Поужинав, мужчина с ангельским лицом обсудил новости с бродячим торговцем. «Поймает ли полиция похитителей малютки Линдбергов?» – вот вопрос, волновавший тогда многих. Об этом преступлении века – так его окрестили, ни больше ни меньше, – трубили на каждом углу еще с мая прошлого года. Про полуразложившийся труп ребенка с размозженной головой, найденный в поле неподалеку от дома Линдбергов, не слышал по радио или не читал в газетах только глухой или слепой.

Мужчина с ангельским лицом плевать хотел, поймают преступников или нет. «Кровь в этом мире всегда лилась рекой, – считал он, – так было и будет. А Линдберги сказочно богаты и уж как-нибудь да переживут утрату. Подумаешь, первенец погиб! Ну, родят себе еще парочку детей!» А похитителей он нисколько не осуждал: отчаянные времена требуют отчаянных мер.

«Окленд» вынырнул из тени сосен, перевалился через железнодорожные пути, миновал изрешеченный пулями ржавый знак городка Фрихолд и снова скрылся под прохладной сенью. Так наш герой и ехал: скользил, как змея, из тени в тень.

Дырявый дорожный знак навеял мысли о Бонни Паркер и Клайде Бэрроу. «Вот это я понимаю! – подумал он. – Похищение сопляка Линдбергов и близко не стояло с подвигами Бонни и Клайда!»

Мужчина с ангельским лицом интересовался похождениями криминальной парочки с того дня, когда газеты впервые опубликовали их снимки. На пленке фотоаппарата, забытого преступниками в спешно покинутом логове в городке Джоуплин, Бонни и Клайд дурачились, позируя с револьверами и дробовиками. Наш герой следил за ними вплоть до самого конца, пока их не изрешетили, точно этот дорожный знак.

«Хорошо, что газетчики не подкачали и осветили все подробности, – думал он. – А копы-то каковы! Интересно, правду писали, будто полицейские даже оглохли от стрельбы? Это ж надо догадаться: напасть вшестером на двоих! Дыр в беднях наделали столько, что бальзамировщик потом всю голову себе сломал. Эх, до чего жаль ребят!» – сокрушался мужчина за рулем седана.

Новости о грабежах, убийствах и прочих бесчинствах банды Клайда Бэрроу были для него глотком свежего воздуха. Но он прекрасно понимал, что везение не вечно: рано или поздно Бонни и Клайд все равно попались бы.

«Но судьбы этих двоих достойны уважения, – заключил мужчина, – а их пример весьма показателен: страна изменилась, люди устали молчать. Поэтому иногда, чтобы тебя услышали, можно и стрельбу устроить. Выбора-то особо и нет: либо ты простой скучный обыватель, либо ты крутой, но вне закона. И какие бы крепкие стены ни возводили вокруг Бонни, Клайда и им подобных, они найдут способ взорвать все к чертовой матери и вырваться на свободу любой ценой, даже ценой собственной жизни».

Затем мысли его переключились на Джона Диллинджера, за подвигами которого следить было не менее интересно: «Этот неугомонный сукин сын копам пока не по зубам! С апреля Джонни залег на дно, но это не беда: рано или поздно он наведет шороху и вновь появится на первых полосах газет!»

Городок Фрихолд возник впереди совершенно неожиданно. Первое, что бросилось в глаза, – это церковь из красного камня на фоне вечно зеленого соснового леса. Возле церкви небольшое кладбище. Посреди кладбища статуя простирающего руки Иисуса. Мужчина взял вправо, и «окленд», позвякивая внутренностями, покатился в сторону одиноко стоявшей бензоколонки «Тэксако». Бак автомобиля был почти полон: водитель седана заправился еще вчера в Хьюстоне. Кроме того, он всегда возил в багажнике запасную канистру бензина. Мужчина подъехал к заправке и затормозил. Двигатель глушить не стал. Через пару мгновений появился паренек, прихрамывающий на правую ногу, обутую в специальный ортопедический ботинок на платформе. На ходу вытирая руки о масляную тряпку, парнишка поковылял к «окленду».

– Доброго утречка, сэр. Моторчик-то надо бы приглушить! Сколько вам залить? – спросил он.

– Бензин мне не нужен, – мягко ответил мужчина. Южный выговор придавал его голосу аристократическую изысканность и мелодичность. – А вот кое-какая информация очень пригодилась бы. Не подскажешь, как проехать к Эдсонам?

– Вы про семейство Тоби Эдсона?

– Ага.

– Так-с... Рулите сначала вон туда по Фронт-стрит: первый перекресток не ваш – это Вахаума-стрит; доезжаете до второго перекрестка и поворачиваете направо – это будет Шестидесятое шоссе. Так вот, километра полтора... нет, пожалуй, все-таки два, по нему едете, и как только увидите слева почтовый ящик Эдсонов, вы на месте!

– Премного благодарен. – Мужчина вытащил из брюк блестящую пятицентовую монетку и положил ее на грязную ладонь паренька. – Держи, это тебе за беспокойство.

– Спасибо, сэр, – сказал служащий бензоколонки и вдруг нахмурился. – Слушайте, ежели вы к Тоби по какому делу, то... боязно и говорить-то вам, но он это... в общем, того... На прошлой неделе еще преставился. В четверг схоронили. Сердце беднягу подвело.

– Вот те на! – ахнул мужчина. – Грустная весть, конечно, но моим делам она не помешает. Глядишь, я утешу там кого. Хорошего дня, сынок. – С этими словами он кивнул, включил передачу и тронулся.

Ничего особенного Фрихолд собой не представлял: обыкновенный городишко с пыльными витринами и с наглухо закрытыми ставнями окнами домов. Обогнав на Фронт-стрит фермера, правившего повозкой с дынями, наш герой вскоре увидел забегаловку «У Бетси». Рядом стояли парочка неизвестных моделей драндулетов и потрепанный «форд», переделанный местными умельцами в пикап. На скамейке у кафе сидели два пожилых джентльмена в комбинезонах и соломенных шляпах, внимательно наблюдая за приближающимся бледно-зеленым «оклендом». Водитель седана дружелюбно помахал им рукой, а они, конечно же, помахали в ответ.

Свернув на Шестидесятое шоссе, мужчина с ангельским лицом увидел знак, снимающий ограничения скорости, и поддал газу. Когда через пару километров и в самом деле обнаружился почтовый ящик

Эдсонов, он крутанул руль влево и, съехав на грязную дорогу, покатил к дому, поднимая клубы пыли. Несколько мгновений спустя сосны расступились, и дорога побежала по лугу. Впереди, под сенью огромного дуба, белел дом Эдсонов. Неподалеку в загоне паслись коровы, а метрах в пятидесяти высился обветшалый амбар. Мужчина подъехал к дому, заглушил двигатель, подхватил белый пиджак, федору и, отлепив вспотевшую спину от кожаного сиденья, выбрался из «окленда». Он надел шляпу, влез в пиджак, поправил галстук и воротничок – словом, прихорошился настолько, насколько это вообще было возможно после такой тряски по изнуряющей жаре. Затем осмотрелся. Взгляд его задержался на крышке, привязанной к нижней ветке дуба. Воображение тут же нарисовало картину: детишки Эдсонов, Джесси и Джоди, спасаясь от дневного зноя, играют в тени дуба, где царит приятная прохлада. Сетчатая входная дверь скрипнула, и наш герой увидел настороженное лицо замученной жизнью женщины.

– Доброе утро. Могу я вам чем-то помочь?

– Да, мэм. Думается мне, что можете. Это ведь дом Эдсонов, так?

– Все верно.

– У меня тут есть кое-что для вас и ваших детишек, – объявил мужчина с ангельским лицом и подошел к пассажирской дверце «окленда», скрывшись в облаке все еще клубящейся и сверкавшей на солнце дорожной пыли.

– Что, простите?

– Кое-что для вас и ваших детишек, – повторил он.

Мужчина открыл пассажирскую дверцу, наклонил спинку сиденья, вытащил из коробки Библию и быстрым движением сорвал желтую бирку с цифрой 1. Ярлычок бросил под сиденье, а книгу сунул в белый картонный, «под кожу», футляр с двумя тисненными золотом словами: «Священное Писание». После чего захлопнул дверцу автомобиля и, придав лицу подобающее ситуации выражение, направился к вдове Эдсон.

– Соболезную вашей утрате, мэм, – произнес он и склонил голову. – На заправке я узнал про постигшее вас горе.

– Тоби похоронили в прошлый четверг, – сказала женщина.

Мужчина внимательно осмотрел ее: светлые волосы, бледное вытянутое лицо, острый нос, ввалившиеся глаза...

«Дверь придерживает правой рукой, – насторожился он, – не исключено, что в левой пистолет, а то и дробовик...»

– Чего вам надо? – прервала его размышления хозяйка дома.

Выждав пару секунд, он ответил:

– Что ж... непростое времечко для вас настало, мэ! Уж кому, как не мне, знать, насколько тяжело вам сейчас...

Тут мужчина замолк. Послышался топот, и в следующее мгновение рядом с юбкой вдовы возникли двое белобрых ребятшек. Джесси с виду было лет восемь, а Джоди выглядела лет на одиннадцать или двенадцать.

«Не чумазые, опрятно одетые, – подумал он, – но до чего же худющие: просто кожа да кости. Видать, жизнь у них не сахар».

Дети уставились на гостя, разглядывая его с таким изумлением, точно он с луны свалился.

– Разрешите, я подойду к вам, мэ? – спросил он.

– Что вам надо? По всем счетам в этом месяце у меня заплачено. Моя совесть перед банком чиста!

– Мэ, в этом я ни секунды не сомневался, равно как и в том, что она чиста перед Господом Богом нашим и сыном его Иисусом Христом.

– Что? – растерянно моргнула собеседница.

– Позвольте объяснить, мэ, – произнес мужчина с ангельским лицом и поднял Библию в белом футляре. Прежде чем шагнуть, он помедлил, чтобы женщина как следует разглядела книгу. И как раз в этот момент со стороны амбара раздался собачий лай.

– Дотти соскучилась по щеночкам, – сказала мать детям, даже не взглянув на них: все ее внимание занимал белый футляр в руках незнакомца. – Давайте-ка отнесите их обратно.

– Ну, ма-а-ам, мы же только-только забрали их у Дотти... – начал было канючить Джесси, но женщина шикнула, и он замолчал.

Мужчина, расплывшись в приторной улыбке, дожидаясь окончания маленькой семейной драмы. Приглядевшись, он заметил в руках у каждого из ребят по щенку: один был темно-коричневый, а второй – чуть посветлее, с бежевыми пятнышками вокруг глаз.

– Какие малыши, – засюсюкал мужчина, все еще приторно улыбаясь. – Ну до чего же миленькие!

– У нас их целых шесть! – вытянув руки, чтобы гость лучше рассмотрел, воскликнул Джесси. – Только-только родились! С пылу с жару!

«С пылу с жару! – мысленно восхитился водитель „окленда“. – Видать, любимая присказка покойного папашки!»

– А ну, цыц! – велела детям вдова Эдсон. – Ступайте, кому сказано! Джесси нехотя поплелся к амбару.

– погоди, возьми заодно и Долли! – Джоди поцеловала щеночка в нос и отдала его брату.

Держа в каждой руке по щенку, мальчик с величайшей осторожностью двинулся к амбару, откуда доносился отчаянный лай Дотти.

А девочка между тем встала рядом с матерью, стиснула зубы и принялась буравить незнакомца голубыми глазами.

– Вы сказали, будто у вас есть для нас кое-что? – нетерпеливо спросила женщина.

– Конечно! Сейчас все объясню! – ответил мужчина и улыбнулся Джоди, но, обнаружив на ее личике непроницаемую маску, мгновенно переключился на вдову Эдсон: – Для начала, мэм, позвольте представиться. Вот. – Он протянул женщине визитку, отпечатанную прошлой ночью в мотеле. («С пылу с жару», – как сказал бы Тоби Эдсон.)

Визитку взяла Джоди.

– Так, мама, здесь написано, что его зовут Джон Партнэр, – прочитала девочка. – А еще тут говорится, что он президент компании «Священное Писание от Партнэра» в Хьюстоне.

– Так и есть, – закивал мужчина. «Вдова не умеет читать! Вот так облом!» – забрав визитку, подумал он и продолжил: – Как я уже говорил, мэм, времена наступили трудные, но мне почему-то кажется, что я смогу вас утешить. Я привез Золотое издание Библии, которое ваш супруг заказал еще в прошлом месяце.

– Чего мой муж заказал?

– О... я понимаю! Тоби вас не предупредил, да?

– Вот что, мистер Партнэр, – процедила вдова Эдсон, не на шутку разозлившись. – Если вы сейчас же не объясните мне, какого рожна вам тут надобно, – я за себя не отвечаю!

– В прошлом месяце ваш муж заказал специальное издание Библии и выслал задаток – один доллар, – сказал Джон Партнэр. – Тиснение сделали золотом, как он и просил. Товар я пообещал доставить лично. – С этими словами он сдвинул федору на затылок, достал белый платок, отер пот со лба и глянул на часы. «Черт возьми, только начало десятого, – подумал он, – а жара уже невыносимая!» – Надо полагать, что вы не в курсе дел мужа?

– Золотое издание Библии, говорите? – протянула женщина, и глаза ее налились кровью. – Нет. Ничего подобного я от Тоби не слыхала. Вы хотите сказать... что он послал вам целый доллар? Да еще и почтой?

– Да, мэм. Наверное, увидел рекламное объявление в местной газете, – ответил Партнэр, и внутри у него все сжалось: «Если покойный Тоби не умел читать, то моя песенка спета».

Но вдова молчала как громом пораженная, и Джон Партнэр, не давая измученной горем женщине опомниться, принялся ковать железо, пока горячо:

– Миссис Эдсон, мне кажется... супруг хотел вас удивить. Мог он приготовить подарок, скажем, на день рождения или на годовщину свадьбы? – Собеседница не отвечала, и мужчина с ангельским лицом заговорил слащавой скороговоркой: – Или, может... он предчувствовал конец? Многие заранее знают, когда пробьет их час. Умирая, люди нередко слышат голос Господа Бога нашего Иисуса Христа. Мне часто рассказывают подобные истории, и я искренне в них верю. Спаситель подсказал Тоби, что дни его на земле сочтены. Именно так Всевышний и проявляет любовь. И Тоби, преисполненный божественной любви, в последние минуты жизни захотел поделиться ею с самыми близкими людьми: женой и детьми. Взгляните, пожалуйста, на дарственную надпись, которую ваш супруг попросил сделать.

– Я не... – начала было вдова Эдсон и умолкла, тяжело вздохнув. – Я не очень сильна в грамоте, сэр. Не могли бы вы прочитать вслух? – наконец сказала она и поморщилась, будто признание причиняло ей не только нравственное, но и физическое страдание.

– Ну разумеется, – кивнул коммивояжер и отметил, что Дотти прекратила лаять.

«Похоже, собачья семья воссоединилась, но Джесси возвращаться не спешит, – подумал Джон Партнэр. Пристальный взгляд Джоди

нервировал мужчину, и он всей душой желал, чтобы девочка присоединилась к брату. – Ну да ладно, – успокоил он себя, – я и не из таких переделок выходил. В конце концов, это мой хлеб».

Он извлек Библию из футляра, открыл страницу с дарственной надписью, куда заранее вложил квитанцию, и с чувством продекламировал:

– «На долгую память моей дорогой семье: жене Эдит, дочке Джоди и сыну Джесси от любящего мужа и отца». – После чего протянул вдове квитанцию. – Здесь указано, что 12 июня, но дата неточная, моя секретарша, судя по всему, ошиблась: мы получили от Тоби Эдсона из города Фрихолд, штат Техас, задаток в размере одного доллара.

Вдова Эдсон взяла квитанцию, посмотрела на нее бессмысленным взглядом и передала дочери. Джоди прочитала текст со скрупулезностью, которой мог бы позавидовать самый дотошный юрист.

– Я... э-э-э... Я даже не знаю, что и сказать, – отозвалась Эдит.

– Я понимаю, – произнес Партнэр и украдкой, точно кредитор, оценивающий, что можно прибрать к рукам, оглядел их дом. – Обычно мы берем еще пять долларов, включая стоимость доставки, но...

– Еще пять долларов? – переспросила Эдит, не веря своим ушам.

– Да, мэм, именно так. Золотое издание Библии стоит шесть долларов. Эта священная книга – удачное вложение денег. Она послужит верой и правдой всем следующим поколениям Эдсонов. Пять долларов, и Библия ваша.

– Ох... да, сэр, я понимаю, но... но это же целая куча денег!

– Извините, – подала голос Джоди, – а можно мне взглянуть на дарственную надпись?

– Конечно! Только имей в виду, что она сделана не рукой твоего отца, а напечатана по специальной технологии золотыми чернилами. Освящал их сам преподобный Уинстон Картер из Первой Баптистской церкви города Хьюстона! – С этими словами мужчина передал Библию девочке и снова обратился к вдове, пребывавшей в полном смятении чувств: – Миссис Эдсон, не волнуйтесь, – мягко сказал Партнэр. – Я не какой-то там торгаш и даже помыслить не могу, чтобы не исполнить последнюю волю вашего покойного мужа. Да и Отец наш Небесный и Сын его Иисус Христос не позволят мне лишить вас его дара. Но за все в этом мире надо платить. Так уж заведено испокон веку. Однако

позвольте кое-что предложить. Как президент компании «Священное Писание от Партнэра» я предлагаю заплатить за этот замечательный экземпляр Библии всего четыре доллара...

– Мама! – перебила его Джоди. – Не давай денег этому человеку!

Джон Партнэр застыл с разинутым ртом.

– Джоди! – воскликнула мать. – Ты ведешь себя невеж...

– Мама, – не унималась девочка, – да тут же ошибка! Мое имя написано неверно!

Слова девочки стали мужчине с ангельским лицом костью поперек горла. Через несколько мгновений он услышал свой предательски неуверенный голос:

– Как неверно? Быть такого не может!

– Мое имя, – сверля его голубыми глазами, сказала девочка, – пишется «Джоди», а не «Джоуди»! Папа не мог ошибиться!

На пастбище каркнула ворона. Где-то в лесу ей откликнулась другая. Мир вокруг Джона Партнэра остановился. Повисла такая оглушительная тишина, что в ушах зазвенело, а перед глазами поплыли разноцветные круги.

«Вот так, наверное, и чувствовали себя оглохшие копы после расстрела Бонни и Клайда», – подумал он.

– Действительно, очень странно, – прищурилась Эдит Эдсон. – Тоби никак не мог ошибиться в имени собственной дочери!

Всего три секунды понадобились Джону Партнэру, чтобы вернуть самообладание. Он не стал вырывать Библию из рук девочки, да это было и ни к чему: он прекрасно помнил, как написал имя.

«Вот же проклятье! Эти вшивые местные газетенки даже в некрологе ухитрились все перевернуть!»

Мужчина с ангельским лицом расправил плечи и невозмутимо сказал:

– Мы с радостью исправим ошибку...

– Мое имя написано неправильно, – не унималась Джоди, тыча Библией ему под нос. – Вот! Видите? – прибавила она, постукивая указательным пальцем по букве «у». Затем девочка продемонстрировала эту возмутительную ошибку матери. Та хоть и была не шибко грамотной, но как правильно пишутся имена ее детей, без сомнения, помнила.

– Четыре доллара, – сказала вдова Эдсон, – это тоже целая куча денег, сэр. Кстати, как вы собираетесь исправлять надпись?

Прежде чем Джон Партнэр успел открыть рот, Джоди уже все решила за него:

– Мама, мне кажется, что мистер Партнэр должен отдать нам эту книжку задаром! Так будет по-честному. И папе бы понравилось! Он бы точно от смеха живот надорвал!

– Твоя правда, доченька, – кивнула вдова Эдсон, и тень улыбки коснулась ее изможденного лица. – Надо же, как получилось. – Она взяла у девочки книгу, провела пальцами по бумажной обложке, согнувшейся от жары, и заметила: – Хороший был бы подарок, если бы не эта досадная ошибка. Мой муж денег на ветер не бросал: платить за чьи-то ошибки – это не про него. Разумеется, Тоби поблагодарил бы вас за труды, сказал бы, что Библия получилась замечательная и все такое, но... платить четыре доллара... «Дай ему доллар – так будет по-честному!» – сказал бы он. Доллар вас устроит?

Джон Партнэр помедлил с ответом, и Эдит, воспользовавшись этим, выкинула карту, которую крыть было нечем:

– Никому другому эту книгу уже не продать, верно?

Лицо незадачливого коммивояжера окаменело. Прошло немало времени, прежде чем бедняга вновь обрел дар речи. Он услышал себя словно со стороны, откуда-то издалека.

– По рукам. Один доллар, – произнес он не своим голосом.

Миссис Эдсон забрала белый футляр, вложила туда Библию и ушла в дом за деньгами. Мужчина и девочка остались один на один. В гробовой тишине они пристально смотрели друг на друга. В ее глазах читалось осуждение: «Я тебя вижу насквозь. Я знаю, что ты такое».

Сжав в кулаке доллар, Джон Партнэр холодно улыбнулся, пожелал Эдсонам всего наилучшего и пошел к автомобилю. Чувствуя на спине их взгляды, он снимал пиджак и федору исключительно долго, с присущим только царственным особам достоинством. Закончив церемониал, Партнэр сел за руль, включил зажигание – двигатель при этом громко чихнул – и тронулся с места. Джесси, возвращавшийся из амбара, дружелюбно помахал рукой на прощанье, но мужчина с ангельским лицом не ответил: он не прощался.

В тот день Джон Партнэр, следуя по намеченному маршруту, побывал во всех городках и на фермах, отмеченных чернильными

крестиками. День прошел с переменным успехом. Он продал три Золотых издания Библии: два экземпляра по шесть долларов и один за три – это было все, что старой леди удалось выскрести из заначки. В полдень, остановившись в какой-то забегаловке на берегу грязного озера, Партнэр перекусил крекерами и запил их апельсиновой газировкой «Нихай». Следующие две сделки сорвались: у одного дома стояла патрульная машина, а второй продавали за долги.

Та девчонка – со своим пристальным взглядом и дерзкими словами – никак не шла из головы Джона Партнэра.

«Не давай денег этому человеку».

«Они и понятия не имеют, – думал мужчина с ангельским лицом, – как тяжело мне приходится работать за эти несчастные доллары! Точно землекоп, я откапываю в газетах некрологи, имена, адреса и прочее, а затем сопоставляю одно с другим».

О тонкой работе на печатном станке Партнэр даже и вспоминать не хотел: таким образом он затирал типографскую краску и печатал поверх золотыми чернилами дарственные надписи. Библии и подарочные футляры обходились недорого: четвертак за комплект. Их поставляла одна контора из тexasского городка Форт-Уорт. А вот золотые чернила сильно ударили по карману: семьдесят пять центов за флакон плюс доставка из Нового Орлеана.

Нашему герою всегда казалось, что он оказывает обществу ценную услугу. Но люди не понимали и не принимали Джона Партнэра, считая его деятельность незаконной.

«Неужели не ясно, что я продаю не просто книжки, а добрые воспоминания о близком им человеке? Этой самой золотой вязью чернил я скрепляю родственные узы их семьи на несколько поколений вперед. Сколько раз уже я сослужил обществу в целом и скорбящим родственникам в частности хорошую службу. Ну а они что? Как они меня отблагодарили? А вот как: „*Не давай денег этому человеку*“».

Мужчина с ангельским лицом потерял покой: желудок бунтовал весь день, пока крекеры с апельсиновой газировкой «Нихай» не оказались на обочине дороги, ведущей в городок Уортон. Освободив желудок, Партнэр почувствовал себя значительно лучше. В голову пришла замечательная идея, и он успокоился: сел за руль, скрутил папироску, подкурил ее серебряной зажигалкой – под стать зажиму для галстука, там красовались молитвенно сложенные ладошки – и

покатил в город. В Уортоне он заехал в дешевый магазинчик, где продавалась всякая всячина, и купил детскую бейсбольную битку.

Партнэр приятно удивился, когда обнаружил в Уортоне кинотеатр. Правда, «Кинг-Конга» он видел еще в прошлом году, но времени было полно: Джон купил билет и наслаждался этой зрелищной картиной еще раз. Из кинотеатра мужчина с ангельским лицом вышел уже в сумерках. Прогуливаясь вниз по улице, заглянул в маленькое кафе, заказал свиную сардельку, кукурузный крем-суп и салат из репы. Подкрепившись, он выкурил пару сигарет, выпил до последней капли чашку кофе, пофлиртовал с рыженькой официанткой, которая тайком утащила для него с кухни кусок орехового пирога, расплатился и снова оказался на улицах вечернего Уортона.

Выехав на шоссе, Партнэр добрался до первой развилки, свернул и покатил по дороге, залитой тусклым светом полумесяца и звезд. Фары «окленда» выхватывали из темноты уже знакомые места: он ехал во Фрихолд.

«Не давай денег этому человеку».

«Черт возьми, ну до чего же это несправедливо!» – думал мужчина, и ему хотелось закричать, а то и зарыдать. Но глаза оставались сухими и безжизненными, как камушки пустыни Чиуауа, а на лице читалась лишь мрачная решимость.

Стрелки часов показывали девять вечера, когда Джон Партнэр притормозил на обочине Шестидесятого шоссе. В тридцати метрах впереди виднелся поворот на ту самую пыльную дорогу, ведущую к дому Эдсонов.

«Канителиться некогда, – рассудил он, – можно нарваться на патрульных. Хотя что им тут ловить? Днем-то автомобилей раз-два и обчелся, а уж ночью и подавно никого не будет! Соседи далеко: ближайший к Эдсонам дом находится в пятистах метрах на запад».

Мужчина с ангельским лицом подхватил бейсбольную битку, канистру бензина и пошел по пыльной дороге.

Перед крыльцом дома слабо горело несколько керосиновых фонарей: электричества в этой глуши не было. Джон Партнэр направился к амбару: дверь приоткрыта – что ж, тем проще.

Только он шагнул внутрь и крутанул колесико зажигалки, как Дотти, кормившая щенков на пледе в красно-черную шашечку, тут же встрепенулась и зарычала. Она тщетно пыталась подняться: щенята

тянули мать вниз. Партнэр ударил ее битой по голове. А затем, как следует размахнувшись, врезал еще – чтобы уж наверняка.

Полюбовавшись делом рук своих, Партнэр принялся за щенков. Он накидал на них соломы, облил бензином и снова щелкнул зажигалкой.

Красноватые отсветы пламени обнажили истинный лик Джона Партнэра, который он неспроста скрывал от окружающих: сейчас ни у кого бы язык не повернулся назвать эту маску лицом ангела.

Он взял пучок соломы и поджег.

– Вот так-то, не в меру бдительная Джоди, – прошептал злоумышленник, глядя мертвыми глазами на пламя, и бросил разгоревшийся пучок соломы на плед. Огонь вспыхнул так стремительно, что подпалил ему волосы и брови.

Партнэр с удовольствием посмотрел бы, как горят щенята, но оставаться дольше было опасно.

«Будет Джесси подарок», – кинув под ноги битую, подумал он.

Джон Партнэр вернулся к автомобилю с чувством выполненного долга: у него будто гора с плеч свалилась. Справедливость восторжествовала.

Он закинул в багажник канистру, сел за руль «окленда» с грудой Библий на заднем сиденье и поехал навстречу неизвестности.

Глава 2

– Надолго к нам, мистер Партлоу?

– Нет, если повезет.

– Это как же прикажете понимать? – наморщив и без того морщинистый лоб с россыпью старческих пигментных пятен, спросил Гровер Невинс, хозяин гостиницы.

Партлоу заглянул в серые, прятавшиеся за толстыми линзами очков глаза и пояснил:

– Механик в автомастерской – Генри вроде бы его звать – обещал раздобыть запчасти как можно быстрее. Если накладок в Шривпорте не будет, то ремонт займет дня три, не больше.

– Я знаком с Генри Буллардом – мастер золотые руки. Но вот что касается сроков, тут на него положиться нельзя. Сдается мне, сэр, вы надолго здесь застряли... Хотя, конечно, все зависит от характера поломки...

– Карбюратор накрылся, чтоб его. Восемь километров тащился на буксире за грузовиком с сеном. Если бы не этот добрый человек, то я бы до сих пор так и торчал на трассе.

– Хм, – нахмутив кустистые брови, отозвался мистер Невинс. – Карбюратор – дело серьезное: недельку точно здесь пробудете.

– Может, и так, – произнес Партлоу, расписываясь в гостевой книге, лежавшей на черной лакированной стойке. – Надеюсь, вы не против посуточной оплаты?

– Не против. Если только платить будете ровно в десять утра – и ни минутой позже, – выглянув из-за плеча Гровера, ответила его жена Хильда и уставилась на Джона Партлоу огромными совиными глазами. Ее каштановые с проседью кудри были собраны в такой тугий хвост, что рот едва открывался. – В десять – и ни минутой позже, – повторила она. – Мы люди добрые, но нахлебники нам не нужны. – Ее взгляд задержался на зажиме для галстука, и женщина прибавила: – Я, конечно же, не вас имею в виду.

– Ценю ваше доверие, мэм, и клятвенно обещаю, что хлопот не доставлю, – сказал Партлоу мелодичным голосом и улыбнулся, словно ангел. – «Застрясть надолго», как выразился ваш муж, мне бы точно не хотелось: у меня даже смены белья нет, – произнес он, глядя Хильде

прямо в глаза. От смущения на ее желтоватых щеках выступил румянец. Затем Партлоу повернулся к старику: – Городишко, я смотрю, у вас тихий. А поужинать найдется где? Или, быть может, за эти деньги я могу рассчитывать на сэндвич и кофе у вас?

– Нет-нет, мистер Партлоу, я не готовлю для постояльцев, – поспешно открестилась хозяйка и, всколыхнув дряблым подбородком, помотала головой. – Цены нынче в магазинах – будьте нате!

– Ужины подают в кафе «Стоунфилд» в двух кварталах к югу. Вы ступайте туда, – посоветовал Гровер. – Они открыты до восьми вечера. Жареный цыпленок там – просто пальчики оближешь.

– Благодарю, – отозвался Партлоу, еще совсем недавно известный как Партнэр. Эту свою личину, вместе со всеми визитными карточками, мужчина с ангельским лицом уничтожил пару недель тому назад.

Про гостиницу Гроверов, находившуюся на углу Второй и Третьей улиц в Стоунфилде, штат Луизиана, он узнал от автомеханика Генри Булларда. Когда Партлоу переступил порог их маленького отеля, в глаза ему сразу бросился образцовый порядок: на полу затертый, но чистый ковер, по стенам темные деревянные панели, а по периметру вестибюля несметное количество керамических колокольчиков, лошадок и прочих безделушек.

Сами хозяева показали Партлоу полными простофилями, какой бы умной и деловой ни пыталась выглядеть Хильда. У мужчины с ангельским лицом возникло почти непреодолимое желание разрушить царившую тут идиллию.

«По всей видимости, Невинсы тешатся этим ложным ощущением контроля над жизнью, – подумал он. – Вот только что они знают о жизни!»

Партлоу хотелось лишить их этого сытого спокойствия: он тут же представил, как будет забивать копытца керамической лошадки в огромные глаза Хильды Невинс.

Внезапно со второго этажа раздался женский крик. Слов Партлоу не разобрал, но дамочку явно рассердили не на шутку: в этом сомневаться не приходилось.

– Ого! – воскликнул он и снова улыбнулся своей ангельской улыбкой. – А я-то думал, что буду ночевать в гордом одиночестве.

– Не обращайтесь внимания на этих двоих, – сказала Хильда, даже не подозревая, что вместо глаз у нее зияют окровавленные дыры. Понизив голос, она заговорщически прошептала: – Это доктор Ханикат и его... хм... не знаю, как и назвать-то ее поприличней... помощница!

– Очень интересно! – Партлоу подался вперед и одними губами произнес: – Расскажите мне про них!

– Эта парочка приехала вчера днем. Доктор Ханикат хотел было снять двухместный номер, но помощница заявила, что с нее хватит и она будет жить в отдельном...

– Хильда, – перебил жену Гровер, – мне кажется, нам не следует...

– Они собираются выступить в культурном центре «Элкс-Лодж», – как ни в чем не бывало продолжала старуха.

«Ну, пошла молоть языком! – подумал Партлоу. – Ладно, черт с ней, пускай выговорится!»

– Уже расклеили афиши по всему городу. Гровер принес мне одну, и знаете, куда я ее дела? Выбросила на помойку! Там ей самое место! Догадываетесь, о чем эти двое будут говорить?

– Нет, мэ, понятия не имею.

– Хильда! – в сердцах воскликнул муж. – Уймись! Хватит уже...

– О сексе, – шепнула старая сплетница и глянула на лестницу. Убедившись, что никто не подслушивает, она продолжала: – А уж название придумали – «Как начать жить полной жизнью?». Скажите пожалуйста: так прямо и написали на афише! Хотя, как это ни назови, суть не изменится. Ума не приложу, кто им только разрешил здесь выступать? Жаль, я не успеваю собрать приходскую группу: мы бы мигом выгнали их взащей!

– Хильда, никого выгонять взащей мы не будем, – сказал Гровер и обреченно вздохнул.

«Судя по всему, – сообразил Партлоу, – за эти сутки она уже всю плешь мужу проела».

– Мы дорожим каждым клиентом: деньги на дороге не валяются. Да и директор «Элкс-Лодж», и Юджин, я думаю, тоже не дураки, чтобы от денег отказываться.

– Что еще за Юджин?

– Наш никчемный шериф! Вернее, даже не шериф, а так только, одно лишь название! – с жаром воскликнула Хильда и вдруг разразилась гневной тирадой: – Этот прохвост стал шерифом на

грязные деньги бутлегеров! И все ему мало! Ну никак успокоиться не может!

– Хильда!!! – воскликнул Гровер, чуть не рыдая. – Умоляю тебя, хватит!

– Ладно, – отозвалась она. – Я умолкаю. Но ненадолго. И только потому, что сейчас от этих шарлатанов все равно не избавиться. – Хильда взглянула на Джона Партлоу, опустила глаза на зажим для галстука и спросила: – А вы что, проповедник?

– Ну, не совсем. Но слово Божье всегда со мной, где бы я ни был.

– А с виду – вылитый проповедник! Порядочного человека сразу видно.

– Благодарю, мэм, ваши слова очень льстят мне, – смущенно произнес Партлоу, потупил взгляд и склонил голову. – Что ж, если вы не возражаете, я пойду на поиски кафе, – сказал он, не теряя надежды остаться на ужин у Невинсов. Но оказалось, что доброжелательность Хильды ограничивалась лишь словами.

– Жареный цыпленок в «Стоунфилде» – пальчики оближешь, – повторил Гровер. – Будете заказывать ужин, скажите Олли, что вы от меня, и он обязательно сделает скидку. Вот ключи, комната номер четыре.

– Парадная дверь закрывается ровно в десять тридцать вечера, – предупредила Хильда и прибавила: – И ни минутой позже.

Поблагодарив их, Партлоу убрал ключ в карман белого пиджака и вышел на улицу, гадая, как бы выглядели лица Невинсов, если бы их пожрал рак.

И он двинулся на юг, минуя одну за другой угнетенные Великой депрессией улочки Стоунфилда.

«Хотя вряд ли этот богом забытый городишко вообще когда-либо процветал, – скептически размышлял мужчина с ангельским лицом. И тут вдруг его внимание привлекло марево раскаленного воздуха, струившегося на фоне заходящего солнца. – А там что? Кажется, не так уж все плохо! По крайней мере, тут работает какой-то завод или фабрика! – Партлоу припомнил, как по пути – прежде чем его автомобиль приказал долго жить – он видел и фермы, и пастбища, и хлопковые поля. – Стало быть, я не прав: Стоунфилд если и не процветает, то по крайней мере не бедствует. Плодородная земля может приносить доход, если знать, как правильно ее окучевать.

Похоже, что доктор Ханикат с помощницей знают свое дело! Лекция о сексе – ну надо же такое придумать. Во дают ребята! А что, это весьма любопытно!»

С наступлением темноты улицы Стоунфилда затихали. Центр городка будто вымирал, только мужская парикмахерская оставалась открытой допоздна. Тишину душного августовского вечера нарушали лишь цикады. На витрине парикмахерской в ореоле яркого света висела та самая афиша, так впечатлившая Хильду. Партлоу остановился и взглянул: «Как начать жить полной жизнью?». По центру купидон, изображенный не очень умелой рукой, пробивал стрелой сердце. Снизу имелось краткое пояснение: «Лекцию читают доктор Уильям Ханикат и его талантливая ассистентка Джинджер де ля Франс. Событие, которое не должен пропустить ни один мужчина». А еще чуть ниже – красный отпечаток до боли знакомой Партлоу компактной резиновой печати: «Мероприятие состоится в четверг, 2 августа, в 20:00, в культурном центре „Элкс-Лодж“. Вход 25 центов».

«Ха, „талантливая ассистентка Джинджер де ля Франс“, – подумал Партлоу, и легкая улыбка тронула его губы. – Упоминание помощницы могло бы обеспечить этим авантюристам полный зал похотливых фермеров, если бы не одно „но“: двадцать пять центов за вход? Черт возьми, да они рехнулись! Самонадеянные малые!»

Предаваясь этим размышлениям, Партлоу дошел до кафе «Стоунфилд». Заведение располагалось в старом красном вагончике, застывшем на рельсах посреди улочки. Он распахнул барные дверцы, миновал вывеску «Черных не обслуживаем», забрался в кабинку, уселся на сиденье из цельного куска дерева и всмотрелся в меню, накорябанное мелом на грифельной доске. Выбор горячих блюд небогатый: жареный цыпленок, куриная котлета и какая-то «фирменная запеканка от Минни». Шестеро мужчин и три женщины, в том числе и кудрявая коренастая официантка, с любопытством поглядели на нового посетителя. Впрочем, их интерес быстро угас: бродячих торговцев, хоть Партлоу и выделялся на общем фоне белым костюмом и элегантной федорой, на своем веку они повидали немало.

Партлоу снял шляпу и воспользовался предложением дня: заказал жареного цыпленка со спаржевой фасолью и листовой капустой, кусок кукурузного хлеба и стакан чая со льдом – и все это за пятьдесят центов.

– Дорогуша, – сказал он официантке, – будь добра, сделай чай послаще: сахару клади столько, сколько не жалко, и еще ложку сверху!

В ожидании ужина Партлоу поймал свое отражение в зеркале за стойкой и крепко задумался, припоминая последние дни скитаний.

Вот уже которую неделю семейство Эдсон не шло у него из головы. Он никак не мог простить себе той глупой выходки с поджогом.

«Эта блажь стоила мне целого округа! – сокрушался Партлоу. – А если вдова Эдсон пошла в полицию, то вообще пиши пропало. Чувствую, тамошние копы уже ждут не дождутся, когда я загляну к ним на огонек. Ну и к черту этот округ – ничего завидного там нет! Да вдобавок еще эта неприятная история со вдовой старика Джоны! Нет, определенно нужно открывать новые земли!»

История произошла следующая. Не успел Партлоу заявиться на ферму в округе Берлсон, где недавно почил вечным сном этот самый Джона, как перед ним возникла сморщенная старуха с дробовиком наперевес и принялась бранить коммивояжера на чем свет стоит, называя его жуликом и грешником окаянным. Из дальнейшей тирады вдовы он понял, что до него тут уже побывал какой-то удалец из Хьюстона – представитель компании «Библия Пресвятого Сердца» – и всучил ей осененное ангелом Священное Писание.

При таком бедственном стечении обстоятельств ничего не оставалось, кроме как сматывать удочки. Решая, куда лучше податься – на восток или на запад, – Партлоу подбросил монетку и оказался в Шривпорте, где остановился в отеле «Дикси гарден». Затем дела занесли мужчину с ангельским лицом в Стоунфилд, и тут-то «окленд» подложил ему свинью.

Доедая ужин, Партлоу задумчиво поглядывал на часы у зеркала.

«Выпью еще стаканчик чаю со льдом, выкурю парочку сигарет, ну а затем, пожалуй, прогуляюсь и осмотрюсь», – решил он.

Когда Партлоу спросил, где находится «Элкс-Лодж», официантка бросила на него такой многозначительный взгляд, что он чуть не выбил красавице кроличьи зубы, упирающиеся в нижнюю губу.

– Ступайте на восток. Сразу за сквером, где стоит памятник герою-конфедерату Сэмюэлю Петри Бланкеншипу, и будет «Элкс-Лодж», – пояснила официантка и с особой гордостью добавила: – Каждый раз, когда мимо проходит какой-нибудь ниггер, памятник плачет кровавыми слезами.

Упомянув Невинсов, Партлоу сэкономил десять центов. Монетку он оставил официантке в лужице пролитого чая. Затем надел шляпу, поправил галстук и встал. Пол завибрировал. Оглушительно загудел локомотив. Зазвенели стекла. Партлоу вышел на улицу, и на него сразу обрушился шквал звуков: стук колес, грохот, лязг металла и безудержный лай собак, догонявших грузовой состав, что проносился мимо кафе, поднимая клубы пыли. Именно так Стоунфилд приглашал мужчину с ангельским лицом на прогулку.

Партлоу стряхнул с лацканов белого пиджака пепел и направился на восток – разыскивать «Элкс-Лодж».

Здание культурного центра, декорированное бурым песчаником, Партлоу нашел на Четвертой улице. Едва он переступил порог, как его взор приковала светловолосая женщина, сидевшая за столиком у дверей в актовый зал.

Блондинка продавала билеты, складывая деньги в коробку из-под сигар, и между делом барабанила пальцами по белой скатерти, заваленной флаерами с рекламой предстоящего шоу. К столу уже выстроилась очередь из пяти фермеров. Молодые и старые, толстые и тонкие, высокие и низкие – все, как один, жаждали обменять свои кровные на знания из той области, в которой мечтает преуспеть каждый уважающий себя мужчина.

Одежда блондинки привела Джона Партлоу в замешательство. Простой белый халат с длинным рукавом, застегнутый под самый подбородок, казался на таком мероприятии совершенно неуместным. Хотя макияж был что надо. Блондинка походила на куклу: размалеванное лицо ничего не выражало, а губы алели, точно кровавая рана. Мужчина с ангельским лицом знал, для чего этот маскарад. В желании скрыть свою истинную личность они были, можно сказать, родственными душами. Партлоу занял очередь и стал ждать, стараясь не слушать гогочущих, как стадо гусей, фермеров. Встреча с этой холодно взиравшей на окружающих женщиной сильно нервировал бедняг. Они без умолку трещали, взрывая тишину оглушительным хохотом, и в то же время не знали, куда деваться от смущения. Партлоу понимал их: до этого дня блондинка жила в недостижимом для них мире и вдруг, нежданно-негаданно, снизошла до простых провинциалов.

Настала очередь Партлоу. Первым делом он украдкой посмотрел в коробку из-под сигар: продано около тридцати билетов.

– Ну и ну! – воскликнул он.

Заглянув в янтарные глаза ассистентки доктора Ханиката, Партлоу почувствовал приятное головокружение, как будто выпил бокальчик-другой игристого. Она же воззрилась на него с полным равнодушием. Вообще-то, если разобраться, отнюдь не писаная красавица: черты лица грубоваты, курносый нос, большой рот, а глаза как у дикой кошки.

Вдобавок женщина оказалась ненатуральной блондинкой: корни волос, забранных в хвост и заколотых по бокам черно-красными гребнями так, что лишь пара локонов свободно спадала на лицо, были гораздо темнее. Уловив аромат мускусно-терпких духов, Партлоу подумал: «Так, должно быть, пахнут лепестки обугленных роз».

Несколько мгновений оба молчали. Наконец мужчина с ангельским лицом криво усмехнулся и спросил:

– Ну что, нравлюсь?

– Не многовато ли ты на себя берешь, сладкий? – нараспев произнесла она, демонстрируя во всей красе аристократический южный акцент.

«Да-а, это тебе не местные официантки, – подумал восхищенный Партлоу, – совершенно другой уровень!»

Блондинка снова глянула на его белый костюм, рубашку с плиссированной планкой и, зацепившись взглядом за молитвенно сложенные ладошки, прищурилась и спросила:

– Ты для кого это так вырядился?

– Для тебя, – ответил Партлоу и, как ему показалось, временно склонил чашу весов на свою сторону. – Или ты предпочитаешь местных фермеров в комбинезонах и бродяг в лохмотьях?

– За четвертак ты можешь составить им компанию, – бесстрастно сказала блондинка и постучала кроваво-красным ногтем по краю коробки из-под сигар.

– Я, кстати, из Шривпорта, а тут проездом. Остановился у Невинсов.

– Рада за тебя, сладкий, но на дармовщинку не выйдет, – заявила красавица и глянула на только что вошедших фермеров, облаченных в

новехонькие комбинезоны. – В общем, так: либо сюда, либо туда, – кивнула она в сторону выхода.

Волна негодования захлестнула Джона Партлоу. Да что эта крашенная тридцатилетняя мадам, стареющая не по дням, а по часам, себе позволяет! В любой другой ситуации он просто пожал бы плечами, развернулся и вышел вон, но предприимчивый доктор Ханикат с помощницей вызывали у него профессиональный интерес. Блондинка уже любезничала с очередным деревенщиной, поэтому Партлоу бросил четвертак, взял билет и прошел в зал.

Он оказался небольшим, человек на пятьдесят. Перед сценой с бордовым занавесом стояли деревянные, как в церкви, скамьи. Шары люстр освещали зал, заливая все вокруг желтоватым светом. Над сценой была прибита отлитая из чугуна голова лося с огромными ветвистыми рогами. Единственный вентилятор едва вращался, с трудом разгоняя плотный сигаретный дым, поднимавшийся к потолку. Партлоу насчитал двадцать семь человек: все как один в галстуках-бабочках, комбинезонах и при табакерках. Если прибавить еще двух фермеров, что пришли после него, то за этот вечер доктор со своей талантливой ассистенткой заработают семь долларов и двадцать пять центов – сумма, не достойная внимания уважающего себя афериста.

«Наверняка припрятали туз в рукаве!» – подумал Партлоу, выбирая скамью, где сидело поменьше народу. Он снял шляпу, положил ее рядом и приготовился внимательно слушать и смотреть.

– Тридцать четыре, – пробубнил Партлоу себе под нос, когда в зал вошло еще пятеро зрителей.

Спустя пятнадцать минут появилась блондинка в своем белом халатике. Не глядя по сторонам, она неторопливо прошла между рядами, соблазнительно покачивая округлыми бедрами, поднялась на сцену и скрылась за дверью. В ожидании представления фермеры смолили сигареты, а также нюхали, жевали и сплевывали табак в жестяные баночки. Какой-то старик раскашлялся так, что чуть не выплюнул свои легкие, забитые, вероятно, илом Миссисипи.

Между тем занавес поднялся. В нервном предвкушении несколько человек зааплодировали. Партлоу, озираясь, посмотрел на ухмыляющиеся лица зрителей и пожелал всем собравшимся скорейшей смерти.

Блондинка встала по центру сцены. Вокруг ее ножек клубился сизый сигаретный дым. Справа от нее виднелся стол, на нем картонная коробка. Слева – маленькая грифельная доска на колесиках. А в руках у ассистентки...

«Бог ты мой, – подумал Партлоу, – да это же школьная указка! Такой училки стучат по доске, а иногда и по голове, пытаюсь втемашить нерадивым ученикам, что дважды два равно четыре!»

Только вот вызывающая поза, пряди волос, ниспадавшие на лицо, приоткрытый ротик и манера держать указку точно кнут, намекали фермерам, что они попали вовсе не на школьный урок. Внезапно девушка улыбнулась: одними губами – взгляд ее оставался холодным.

– Добрый вечер, джентльмены, – сказала блондинка, вставая на трибуну, и фермеры нестройным хором поприветствовали ее в ответ. Некоторые, судя по голосам, уже изрядно поднабрались и были не прочь пофлиртовать с красоткой. – Доктор Ханикат появится с минуты на минуту. Прошу вас, запаситесь терпением.

– Да мы и без дохтура тут вполне управимся! – выкрикнул кто-то, а остальные одобрительно загудели.

Мужчина с ангельским лицом сложил руки на коленях и подумал: «Кажется, летний вечерок обещает быть интересным!»

– Ну-ка, дорогуша, спляши для нас! – вырвалось у бородатого фермера, сидевшего впереди Партлоу.

– Ну что вы, для *незнакомцев* я не пляшу, – приторно улыбнувшись, ответила блондинка. – Но к окончанию лекции, надеюсь, мы с вами подружимся. А пока я, пожалуй, подготовлюсь к выступлению, – сказала она и, змейкой выскользнув из-за трибуны, принялась расстегивать больничный халатик. Как только из-под него мелькнуло ярко-красное платье, гогот и ехидные смешки разом стихли. Сняв халатик, женщина положила его на стол рядом с картонной коробкой.

«И как только она умудрилась влезть в это крошечное платье?» – невольно восхитился Партлоу.

Ассистентка доктора Ханиката распустила волосы, и они оказались настолько роскошными, что у Партлоу аж дух захватило: перед аудиторией стояла настоящая красотка. В одно мгновение завладев вниманием всего зала, она принялась неспешно разглаживать складочки платья, едва прикрывавшего чувственное тело. Воцарилась

тишина. Партлоу даже представить боялся, что творится в головах фермеров, жадно разглядывавших женщину на сцене.

«Интересно, доводилось ли им видеть своих жен или местных девушек в таких откровенных нарядах? – призадумался он. – Да нет, вряд ли! Столько обнаженки эта деревенщина на своем веку еще не видала! Они на крючке! Теперь ни у кого и мысли не возникнет требовать свои кровные денежки обратно, что бы там дальше ни произошло».

– А вот и доктор Ханикат! – с напускным весельем объявила блондинка.

Седобородый мужчина в сером костюме, черном галстуке-бабочке и двцветных туфлях нетвердой походкой шагал по проходу к сцене.

Партлоу с изумлением понял, что он пьян в стельку: ноги не слушались доктора, так и норовя зацепиться одна за другую. Лектор с горем пополам добрался до двери на сцену и не смог с ней справиться.

– Ну же, доктор! Откройте дверь и поднимитесь на сцену – это ведь так просто! – прорычала блондинка и елейным голоском обратилась к зрителям: – Прошу простить доктора Ханиката за медлительность: недавно он перенес серьезную операцию по переливанию виски. – Послышались смешки очарованных фермеров, и она продолжала: – Уильям, дорогуша, ты как? В порядке? Просто согни руку в локте, будто собираешься опрокинуть стакан виски, схватись за ручку и нажми. Ну давай, милый, сделай это ради меня, своей единственной и неповторимой помощницы Джинджер!

Кто-то из зрителей подскочил было помочь доктору, но тот уже справился и продолжил непростое восхождение на сцену. Забравшись, он отвесил театральный поклон. Фермеры ловили каждое движение Ханиката, наслаждаясь представлением.

«Не человек, а старая развалина – жалкие остатки некогда талантливого, явно с задатками актера, афериста. Лет сорок назад он наверняка мог бы задать жару! – присмотревшись к доктору, размышлял Партлоу. – Хотя талант не пропьешь! Вдрызг пьян, а костюм и накладная борода сидят почти идеально».

Партлоу задумался о нелегкой судьбе человека, вставшего на путь мошенничества. Стоит только аферисту перестать верить в себя и в свою мечту, как вся его жизнь летит в тартарары. И ничего не остается, кроме как топить горе в вине, пропивая сноровку и острый ум.

Партлоу решил, что дни доктора Ханиката сочтены. Сама идея лекций «Как начать жить полной жизнью?» была настолько же вымученной, насколько измученным выглядел сейчас человек, ее придумавший.

«А девица молодец! Знает, что делает. Умеет себя преподнести и привлечь внимание. Одним словом, очень ценная находка для такого типа, как Ханикат, – подумал Партлоу. – Наверное, они уже давно работают вместе. Так давно, что у нее сил больше нет смотреть на пьяную рожу напарника».

Доктор стоял перед ними на сцене, пытаясь выпрямиться во весь рост, но ноги его предательски подкашивались. Густую поседевшую шевелюру Ханиката не мешало бы расчесать, а брови подстричь. Лектор занял место на трибуне и кивнул Джинджер. Она вручила ему указку и, все так же соблазнительно покачивая бедрами, подошла к грифельной доске. Несмотря на то что язык доктора заплетался, голос его звучал уверенно и вполне мог воодушевить всю эту деревенскую братию.

– Джентльмены! Умные и храбрые мужчины замечательного городка... – Тут лектор запнулся, вспоминая, куда на этот раз его занесла нелегкая. – ...Городка Стоунфилд! – наконец продолжил он. – Умные, потому что вы сейчас здесь, передо мной. Вы хотите утолить жажду знаний, и это похвально! Храбрые, поскольку вы пришли сюда, несмотря ни на что! Кому, как не мне, знать, как порой трудно сделать первый шаг! Знания, полученные сегодня вечером, возведут вас на совершенно новый уровень! Вы вернетесь домой с гордо поднятой головой и заслужите вечную благодарность своих жен! Да что там говорить! Ваши супруги будут просто на седьмом небе от счастья! А тем, кто все еще жалеет о двадцати пяти потраченных центах, я скажу вот что: сегодня вы покинете этот зал богатыми, как короли. И помяните мое слово, после этой ночи ваши жены будут обходиться с вами по-королевски до конца жизни. А теперь давайте... – Доктор снова задумался, губы двигались, что-то беззвучно проговаривая. На мгновение в его глазах мелькнуло беспокойство, но затем он собрался и закончил мысль: – А теперь давайте поблагодарим мою замечательную помощницу мисс Джинджер де ля Франс. Я ни секунды не сомневаюсь, что все вы с удовольствием пожали бы ее маленькую изящную ручку.

Тут заплодировал даже Партлоу. Но не замечательной помощнице, а храброму доктору Ханикату. Человеку, который вышел этим вечером на сцену, несмотря ни на что. Старику, который лыка не вязал, но все равно заливался соловьем. «Видимо, он так часто произносил эту речь, – подумал Партлоу, – что слова навсегда отпечатались у него в мозгу и послушно слетают с языка, когда это требуется».

Аплодисменты стихли, и представление началось. Партлоу с неподдельным интересом наблюдал за работой доктора Ханиката и его талантливой ассистентки Джинджер де ля Франс. Доктору принадлежала теоретическая часть. Не умолкая, он пространно рассуждал о том, как важно качественно исполнять супружеский долг. Джинджер же отвечала за практику. Пока лектор переливал из пустого в порожнее, она рисовала желтым мелом на черной доске всякие похабные картинки.

Пояснения доктора к изображениям пенисов, вагин и сосков, появлявшихся из-под руки Джинджер, никто толком не слушал. Внимание фермеров было приковано к едва уловимым, дразнящим воображение движениям бедер, сопровождавшим рождение очередного рисунка. Партлоу заметил, что с каждым разом пенисы и вагины становятся все больше и больше. Красноречивое молчание аудитории лишь доказывало, что усилия блондинки достигают цели.

Это увлекательное представление продолжалось еще минут двадцать. Несколько раз речь доктора прерывалась, и порой казалось, что нужных слов он уже не найдет, но Джинджер в считанные секунды настраивала напарника на прежнюю волну. А затем, когда внимание зала было окончательно завоевано, они повели откровенно грязную игру. Доктор завел волюнку про Мексику. Пока Джинджер рисовала невероятных размеров фаллос, Ханикат рассказывал, что где-то на северо-западе Мексики, в Тихуане, у «секс-докторов» продается удивительная шпанская мушка.

Закинуть ногу на ногу к концу представления у Партлоу уже не получалось. Если бы он не знал, что шпанская мушка – приманка для дураков, то наверняка бы сейчас лихорадочно соображал, как бы поскорее ею разжиться, потому что речи доктора звучали ну очень убедительно. С его слов получалось, будто шпанская мушка – лучшее, что случалось с мужчиной до появления Евы. Партлоу ничуть не удивился, когда в коробке, которую блондинка открыла с кокетливой

улыбкой «Я точно знаю, что вам нужно», оказались бутылочки «Тихуанского нектара счастья». Стоили они ни много ни мало доллар за штуку.

Партлоу устроился поудобнее и стал наблюдать, как фермеры, зажав в шершавых кулаках свои кровные доллары, вереницей потянулись к сцене.

«Этот чудодейственный тихуанский нектар не что иное, как кола со щепоткой кокса, – размышлял Партлоу. – И манит фермеров совсем не шпанская мушка, а блондинка. Их манят полыхающие страстью глаза и сводящий с ума аромат. Их манит плоть».

Потратить целый доллар решились не все, но большинство зрителей все-таки раскошелились. Партлоу прикинул: Ханикат и Джинджер выручили еще баксов тридцать, что в целом было уже неплохим уловом.

«А теперь самая сложная часть представления: собрать манатки и улизнуть с деньжатами!» – подумал мужчина с ангельским лицом.

Джинджер поработала на славу: за ней по пятам, булькая «Тихуанским нектаром счастья», ходила целая толпа фермеров. Они наивно полагали, что уж теперь-то – после покупки заветной бутылочки – закрутить интрижку с этой красоткой будет раз плюнуть. Парни в комбинезонах, нафантазив всякой похабщины, ухмылялись, как недоразвитые подростки, и не желали уходить со сцены. Самые дерзкие даже окликали ассистентку доктора по имени. Между тем аферисты времени даром не теряли: Джинджер перевязывала коробку с бутылочками чудесного зелья, а Ханикат, без конца сбиваясь, подсчитывал выручку.

«Сейчас или никогда!» – подумал Партлоу, подошел к сцене и громко сказал:

– Джинджер, дорогая, давай-ка я тебе подсоблю! Негоже законному мужу просто сидеть в сторонке и смотреть, как его благоверная хлопочет, аж из сил выбивается.

Стрельнув глазами в его сторону, блондинка оценила обстановку и тут же откликнулась:

– Конечно, подсоби, милый! Отнеси-ка вот эту коробку в машину. Но только смотри, чтобы все было тип-топ.

Партлоу кивнул ей, отметив про себя, что тип-топ – просто отличное выраженье.

– Будет сделано, мэ-эм, – отрапортовал он и забрал у Джинджер коробку.

Толпа начала редеть. Фермерам хватило ума понять, что волшебное снадобье им не поможет. Их простая мужественная внешность не выдерживала никакой конкуренции с утонченным образом облаченного в белоснежный костюм джентльмена, лицом походившего на ангела-хранителя... в роли которого Партлоу сейчас, собственно, и выступал.

– Машина у черного входа, – сообщила Джинджер Партлоу, помогая доктору, опиравшемуся на ее руку, спуститься со сцены.

Ханикат глянул на незнакомца покрасневшими глазами и просипел:

– А это еще кто такой?

– Кстати, познакомься, это мой новый муж. Смотри, какой красавчик! И имечко у него подходящее – Пэрли^[1], – сказала блондинка. – Ты разве не знал, что я вышла замуж тогда в Ноксвилле?

– Да ну?.. – изумленно попятился доктор. – Seriously?

– Нет, конечно, я тебя разыгрываю: он просто мой поклонник. А теперь давай-ка, дорогуша, повнимательнее: смотри под ноги.

Они прошли мимо негра-уборщика и оказались на улице. В непроглядной тьме светило всего несколько фонарей да по-прежнему струилось марево раскаленного воздуха на горизонте. Партлоу, крепко сжимая доверенную ему коробку с тихуанским нектаром, следовал за Джинджер и Ханикатом. Преодолев задворки «Элкс-Лоджа», они выбрались на маленькую грязную стоянку к голубому «паккарду». Седан выглядел вполне себе ничего. Партлоу решил, что, хотя на поверхности машины виднелись кое-какие затертости и вмятинки, в целом автомобиль мог дать сто очков его развалюхе «окленду».

– Так ты, говоришь, у Невинсов остановился? – спросила Джинджер.

– Ага.

– Ключи, дорогуша, – обратилась ассистентка к доктору.

– Я сам сяду за руль, – ответил Ханикат и вызывающе выпятил двойной подбородок. – Чувствую себя просто прекрасно, а потому...

– Я сказала: давай ключи. Ну, живо: ключи от машины и от гостиничного номера! – скомандовала Джинджер, держа раскрытую ладонь под носом у напарника. Она помолчала и прибавила: – Или ты уже запомнил про Литл-Рок?

Ханикат было запротестовал, но затем все-таки выудил из кармана ключи и вложил их в руку ассистентки. Она открыла багажник, бросила туда смятый халат, достала черную сумочку и показала Партлоу, куда грузить снадобья, что он тут же и сделал. В багажнике лежали картонная коробка, коричневое одеяло и канистра бензина. Захлопнув крышку, Джинджер задела Партлоу бедром, и тот дернулся, будто от удара током.

– Забирайся назад! – приказала она ему.

Доктор изумленно глянул на Партлоу и снова спросил:

– А это еще кто такой?

Когда все расселись по местам, Ханикат запустил руку под сиденье, достал серебристую фляжку, отвинтил крышку – в нос ударил аромат дешевого виски – и жадно припал губами к горлышку.

– Я был на вашем шоу, Док, – сказал Партлоу. – Чисто сработано.

– Хм-м, – промычал тот, не отрываясь от фляжки.

– Чем ты торгуешь? – поинтересовалась Джинджер и завела «паккард».

– Собой, – ответил Партлоу. – И еще Библиями.

– Погонщик мертвецов? Охотник за катафалками?

Мужчина с ангельским лицом ненадолго задумался и кивнул:

– Ну да, можно, наверное, и так сказать.

– Все с тобой ясно! – Она хрипло хохотнула.

Впереди замаячила гостиница Невинсов, но Джинджер даже и не подумала сбросить скорость.

– Эй! – воскликнул Партлоу. – Мы же только что...

– Не дергайся, Пэрли, мы немножко прокатимся.

У Партлоу упало сердце, но виду он не подал. Отлепив присохший к небу язык, он произнес:

– Слушай, Джинджер... У меня ничего нет. Вы только время зря потеряете...

– Ты слишком много болтаешь, – заметила блондинка, вырвала фляжку у доктора и сунула ее Партлоу. – Выпей и расслабься, Пэрли. Никто и не думал тебя грабить.

– Да что еще за Пэрли, к чертям собачьим? – нахмурился доктор Ханикат, пытаясь нашарить руками в воздухе исчезнувшую фляжку. – Кто такой, мать вашу, этот Пэрли?

– Тот, кто убьет тебя, дорогуша, – направляя «паккард» во тьму луизианской ночи, ответила Джинджер де ля Франс и снова хохотнула.

Глава 3

От неожиданности доктор закашлялся, а затем расхохотался. А вот сидевшему на заднем сиденье мужчине, который называл себя Джоном Партлоу, было совсем не до смеха. Сердце его сжималось от страха, потому что Джинджер не шутила.

«Паккард» промчался мимо гаража Генри Булларда, где тосковал приболевший «окленд» Партлоу, и покинул Стоунфилд, помчавшись по извилистой проселочной дороге на запад. Кругом царила кромешная тьма: светились только звезды на ночном небосклоне да оконца изредка попадавшихся фермерских домов.

– Притормози здесь. Я вернусь в Стоунфилд пешком, – сказал Партлоу, которому совсем не улыбалось напечатать на очередной Библии дарственную надпись «Дорогой Джинджер на память от любящего доктора Ханиката».

– Еще чего не хватало, – заартачилась блондинка. – Да где это видано, чтобы жены бросали таких фасонистых муженьков на произвол судьбы? Не говори ерунды, Пэрли.

– Что за игру ты затеяла?

– Просто захотела покататься, только и всего.

– Где моя выпивка? – спросил доктор и полез под сиденье. – Эй! Где, черт возьми, моя выпивка?

Партлоу постучал спутника фляжкой по плечу. Тот не сразу сообразил, что к чему. А затем, ухватившись дрожащими пальцами за фляжку, жадно отхлебнул.

«Похоже, Ханикат годится теперь только на то, чтобы стоять на сцене и декламировать, как попугай, заученную лекцию про секс, – подумал Партлоу. – И причиной всему выпивка, или возраст, или тяжелая жизнь... а может, и все сразу».

– Стелла? – спросил Ханикат, в очередной раз хорошенько приложившись к виски, и отер губы тыльной стороной кисти. – Где это мы?

– Какая я тебе Стелла? Я Джинджер.

– Кто?

– Вот видишь, Пэрли, с кем мне приходится работать? Днем я обхаживаю его, буквально кормлю с ложечки, а вечером даю бутылку –

без нее он, видите ли, уснуть не может, – а с утра все повторяется. Говоришь, тебя впечатлило наше шоу? Эх, видел бы ты Дока раньше. Когда-то он и впрямь был хорош. А сейчас так поистрепался, что без слез и не взглянешь.

– Ясно. Ну так что, может, ты уже меня выпустишь? – спросил не терявший надежды Партлоу.

– Вряд ли, торгуя Библиями, ты получаешь большой навар, – словно и не заметив его вопроса, продолжала Джинджер, преодолевая длинный поворот дороги, бежавшей лесом. – На жизнь-то хватает?

– Хватает. Хотя работенка, чего уж греха таить, непростая, а порой даже опасная. Чуть что – и все сразу летит к чертям. Слушай, Джинджер, что бы ты там ни задумала, я пас. Зачем я тебе сдался?

– Просто нам обоим нравится твоя компания. Правда ведь, дорогуша?

– Чё-ё? – воскликнул доктор. – Какая еще, к черту, компания?!

– А я что говорила? – сказала женщина Партлоу так, будто Док согласился. – Когда мы ехали в город, я заприметила тут одну дорогу, она должна быть где-то здесь.

– Мне надо отлить, – объявил Ханикат. – Да что за фигня: столько времени едем и до сих пор не приехали в эту гребаную гостиницу?! Долго еще?

– Уже совсем скоро, – заверила его Джинджер. – Потерпи, дорогуша. Мы уже почти на месте.

У Партлоу упало сердце. Финальная часть представления ему совершенно не нравилась: беспомощность пугала и будила в душе ноющий страх.

– Ага, а вот и она, та самая дорога, – удовлетворенно произнесла Джинджер, сбавила скорость и свернула на грунтовку, вдоль которой плотной стеной высились черные деревья. Затем «паккард» взревел и снова помчался вперед, оставляя клубы пыли. – Надо же посмотреть, куда она ведет, – весело прибавила ассистентка доктора.

– Так гнать по грунтовке рискованно. Колесо пробьешь, – заметил Партлоу и сам устыдился предательски дрогнувшего голоса. – К чему рисковать?

– О, я обожаю рисковать! Риск – дело благородное! Правда ведь, дорогуша? – спросила Джинджер у Ханиката.

Доктор, не отрываясь от фляжки, хрюкнул в знак согласия.

Через несколько минут фары автомобиля выхватили из темноты развалины фермерского дома: крыша давно провалилась, а стены заросли бурьяном и осокой. Джинджер снова сбросила скорость. За окном проплыл разрушенный амбар, и по краям дороги опять вырос лес, все ближе подбираясь к «паккарду».

Когда грунтовка закончилась, молодая женщина затормозила и выключила зажигание. В салоне машины повисла тишина, только щелкал остывающий двигатель.

– Кажется, – сказала Джинджер, – дальше уже ехать некуда.

– Выпусти меня, – попросил Партлоу. – До дома я сам доберусь.

– Дорогуша, допивай виски! – скомандовала помощница доктору. – И пойдем прогуляемся.

Док опустил фляжку и озадаченно спросил:

– Почему мы не дома?

– У нас нет дома, – ответила блондинка. – Ты вроде отлить собирался? Делай свои дела, и поехали обратно.

– Слушай, – начал было Партлоу, но вдруг понял, что сказать ему нечего. – *Слушай...*

– Выбирайся, дорогуша! – скомандовала напарнику Джинджер. – Джунгли зовут!

– Да я ни черта не вижу! – завопил вдруг Ханикат. – Куда ты нас завезла?

– Господи помилуй, – воскликнула она, – ну прямо как дитя малое! Ладно, я помогу. Но даже не надейся, что я буду держать тебе пенис, пока ты мочишься!

Оставив фары включенными, Джинджер вытащила ключи из зажигания, подхватила черную сумочку и выбралась из машины. Положив сумочку на крышу «паккарда», она обошла автомобиль, помогла доктору открыть дверцу и обратилась к Партлоу:

– Давай уже покончим с этим поскорее! Пэрли, мне одной не справиться, я рассчитываю на твою помощь!

– Нет уж, дудки, – отозвался Партлоу, наклонил спинку пассажирского сиденья и вылез из автомобиля. С замиранием сердца он оглянулся на дорогу: темно, хоть глаз выколи. Стрекот ночных насекомых сводил его с ума.

– Дорогуша, пошевеливайся, – подгоняла доктора Джинджер. Ханикат оперся на помощницу, и они двинулись к лесу. Партлоу

заметил, как левая рука женщины скользнула в сумочку: через мгновение грозно блеснул маленький револьвер. – Ну же, Уилли, дорогуша, я не хочу торчать тут до утра. Выбирай скорее место: все кусты твои!

– Да я могу прямо здесь, – произнес доктор заплетающимся языком и схватился было за ширинку, но Джинджер потянула его, увлекая в чашу справа от дороги.

– Какого... – сказал Партлоу и осекся. – Какого хера ты творишь? – В голову пришла совершенно невероятная мысль: эта парочка пытается одурачить его.

«По-хорошему, надо бы сейчас бежать без оглядки до трассы и ловить первую попавшуюся попутку, – лихорадочно соображал Партлоу. – Вот только у этой шальной бабенки не заржавеет шмальнуть мне в спину».

– Стелла, не надо меня держать, – заявил доктор и чуть не упал. Он успел схватиться за ствол дерева и тут же вскрикнул: – Черт! Я поцарапался! Ни зги не видно!

– Доставай уже свое хозяйство: помочиться сможешь и так, а об остальном мы с Пэрли позаботимся, – сказала Джинджер и отступила на шаг назад.

– Ноги моей не будет больше в Джорджии! – расстегнув ширинку, воскликнул доктор Ханикат, а затем, изумленно оглядевшись, поднял голову к звездному небу и спросил: – Пойдите-ка... А где это мы?

Партлоу, заметив мелькнувшее в свете фар лицо Ханиката, подумал, что в молодости тот был красавцем: в профиль доктор походил на актера Лайонела Бэрримора.

Прогремел выстрел. Насекомые смолкли, а Партлоу чуть не обмочился от ужаса. Док, вскрикнув, схватился за бок и упал в кусты. Несмотря на душераздирающие вопли, Партлоу по-прежнему мерещилась западня, но он никак не мог взять в толк, что за игру вела эта парочка.

Оказавшийся в кустах Ханикат тем временем тщетно пытался уползти в лес. С дымящимся револьвером в руке Джинджер подошла к «паккарду», открыла багажник, нашла фонарик, включила его, направила луч в лицо Партлоу и велела:

– Иди сюда!

– Я в этом не участвую, – ответил Партлоу дрожащим голосом.

– Да ну? – прищурилась женщина. – А я-то уж подумывала отдать тебе ключи от «паккарда»... Что ж, если ты не в деле, тогда нам и обсуждать нечего.

– «Паккард»? На кой он мне?

– А почему бы и нет? Отличный, почти новый автомобиль, все документы в бардачке... – Джинджер обернулась на вопль Ханиката, а через мгновение уже снова пристально смотрела на Партлоу. – Пэрли, ты же умный мужик, найдешь способ перебить документы. Как, кстати, твое настоящее имя?

– Джон Партлоу.

– Ну, это ты кому-нибудь другому будешь рассказывать. И все-таки?

– Джон Партнэр.

– Ха, – тихо усмехнулась Джинджер. – Это звучит еще менее правдоподобно, чем Партлоу.

– Джон Парр.

Некоторое время собеседница внимательно изучала его и наконец сказала:

– Похоже, имен у тебя даже больше, чем у меня. Как тебе, кстати, имя Пэрли? Пойдет? А какую фамилию ты укажешь в документах на «паккард», мне фиолетово. Так, держи фонарик выше: подрежем у Дока лопатник, пока все к чертям кровью не залило.

– Слушай, ты никак совсем с катушек слетела? Какого черта ты наделала? Ты ведь только что застрелила человека! Он же сейчас сохнет прямо на наших глазах!

– Ай, какая плохая Джинджер – застрелила человека!

– Посмотрим, как ты запоешь на электрическом стуле! Садистка несчастная!

Джинджер невозмутимо уперла ствол револьвера себе в подбородок.

– Слушай, Пэрли, вот тебе информация к размышлению: я два года кряду моталась по всей стране с этим докторишкой. Пришла на замену его предыдущей помощнице, Стелле. Так вот, она всячески отговаривала меня ввязываться в эту авантюру, потому что Ханикат уже тогда дышал через раз. Конечно же, я не послушалась. Отправившись с ним на гастроли, я никак не ожидала, что буду нянчиться с этим шестидесятивосьмилетним стариканом, словно с

грудным младенцем. С выступлениями Ханикат еще худо-бедно справлялся, но в остальном он был просто невыносим. Да на его гребаном чердаке оказалось столько летучих мышей, что сам граф Дракула наложил бы в штаны! А теперь скажи-ка мне, Пэрли. Ты, если я в тебе не ошиблась, аферист со стажем. Как бы ты предпочел закончить свою жизнь? Хотел бы на старости лет гнить в доме престарелых и пускать пузыри в тарелку супа? Или ссаться в кровать? Не понимать, где ты и кто ты, пока тебе любезно не подскажут? Целые дни напролет давить идиотскую улыбку и наблюдать, как ползут стрелки часов, не догадываясь, какое нынче число и какой день недели? Или все-таки ты желал бы прожить жизнь быстро и ярко, как... – Тут Джинджер на мгновение задумалась. – Как Бонни и Клайд? Так накоптить в этом гребаном мире, чтобы потом еще долго помнили, кто такой Пэрли!

Она навела револьвер на Ханиката, корчившегося от боли в кустах, и сказала:

– У Дока нет семьи. Взрослая замужняя дочка в Калифорнии не считается. Она даже не вспоминает о папаше. Если бы у Дока все было в порядке с кукушкой, то первое, чего он пожелал бы, – это свести счеты со своей никчемной жизнью. Что там в таких случаях говорят священники? Ты же продаешь Библии, носишь этот дурацкий зажим для галстука – кому, как не тебе, знать, что люди мечтают о счастливой жизни после смерти! О существовании гораздо лучше, нежели чем... – Джинджер замолчала, обвела взглядом лес, откуда доносились сдавленные рыдания доктора, и, презрительно усмехнувшись, закончила: – Чем все это!

– Ну да, – согласился Пэрли, усмехнувшись в ответ. – Ты еще копам расскажи про убийство из милосердия. Они тут же падут ниц и возведут тебя в ранг святых.

Невероятно, но Джинджер улыбнулась, и глаза ее просияли.

– Копы ни черта не смыслят в жизни, – парировала она.

Пэрли весь взмок: ночь была теплая, и пот ручейками струился по спине и крупными каплями наворачивался на лбу. Снова загудели и застрекотали насекомые. Они будто спрашивали: «Что-же-делать-делать-делать?»

– Посвети мне, – велела Джинджер и сунула фонарик ему в руку.

«Когда это я решил помогать ей? – размышлял Пэрли. – Может, после того пристального взгляда янтарных глаз?»

Эта женщина видела его насквозь. Видела в нем младенца, оставленного в корзинке из-под персиков на пороге церкви за пару часов до воскресной службы. Видела в нем мальчика с ангельским лицом, втянутого в водоворот бесконечно сменяющихся – одна хуже другой – приемных семей. Каким-то образом Джинджер знала и про бурю страстей, поднявшуюся вокруг него: как все пользовались сиротой для достижения своих корыстных целей. Знала она и какая волна разочарования захлестнула подростка, когда оказалось, что на всем белом свете до него нет дела даже могущественным ангелам и помощи в трудную минуту ждать неоткуда. Знала Джинджер и то, что юноше, превратившемуся в мужчину с множеством имен, никто и никогда не доверял: «Мама, не давай денег этому человеку». Она знала все это и понимала, почему он менял имена как перчатки. И конечно же, была в курсе, к чему привел этот маскарад длиною в жизнь: за душой у бедняги не осталось ничего, кроме тлеющих воспоминаний из детства. Перед Джинджер стоял мужчина, пытавшийся любой ценой выжить в этом суровом мире.

Прислушавшись к внутреннему голосу, Пэрли последовал за Джинджер. Сколько он себя помнил, этот голос, по всей видимости принадлежавший инстинкту самосохранения, всегда был с ним. Следуя его советам, мальчик, которого тогда звали просто Сонни, однажды украл блок дешевых сигарет, поштучно распродал их сверстникам за двойную цену и, прихватив вырученные деньги, сбежал из дома. Жизнь Сонни в Уэйкроссе, что в штате Джорджия, походила на ночной кошмар. Непрестанно кашлявшие старик и старуха рядили его в калеку, выдавали костыли и водили от одной сельской церкви к другой – собирать подаяния для несуществующего приюта «Дом бедных сироток». А по вечерам они приходили к его кровати: безумная сморщенная старуха, бешено вращавшая глазом и шамкавшая беззубым ртом, и белобородый старик, сипевший ему на ухо испитым голосом. Выдыхая пары виски, старик угрожал Сонни, что если тот не будет как следует разыгрывать инвалида, то его взгреют и в самом деле переломают ноги и руки. Мальчик чувствовал, что хозяин не шутит: рано или поздно и впрямь его изувечит. И вот однажды ночью, повинуясь внутреннему голосу, Сонни взял утюг,

размозжил спящему старику голову, а закричавшей старухе, сперва кинув в глаза пригоршню соли, проломил лоб. Умерли они или нет, Сонни не проверял. Живые или мертвые – на них у него совсем не было времени...

– Шестьдесят два доллара плюс мелочь: два четвертака, три монеты по десять центов, три – по пять и еще шестнадцать по одному. Недурно, – заключила Джинджер, подсчитав содержимое карманов Ханиката.

Доктор, барахтаясь в грязи, все пытался уползти, но тщетно.

– Я хочу половину. И еще «паккард». – Мужчина с ангельским лицом услышал голос своей новой личности по имени Пэрли.

– Да ну? Хочет он, подумать только! Вообще-то, Док задолжал мне за четыре шоу сорок баксов.

– Мне плевать. Половина денег и «паккард» в придачу.

Наклонив голову набок, Джинджер с интересом взглянула на Пэрли и облизнула нижнюю губу, словно пробуя слова на вкус:

– А ты не забыл, что револьвер у меня?

– Акт милосердия к ближнему – поступок очень серьезный. Поступок, достойный святых апостолов Господа Бога нашего Иисуса Христа. Поэтому раздели с голодным хлеб свой и скитающихся бедных введи в дом – и так далее, и тому подобное. Короче, пятьдесят на пятьдесят.

Сверкнув зубами в свете фонарика, Джинджер улыбнулась:

– Что ж, тогда заработай свою половину! – И протянула ему револьвер рукояткой вперед.

Пэрли с сомнением посмотрел на револьвер.

– Миссис Невинс предупредила, что дверь закрывается ровно в десять тридцать, – сказала Джинджер. – Так что у нас нет времени канителиться, Пэрли, нужно делать все быстро. Мы же не хотим посреди ночи поднять на уши хозяев гостиницы? Кстати, вдвоем заявиться мы не можем: слишком подозрительно.

– Да ты точно спятила, если и в самом деле думаешь, что я буду в кого-то стрелять.

– Но не оставлять же его в живых! Пэрли, ты и сам все прекрасно понимаешь: это невозможно.

– Черт возьми, почему ты сразу не выстрелила в голову? А вдруг бы у него открылось второе дыхание, и что тогда? Ищи-свищи его

потом по лесу!

– Звучит невероятно, но я бы не удивилась, – ответила Джинджер. – А в голову я не выстрелила, потому что еще по дороге сюда сказала: убивать будешь ты. И ты убьешь Дока, Пэрли. Прямо сейчас. Затем мы поделим деньги и вернемся в гостиницу. Она закрывается в десять тридцать, не забыл?

– Зачем вообще возвращаться в отель?

– Нам надо, чтобы Невинсы думали, будто Ханикат напился до беспамьяства и блюет дальше, чем видит. Наверняка перспектива убирать всю ночь блевотину вряд ли придется им по душе. Я уверена: наши добрые хозяева очень обрадуются, когда узнают, что ночевать пьяный постоялец будет на заднем сиденье «паккарда» – это послужит нашим алиби. Не пойдут же они проверять, в конце концов! – воскликнула Джинджер и глянула на доктора. – Рано или поздно тело все равно найдут, но чем позже это случится, тем лучше. Теперь понимаешь?

Пэрли примолк: он понимал, что стоит на краю обрыва... С другой стороны, ему нравились приятная тяжесть револьвера, чувство превосходства над ползающим перед ним человеком и аромат обугленных роз, исходивший от соблазнительной женщины рядом.

– Погоди-ка минутку, я достану кое-что из багажника, – сказала Джинджер и убежала.

Вскоре она вернулась: в одной руке – одеяло, а в другой – канистра с бензином. Канистру она поставила на землю, а одеяло накинула Ханикату на голову, пояснив подельнику:

– Это чтобы не запачкать твой белый костюм.

– Откуда такие познания?

– Читайте криминальные романы. Ну все, стреляй! Пора выпустить летучих мышей с его чердака! Убивай одним выстрелом, а то тут кругом фермеры шастают.

– Это просто... просто безумие какое-то.

– Так надо, Пэрли. Вспомни: «паккард» и половина денег. Да мы еще одолжение Доку делаем, точно тебе говорю. Задержался он на этом свете. В любом случае его песенка спета.

– Безумие, – повторил Пэрли и в очередной раз подумал, что все это – старый добрый шантаж.

«Сначала заставят совершить преступление, а затем будут мною манипулировать. Патроны – холостые, кровь – краска из раздавленного пузырька. А после Джинджер и чудесным образом воскресший Ханикат встретятся и животы от смеха надорвут, вспоминая дурадея по имени Джон Партлоу, вынужденного отныне и вовеки веков расплачиваться за...»

Пэрли выстрелил в накрытую одеялом голову.

Из дыры заструился дымок. Ноги Ханиката несколько раз дернулись, будто он побежал в объятия смерти. Затем все замерло и смолкло. В воздухе висел резкий запах пороха. На несколько мгновений воцарилась мертвая тишина, а потом снова загудели и застрекотали ночные насекомые.

Джинджер забрала у Пэрли фонарик, а он между тем наклонился и приподнял одеяло.

– Ему конец, – выглянув из-за плеча подельника, констатировала Джинджер и облегченно выдохнула.

Луч холодного света от фонарика выхватил из темноты зияющую чернотой окровавленную дыру в затылке Ханиката. Сердце у Пэрли выпрыгивало из груди, желудок нещадно крутило; только походив по поляне туда-сюда, он почувствовал себя немного лучше.

– Эй, мы еще не закончили, – сказала Джинджер. – Пиджак и шляпу лучше снять: кинь их в «паккард». Надо раздеть Ханиката.

– Что сделать?

– Снять одежду, кинуть в багажник и выбросить в паре-тройке километров отсюда. Только смотри, аккуратней: машину не заляпай, да и сам не перемажься в крови. Затем мы... зажигалка есть? Если что, спички в бардачке.

– Зажигалка-то у меня есть, только вот на кой ляд она тебе?

– Обольем одеяло бензином, накинем ему на лицо и подожжем.

– Подождем? А это еще зачем?

Где-то далеко, за лесом, залаяла собака. Джинджер направила фонарик вверх, чтобы они могли лучше видеть друг друга.

– Мы должны сжечь его, – пояснила женщина так спокойно, будто речь шла о кучке мусора. – Ты же и сам все прекрасно понимаешь, – продолжала она, – мы спалим ему лицо, чтобы копы не опознали.

Мужчина с ангельским лицом смотрел на труп Ханиката и думал о щенятах, сгоревших на пледе, пропитанном бензином, и о том, что он

уже давно не беспомощный ребенок на костылях.

– Ладно, – согласился Пэрли. – А так вроде неплохо вышло у нас, да? Как только ты вообще мне доверилась? Ведь я мог и не поехать. А вдруг бы я сдрейфил?

– Но не сдрейфил же. Я вижу людей насквозь. Знаю, чего они хотят и кто на что способен. Словом, знаю людям цену. Ты оказался именно тем, кого я искала, причем подвернулся мне в нужном месте и в нужное время: ну просто подарок судьбы.

Усмехнувшись, Пэрли даже хрюкнул от такой наглой лести:

– Да уж, свезло так свезло!

– Давай снимай пиджак и шляпу, чтобы не измазаться в крови. – Джинджер мотнула головой в сторону «паккарда». – Сейчас Дока разденем, а затем сожжем. С огнем будь осторожен. Лес очень сухой: и глазом моргнуть не успеешь, как запылывает.

– Хорошо, – кивнул Пэрли, но с места не двинулся.

Он по-прежнему смотрел на труп Ханиката. Револьвер лежал в ладони как влитой и казался продолжением руки, хотя оружия Пэрли не держал давно, а стрелять в человека ему и вовсе не приходилось. Теперь он понимал, почему Бонни и Клайд не расставались с револьверами и дробовиками: они попросту наслаждались этим невероятным чувством превосходства над остальными. С оружием в руках Бонни и Клайд решали, кому жить, а кому умереть: они играли в богов.

– Часики тикают, – заметила Джинджер. – Нам надо поторапливаться.

«Нам?» – подумал удивленный Пэрли.

А Джинджер все повторяла: «мы», «нам», «нас». Никогда прежде Пэрли не был членом команды: он жил один, ел один, спал один и... работал всегда тоже один.

Пока не повстречал ее.

«Нам».

Пэрли вздрогнул, но причиной тому были не труп под ногами и не возникшая в воображении картинка, как дикие животные, привлеченные запахом мяса, глодают кости доктора Ханиката. Пэрли вздрогнул, ибо в нем что-то изменилось. Что именно, он пока и сам не понимал, но определенно испытывал совершенно новые ощущения. Так вздрагивают змеи, сбрасывая старую кожу. И Пэрли в то

мгновение будто и в самом деле сбросил старую кожу и начал новое существование.

– Ну же, давай, – поторопила его Джинджер, но прозвучало это по-особенному – ласково. – И рукава засучи, чтобы не угваздаться.

– Хорошо, – ответил Пэрли.

Сжимая револьвер, он подошел к своему новому «паккарду». На душе странная легкость, а в мыслях – исключительная сосредоточенность. Пэрли осознал, что скоро – очень скоро, а может, даже прямо с этой самой минуты – его жизнь выйдет на совершенно иной уровень.

Глава 4

Пэрли лежал в постели, вглядываясь в растрескавшийся потолок, и дымил сигаретой. На прикроватном столике тускло светила лампа. Мужчина с ангельским лицом любил темноту, но сегодня она пугала его. Стрелки часов уже перевалили за полночь. Заснуть не получалось. Грохот выстрела, после которого череп доктора треснул, точно этот потолок, до сих пор эхом отдавался в голове.

«Для такой с виду страстной особы Джинджер – если это, конечно же, ее настоящее имя – невероятно хладнокровна, – размышлял Пэрли. Никогда прежде он не встречал женщины, способной полностью контролировать эмоции. – А как ловко она убедила меня, будто убийство – акт милосердия! Господи, я застрелил человека ради незнакомки, с которой общался едва ли тридцать минут!»

Он вспомнил разговор, который состоялся у них после убийства Ханиката.

– Если копы найдут труп и опознают доктора, – заметил Пэрли, деловито управляя своим новеньким «паккардом», – то тебя объявят в розыск. Твое имя указано на всех афишах.

– На афишах значится Джинджер де ля Франс, – отозвалась она. – Копы не будут разыскивать Лану Кей Райли.

– Так тебя зовут на самом деле?

– Нет. Но отныне будут звать так.

– А как твое настоящее имя?

У Джинджер вырвался не то смешок, не то хрип. Опустив боковое стекло, она выставила остренький локоток и будто бы подпихнула мир под ребра.

– Какая разница, Пэрли? Имена придумали, чтобы управлять людьми. И тут мы с тобой похожи.

– В смысле?

– Мы оба живем под вымышленными именами. Мы оба не желаем мириться с заведенным порядком, – ответила Джинджер.

Пэрли по достоинству оценил это наблюдение: ничего лучше он в жизни не слышал. Выждав, пока подельник усвоит крупицу ее мудрости, Джинджер сказала:

– Доедем до Невинсов – машину ставь на лужайке за гостиницей. Сначала зайдешь ты, а потом, минут через десять, появлюсь и я.

– Рискованно.

– Не дрейфь, сработает! Утром подкинешь меня до Шривпорта, высадишь на углу Тэксас и Эдвардс-стрит – на том и распрощаемся.

– И все? Вот так просто? – обдумав ее слова, усмехнулся Пэрли.

– Ага, проще некуда! – беззаботно отозвалась Джинджер, будто и не было никакого убийства.

И вот сейчас Пэрли лежал с тлеющей между пальцами сигаретой и сквозь сизый дым разглядывал канареечно-желтую наклейку «Не курить» на двери. Ключи от «паккарда» и бумажник с кругленькой суммой на комодке грели душу, однако никакой беззаботности, в отличие от Джинджер, он не чувствовал. Хотя, казалось бы, что еще нужно для счастья?

Невинсам он скажет, что доктор с ассистенткой подбросят его до Шривпорта. По пути в Шривпорт он заберет из «окленда» коробку с Библиями и сообщит Генри Булларду, что вернется за машиной через пару дней. Затем попросит Джинджер освободить водительское место в «паккарде», сам сядет за руль и довезет ее до Шривпорта.

«Действительно, проще некуда! – восхитился мужчина с ангельским лицом и тут же призадумался: – А не слишком ли все просто? – Он стряхнул пепел в стакан на прикроватном столике. – Миссис Невинс сочтет меня грешником, достойным геенны огненной, если узнает про сигареты. Но какая, к черту, разница? Все равно завтра я дам деру. Старуха только обрадуется! А уж когда узнает, что и доктор с помощницей пакуют чемоданы, так вообще будет на седьмом небе от счастья».

– Пэрли, – попробовал он на слух свое новое имя. – А что, звучит неплохо!

«Пэрли так Пэрли! – размышлял он. – А в Стоунфилд я больше ни ногой. „Окленд“ заложу Булларду баксов за пятьдесят: это максимум, что можно выручить за такую развалюху... Черт! Сна ни в одном глазу! Вот же напасть!.. И все-таки это не убийство... – оправдывал он себя. – Все равно что пристрелить загнанную лошадь. Джинджер права: жизнь доктора угасла задолго до того, как его мозги окончательно превратились в кисель. Любой аферист в первую очередь полагается на смекалку и ловкость рук. Но если у мошенника изо всех

щелей сыплется песок, то ради чего ему жить? Какой смысл? Нет, умирать в неизвестности никуда не годится! Надеюсь, когда я потеряю хватку, отыщется добрый самаритянин и вышибет мне мозги!»

Тот подлый выстрел Джинджер тревожил Пэрли: она могла ударить Ханиката револьвером по затылку, но нарочно выстрелила ему в бок и на корню пресекла споры о судьбе доктора.

Выбросив тело Ханиката, Джинджер велела своему подельнику ехать помедленнее. Вскоре они присмотрели проселочную дорогу, свернули на нее и оказались в глуши, куда едва ли ступала нога человека. Недолго думая, сообщники кинули вещи доктора под куст, аккуратно облили их бензином и подожгли. Разгоревшееся пламя Джинджер велела затоптать, что Пэрли послушно и сделал. Затем они вернулись в Стоунфилд и действовали, как условились.

Перекресток Тэксас и Эдвардс-стрит в Шривпорте, куда Пэрли завтра отвезет Джинджер, находился в паре кварталов от отеля «Дикси гарден» на Коттон-стрит.

«А что, если она останавливалась в том же отеле? – вдруг подумал Пэрли. – Не исключено! И как только мы не столкнулись нос к носу? С другой стороны, я в Шривпорте недавно, а Джинджер – мастер маскировки. В парике и фермерском платье я бы ее ни за что не признал!»

Где-то за окном одиноко ухнула сова, и звук этот взволновал душу Пэрли. Мужчина с ангельским лицом всегда чувствовал некую связь с ночными хищниками: он тоже был порождением ночи. Пэрли прекрасно понимал, что жить во тьме означало обрекать себя на жалкое существование, но выбирать не приходилось.

В дверь негромко постучали: тук-тук, тук-тук.

А затем послышался шепот:

– Открывай!

Раздеться Пэрли еще не успел: после ночного приключения он поднялся в номер, снял рубашку, скинул ботинки, зажег сигарету и улегся в постель. Пэрли встал, подошел к двери, выждал один удар сердца и отодвинул защелку замка. В красноватом полумраке коридора белело утомленное лицо Джинджер: глаза ввалились, будто демон сна не позволял ей смежить веки. Распушенные волосы струились вниз, окаймляя подчеркнутый тонкими бровями лоб, и ниспадали на бледно-лиловый халатик с вышитой над сердцем атласной розой.

– Так и будешь стоять столбом? – спросила Джинджер. – Смотри, что у меня есть. – Она подняла правую руку: сверкнула серебристая фляжка Ханиката.

Пэрли посторонился. Джинджер поставила фляжку и черную сумочку на комод. Затем вернулась и захлопнула дверь. Защелкнув задвижку, она обернулась и посмотрела на подельника, точно кошка на мышь.

– Не спится? – спросил Пэрли.

– Накопил, как в аду, – пропустив вопрос мимо ушей, недовольно произнесла она. – Даже в коридоре чувствуется.

– Очень хотелось покурить.

– Выпьешь? Тут еще пара глотков осталась.

– Почему бы и нет, – ответил Пэрли.

– Какой же дурак откажется от выпивки? – заметила Джинджер, взяла фляжку с комода и открутила крышку.

«Накачаться виски – неплохой способ заглушить грохот выстрела, до сих пор звеневший в ушах. Но есть и другой, более действенный способ забыться – заняться сексом. Тело, в отличие от мозга, угрызениями совести не мучается: с этой точки зрения смерть старого афериста не имеет никакого значения», – размышлял Пэрли, разглядывая соблазнительную женщину в тонком халатике.

Он взял фляжку и отхлебнул виски. Джинджер погладила его по руке, забрала фляжку, глотнула тоже и с усмешкой спросила:

– О чем задумался?

Пэрли пожал плечами: как будто и так не ясно. Однако решил разыграть простачка:

– Да так, ничего особенного. Думаю о том о сем.

– Короче, попусту тратишь время, – заключила собеседница.

В следующий миг Джинджер оказалась рядом: нет, она не набросилась на него, но набежала, точно зашипевшая волна прибоя на берег.

«Если бы в ее власти было стать со мной единым целым: просочиться внутрь, смешаться с кровью, поразить нервную систему, – она бы непременно это сделала».

Джинджер прижалась к Пэрли, обвила руками его шею и впиалась в губы. Тело молодой женщины пылало: кровь, подобно огненной лаве, бежала по жилам и невыносимо обжигала. Срывая одежду, они

повалились на кровать. Пружины взвыли, точно духовой оркестр, и разбудили, наверное, не только чету Невинсов и весь Стоунфилд в придачу, но и героического Сэмуэля Петри Бланкеншипа, давно почившего вечным сном.

Что такое нежность, Джинджер, похоже, не ведала: она не целовала, а беспощадно вторгалась в рот, орудуя губами и языком. Ее прошиб пот, и от этого аромат жженных роз вспыхнул ярче. Пэрли был уже на грани. Вдруг Джинджер, еще мгновение назад бившаяся в экстазе, остановилась, перевела дыхание и сказала:

– Подожди... подожди...

Соскочив с партнера, она подошла к комоду и достала из сумочки тот самый револьвер.

Пэрли оцепенел, не в силах отвести взгляд. Следом она вытащила коробку с патронами, вытянула один, вставила в барабан, крутанула его и защелкнула. Прыгнув, как кошка, она вновь оказалась на любовнике. Лицо Джинджер лоснилось от пота, а глаза горели желанием.

– Стой! – прохрипел Пэрли. – Что ты...

– Держи! – скомандовала Джинджер, вручая ему оружие. – Давай! Вставь револьвер мне в рот, а затем хорошенько трахни!

– Что? – изумился он.

Джинджер одной рукой схватила Пэрли за волосы, а другой направила револьвер на себя.

– Я сказала: трахни меня! Сейчас же!

– Но...

– Взведи курок! Давай! Живее! – крикнула она.

Пэрли послушно взвел курок и положил палец на спусковой крючок.

«Лучше не сопротивляться, – подумал он, – а то вдруг еще револьвер выстрелит».

Обхватив губами ствол, Джинджер неистово заработала бедрами, а Пэрли всерьез перепугался, что при таком раскладе у него ничего не получится. К собственному изумлению, он обнаружил невероятное возбуждение: мысль, что от одного неловкого движения у Джинджер разлетится голова, превращала пенис в каменный столб. Секс втроем с заряженным револьвером – такого он никак не ожидал. Самый

необычный опыт у него был в борделе Хьюстона. Тогда проститутка настояла на минуте с ириской во рту.

«До этой ночи, – вдруг понял Пэрли, – я не жил... и не трахался! Черт возьми, да она сейчас воспламенится!»

Джинджер вошла в раж. Бедрa ее работали, как отбойный молоток, а пружины кровати с визгом вторили ритму. Жизнь Джинджер де ля Франс висела на волоске, а точнее, на кончике дрожавшего указательного пальца Пэрли. Револьвер так и норовил выскользнуть из потной ладони. От напряжения руку сводило судорогой.

«Один к шести, что мозги Джинджер окажутся на стене напротив... – подумал было Пэрли, но бешеная страсть туманила сознание. В голове кометой вспыхнула и погасла другая мысль: – Только близость смерти способна заставить человека жить по-настоящему».

Раздался утробный стон. «Должно быть, с таким звуком однажды развернется земля и откроются врата в ад...» – мелькнула очередная мысль, утопая в нараставшем со всех сторон звоне. Задрожали стекла, деревянные стены и пол. Здание дрожало вместе с Джинджер. В водовороте звуков и вибраций Пэрли не отдавал себе отчета в происходящем: хотелось разрушить наваждение и спустить курок револьвера. Услужливое воображение нарисовало яркую картину: вот гремит выстрел и красивая головка взрывается, разлетаясь кровавыми ошметками по углам комнаты. Пэрли сжал зубы, вскрикнул и толкнулся бедрами навстречу Джинджер де ля Франс, такой горячей внутри и холодной снаружи.

Зажмурившись и содрогнувшись, она выгнулась и дрожала до тех пор, пока грохот поезда, налетевшего на Стоунфилд, точно буря, не стих вдали.

А затем вынула револьвер изо рта и отвела руку любовника.

– Изголодалась? – спросил Пэрли, переводя дыхание.

– Не то слово. Секс у меня случается редко. Но если случается, то предпочитаю, чтобы все было как в последний раз.

Джинджер забрала револьвер, вынула из барабана патрон, подошла к комоду и убрала все в сумочку. Затем она вернулась в постель. Пэрли надеялся, что Джинджер прижмется, положит голову ему на плечо, но она легла, даже не коснувшись его.

Какое-то время оба слушали тишину и собственное дыхание.

– Сколько тебе лет? – вдруг поинтересовалась Джинджер.

– Тридцать два, – ответил Пэрли, поколебался и задал встречный вопрос: – А тебе?

– Тридцать четыре, – отозвалась Джинджер, ничуть не смутившись. – Женат?

– Нет, не довелось. А ты замужем?

– Была дважды.

– А дети есть?

– Нет! – воскликнула она и поморщилась, будто бы сама мысль о детях доставляла ей страдания. – Еще чего не хватало!

Пэрли помолчал, вслушиваясь в стук сердца, а затем спросил:

– Что это было? С револьвером? Тебя такое возбуждает?

– А ты разве не заметил? Еще скажи, будто сам не завелся.

– Завелся, – сознался он. – А если бы у меня вдруг палец дрогнул?

– Ну не дрогнул же. Ладно, так и быть, сейчас я тебе все разложу по полочкам. Во-первых, кто не рискует, тот не пьет шампанского. Во-вторых, умение держать себя в руках – бесценный навык. Что бы с тобой ни происходило, о чем бы ты ни думал, что бы ни делал, где бы ни был и с кем бы ни трахался, какая-то часть тебя всегда должна держать ситуацию под контролем. Как этого добиться? Очень просто: отстраниться и взглянуть на происходящее со стороны. Сегодня ночью... то есть сегодня утром, мне кажется, ты поймал это ощущение. Запомни его. Тебе пригодится.

– Пригодится для чего? – уточнил Пэрли.

– Ну, всякое бывает, – уклончиво ответила Джинджер. – Никогда не знаешь, что готовит день грядущий.

– Уже светает.

– Ага, – отозвалась она. – Вот и прекрасно. Чем раньше свалим из этого богом забытого местечка, тем лучше.

Пока Джинджер одевалась, Пэрли украдкой наблюдал, любуясь ее телом. Накинув халатик, она сказала:

– Теперь спать. Каждый у себя в номере. Встречаемся внизу в шесть тридцать. Не проспай?

– Нет.

– В шесть тридцать, – повторила Джинджер, взяла сумочку и прибавила: – Постарайся вздремнуть. Завтра ты нужен мне со свежей головой.

– Хорошо.

У двери она обернулась и нахмурилась:

– Долго еще собираешься гоняться за мертвецами?

– Согласен, с Библиями пора завязывать.

– А чем ты еще промышляешь?

– Сейчас больше ничем, – пожав плечами, ответил Пэрли. – Торговля Библиями шла бойко: на жизнь хватало. А так я всегда открыт для чего-то нового. Надо держать ухо востро, и обязательно что-нибудь да отыщется.

– Или кто-нибудь обязательно отыщет тебя, – подмигнув, сказала Джинджер и улыбнулась: – Ладно, до встречи! – С этими словами она отодвинула защелку и скрылась за дверью.

Некоторое время Пэрли лежал, вспоминая недавнюю близость, а затем встал, прихрамывая, дошел до двери и запер ее.

«Растрясла мне кости!» – подумал Пэрли.

Он вернулся в постель и, едва коснулся головой подушки – эхо выстрела теперь гремело где-то далеко, – как тут же провалился в сон.

Пэрли проснулся и глянул на часы: без пятнадцати шесть. В бледно-розовом свете раннего утра он обнаружил, что ключи от «паккарда» исчезли. Однако этим неприятности не исчерпывались. Пэрли бросился одеваться, взялся за брюки и замер: на правой штанине краснели два пятна. Одно было небольшое: размером с пятицентовую монету. А второе, формой напоминавшее морского конька, просто огромное.

В ужасной спешке застегнуть рубашку удалось только с третьего раза. От злости лицо Пэрли побагровело, а плотно сжатые губы побелели.

«Скорее всего, – лихорадочно припоминал он, – ключики Джинджер прихватила, когда убирала револьвер. – Заглянул в бумажник: деньги на месте. – Удивительно, как эта чертовка еще не стырила лопатник?! Хотя пропажа бумажника сразу бросилась бы мне в глаза. Умна, что и говорить!»

Наконец Пэрли застегнулся – галстук и шляпу он решил оставить в номере, – зашнуровал кое-как ботинки и выскочил в дверь, на ходу надевая пиджак. Перед лестницей он остановился, поправил костюм,

приосанился и продолжил спуск уже с подобающей его статусу степенностью.

– Доброе утро, – равнодушно поприветствовала постояльца Хильда Невинс. Стараясь выглядеть как можно строже, пожилая дама застегнула коричневый клетчатый халат на все пуговицы – так, что воротничок врезался в дряблую кожу двойного подбородка. – Рановато вы поднялись, – заметила она, метелкой смахивая пыль с керамических фигурок.

– Да, мэм, – отозвался Пэрли и улыбнулся, точно ангел.

Под этой ангельской маской мозг его буквально закипал, а мысли носились со скоростью света.

«Может, Джинджер еще здесь? Сумки, шляпка – хоть что-нибудь? – думал Пэрли, внимательно осматривая холл. – Ничего! Черт!»

– Позавтракать можете в кафе, – напомнила Хильда, с великой осторожностью обметая керамические безделушки, словно они были императорской коллекцией драгоценных камней.

– М-м-мэм, я, признаться, в некотором затруднении... – начал Пэрли, лихорадочно соображая, как бы случайно себя не выдать. – Вчера доктор Ханикат и его ассистентка любезно обещали подвезти меня до Шривпорта, а сейчас... – Пэрли осекся: Хильда посмотрела на него так, будто бы знала про убийство доктора. – Похоже, их и след простыл, – собравшись с духом, закончил он.

– Эта дамочка, – голос Хильды Невинс был исполнен презрения, а яд буквально капал с желтых клыков, – подняла нас ни свет ни заря! Аж в четыре утра! Можете себе представить? Ей, видите ли, понадобилось проведать доктора: тот заночевал в машине из-за расстройства желудка. Сходив к доктору, она вернулась, сообщила, что ему по-прежнему нездоровится, расплатилась и засобиралась в дорогу. Гровер вызвался помочь ей отнести сумки, но она отказалась: вещей, мол, немного. В общем, скатертью дорога! До сих пор голова болит от ее духов!

– Ясно... – просипел Пэрли, чувствуя, как на висках проступают капельки пота.

– Ах да! – воскликнула Хильда Невинс и укоризненно посмотрела на него темными совиными глазами. – С вас доллар штрафа за то безобразие, что вы учинили вчера в номере.

– Мэм? – удивленно спросил Пэрли.

– Вы курили! – воскликнула она, а в ее взгляде читалось: «Вы убили!» – Сигарету! И может, даже не одну! Поднимаюсь я, значит, наверх, чтобы проверить комнату дамочки, и что же вижу? Дым столбом, накурено в коридоре, хоть топор вешай! Будьте добры заплатить доллар сверху! А если вам вздумается покурить и сегодня, приготовьтесь раскошелиться!

– Ладно, – пробубнил Пэрли, едва ворочая языком. – Как скажете.

– Генри Буллард, кстати, уже должен быть в мастерской, – заметила Хильда и махнула метелкой в сторону телефона на черном полированном столе. – Телефонная книга в верхнем ящике. – С этими словами она вернулась к керамическим лошадам.

Буллард ответил после четвертого гудка:

– Нет, мистер Партлоу, пока, к сожалению, ничего. Жду вестей от поставщика из Шривпорта. Может сегодня, а может, завтра. Дам знать как только, так сразу! Лады?

– Лады, – с досадой ответил Пэрли, разглядывая кровавого морского конька на штанине. – Просто замечательные новости!

– Позавтракать можете в кафе, – еще раз напомнила Хильда, как только он положил трубку. – Начать день с плотного завтрака – что может быть лучше?

«Вот дерьмо», – подумал Пэрли, натянуто улыбнулся и сказал:

– Благодарю вас, мэм.

Мысль, что какая-то кровожадная потаскуха оставила его в дураках, просто убивала. Пэрли не представлял, как дальше жить с этим.

«Если я не найду Джинджер, не отомщу ей и не верну „паккард“, остается только застрелиться! Хотя нет, не дождется! Я ее из-под земли достану! – поклялся Пэрли себе и Богу, если тот, конечно, слышал его. – Нужна только какая-нибудь зацепка... и чистая одежда».

И тут Пэрли осенило.

– Миссис Невинс, – сказал он и встал так, чтобы скрыть пятна крови на штанине. Хильда, прекратив обметать керамических лошадок, повернулась к нему и вопросительно вскинула брови. – Смена одежды мне все-таки понадобилась. – Он смущенно улыбнулся и пожал плечами: «Мол, мы, путешественники, влачим нищенское существование и подвержены таким жестоким ударам судьбы, как сломавшийся в дороге автомобиль». – Есть тут неподалеку магазин?

– Разумеется. Наверняка вы вчера проходили мимо. Третье крыльцо от парикмахерской. Открывается в десять тридцать, – пояснила хозяйка гостиницы. И, глянув на его костюм, добавила: – Но, боюсь, ничего подобного вы не найдете. Там в основном продается одежда для работяг: комбинезоны да рубашки.

– Всегда восхищался простыми работягами! С удовольствием примерю комбинезон, – ответил Пэрли.

– Тогда вам туда, – отозвалась Хильда, и Пэрли снова показалось, что она заметила пятна крови и обо всем догадалась. Но страх рассеялся, едва только он взглянул собеседнице в глаза. – Хочу вас предупредить, мистер Партлоу: держите уши на макушке и следите за кошельком, не дайте этому пройдохе Винсенту Ли обжулить вас. Белоснежный костюм для Винса – все равно что красная тряпка для быка.

– Спасибо за предупреждение.

– Винс такой же гнилой, как и его братец-шериф, – припечатала Хильда Невинс, вновь отворачиваясь к безделушкам. – Они друг друга стоят.

Поднимаясь вверх, Пэрли осознал, что заявиться в заляпанном кровью костюме в магазин, принадлежащий брату шерифа, слишком рискованная затея.

«Пятна, может, не такие уж и большие, но появляться в окровавленной одежде на улице, в магазине или кафе опасно, – размышлял он. – До тех пор, пока Буллард не воскресит „окленд“, свалить из этого богом забытого места не получится. Черт! Уехать нельзя! Из гостиницы выйти нельзя! Так недолго и с голоду подохнуть! Как же быть? Ага, знаю!»

В считанные мгновения в голове Пэрли созрел замечательный план, который он тут же привел в исполнение.

Глава 5

Наконец-то Пэрли разыскал дверь, за которой скрывалась Джинджер.

«Пять, шесть – крепче стисни крест», – подумал он, разглядывая потускневшие латунные цифры 5 и 6, и поднял руку, чтобы постучаться.

Пэрли сомневался, что Джинджер поможет крест: в аду ей наверняка уже приготовили тепленькое местечко. Но отправится она туда не раньше, чем он с ней поквитается. Даже если Дьявол собственной персоной явится сейчас за грешницей, Пэрли заставит его подождать и понаблюдать за пыткой, которую он сам для нее приготовил.

Мужчина с ангельским лицом постучал.

«Раз... Два... Три... Пэрли в гости жди», – мелькнула у него мысль.

Он немного выждал, прильнул к двери и крикнул:

– Полиция Шривпорта! Мисс Уайли, мы знаем, что вы там! Немедленно открывайте! Бежать некуда: у пожарной лестницы вас караулят! Для вашей...

Щелкнула задвижка, и дверь распахнула девушка, невысокая и хрупкая. Если бы девушка не откликнулась на Уайли, то Пэрли, быть может, и вовсе не признал бы в ней Джинджер де ля Франс.

Первое, что бросилось ему в глаза, – перекрашенные в темно-рыжий цвет волосы. Одета она была в простое серое платье с синей оборкой. Из-под толстых линз очков в роговой оправе, какие могла бы носить какая-нибудь библиотечка, на Пэрли взирали знакомые до боли янтарные глаза. От броского макияжа и кроваво-красного маникюра не осталось и следа. Грудь тоже куда-то пропала: вероятно, Джинджер заковала ее в какой-то особенный лифчик. Сохраняя недюжинное самообладание, молодая женщина спокойно глянула на Пэрли, чуть вздернула подбородок, положила руку на талию и тихо произнесла:

– Долго же ты меня искал.

– Н-да? Что ж, я...

– Заходи, – пригласила его Джинджер. – У стен есть уши.

Восемь дней понадобилось Пэрли, чтобы разыскать Джинджер, и одиннадцатого августа он наконец-то нашел ее. Она поселилась на Тэксас-стрит, в отеле «Клементин», расположенном среди доков и складов на берегу грязной реки Ред-Ривер. Еще тридцать секунд назад Пэрли был полон решимости казнить обманщицу на месте, а теперь торчал посреди ее номера в полной растерянности и смотрел на захлебывающийся вентилятор, который перерабатывал раскаленный полуденный воздух, превращая его в освежающие потоки.

Джинджер де ля Франс – по мнению Пэрли, это имя гораздо больше подходило ее артистической и чертовски заносчивой натуре – закрыла за ним дверь. Затем женщина обернулась, прижалась спиной к двери и уставилась на незваного гостя. Слышно было лишь, как тикает секундная стрелка часов. На реке прогудел буксир. Пэрли по-прежнему стоял посреди комнаты в нерешительности. Гулко стучала в висках кровь. Он выследил ее с одной лишь целью – отомстить... ну и вернуть «паккард». Пэрли не раз представлял эту встречу, и воображение рисовало ему совершенно другую картину: он вламывался в номер, хватал предательницу за волосы, бил – может, даже по лицу, – в общем, делал все, чтобы впредь она знала свое место. Пэрли вполне устроило бы, если бы Джинджер после парочки пощечин, рыдая, упала на колени и взмолилась о пощаде: «Я лживая, лживая сука! Я и мизинца твоего не стою».

«Да, это меня полностью устроило бы», – подумал Пэрли.

– Я как раз собиралась сделать болонский сэндвич. Ты будешь? – прервав молчание, спросила Джинджер.

Пэрли готов был услышать что угодно, но только не это.

«Если бы у этой чертовки были яйца, – подумал Пэрли, – то они наверняка волочились бы за ней по полу».

– Я сыт еще тем дерьмом, которым ты накормила меня в Стоунфилде, – ответил он.

Джинджер пожала плечами:

– Как хочешь. А я пообедаю. – И прошла мимо него к плите в углу кухни.

Она выглядела совершенно невозмутимой, как будто ни убийства, ни предательства и в помине не было. Пэрли так и вспыхнул. Он двинулся к ней, хотел схватить за волосы и показать, кто тут хозяин,

как вдруг Джинджер, словно прочитав мысли, развернулась, пристально посмотрела ему в глаза и поинтересовалась:

– Ты сменил амплуа? Темно-синий костюмчик, белая рубашечка, черный галстук и черная федора – вы только посмотрите на этого детектива, мать его, Трейси!^[2] Кстати, голос твой я узнала сразу же. А вот как ты прошмыгнул мимо Тэдди – это для меня загадка. – И, заметив его замешательство, Джинджер пояснила: – Портье внизу. Бдит денно и ночью. Ну так что, объяснишь?

«Влепить бы ей затрещину! Чтобы кровь из губ по стенам! Посмотрим тогда, как запоет! Сразу вся спесь слетит! – внутренне распалаясь Пэрли. – И об пол не мешало бы красавицу хорошенько приложить! Пускай знает, как со мной связываться!»

Но вместо того, чтобы дать затрещину, рука сама потянулась в карман за бумажником. Пэрли открыл бумажник и помахал полицейским значком с номером пять-один-один.

Джинджер присвистнула:

– Ого! И дорого он тебе обошелся?

– В сотню баксов. Хозяин ломбарда приторговывает в подсобке. Правда, уговорить его оказалось весьма непросто.

– Лихо! Ну так что? Сэндвич хочешь?

– Чего я действительно хочу, так это выбить из тебя всю дурь и вернуть «паккард».

Джинджер хохотнула и подошла к холодильнику. Этот смешок чуть не стоил ей всех зубов. Она выложила на стол болонскую колбасу, завернутую в коричневую бумагу, чиркнула спичкой, зажгла конфорку и произнесла:

– Кстати, насчет «паккарда»: я спасла твою задницу.

– Да ну?

– Ага! Еще спасибо мне скажешь! Неужели ты думаешь, что смог бы безнаказанно развезжать на автомобиле мертвого доктора Ханиката? – Джинджер достала из ящика нож и твердой рукой принялась нарезать колбасу. – Так сколько тебе кусков?

– Хватит уже мне зубы заговаривать! – возмутился Пэрли.

– Три куса мне, три тебе. Ах да... чуть не забыла. Вон там конвертик на полке шкафа, видишь?

Пэрли оглянулся: у стены стоял темно-коричневый книжный шкаф. На верхней полке лежала книга, а на ней – конверт.

– Давай, хватай! Смелее, он не кусается! – хмыкнула Джинджер и кинула колбасу на шипящую сковородку.

Поглядывая с опаской на Джинджер, мужчина с ангельским лицом подошел к шкафу. На конверте мелким аккуратным почерком значилось: «Для Пэрли». Он взял конверт и краем глаза прочитал название книги: «Загадки человеческой психологии», сочинение доктора Морриса Фонроя.

– Открывай уже, – велела Джинджер и, как будто забыв про него, полезла за чем-то в холодильник.

Пэрли надорвал конверт. Внутри обнаружились деньги: двадцатки, десятки... Пересчитал купюры: ровно триста долларов.

«Может, фальшивые? – усомнился он. – Да вроде нет: бумага, цвет – все как полагается. Не похоже на подделку».

– Как и договаривались: половина тебе, половина мне. Я продала «паккард» за шесть сотен и честно с тобой поделилась, да еще и шкуру твою спасла.

Пэрли не знал, что и сказать. Наконец он выдал:

– Я потратил целых сто баксов на этот гребаный значок! Да только за это тебя следовало бы хорошенько отделать!

– Попридержи-ка лошадей, Пэрли. Две сотни чистой прибыли – хорошие деньги. А значок еще пригодится. Как насчет горчицы? Я люблю поострее. А ты?

– А я... я думаю, что ты чертова психопатка.

– Это еще почему? – улыбнулась Джинджер. – Многие люди предпочитают острую горчицу! Что ж, они, по-твоему, все психопаты?

Пэрли совсем растерялся. Дерзкие ответы Джинджер и целая куча денег в конверте окончательно сбили его с толку. Она вернулась к болонской колбасе, а Пэрли меж тем осмотрел ее номер. По сути, это была одна просторная комната с кроватью, убирающейся в стенной шкаф. За распахнутой узкой дверью виднелась ванная, сверкавшая черно-белым кафелем. Закрытая дверь рядом, вероятно, вела в туалет.

«Неплохо! От личной ванной я бы тоже не отказался», – подумал Пэрли, припоминая отель «Дикси гарден», где душ был один на весь этаж.

Кругом царили чистота и порядок. Мебель не новая, но и не потрепанная. В углу добротный радиоприемник. На полу бордовый, еще не вытоптанный ковер. Что ни говори, а эта женщина, кем бы она

ни была – Джинджер де ля Франс или Ланой Рэй Уайли, – жила хоть и не богато, но очень даже ничего. Пэрли считал себя чистоплотным малым, но вынужден был признать, что в данном случае Джинджер его перещеголяла.

– У тебя проблемы со зрением? – спросил Пэрли.

– Это не линзы, а обыкновенные стекла, – ответила Джинджер. – Я тут провожу кое-какой эксперимент.

– Эксперимент? Небось затеяла аферу под названием «Школа секретарш»?

– Не-а, – отозвалась Джинджер и больше ничего не сказала, продолжая колдовать над колбасой. Спустя несколько секунд она прибавила: – В холодильнике кувшин со сладким чаем. Достань, пожалуйста. Стаканы в навесном шкафчике справа.

Услышав это, Пэрли чуть было не расхохотался, но затем быстро взял себя в руки. Он пришел сюда полный праведной ярости, собираясь примерно наказать предательницу, а чем в итоге занимается? Разливает чай к обеду! Но самое безумное – это его устраивало, а ведь еще полчаса назад Пэрли хотелось хорошенько наkostenить Джинджер за все, что он пережил по ее милости. Вспомнить хотя бы тот спектакль, что Джон Партлоу устроил в гостинице у Невинсов: пришлось кубарем скатиться с лестницы, а затем разыгрывать растянувшего лодыжку неудачника.

«О нет-нет, миссис Нэвинс, я не думаю, что это перелом, но болит ужасно! Кажется, сегодня я не ходок. Господи боже, вы только посмотрите на брюки! Без новых мне теперь точно не обойтись! Как думаете... Мне, право, очень неудобно, но вы бы меня просто спасли... Что, если я попрошу вашего мужа об услуге: дам денег, скажу размер, а он сходит и купит мне брюки? Я с радостью накину доллар за беспокойство. Миссис Невинс, я клянусь: больше никаких сигарет! Нет-нет, врача вызывать не надо! Уверен: со мной все будет в порядке, вот только отлежусь маленько... Думаю, я даже в состоянии добраться до комнаты самостоятельно... Ох, спасибо вам!» Закончив монолог, он взглянул на Хильду Невинс: на лице ее читались сомнения. Пэрли захотелось хорошенько врезать старухе по зубам, но он сдержался. Гровер все-таки дошел до магазина, купил рабочий комбинезон необъятных размеров, а затем принес еще и ужин: рагу и

крекеры из кафе. В общем, с той неприятной ситуацией Пэрли худобно справился.

– Если бы ты только знала, что мне пришлось пережить из-за твоей выходки, – сказал он Джинджер, возившейся у плиты. – Я прозябал в том клоповнике еще четыре дня. А потом заглянул в кафе, где услышал новость: чья-то охотничья собака нашла в лесу обгоревшую одежду. И все бы ничего, вот только обугленный костюмчик показался охотнику уж слишком хорошим: «Жилетка, и все такое».

– Хм, – отозвалась Джинджер. – А ты не забыл, что я попросила тебя разлить чай?

Раздался слабый свист: из легких Пэрли, точно из воздушного шарика, вышел воздух. Он сделал вид, будто не расслышал. А Джинджер, обнаружив, что гость застыл посреди комнаты как истукан, поджала губки и язвительно спросила:

– Ну а сейчас-то маленькому мальчику полегчало? Ведь всё уже позади.

– Господи боже, – только и произнес Пэрли.

– Хватит стоять столбом! Давай-давай, пошевеливайся! Если остаешься на обед, будь добр: сними шляпу и пальтишко. Желания трапезничать в компании детектива, мать его, Трейси, у меня нет.

К собственному удивлению, он подчинился и покорно двинулся к шкафчику со стаканами.

«Что это? Дар убеждения?» – начал было размышлять Пэрли и вдруг застыл как громом пораженный: получается, что Джинджер ждала его.

– Откуда ты знала, что я разыщу тебя? – спросил он, разглядывая ее затылок.

– А я и не знала, просто не пыталась скрываться. Помнишь, я ведь даже сказала тебе свое новое имя. Конечно же, оно слегка трансформировалось, но иначе было бы совсем неинтересно, правда?

– Ерунда какая-то, – пробормотал Пэрли. – Неужто ты и впрямь не пыталась от меня прятаться?

– Положить тебе сэндвич на тарелку? Или салфетки будет достаточно?

– Обойдусь салфеткой. Джинджер, может, объяснишь, что это за кошки-мышки?

– Лед в морозилке, – промурлыкала она. – Хлеб в хлебнице. Не заморачивайся всякой ерундой, Пэрли! Живи настоящим моментом!

Она обернулась, сняла очки и сверкнула искренней улыбкой, в одно мгновение преобразившей ее. Перед ним стояла не хладнокровная психопатка, а простая девушка-продавщица, не подозревающая, насколько жестоким может быть окружающий мир. Джинджер выглядела такой невинной и красивой, что перед глазами Пэрли возникла яркая картинка, как он с букетом цветов дожидается эту девушку-продавщицу после окончания смены в магазине. Потрясенный, он застыл на месте, дивясь новой, изменившейся до неузнаваемости Джинджер. По его телу вдруг пробежала нервная дрожь. Прекрасный мираж на миг подернулся дымкой, и Пэрли обнаружил себя на краю зыбучих песков, посреди пустыни под названием Джинджер.

В этот момент Пэрли едва не выскочил за дверь.

«Да гори оно все синим пламенем! И этот „паккард“, и месть, и все остальное!» – думал он.

А Джинджер, словно прочитав его мысли, отвернулась к плите и вкрадчивым голосом произнесла:

– Как насчет двухсот тысяч долларов?

«Беги», – сказал себе Пэрли, но с места не сдвинулся.

– Что молчишь? Ты не ослышался. – Джинджер спокойно переворачивала шипящую в масле колбасу.

Отлепив пересохший язык от нёба, Пэрли наконец-то ответил:

– Если ты собралась ограбить Федеральный банк США, то я пас.

– Речь не про банк, да там все равно и денег-то таких нет, – пожалала плечами Джинджер. – Ну что, колбаса готова. Где хлеб?

Они уселись за маленький круглый стол у окна и принялись за сэндвичи. Пэрли все ждал, что Джинджер сообщит ему свой новый план, но вместо этого он услышал рассказ про поездку в Новый Орлеан: про причудливую старинную архитектуру, балкончики из кованого железа и про то, как здорово однажды было бы поселиться на берегу Миссисипи, потому что Ред-Ривер, со своим бесконечным потоком судов и грязью, его собеседницу совсем не устраивала.

– Ты все это время проверяла меня? – неожиданно даже для самого себя спросил Пэрли. – Ты хотела посмотреть, как я справлюсь, да?

Джинджер глотнула ледяной чай, подставила лицо под освежающие струи вентилятора и ответила:

– Да.

– Убийство Дока тоже было частью проверки?

– Это было необходимой мерой. Рано или поздно Ханиката пришлось бы убрать. Работать с ним стало небезопасно. Док трепал языком направо и налево. – Джинджер звякнула кубиком льда в стакане и с улыбкой прислушалась к звуку, похоже пробудившему у нее какие-то приятные воспоминания. – Если тебе хочется, то можешь считать убийство Дока испытанием. Только ты переступил порог «Элкс-Лодж», как я сразу смекнула, кто передо мной. Догадаться было нетрудно... Знаешь, я почти уверовала, будто ты очередной незадачливый жулик, пытающийся прыгнуть выше головы. Только слепой идиот не распознал бы в тебе афериста! Но есть и хорошие новости для тебя: похоже, в этом мире полно слепцов и глупцов! А потом... когда ты с такой легкостью помог нам улизнуть после представления, я подумала: «А этот малый, кажется, не без таланта». И тогда-то я и решила посмотреть, на что ты способен.

– Проверить, способен ли я убить человека?

– Способен ли ты думать. Если помнишь, я очень азартная. Я поставила на тебя.

– Ну и как? Выиграла?

Джинджер доела сэндвич, слизнула горчицу с указательного пальца и сказала:

– Ладно, к делу. Выгляни в окно: куда будет клониться солнце через несколько часов?

Пэрли поднялся из-за стола и посмотрел в окно. Он обвел взглядом залитые ярким солнечным светом склады, доки, лениво плескавшуюся Ред-ривер и ответил:

– Ну, солнце будет садиться за горизонт, как обычно. Что дальше-то?

– Во время заката оно будет прямо над крышей вон того склада. Что написано красной краской на стене? Читай.

– «Люденмер», – вслух прочитал Пэрли. – И?

– Ты не слышал про Джека Люденмера?

Он отвернулся от солнца, слепившего глаза, и заметил:

– Звучит как название леденцов от кашля.

– Ха, – отозвалась Джинджер, – не смешно!

Она уставилась на него и несколько секунд не отрывала взгляда, внимательно изучая. Пэрли показалось, что она хочет забраться ему в голову. Пронзительными янтарными глазами Джинджер в очередной раз пыталась его прочесть и решить, на того ли поставила. Затем она встала, прошла в туалет, сняла с верхней полки металлическую шкатулку, вернулась и плюхнула ее на стол между запотевшими стаканами. Когда Джинджер откинула защелку и подняла крышку, Пэрли увидел внутри пачку газетных вырезок.

– Джек Люденмер, – начала просвещать напарника Джинджер, – открыл судоходную компанию здесь, в Шривпорте, около пятнадцати лет тому назад. Построил склад, купил несколько барж: справлялся отлично, но вскоре Шривпорт и Ред-Ривер стали для него мелковаты. Он поднял ставки: собрал денег и уехал попытать счастья в Новый Орлеан. – Она взяла одну газетную вырезку, развернула ее и показала Пэрли. Заголовок гласил: «Компании Люденмера достался завидный контракт». – Он только что получил от правительства контракт на перевозку строительных материалов для Гражданского корпуса охраны окружающей среды^[3]. Эксперты из журналов «Форбс» и «Фортуна» оценили сделку в миллион долларов, – многозначительно добавила Джинджер и продолжила: – Помимо этого, я узнала много другой полезной информации. Представившись секретаршей исполнительного директора строительной компании «Рэндольф», якобы расположенной в городе Талса, штат Оклахома, я прощупала почву и расспросила местных дельцов: мило улыбнулась тут, махнула хвостом там – и готово!

– А, так вот к чему весь этот маскарад, – сообразил Пэрли. – Хорошо, предположим, у Люденмера и в самом деле куча бабок. Очень рад за него. Но при чем тут мы?

Джинджер снисходительно улыбнулась, свернула газетную вырезку и убрала ее в шкатулку.

– У Люденмера двое детей: десятилетняя дочь Нилла и восьмилетний сын, которого родители называют Маленький Джек, поскольку у пацана с отцом одинаковые имена. Что, если мы, так сказать, присмотрим за ребяташками? А за работу няньками попросим вознаграждение: по сто тысяч долларов за каждого из отпрысков.

Пэрли озадаченно замолчал, невольно вслушиваясь в гул вентилятора.

– Я уже кое-что придумала, – продолжала Джинджер вкрадчивым, но в то же время настойчивым голосом. – Конечно же, надо все хорошенько обдумать, но мне кажется, что у нас получится. Читал когда-нибудь «Нью-Йорк таймс»?

– Двести тысяч – это же целая куча денег, – услышал откуда-то издали Пэрли свой голос.

– Я тут зашла в библиотеку и покопалась в газетных архивах, – не обращая на него внимания, продолжала Джинджер. – Так вот, в «Нью-Йорк таймс» частенько публикуют списки похищенных людей, благополучно воссоединившихся со своими семьями. И там не одна и не две фамилии! Это же просто эпидемия, черт побери! Но что самое интересное, в их статьях не говорится о сумме выкупа. Газетчики замалчивают эту информацию, чтобы не давать преступникам пищу для ума.

– Значит, эту замечательную идею тебе подкинула редакция «Нью-Йорк таймс»?

– Ага, я вот уже пятый месяц сплю и вижу, как разбогатею на киднеппинге. А потому, заметив огромные красные буквы «Люденмер», сразу задалась вопросом, а точнее, двумя: кто такой и откуда дровишки? В общем, выяснила все про дела Люденмера, про его семью и узнала, что в Новый Орлеан он переехал еще до рождения первенца. А перед тем как мы с Ханикатом отправились на гастроли, я увидела в газете новость о том самом сверхприбыльном контракте, и меня осенило: да это же как раз то, что надо! – сказала Джинджер, и ее янтарные глаза вспыхнули в лучах заходящего солнца. – А помнишь малютку Линдбергов? Так вот, сначала похитители потребовали пятьдесят тысяч долларов, а затем одумались и увеличили сумму до семидесяти тысяч. Поэтому двести кусков за двух сопляков Люденмера – цена вполне справедливая. Уверена, через полгода он снова будет на коне!

– А что, Люденмер за детьми совсем не смотрит? – спросил Пэрли с легкой усмешкой. – И телохранителей у него тоже нет? Думаешь, магнат скромно отойдет в сторонку и будет наблюдать, как мы похищаем его сопляков среди бела дня?

– Никто и не говорит, что будет легко, – задумчиво ответила Джинджер. – Но ты взгляни на это под другим углом: люди постоянно пропадают. Значит, кто-то постоянно получает за них выкуп. Почему бы и нам не похитить кого-нибудь? Мы просто обязаны попробовать! Если вдруг что-то пойдет не так, забросим эту идею и смоемся. А представь, если все выгорит: это же целая куча денег! Что нам стоит придумать план, похитить сопляков, получить бабки и рвануть в Мексику? А от деток избавимся по дороге! Просто рассмотри это как вариант. Ну же, Пэрли, не будь таким, – тут она начертила в воздухе квадрат, – ограниченным!

– Говоришь, избавимся от деток по дороге? – переспросил Пэрли. – Так же, как мы избавились от Ханиката?

– Нет! Черт возьми, нет! Получим бабки и просто оставим детей где-нибудь на обочине. Живыми. Но обязательно в таком месте, где подмога подоспеет не сразу: подальше от телефонных аппаратов, чтобы успеть пересечь границу с Мексикой.

Джинджер вскочила со стула, положила руки Пэрли на плечи и пристально посмотрела ему в глаза: чем дольше она вглядывалась, тем ярче разгорались огоньки в янтарных радужках.

– Я и в самом деле проверяла тебя, – вкрадчиво сказала молодая женщина. – И бросила тебя в Стоунфилде с кучей проблем не просто так: хотела посмотреть, как ты себя поведешь. Я верила, что ты разыщешь меня... Вернее, очень надеялась на это. Ты мог нанять частного сыщика, но тебе хватило ума не делать этого. Ведь пришлось бы все ему выложить. Конечно, для такого, как ты, выдумать историю – плевое дело, но сыщик мог заподозрить неладное. А еще... Я знала, что ты захочешь отомстить мне. Отыскав меня, ты проделал огромную работу! Подумать только, раздобыл полицейский значок! Ты прошел испытание! Ты справился! – Джинджер погладила Пэрли по груди и пристально посмотрела ему в глаза. – Мне нужен надежный напарник, который поможет составить идеальный план похищения. Конечно же, нам предстоит потрудиться, но вместе мы обязательно справимся! Одна голова хорошо, а две лучше. Двести тысяч баксов, Пэрли! Ты только вслушайся в эти слова! Другого такого шанса в жизни может и не представиться! И знаешь что? Мы нужны друг другу. И ты, и я – мы оба это прекрасно знаем.

– Слушай, Джинджер, мне совсем не улыбается гнить двадцать лет в тюрьме... – начал было Пэрли, но она приложила палец к его губам:

– Ш-ш-ш! Еще раз прошу тебя: взгляни на это под другим углом. Ну подумай: почему другим удается выйти сухими из воды, а у нас вдруг не получится? Да эти похитители, господи боже, да они же все просто тупые! Они рядом с нами даже не стояли: почитай газеты и убедись сам. Ты пойми, одной мне не справиться. Сомневаюсь, что ты сможешь торговать своими несчастными Библиями двадцать лет кряду. И даже не пытайся меня переубедить!

Пэрли молчал. Отвечать не было смысла. Ответ был написан у него на лбу, и Джинджер давно уже все прочитала. Разбогатеть на распухших от солнца Библиях в белых подарочных футлярах ему и в самом деле не грозит. Однажды Пэрли даже как-то приснилось, что его положили в точно такой же белый футляр и похоронили.

А Джинджер продолжала гнуть свое:

– Быть может, это наш единственный шанс, Пэрли. – С этими словами она придвинулась к нему еще ближе. – Ты и я... Для начала прощупаем почву и, если все пойдет как надо, возьмем да и провернем это дельце!

– Мне кажется, ты готова начать действовать прямо сейчас.

– Мне и впрямь не терпится, однако торопиться ни к чему. Необходимо хорошенько обдумать каждую деталь.

Пэрли в растерянности уставился в пол, прислушиваясь к ее мерному дыханию.

– Покажи-ка мне значок, – попросила Джинджер.

Пэрли открыл бумажник и продемонстрировал ей значок. Джинджер забрала бумажник и, поднеся значок к свету, несколько секунд внимательно рассматривала его под разными углами.

– Настоящий? – уточнила она.

– Вроде как.

– С историей?

– Не знаю. Просто полицейский значок за сотню баксов.

– Хм, выглядит очень натурально, – сказала Джинджер, закрыла бумажник и вернула его Пэрли. – Ну так что, – спросила она нараспев, – ты в деле?

Пэрли ответил не сразу: мысли лихорадочно крутились в голове.

«Неужели я способен на такое? – думал он. – Лучше бы, конечно, отказаться от этой безумной затеи. Но, черт возьми, двести тысяч долларов – это звучит заманчиво. Невероятная сумма! Но стоит ли вообще пытаться?»

– Ты упомянула про дело Линдбергов. Однако имей в виду: у нас совершенно иной случай. Детки Люденмера – это тебе не какие-то там младенцы! Их так просто не сграбастаешь! Наверняка спиногрызы будут брыкаться и орать.

– Разумеется, будут. Именно поэтому и надо похитить их так, чтобы не поднять всех вокруг на уши.

– Ну что же, флаг тебе в руки.

– Нам необходимо придумать надежный план, только и всего, – настойчиво сказала Джинджер. – Риск есть, не спору. Но, Пэрли, я уже устала еле-еле сводить концы с концами. С меня хватит такой жизни. Наверняка ты тоже намаялся будь здоров. Пэрли, мы оба с тобой талантливы и должны объединить свои усилия. Я не переживу, если узнаю, что какие-то бездарные простачки похитят сопляков Люденмера и сорвут куш! – Джинджер помолчала, а затем ее янтарные глаза снова вспыхнули, и она прибавила: – А знаешь, это ведь может сработать!

– Что может сработать?

– Ну же! Включай голову, детектив Трейси! Что, если представить дело так, будто еще кто-то задумал украсть его отпрысков?.. – Джинджер коварно улыбнулась. Буквально через мгновение ее лицо превратилось в непроницаемую маску, и она серьезно спросила: – Так ты в деле?

– Убьешь меня, если я откажусь?

– А как бы ты поступил на моем месте?

– Сумасшедшая, – пробормотал Пэрли. Несмотря на все сомнения, мыслями он был уже в Мексике.

«Имея сотню кусков, я заживу на широкую ногу, – размышлял Пэрли. – Мексика просто идеальное место для мужчины – с женщиной или без нее, – чтобы скрываться от властей, тратить нажитое и никогда не оглядываться назад. Сто тысяч баксов! Да разве кто-нибудь, кроме жуликоватых дельцов, их банкиров и отчаянных аферистов вроде Джинджер, мог помыслить о подобных деньгах? Пляж... белый песок... У ног плещется прозрачная вода... Вдалеке на волнах

покачивается рыбацкая лодка... За спиной на холме вилла из камня... А деньги в сейфе ждут не дождутся, когда их потратят...»

Видение рассеялось, и Пэрли снова оказался в номере отеля «Клементин», напротив захлебывающегося вентилятора и женщины, предлагавшей совершить преступление, на которое он сам никогда бы не осмелился.

– Хорошо, я в деле. Но сразу предупреждаю: если мы вдруг упрямся в стену, напролом я действовать не буду.

– Если мы вдруг упрямся в стену, я обязательно что-нибудь да придумаю – найду лазейку, не переживай, – успокоила его Джинджер.

– Ладно, там видно будет.

– Ну что, стало быть, мы теперь сообщники? – Она вопросительно вскинула бровь.

– Ага, – рассеянно отозвался Пэрли, вновь замечтавшись о берегах Мексики.

Джинджер кивнула и унесла шкатулку с газетными вырезками на место.

Затем она пошарила рукой под одеялом и извлекла маленький, но грозный револьвер тридцать восьмого калибра, отправивший Ханиката на тот свет.

Джинджер крутанула револьвер на указательном пальце, вставила патрон и сказала:

– Это надо отметить!

Глава 6

«Она обманула меня», – эта мысль преследовала Пэрли всю дорогу из Шривпорта в Новый Орлеан и за два дня пути длиной в семьсот километров чуть не свела его с ума.

Пэрли и Джинджер сидели на деревянной скамейке центрального железнодорожного вокзала «Юнион-стейшн» на Южной Рампарт-стрит и молчали, вдыхая неповторимые запахи этого места. Огромные лопасти двух вентиляторов у них над головами медленно вращались, перемалывая тяжелый воздух, пахнущий озоном, табачным дымом и едкими испарениями химикатов, которыми надраивали черно-белые мраморные плитки.

«Воздух наэлектризован, точно перед грозой, – подумал Пэрли. – Наверное, всему виной эта непрекращающаяся вокзальная суматоха. А может, так пахнут поезда после долгих перегонов?»

За аркой, ведущей к перрону, как пчелиный улей, гудела толпа, а на путях, где стояли угрюмые паровозы, что-то постоянно лязгало и с грохотом падало. Носильщики – негры в красных фуражках и темно-синих мундирах с золочеными пуговицами – сновали туда-сюда, помогая пассажирам с багажом.

«До чего у них все четко, точно в армии, – размышлял Пэрли, покуривая сигарету. – Даже тот дед, похоже родившийся еще в Гражданскую войну, выглядит живчиком и всегда готов прийти на помощь остальным».

Захрипел громкоговоритель, и певучий мужской голос объявил о прибытии экспресса из Мемфиса. Они с Джинджер дожидались другого поезда. Пэрли раздавил сигарету в темно-коричневой пепельнице и тут же закурил вторую. Он не проронил ни слова с тех самых пор, как они добрались до вокзала. Наконец Джинджер не выдержала и спросила:

– Ты по-прежнему на меня злишься?

Решив помучить ее еще немножко, Пэрли ничего не отвечал. Он с неподдельным интересом наблюдал за носильщиком, толкавшим тележку, доверху нагруженную чемоданами. За носильщиком вразвалочку шли джентльмены в белых костюмах и соломенных шляпах. Следом за джентльменами семенили ухоженные, словно

сошедшие со страниц глянцевого журнала, хохотушки-дамочки, без умолку щебетавшие о предстоящем путешествии.

«Как же так? – недоумевал Пэрли. – Экономика страны на дне, а эти, понимаешь ли, всюю шикают!»

Богачи Нового Орлеана мириться с жарой не хотели, каждое лето они паковали чемоданы и стаями мигрировали на север страны. Пэрли искренне пожелал, чтобы поезд сошел с рельсов и похоронил всю эту развеселую компанию, так и благоухавшую новенькими хрустящими долларами, под грудой искореженного раскаленного металла.

Некоторое время он сидел и смаковал возникавшие в разгулявшемся воображении картинки, а затем его мысли переключились на погоду. Жара, установившаяся во второй половине августа, была просто невыносимой. Пэрли казалось, что если и есть ад на Земле, так он здесь, в Новом Орлеане. Ни дуновения ветерка, ни намека на прохладу. Миссисипи, напоминавшая бесконечный поток грязи, едва отражала лучи солнца. Залезть в реку означало верную смерть: охладить она вряд ли могла, а вот сжечь плоть вокруг костей – это пожалуйста. Поездка из Шривпорта в Новый Орлеан должна была стать увлекательным путешествием, но изнуряющая жара все испортила, несмотря даже на то, что в путь Пэрли и Джинджер отправились на комфортабельном «форде». Автомобиль обошелся им в сто долларов, которые они взяли из той суммы, что выручили за продажу «паккарда». Джинджер убедила Пэрли, что новая машина – на самом деле это была модель 1930 года выпуска с четырьмя цилиндрами и пятью тысячами километров пробега на одометре – для успешного воплощения плана им просто необходима. «О человеке судят по автомобилю», – сказала она. Пэрли эти слова пришлось по нраву, и сделка состоялась. Заодно сбыли с рук и «окленд». Его оценили в двадцать долларов, что, по сути, было очень даже неплохо. А черный седан «форд» выглядел и вправду замечательно: ни вмятин, ни царапин.

Пэрли переменил позу, окинул взглядом блестящее чистотой здание вокзала, выпустил колечко дыма и с вызовом произнес:

– Может, и злюсь!

– Возьми себя в руки, – убедившись, что их никто не слышит, заявила Джинджер. – Хватит уже дуться. Ну что ты в самом деле, как маленький!

– Какого черта! – так резко воскликнул Пэрли, что у его спутницы испуганно дрогнули губы. – Какого черта ты ни словом не обмолвилась про третьего, а? Ты же говорила, что двести кусков мы поделим пополам!

– Мы и так их поделим. Парень не в доле, он получит только небольшое вознаграждение! Без него мы все запорем! – оправдывалась Джинджер.

– Откуда мне знать, что на уме у этого деревенщины? А может, я не хочу с ним работать?

– Ты должен мне доверять. Я делаю это ради успеха нашего предприятия... – возразила Джинджер и примолкла: мимо прошел долговязый носильщик, толкавший тележку с багажом, и проплыла пожилая чета. Затем она наклонилась к Пэрли и прошипела: – Нам нужен помощник! Мой племянник – парень надежный да плюс ко всему еще и сильный! Если это тебя утешит, то с Донни я связалась только после того, как обо всем условилась с тобой. Ты, конечно, можешь и дальше ныть, но Донни нам просто необходим.

– Лично я в этом сомневаюсь, – усмехнулся Пэрли.

– Донни будет нам хорошим подспорьем! – воскликнула Джинджер, выхватила у собеседника сигарету, затянулась и выпустила дым через ноздри. – Размер его вознаграждения мы обсудим чуть позже. Но поверь мне, Пэрли, ты не пожалеешь!

– А все подробности плана, как я понимаю, ты отправила племянничку телеграммой, да? Чтобы каждый встречный-поперечный оценил твой замысел во всей красе.

– Не говори ерунду. Я же не дура, в конце концов! «Донни, приезжай, для тебя есть работенка» – вот какую телеграмму он получил. Да он даже своей матери, моей родной сестре, лишнего не сболтнет.

– Похоже, вы уже не раз работали вместе.

– Конечно работали! А иначе я и не позвала бы его. Как я уже и сказала, Донни будет нам хорошим подспорьем, – повторила Джинджер, еще раз затянулась и, блаженно улыбнувшись, вернула сигарету Пэрли.

– А твоя сестричка тоже промышляет аферами?

– Может, и промышляет. Но в это дело я ее впутывать не буду. У нее и так хлопот полон рот.

– Судя по всему, у вас та еще семейка, да? – спросил Пэрли, затачиваясь.

– А ты, можно подумать, благородных кровей! – парировала Джинджер и вдруг схватила его за щеку и заворковала: – У-тю-тю-тю! Милому маленькому мальчику не понравилось, что большая плохая Джинджер взяла в дело еще одного пособника... И теперь бедняжка возмущенно дерет глотку, совершенно не понимая, что тетушка Джинджер действует ему же во благо...

– Прекрати немедленно! – огрызнулся Пэрли и убрал ее руку.

Джинджер захихикала: все это напомнило ей «Утиный суп», популярную комедию с участием братьев Маркс.

У Пэрли от возмущения кровь закипела в жилах. Он уже раскрыл было рот, чтобы устроить Джинджер сцену, как снова захрипел громкоговоритель и певучий мужской голос объявил, что поезд из Джексона прибывает на второй путь.

– А вот и мой любимый племянничек! – воскликнула Джинджер. Она хихикнула, потрепала своего спутника по щеке и поднялась со скамейки.

Пэрли тоже встал, но напарница положила ему на плечо руку и велела:

– Лучше жди нас здесь.

– Хочешь напомнить парню, чтобы он не называл тебя по имени?

– Пэрли, попридержи свою проницательность: она нам скоро понадобится, – сказала Джинджер и устремилась к перрону.

Мужчина с ангельским лицом шагнул было следом, но затем передумал и уселся докуривать сигарету. Глянув на Джинджер, он в очередной раз подумал, что от роковой блондинки в красном платье не осталось и следа. По перрону шла простая милая девушка, одетая в строгое темно-фиолетовое платье с лавандовой оборкой. Незатейливая прическа, скромный макияж – одним словом, его сообщница походила на библиотекаршу или учительницу, встречавшую своего дедушку, приехавшего из глубинки.

«А ведь хороша чертовка», – хмыкнул про себя Пэрли и затаился, поглядывая на бегающих взад-вперед людей. Время от времени локомотив выпускал пар, и ветерок уносил эти облачка на перрон, превращая их, к вящему удовольствию Пэрли, в жуткие призрачные фигуры, медленно проплывавшие среди пассажиров.

Наконец вернулась Джинджер. Рядом с ней шел молодой человек лет двадцати с потертым коричневым чемоданом. Тетушка что-то пела ему на ухо, и вид у нее при этом был весьма самодовольный. Пэрли затушил сигарету и встал.

Донни Бэйнс – так представила племянника Джинджер, но еще не факт, что это было его настоящее имя, – выглядел как неотесанный деревенщина. Сильно выступающая нижняя челюсть и низкий лоб придавали ему сходство с неандертальцем. Голову парня венчала копна огненно-рыжих волос, однако виски были чисто выбриты.

«Ростом примерно метр семьдесят два, широкоплечий, бедра узкие – одним словом, борец», – прикинул Пэрли.

Точно в подтверждение его догадке, глубоко посаженные глазки Донни, выглядывавшие из-под массивных надбровных дуг, находились в постоянном движении и рыскали вокруг в поисках драки. Одевался парень незатейливо: пара коричневых башмаков, рыжеватокоричневые брюки с темно-коричневыми заплатами на коленях и простая рабочая рубашка голубого цвета с закатанными рукавами, обнажавшими жилистые руки. Когда Джинджер и Донни подошли ближе, Пэрли перехватил взгляд молодого человека. Тот надвигался, не сводя с него маленьких злых глазок, а на лице ясно читалось: «Только дай мне повод, и уж я надеру тебе зад».

Пэрли растянул губы в фальшивой улыбке и, едва тетушка с племянником оказались в зоне слышимости, сказал:

– Ага! Тот самый Донни, надо полагать?

Донни даже не улыбнулся в ответ. Он смотрел на протянутую руку Пэрли и не пожимал ее до неприличия долго. А затем вперился в нового знакомого карими, почти черными глазками и крепко, аж до хруста, сжал ему руку. Пэрли не на шутку перепугался за свои костяшки, но виду не подал и лыбиться не перестал.

– Ну, чё как? – поприветствовал его племянник Джинджер.

Если бы полная грязи, ила, глины и бог знает чего еще река Миссисипи вдруг заговорила, то ее голос звучал бы точно так же, как у этого неандертальца. Во рту у Донни блеснул серебряный зуб. Остальные зубы были желто-коричневыми и как будто сточенными.

«Меньше надо грызть кости поверженных сородичей!» – подумал Пэрли.

– Хорошо доехал? – спросила парня Джинджер.

Донни пожал плечами – мол, к чему этот лишний треп – и не ответил.

– Голоден?

– Можно и пожрать.

Пэрли решил про себя, что, пожалуй, всем фермерам в округе следует поостеречься: этому неандертальцу ничего не стоит свалить ударом кулака лошадь, а затем обглодать ее.

– Хорошо, по дороге заедем куда-нибудь перекусить.

Донни кивнул, осмотрел тетушку с ног до головы и сказал:

– Клянусь, выглядишь совсем не так. Никогда не признал бы. – А затем сморгнул раз-другой, словно собираясь с мыслями, и прибавил: – Лады, значит, ты – Джинджер, он – Пэрли. А я кто же буду?

– А ты останешься Донни, лишние сложности нам ни к чему.

Не прошло и нескольких секунд, как парень решил показать Пэрли, кто есть кто. Он резко развернулся на пятках в сторону выхода на Южную Рампарт-стрит и со всего размаху ударил чемоданом носильщика, катившего пустую тележку. Негр покачнулся, а тележка, проскрежетав колесами по полу, укатилась прочь.

– Смотри, куда прешь, черномазый! – заорал Донни.

Носильщиком оказался тот самый долговязый негр, недавно проходивший мимо.

«Совсем юнец, небось ему еще и двадцати не исполнилось, – подумал Пэрли. – А тощий какой! Этот неандерталец в два счета его по земле размажет».

Носильщик, восстановив равновесие, посмотрел на обидчика. И это было с его стороны ошибкой. Хотя в глазах негра светились испуг и удивление, Донни все равно вспылал.

Он в мгновение ока побагровел. Сначала вспыхнула шея, а затем багрянец, заливая краской лицо, добрался и до корней огненно-рыжих волос, казалось запыхавших еще ярче.

– Эй, ниггер, хорош на меня пялиться! – сжав кулаки, заорал Донни, надвигаясь на носильщика.

«Ну все, приехали: сейчас этот рыжий придурок все заперет».

– Тише, Хайнц, – прошептала Джинджер и положила ладонь на грудь племяннику, словно бы желая успокоить закипавшую в его сердце кровь. Приговаривая: «Тише, Хайнц, тише», она встала между Донни и носильщиком.

– Пускай опустит свои гребаные глаза! – крикнул Донни, и снова что-то заклокотало в его голосе, напоминая Пэрли старую грязную Миссисипи.

Горевшими от ярости глазами задира пристально смотрел на носильщика и, дрожа всем телом, готовился броситься в бой. Но негр все-таки опустил взгляд и тихим учтивым голосом произнес:

– Да, сэй.

Ссутулившись и вжав голову в узкие плечи, носильщик двинулся к тележке, в любой миг ожидая удара в спину. Добравшись до тележки, он поправил красную фуражку и пошел к перрону.

– Успокойся, – шептала Джинджер. – Все кончено. Забудь. Угомонись уже!

– Этот ниггер сам напросился! – орал Донни, брызжа слюной, налипавшей хлопьями пены на нижнюю губу. – Этот ублюдок сам так и нарывался, чтобы я выбил из него все его черное дерьмо!

– Ну, будет! Угомонись уже! – повторила Джинджер и погладила его по груди. – Милый, так нельзя: на нас люди глазают, а мы ведь не хотим привлекать лишнее внимание, правда?

Донни не отвечал: его тело буквально сотрясалось от kloкотавшей внутри ненависти.

– Кажется, самое время выкурить сигаретку, – сказал Пэрли и достал пачку «Честерфилда».

Этой безобидной фразы хватило, чтобы неандерталец снова завелся. Сверкнув серебряным клыком, он двинулся на Пэрли. Драться Донни было так же необходимо, как другим людям дышать.

– Вы только посмотрите на него: Макс Бэр собственной персоной, – промурлыкал Пэрли с издевательской улыбочкой. – Еще шаг, недоумок, и я вышибу тебе мозги.

Донни остановился: то ли его остудила хладнокровная решимость, прозвучавшая в голосе Пэрли, то ли упоминание знаменитого боксера-тяжеловеса – сказать было трудно. Но как только Джинджер взяла племянника под руку и повела к выходу, гневный багрянец с его лица начал медленно сходиться.

«Забавно, что Джинджер назвала парня Хайнц, – думал Пэрли, закуривая сигарету. – Очень ему подходит: покраснел, как кетчуп „Хайнц“. Кажется, ей не в новинку успокаивать Донни».

Пэрли какое-то время молча шел позади них, пуская колечки дыма, а затем с усмешкой произнес:

– Джинджер, малышка, надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Захлопни пасть, – огрызнулась Джинджер, и они вышли из здания вокзала, оказавшись под ослепительным солнцем Нового Орлеана.

Часть вторая. Сын Орхидеи и Железноголового Джо

Глава 7

«А вот и Старый Крэб пожаловал», – заслышав звонкие шаги по мраморной плитке вокзала, подумал Кертис, уже поджидавший его появления с минуты на минуту. Старый Крэб поравнялся с чернокожим юношей, толкавшим багажную тележку, и несколько секунд они шли бок о бок, сохраняя молчание.

– Остановись-ка, сынок, – наконец произнес Старый Крэб. При звуке резкого голоса, звучавшего словно из могилы времен, Кертис Уотэрфорд Мэйхью застыл как вкопанный.

– Посмотри на меня, – велел ему спутник.

Кертис взглянул на морщинистое лицо уроженца Африки. Старый Крэб казался парню высоким и огромным, хотя на самом деле худой как щепка старик взирал на него снизу вверх.

– Что за бардак ты устроил? Куда смотрел? Зачем столкнулся с тем джентльменом?

– Сэй, все было не так... Я просто...

– Ты столкнулся с тем джентльменом... – перебил его Старый Крэб, и Кертис заметил, как глаза с желтоватыми белками беспокойно поглядывают в сторону конторки на втором этаже. За зеленоватым стеклом, уперев руки в широченные бока и настороженно склонив лысую голову набок, стоял начальник вокзала. – И устроил бардак, – сурово закончил чернокожий старик. – В моем доме бардак не нужен. Ясно?

– Ясно, сэй. Бардак не нужен, – повторил за ним Кертис.

– А теперь извинись.

– Простите, пожалуйста...

– Перед моим домом извинись. Перед этим величественным зданием.

– Прошу прощения, – произнес Кертис, обращаясь к вентиляторам у него над головой.

Старый Крэб кивнул, приложил морщинистую ладонь к уху и сказал:

– Слышишь? Вокзал говорит: «Хорошенько смотри по сторонам, и тогда ни один белый разиня не налетит на тебя и не выставит дураком». – Он глянул на конторку и просветлел лицом: начальник

скрылся, удовлетворенный тем, что незадачливого носильщика отчитали; теперь жизнь может продолжаться дальше.

– Чуть живот не надорвал, глядя на ваше представление! – воскликнул проходивший мимо молоденький носильщик по прозвищу Умник и захохотал, толкая тележку, груженную двумя чемоданами. Рядом шествовал их владелец, мужчина в синем полосатом костюме из льняной ткани.

Под жужжание вентиляторов Старый Крэб и Кертис двинулись дальше, шагая по черно-белой мраморной плитке и не обращая никакого внимания на пассажиров, дожидавшихся своих поездов.

– Сколько выручил за сегодня? – спросил Старый Крэб.

– Доллар и двадцать центов. Один сэй дал мне аж тридцать центов!

– Неплохой улов. Смотри, не спусти все зараз на музыкальных автоматах.

– Ни в коем случае, сэй.

Старый Крэб, или мистер Уэнделл Крэйбл, всегда наставлял подчиненных, как оставаться вежливыми в любой ситуации. Это он научил Кертиса произносить «сэй» вместо «сэр»: не дай бог белому почудится неуважительное рычание. «Всегда говорите мягко и почтительно, – внушал носильщикам Старый Крэб. – Не разевайте лишний раз рта и не лезьте не в свое дело. А если кто-то вас и оскорбит, притворитесь, что не услышали. Понятно?» «Да, сэй. Понятно, сэй», – хором отвечали носильщики.

– Забудь ты этого белого задиру, – сказал Старый Крэб и посмотрел на настенные часы над билетными кассами: поезд из Иллинойса прибывал через час и сорок семь минут.

Вообще-то, эти двое вполне могли бы обходиться без часов. Проработав на вокзале два года, Кертис выучил расписание назубок. А Старый Крэб трудился тут аж с марта 1911 года, начав со скромной должности уборщика. За это время он успел вдоль и поперек изучить все волокна дубовых панелей на стенах, все трещины в мраморной плитке под ногами и все камни между железнодорожными путями, вплоть до пересечения с Южной Рампарт-стрит. Его белые начальники приходили и уходили, нанимали и увольняли уборщиков, носильщиков и кассиров – если те, конечно же, не умирали раньше, – а Старый Крэб бесшумно оставался на своем посту. И если кто и мог по праву называть вокзал домом, так это был именно он, мистер Крэйбл.

После удара чемоданом в груди побаливало. Но такой пустяк не мог омрачить Кертису настроение: сегодня была суббота, и весь мир лежал у его ног. Юноша был счастлив вдвойне, потому что Старый Крэб поинтересовался его планами:

– Придумал, чем заняться нынче вечером?

– О да, сэй! Еще как придумал!

– Звучит так, будто у тебя все на мази, сынок.

Обычно Старому Крэбу не было никакого дела до того, чем его подчиненные занимаются в выходные и куда тратят заработанные деньги, но сегодня, по-видимому, был особенный день. Мистер Крэйбл настоятельно посоветовал юноше держаться подальше от музыкальных автоматов и не пропускать воскресную службу. Внезапное внимание к нему Старого Крэба изумило Кертиса, весь день мечтавшего хоть с кем-нибудь поделиться замечательной новостью. Он хотел рассказать о своем успехе другим носильщикам: Умнику, Сверчку, Нытику или новенькому Прэнтису – ему кличку еще не придумали, – но все они работали не покладая рук. Ни времени, ни желания слушать Кертиса ни у кого из парней не было. Поэтому Кертис выложил Старому Крэбу все как на духу.

– Сразу после смены я иду на день рождения, – с гордостью сказал он. – Эйве Гордон исполняется восемнадцать.

– Ого, так, значит, у нашего Кертиса появилась девушка?

– Ну, пока еще не совсем так... но я пытаюсь направить это дело в нужное русло, – просияв, ответил юноша. – Вы бы только ее видели! Очень хорошенькая! Я думаю, она...

– Рад за тебя, сынок, – прервал его изливания Старый Крэб и положил ему на плечо тяжелую ладонь. Кертис с сожалением понял, что дальше мистер Крэйбл слушать не хочет. – Ты впредь поостерегись этих белых, ладно? Смотри по сторонам... – Вдруг он увидел кого-то у входа и осекся. Лицо старика скривилось, а глаза превратились в узкие щелки: – Ох, сынок, кажется, это по твою душу пришли. Там твой бедовый дружок появился.

Кертис обернулся и увидел Роуди Паттерсона: оранжевая рубашка в полоску, узкий черный галстук, светло-коричневые брюки-дудочки и двухцветные туфли с невероятно острыми мысками. Заметив Кертиса, Роуди расплылся в широкой улыбке, снял федору с оранжевым пером и

развязной походкой направился прямо к другу, не спуская с него светло-карих глаз.

«О господи, – подумал Кертис, – только этого мне еще не хватало!» Он прекрасно знал, что Роуди пришел не на поезде прокатиться.

– Дурная слава бежит впереди парня, обгоняя его на десять шагов, – словно прочитав мысли подчиненного, скривил губы Старый Крэб. – Гони ты его отсюда в шею!

– Ну, как жизнь? – поприветствовал Роуди приятеля, а затем обратился к мистеру Крэйбл и тихо произнес: – Здравсте, можно вашего работничка на пару слов?

– Он сам себе хозяин, – ответил Старый Крэб и уставился на острые мыски двухцветных туфель. – Господи, парень, где ты только раздобыл этакое безобразие? Вырядился, как сутенер!

– Ну что за допотопные взгляды, – вздернув подбородок, возразил уязвленный Роуди. – Нельзя же быть таким старомодным. Новое поколение – новые стандарты, мистер Крэйбл.

– Я слыхал, стругать новые поколения – как раз твой конек. По мне, так шел бы ты лучше работать, сынок. Глядишь, и наряжаться некогда станет, да и у девчушек неприятностей поубавится.

– Танго – танец для двоих, мистер Крэйбл.

– С такими танцами недолго однажды ночью и пулю схлопотать, – парировал Старый Крэб и решил, что разговор пора заканчивать: дела Роуди Паттерсона и Кертиса Мэйхью его совершенно не интересовали. – Даю тебе пять минут. – Он показал Роуди пять пальцев. – У нас тут вокзал, а не танцплощадка. А ты держи ухо востро, Кертис, и не забудь завтра сходить на воскресную службу: после общения с Роуди тебе не помешает послушать проповедь. – Мистер Крэйбл с презрением глянул на главного гуляку Тримея^[4], по-военному развернулся на каблуках начищенных туфель и величаво удалился.

– Ну уж настолько-то я его не испорчу! – воскликнул Роуди с каким-то злобным ликованием.

Но Старый Крэб, у которого было полным-полно других забот, уже забыл о нем.

Между тем Роуди переключил все внимание на Кертиса. Красивое лицо его перекосила гримаса отчаяния, а на глаза навернулись слезы.

– Кертис, я попал в адскую западню, – прохрипел он.

– Очередная западня для нашего Роуди, – скептически отозвался Кертис и вздохнул. – И разумеется, снова «адская».

– На этот раз все и впрямь хуже некуда, честное слово! Элли вытурила меня, даже замок на двери сменила! Короче, Кертис, она вышвырнула меня на улицу. Клянусь, я люблю эту девчонку! Не могу без нее!

– Так о чем же ты раньше думал? С кем спутался теперь?

– С Сэйди Монэтт. Она работает в ночном клубе «Десять баксов», но это не важно. Кертис, Элли знает меня как облупленного. Она в курсе, что я люблю приударить. Черт подери, но ведь не один же я такой: все мужики ходят налево!

– Нет, – отрезал Кертис, – не все. Ты просто так говоришь, чтобы оправдать себя.

В ответ Роуди то ли всхлипнул, то ли шмыгнул носом, а может, и то и другое одновременно. Словно пытаясь сдержать переполнявшие его эмоции, донжуан местного разлива прикрыл рот ладонью, и серебряные кольца на его пальцах сверкнули в солнечных лучах, пробивавшихся через грязные окна под потолком вокзала.

– Боженькой клянусь тебе, – убрав ладонь от лица, сказал Роуди, – я хочу жениться на Элли: сделать все по-правильному, сечешь? Но против природы не попрешь, Кертис. По-твоему, как мне быть, когда девчуля сама волочится за мной, да еще и улыбается во все тридцать два зуба? Бежать от нее, что ли?

– Не говори ерунду. Надо хранить верность одной девушке. Может, все дело в том, что ты еще не встретил ту самую, единственную.

– Еще как встретил! Эта девушка – Элли! Каждая встреча с ней для меня праздник! И для нее тоже! Пойми: это любовь всей моей жизни! Но сейчас Элли меня и видеть не хочет. Этот ублюдок Байард настучал на меня! Из-за него весь сыр-бор разгорелся! Пожалуйста, Кертис, умоляю тебя, сделай одолжение... сходи поговори с Элли. Неужто ты откажешь старому другу?

Со «старым другом» он познакомился три месяца назад. Роуди переехал сюда из Сент-Луиса и поселился на той же улице, что и Элли, всего в паре домов от нее. За эти три месяца Кертис уже дважды спасал отношения Роуди с Элеонорой Колдуэлл – таково было полное имя красавицы.

– На этот раз она вряд ли меня послушает, – усомнился Кертис.

– Да ты себя недооцениваешь, дружище! – воскликнул Роуди и принялся поправлять приятелю галстук, и без того идеально лежавший на белоснежной рубашке благодаря зажиму в виде паровозика. – Про тебя такое рассказывают, Кертис! Ты бы только слышал, как все тобой восхищаются: клянусь, я не гоню! Есть в тебе нечто... э-э-э... в общем, что-то такое, чего у других нет. Ты зришь в корень, приятель! Найти золото в грязи Миссисипи для тебя – как два пальца!

– Ну все, хорош мне лапшу на уши вешать!

– Не, ну а чё сразу лапшу-то? Ты и без меня прекрасно знаешь, что это правда! Вспомни, как ты меня выручал!

– Дважды за три месяца, между прочим, – вставил Кертис.

– Дважды, дважды, кто же спорит? И оба раза все прошло как по маслу! Элли, когда разозлится, прямо с катушек слетает. Но стоит появиться тебе... – Тут Роуди улыбнулся и с восхищенным видом покачал головой.

«Поди его разбери, – думал Кертис, – то ли он и в самом деле искренне мною восхищается, то ли искусно притворяется».

А Роуди буквально соловьем разливался:

– Что бы ты ей ни посоветовал, Элли с радостью послушается тебя. Да еще и поблагодарит! Дружище, твоя слава гремит по всему району! Все в Тримее знают: Кертис своих корешей в беде не бросает.

– Да брось, я не делаю ничего особенного.

– Как это «ничего особенного»? А помнишь, как в прошлом месяце братья Уотерс из скобяной лавки так пособачились, что чуть друг друга не поубивали? Их мамаша до смерти перепугалась и тут же примчалась к тебе за подмогой! Так что, дружище, не скромничай и не отнекивайся!

– Я всегда рад помочь, если могу, – сказал Кертис и пожал плечами.

– У тебя настоящий талант, парень. Именно поэтому люди постоянно обращаются к тебе за помощью. Ты решаешь любые проблемы на раз-два. «Дуй к Кертису, пока не поздно! – так все местные говорят. – Этому малому по плечу любой спор и ссора!» Может, для тебя это настолько пустячное дело, что ты даже и не замечаешь, а вот остальные... о, остальные просто боготворят тебя!

– Ну, всё! Бросай меня на сковороду! – сказал Кертис.

– Ты про чё толкуешь?

– Да про то, что ты меня уже достаточно умаслил!

По вокзалу, отражаясь от стен, эхом прокатился залиvistый хохот Роуди. Несколько пассажиров оглянулись на них.

«Небось начальник вокзала уже воззрился на нас через зеленое стекло, – подумал Кертис. – А Старый Крэб сейчас прибежит отчитывать меня за бардак в доме».

– Ладно, я поговорю с Элли, – поспешно сказал Кертис, чтобы поскорее отвязаться от приятеля. – Какую сказку ты выдумал на этот раз?

– Объяснишь Элли, что этот лживый ублюдок Джип Байард попросту оклеветал меня, а я ни в чем не виноват.

– Элли не поверит. По мне, так лучше уж честно во всем сознаться – и будь что будет.

Улыбки на лице Роуди как не бывало. Две глубокие морщины прорезали лоб. Главному гуляке Тримея этот совет явно не понравился.

– Ладно, ложись на меня, – добавил Кертис и подумал, что если бы он получал по десять центов каждый раз, когда произносил эти слова, то обеспечил бы себя на всю жизнь.

– Вот это другой разговор, – сразу повеселел Роуди.

– Но только я зайду к Элли завтра, сегодня у меня важная встреча.

– Да ладно! Неужели свидание с девушкой?

– Ну... Я иду на день рождения к Эйве Гордон. Она пригласила меня еще в прошлую среду. Я очень обрадовался! Это было так неожиданно!

– Зажги там, как следует, – хлопнув Кертиса по плечу, сказал Роуди и двинулся к выходу. Вдруг он обернулся, ухмыльнулся и крикнул: – Бери пример с меня, и все у тебя получится! Хотя... лучше будь собой, у тебя же есть дар убеждения! Спасибо, что выслушал! Ты умеешь слушать лучше всех!

С этими словами Паттерсон нахлобучил федору с оранжевым пером и выскочил на Рампарт-стрит с такой скоростью, как будто опаздывал на экспресс под названием «Жизнь».

– Эй, парень, чемоданы сами себя не отнесут! – Молодой джентльмен в небесно-голубом костюме возник так неожиданно, что Кертис чуть было не наехал тележкой на его отполированные двухцветные туфли. – Вещи там, у входа! – прибавил пассажир и полностью переключил свое внимание на изящную спутницу,

озиравшуюся по сторонам и с безразличным видом потягивавшую сигарету через перламутровый мундштук.

– Да, сэй, будет сделано, – сказал человек, который лучше всех умел слушать, и отправился за чемоданами.

Глава 8

«Положись на меня».

В сгущающихся сумерках Кертис Мэйхью, вцепившись в черные ручки серебристого велосипеда, мчался на день рождения к Эйве Гордон. Пытаясь настроиться на праздничный лад, он гнал навязчивые мысли прочь, но безуспешно.

«Положись на меня» – эти три слова, сказанные Роуди Паттерсону, не давали Кертису покоя.

«Как же так? Почему я помогаю Роуди, а не Элли Колдуэлл, которую знаю гораздо дольше, чем его? – размышлял Кертис. – Элли – хорошая и честная девушка... Так зачем же уговаривать ее простить неверного возлюбленного? Роуди неисправим и при первой же возможности вновь обманет бедняжку, и я это прекрасно понимаю... Что же делать?»

Кертис двигался по Южной Рампарт-стрит на восток. Скорость пришлось сбросить: на дороге, как это обычно и бывало вечером в субботу, творилась полнейшая неразбериха. Путь то и дело преграждали автомобили, запряженные лошадьми повозки и велосипеды. Но менять свой обычный маршрут Кертис не собирался: лавировал по улице, пока не добрался до перекрестка с Кэнэл-стрит. Двигаясь вдоль Северной Рампарт-стрит по задворкам Французского квартала, он доехал до Гавэрнор-Николс-стрит и свернул в Тримей.

Разгоняя сумерки, зажигались уличные фонари. Здания вспыхивали бесчисленными глазницами окон. Красными, голубыми и зелеными огнями воспламенялись неоновые вывески увеселительных заведений. Время от времени волной набегал влажный ветерок и приносил знакомые с детства запахи Нового Орлеана. Проезжая мимо цветочного магазинчика Симонетти на углу Рампарт и Гравьер-стрит, Кертис обычно наслаждался благоуханьем роз и душистых цветов. На Рампарт-стрит ветерок доносил до него сладкие ароматы только что испеченного печенья, глазированных пирожных и тортов из кондитерской миссис Делафосс. По пути домой Кертис частенько там останавливался и покупал что-нибудь матери к чаю, но в тот день он спешил. На Кэнэл-стрит всегда пахло крепким кофе из «Центральной кофейни». За трамвайными путями Кэнэл-стрит поджидали горько-

сладкие благовония Французского квартала, вобравшие в себя все многообразие новоорлеанской жизни. К этим ароматам примешивались бензиновые выхлопы автомобилей и автобусов, а также запах раскаленного на солнце металла. Неизменной составляющей города был душок конского навоза. Наконец, венчали этот букет запахов нотки болотного зловония, доносившиеся с Миссисипи, раскаленной августовским зноем. Эти болотные испарения поднимались от поверхности реки желтыми облачками и оседали золотистой паутиной на кронах столетних дубов.

Таким был Новый Орлеан, таким был мир Кертиса. Он знал и любил каждое здание от железнодорожного вокзала на Южной Рампарт-стрит до своего дома на Северной Дэрбини-стрит. Молодой человек чувствовал себя неотъемлемой частью Нового Орлеана, и эта роль определенно ему нравилась. Даже работа носильщика была Кертису по душе.

«Я присматриваю за багажом и тем самым помогаю людям путешествовать, – думал он. – Очень хорошее и полезное занятие, разве нет?»

За велосипедом Кертиса тряслась маленькая деревянная тележка на трех колесах. На дне ее лежал аккуратно сложенный темно-синий пиджак, обернутый коричневой бумагой, а сверху белела коробочка, перехваченная золотистой лентой. В этой бережно упакованной коробочке дожидался своего часа подарок для Эйвы Гордон.

Сдав смену, Кертис как ошпаренный влетел в раздевалку, где под бдительным надзором Старого Крэба хранилась униформа носильщиков. Он встал под душ, отмылся от сажи поездов и достал принесенную заранее праздничную одежду.

Кертис надел накрахмаленную белую рубашку, отглаженные темно-синие брюки и обулся в блестящие туфли, такие же черные, как и он сам. Завязывая перед большим квадратным зеркалом купленный в четверг бело-голубой галстук-бабочку, молодой человек мысленно поблагодарил соседа Хармона Атли, который объяснил ему, как это делается. Без него Кертис точно не справился бы, потому что мать, безуспешно пытаясь разобраться с «бабочкой», сильно разнервничалась и опять слегла в постель.

Поправляя галстук, Кертис внимательно изучил отражение в зеркале: на него смотрел юноша двадцати лет от роду. Не такой

красавчик, как Роуди Паттерсон, но и не урод, каким слыл Бигджо Кумбс по прозвищу Беззубик, на чьем лице, как говорится, черти горох молотили. Кертис записал себя в крепкие середнячки. Он не раз слышал от окружающих, что у него большие ясные глаза и обаятельная улыбка: в отличие от многих сверстников, зубы у него были хорошие. «В общем, грех жаловаться на судьбу», – подумал Кертис. Мать всегда говорила, что интересный человек, привлекательный как личность, будет красив и внешне. А еще она повторяла, что Кертис очень похож на своего отца, Джо Мэйхью. Это печалило Орхидею, и она снова ложилась в постель.

Кертис, прихватив штанины прищепками, чтобы промасленная цепь не запачкала брюки, уверенно крутил педали, курсируя по улицам мимо разноцветных неоновых вывесок ночных клубов, из распахнутых дверей которых редела джазовая музыка. Сердце его билось часто, но не от физической нагрузки, а в предвкушении встречи с именинницей.

«Подумать только! Сама Эйва Гордон пригласила меня на день рождения! – ликовал Кертис. – А мне казалось, что она совсем забыла про мое существование».

Каждое утро со дня их знакомства Кертис, проезжая под окнами Гордонов, сбавлял ход в надежде заговорить с Эйвой еще раз. Молодой человек хорошо помнил, как они познакомились: Эйва только-только вышла из дома, а он как раз ехал мимо. Кертис набрался храбрости, остановился и вежливо поздоровался. Девушка смерила его высокомерным взглядом. Несмотря на то что юношу прошиб холодный пот, он все же представился ей. Услышав имя, Эйва оттаяла: «Кертис Мэйхью? Как будто я слышала о тебе. Ты, кажется, местная знаменитость?» На что он улыбнулся, пожал плечами и ответил: «Я – это просто я».

«Она такая хорошенькая! И так вкусно пахнет! Словно смесь корицы с гвоздикой, нагретая лучами летнего солнца, – думал Кертис. – А уж какие она носит шляпки! И всегда в белых перчатках! Никогда не видел Эйву без перчаток!»

Справедливости ради надо сказать, что со дня их знакомства Эйва вообще попадалась на глаза Кертису исключительно редко. Лишь иногда ему удавалось издалека приметить девушку в компании подруг,

попивающих лимонад в саду, или увидеть край ее платья, вдруг мелькнувший за кованой решеткой дома, – на этом, пожалуй, и всё.

Но в среду утром Эйва окликнула Кертиса из-за ворот и пригласила на вечеринку в честь своего дня рождения. «Должно быть, она поджидала меня, – подумал Кертис, и мысль эта согрела ему душу. – Не зря, получается, я кружил тут каждое утро!» И он ответил: «Конечно же, я приду, мисс Эйва! В субботу, в семь вечера, как штык! Ни за что в жизни не пропущу ваш день рождения!»

Что подарить имениннице, он придумал с легкостью. В первую встречу над ними кружила желтая бабочка, будто фея из сказки, опутывая их невидимыми нитями все крепче и крепче. Бабочка сперва села на шляпку Эйвы, а затем перепорхнула на плечо Кертису. «Ты никак подслушивать собралась?» – спросил он бабочку и развеселил этим девушку. Смех ее переливался, точно вода в садовом фонтанчике. В подарок Эйве Кертис купил брошку. В четверг после работы он проехался по магазинчикам вдоль Кэнэл-стрит и в одном из них наткнулся на маленькую лакированную желтую бабочку с золотистыми камушками на крыльях. Брошка обошлась ему дорого, но она того стоила. Эйва того стоила.

Увидев впереди поворот на Гавэрнор-Николс-стрит, Кертис, желая поскорее оказаться рядом с Эйвой, прибавил скорости и понесся во весь опор. В поворот он вошел так, что тележка за ним чуть не перевернулась. Кертис проскочил между автомобилями и под пронзительные гудки клаксонов помчался на север. Вдоль Гавэрнор-Николс-стрит располагались дома богатых и уважаемых людей, укрывавшихся от посторонних взглядов либо за каменными стенами, либо за коваными железными заборами.

Отец Эйвы Гордон владел в Тримее двумя продуктовыми магазинами. Мистер Гордон был честным малым и на такие продукты, как репа, стручковая фасоль и свиные щеки, цены не заламывал. Дела у него шли хорошо, и он быстро добился успеха.

Впереди замаячили роскошные черные автомобили, один за другим останавливающиеся у особняка Гордонов.

«Столько уважаемых семей, все сливки Тримея собрались! Разве мне тут место? – засомневался было Кертис и сразу же успокоил себя: – Да брось, тебя же пригласила сама виновница торжества!»

Он спрыгнул с велосипеда, надел пиджак, снял со штанин прищепки и, толкая велосипед, двинулся к дому размеренной поступью джентльмена.

Весь двухэтажный особняк Гордонов буквально пылал разноцветными огнями. Великое множество свечей в светильниках освещало высокий кованый забор и крыльцо. Сад украшали фиолетовые, оранжевые и зеленые бумажные фонарики. У распахнутых ворот Кертис занял очередь: перед ним стояли разодетые в пух и прах молодые люди. Никого из них Кертис прежде не видел. Они показывали швейцару в смокинге пригласительные открытки с красивым тиснением и один за другим проходили внутрь. Наконец очередь дошла и до Кертиса. Швейцар глянул на велосипед с таким презрением, словно это был гигантский протухший сом, выловленный с грязного илистого дна Миссисипи.

– Пригласительный есть? – нахмутив густые седые брови, строго спросил он.

– Мм... Нет, сэй, у меня нет ничего такого. Эйва Гордон пригласила меня лично.

– Имя?

– Кертис Мэйхью.

– А, – отозвался швейцар, – тогда вам туда, за угол. Проходите через кухню, пожалуйста. – И затянутой в белую перчатку рукой указал Кертису на мощеную дорожку, теряющуюся где-то в кустах. Сказав это, он тут же переключился на других гостей, уже протягивавших ему пригласительные.

«Почему через кухню?» – хотел было уточнить Кертис, но люди в очереди в нетерпении напирали, и он ретировался. Молодой человек покатил велосипед по дорожке, обошел дом и обнаружил в кустах еще одни ворота. С заднего дворика слышались болтовня и веселый смех. На лужайке дворика он увидел гостей. Лужайку, точно так же, как и дом, освещали разноцветные бумажные фонарики. Их свет отражался от медных духовых инструментов, начищенных до ослепительного блеска. На сцене, украшенной фиолетовыми и зелеными ленточками и шарами, готовились к выступлению музыканты маленького джаз-бэнда. Кертис уже собирался было присоединиться к гостям, как вдруг из дверей подле кованых ворот ему навстречу вышла стройная мулатка в красном платье. Ее совершенный, по скромному мнению Кертиса,

образ завершала драгоценная тиара в волосах. Мулатка глянула на велосипед, на юношу и спросила:

– Ты артист?

– Нет, мэ.м... Я Кертис Мэйхью. Меня пригласила...

– Велосипед – под дерево, а сам ступай вон туда, – скомандовала она, указала на дверь и поспешно скрылась, оставляя за собой ароматный шлейф лимонных духов.

Кертис поставил велосипед, поправил галстук, одернул рубашку и достал из тележки подарок. Он прошел в дверь и оказался на кухне. На бесконечно длинной плите стояли полчища кастрюль. В клубах пара над ними колдовали три повара, а руководила ими, по-военному отдавая приказы, полная женщина в белом фартуке и бирюзовой шапочке. Кертиса вдруг бросило в жар, и он весь как-то сник.

– Ты кто такой? – Женщина так зыркнула на него, что бедняге захотелось провалиться сквозь землю.

– Кертис Мэйхью.

– А... Ты тот самый... – Она увидела коробку и поинтересовалась: – А это еще что?

– Это мой подарок мисс Эйве.

– Не стоило, – сказала толстуха и забрала коробку. – Я прослежу, чтобы она получила подарок. Твой столик уже на заднем дворике. – Тут что-то загремело и зашипело, и женщина заорала: – Эй, Руфус, что-то я не поняла, ты чем собрался гостей кормить: супом из бамии или пригоревшей грязью?

– Мой столик? – переспросил Кертис. – Вы, кажется, что-то...

– Да хватит уже спорить! – прикрикнула толстуха, и юноша понял: еще чуть-чуть, и эта женщина, как боевой корабль, выстрелит из всех орудий. – У меня нет времени все тут тебе разжевывать, понял? Там в саду шестьдесят голодных ртов, и эти голодаи с минуты на минуту завоют: «Дайте нам еще супа, еще раков, еще цыплят, еще едальянских фрикаделек!» Так что вытряхивайся уже отсюда за свой столик!

Кертис отшатнулся. Что-то явно пошло не так, но что именно, он никак не мог взять в толк. Толстуха развернулась и водрузила его подарок на самую верхнюю полку, подальше от пышущих жаром кастрюль. Кертис открыл было рот, чтобы возразить командирше, но слов не нашлось.

«Разыщу Эйву во дворике, и тогда это недоразумение разрешится само собой», – подумал он и поспешил к выходу.

А грозная женщина между тем переключилась на повара и поносила его на чем свет стоит за пережаренные кукурузные клецки.

Посреди лужайки Кертис увидел пестрого, в яблоках, пони, привязанного фиолетовой лентой к колышку. Вокруг пони за столиками сидели нарядные гости. Внимание молодого человека привлек огромный торт. Ничего подобного он в жизни не видел. Торт высился, точно кафедральный собор, облитый сиреневой и зеленой глазурью. Три необъятных коржа один за другим тянулись к небу, а венчали все это великолепие восемнадцать пока еще не зажженных белых свечей. Торт стоял в центре платформы, в окружении больших металлических ведер с кубиками льда. Двое слуг в смокингах без передышки обмахивали его гигантскими веерами из тростника, поддерживая вокруг торта прохладу и отгоняя мух. Третий слуга, стоявший возле хрустальной чаши для пунша, разливал по стаканам пенистую зеленую жидкость. Трубоч на сцене отер мундштук платком и облизал губы. Барабанщик, проверив парой ударов бас-бочку – на ней красовалось название «Вэнгардс» – и сыграв дробь по малому барабану, дал понять гостям, что музыканты готовы к выступлению.

Между сценой и пони Кертис разглядел столик, накрытый белой скатертью, и три стула. На столике блеснул хрустальный шар, а рядом виднелась написанная от руки табличка: «Узнай свою судьбу».

«Неужели этот столик и в самом деле для меня? – изумился молодой человек. – Что за ерунда? Это какая-то ошибка... Наверное, меня с кем-то перепутали... Не может быть!»

Гости – поглощенные кто едой, кто выпивкой и веселой болтовней – расступались перед ним, как перед призраком, пропуская к хрустальному шару. Кертис, словно в тумане, пересек дворик и остановился у столика. Тут перед ним возникло улыбающееся, светящееся от счастья лицо Эйвы. Золотистого цвета платье и тиара с драгоценными камнями то и дело переливались и вспыхивали на свету. Со времени их последней встречи Эйва ничуть не изменилась. «Все такая же премиленькая», – подумал юноша.

– Привет, Кертис! – сказала именинница. – Для тебя уже все готово!

– Здравствуйте, мисс Эйва, – ответил Кертис. Во рту у него пересохло. Кровь стучала в висках, словно бас-бочка «Вэнгардс», и заглушала все мысли. – Послушайте, – сказал он наконец.

– Да? – отозвалась девушка и тут же отвернулась, озираясь в поисках гостей, с кем она еще не успела поболтать. В ее глазах блестела радость, но Кертис понимал: это не от встречи с ним.

– Мне кажется...

– А вот и Престон! Кертис, садись уже за столик, пора начинать!

Эйва двинулась к Престону, а бедный Кертис застыл, как парализованный.

«Не могу же я сидеть тут и притворяться предсказателем! Не место мне за этим столиком! Украшенный лентами пони, джаз-бэнд, немислимых размеров торт – нет, на вечеринке в честь дня рождения Эйвы Гордон мне точно не место», – решил он.

– Мисс Эйва! – окликнул юноша хозяйку, и на фоне общей веселой болтовни его голос прозвучал как вопль утопающего.

Эйва недовольно обернулась, и выглядела она теперь уже не такой премиленькой.

– Что еще? – резко спросила она, и слова эти ножом полоснули по сердцу Кертиса.

– Видите ли... я не предсказатель. Я хочу сказать... мне кажется... вы меня с кем-то перепутали, – выдавил молодой человек. Эйва медленно сморгнула, продолжая бессмысленно улыбаться. – Я не умею гадать и предсказывать судьбу, – объяснил он.

Девушка ничего не отвечала, а просто смотрела на него непонимающим взглядом и улыбалась.

– Я не предсказатель, – повторил Кертис. – Произошла ошибка.

– Ой, – только и сказала Эйва. Улыбка ее потухла. Изящными пальцами она прикрыла губы, как будто съела что-то невкусное. – Я просто думала... Вернее, я слышала... что ты, ну этот... из тех... кто может предсказывать судьбу.

– Нет, мисс. Я просто Кертис.

– Ой, – снова произнесла Эйва, и Кертис понял, что вечеринка для него закончена. Ее и без того темные глаза сделались совсем непроницаемыми, и, конечно же, никакой радости в них больше не светилось. – Ну, что ж поделаешь, – сказала она и быстро отвернулась, чтобы поприветствовать приближающегося молодого человека.

Улыбка мгновенно озарила ее лицо, как будто кто-то щелкнул выключателем. – Престон, я так рада тебя видеть! Пойдем танцевать! – Девушка положила руку ему на плечо, и они унеслись, подхваченные вихрем танца.

Некоторое время Кертис так и стоял, тупо глядя на то место, где только что была Эйва, едва замечая снующих вокруг него, точно призрачные тени, гостей.

Как долго он проторчал вот так, оттираемый со всех сторон равнодушными людьми, Кертис не знал. Ясно было только одно: на этой вечеринке ему места нет и быть не может. Вдруг музыканты грянули тутти, и Кертис восторженно вскрикнул. Долговязый солист с набриолиненными волосами и в расшитом серебристыми блестками костюме шагнул к микрофонной стойке и сказал, что хотел бы от лица всей группы поздравить очаровательную мисс Эйву Гордон с днем рождения. Толпа поддержала его гиканьем и улюлюканьем.

Прежде чем они заиграли песню, чья-то рука схватила Кертиса за предплечье. Он оглянулся и увидел того самого сурового швейцара.

– Я получил указания, – невозмутимо произнес швейцар, – вернуть вас на кухню.

Опечаленный Кертис поплелся к дому. За спиной грянула музыка, и когда нестройный хор голосов подхватил мелодию «Happy Birthday», казалось, вздрогнули даже многовековые дубы, нависавшие над сияющим разноцветными огнями особняком Гордонов.

На кухне Кертиса оставили на милость энергичной толстухи, которая, как боевой корабль, по-прежнему палила из всех орудий по несчастным поварам, погибавшим над кастрюлями. Прежде чем уйти, швейцар что-то шепнул женщине – видимо, про Кертиса, – но та даже не удостоила «предсказателя судеб» внимания. Бедняга, не зная, куда деваться, лишь молча взирал на нее. Наконец, посмотрев в лицо Кертиса тяжелым взглядом, женщина спросила:

– Подарочек, наверное, свой хочешь забрать, да, сынок?

– Не, – промямлил Кертис. Он вдохнул и повторил тверже: – Нет, мэм.

Повариха не ответила. Она проплыла вдоль исходивших паром кастрюль сначала вперед, затем назад и, убедившись, что все в порядке, снова переключилась на Кертиса.

– Ну-ка, сынок, подойди сюда и отведай праздничного торта, – скомандовала женщина и поманила его пальцем.

Едва переставляя ослабевшие ноги по кафельному полу в шашечку, Кертис добрел до толстухи, поджидавшей у квадратного столика. Она указала на тростниковый стул, и юноша послушно сел. Через мгновение повариха сунула под нос Кертису желтое блюдо с куском белого торта, украшенного сиреневой и зеленой глазурью. А рядом поставила кружку зеленого пунша со льдом и подала вилку. Какой только едой от этой женщины не пахло: супом из бамии, речными раками, жареными цыплятами, итальянскими фрикадельками и кукурузными оладьями.

– Это кусок от первого торта, – ответила она на немой вопрос Кертиса. – Его испекли утром, но он обвалился и превратился в коровью лепешку – образно говоря, конечно же. Так что, съев этот кусок, ты нам очень подсобишь.

Кертис поблагодарил ее и приступил к тарту, но удовольствия от угощения не получил.

– Мэйхью, – задумчиво протянула повариха, – знавала я в былые времена одного Мэйхью. Его звали Джо.

– Так ведь это мой отец.

– А-а-а, вот оно что! Не признала: ты на папашу совсем не похож. Слушай, сынок, тебя дома-то вообще кормят? Есть худые, есть тощие, а есть доходяги, – так вот, по сравнению с тобой они еще о-го-го! Твой отец сроду не был таким скелетом.

– Да я, видать, в маму уродился.

– Помню, Джо и взглядом не охватишь с первого раза – здоровенный, как медведь! Широченные мускулистые плечи и точно такая же могучая спина. Да-а, когда-то мы работали вместе на хлопковой фабрике. На той, что находилась у причалов на Хармони-стрит. Теперь-то ее уже нет: сгорела дотла. Чернокожим парням все было нипочем: целый день таскают туда-сюда тяжести, а потом как ни в чем не бывало завалятся к нам, девчатам, и давай балагурить да суматоху наводить. И твой папаша в том числе!

– Я плохо помню отца, – сказал Кертис, уминая торт.

– Хм-м, – отозвалась повариха, – неудачная у него судьба. Жалко мужика.

– Спасибо, торт очень вкусный, – поблагодарил Кертис и глотнул пунша, который оказался смесью подслащенного лаймового сока с содовой. – И пунш тоже, – прибавил он.

– Да-а, – задумчиво произнесла толстуха, то ли отвечая на похвалу, то ли все еще вспоминая Джо Мэйхью. Она смотрела на юношу отсутствующим взглядом, словно перенеслась куда-то далеко. Наконец она сказала: – Доешь и ступай. И передай мамаше, что тебя ветром унесет, если не начнет кормить как следует. Налегай на бобы и кукурузный хлеб – и мигом поправишься! – И с этими словами женщина вернулась к своим делам на кухне.

«Наверняка она и домом управляет, – подумал Кертис. – Все, хватит с меня унижений, надо убираться отсюда!»

Швейцар открыл ворота. Кертис выкатил велосипед, снял пиджак, свернул его и положил в тележку. Снова зацепив брюки, он сел на велосипед и медленно, не оглядываясь, поехал к Марэ-стрит, прочь от смеха и веселья. Дом Гордонов для Кертиса больше не существовал.

Глава 9

Кертиса всегда удивляли контрасты Нового Орлеана. Вот и сейчас он повернул направо, проехал всего пару кварталов и тут же оказался в совершенно другом мире. Роскошные особняки сменились невзрачными домами: Кертис приближался к восточному Тримею. Дом Гордонов остался далеко позади: уже виднелась Эспланейд-авеню. На душе у юноши было по-прежнему паршиво от постигшего его разочарования.

Жавшиеся друг к другу жилища выглядели плачевно. У многих домов отсутствовали подъездные дорожки: крылечки выходили прямо на растрескавшуюся и утопавшую в грязи дорогу. Краска на стенах давным-давно облупилась от жары. Если и попадались свежеевыкрашенные лачуги, то цвет у них непременно был ядовитый и глаз, прямо скажем, не радовал. Встречались и совсем уж развалюхи: либо заброшенные, либо после пожара. Ясно было, что в один прекрасный день природа возьмет верх и руины эти зарастут травой и кустарниками.

Решив, что домой он пока возвращаться не хочет, Кертис затормозил у парикмахерской Принса Парди. На витрине, пестреющей рекламными наклейками шампуней и средств для укладки волос, висела вывеска «Поскорее к нам зайди, себя в порядок приведи!».

В субботу вечером здесь обычно играли в покер. Когда Кертис вошел, его окутал плотный табачный дым: игра была в самом разгаре. Из четверых мужчин, сидевших за столом, при его появлении оторвался от карт только Принс Парди.

– О, Кертис, привет! – воскликнул он, и его продолговатое лицо, обрамленное копной седых волос, растянулось в улыбке. – Устраивайся поудобнее и угощайся колой!

Кертис, недолго думая, прошел в дальний угол и взял из ведерка с подтаявшим льдом бутылку колы. Воспользовавшись открывалкой, привязанной к ведру бечевкой, он открыл бутылку, жадно глотнул, сел на один из красных виниловых стульев и обвел взглядом игроков: Принс Парди, Сэм Раско, Реджис Маллахенни и Филипп Лё Саван напряженно всматривались в свои карты. Помимо Кертиса, за игрой в покер следили еще двое: Джеральд Гаттис и Терк Томлинсон. Оба

дымили сигарами и без умолку трещали, обсуждая темы, не интересовавшие никого, кроме них.

– Поднимаю ставки на десять центов, – объявил Реджис.

– И я тоже, – отозвался Сэм.

– Парни, у вас же на руках ничего нет, – сказал Принс и с грохотом развернул свой стул к Кертису. – Эй, а чего это ты так вырядился? – спросил он, явно стараясь потянуть время. – А ну колись, куда намылился?

Кертис поколебался. С одной стороны, ему очень хотелось поделиться с Принсом, поведать ему о своих невзгодах, а с другой, – было стыдно за то, что он осмелился думать, будто бы приглянулся Эйве Гордон. Теперь-то Кертис понимал, что по наивности строил воздушные замки. Богачи, обитавшие на Гавэрнор-Николс-стрит, всегда чурались простого люда с Эспланейд-авеню, и предполагать иное было попросту глупо.

– Вообще-то, я кое-откуда возвращаюсь, – нерешительно произнес он.

– И откуда же именно? – спросил Парди с живым интересом.

«Может, полегчает, если выговорюсь?» – подумал Кертис.

– Мне показалось, что меня пригласили...

– Двадцать центов! – вдруг выкрикнул Принс и подтолкнул к центру стола две монетки. – Что ж, – снова обратился он к Кертису, пока Филипп изучал карты, – выглядишь ты просто шикарно. Как говорится, гуляй, пока молодой. А лучшего времени для гулянок, чем субботний вечер, и не найти. Слушай, Филипп, долго ты еще будешь мусолить свои картонки? Советую сожрать карты, пока никто не увидел, как дешево ты блефуешь. Может, тебе их поперчить или посолить?

– Сам ешь это дерьмо! – выкрикнул Филипп и сбросил карты рубашками вверх.

Кертис откинулся на спинку стула и глотнул еще колы. Началась новая раздача.

– Эй, Принс! – вдруг произнес Терк и положил сигару в пепельницу под локтем. – Скажи-ка мне, какого ты цвета?

– Какого я цвета? Что за фигню ты несешь?

– Знаешь Дину Фонтейн, которая работает служанкой в Гардене? Так вот, она рассказала Эрмин Янси, как на днях с ней произошел

забавный случай. Пока Дина застилала постель, к ней подошел белый мальчуган, хозяйский сынок, и спросил: «Неужели ты и в самом деле шоколадная?»

– Да ладно!

– Прямо так и спросил! Хозяйка дома жутко смутилась и умоляла Дину не принимать слова мальчика близко к сердцу, но та лишь рассмеялась и сказала, что совсем не обиделась. И вот тут-то я и призадумался: цветные, такие, сякие – как только белые нас не называют. Мы с Джеральдом даже поспорили! Вот глянь в зеркало, Принс, и скажи мне, какого ты цвета?

– Хм-м, – протянул Парди, задумчиво рассматривая себя в отражении большого зеркала в золотой раме. – Смуглый, наверное. С красноватым отливом.

– Смуглый, но выгоревший до рыжины, – пошутил Филипп, и все, кроме Кертиса, засмеялись.

Мысли юноши витали вокруг Эйвы Гордон. Раз за разом прокручивая в голове события сегодняшнего вечер, он все не мог взять в толк, как же так вышло.

– Вот о чем я и толкую, – продолжал Терк.

– Да о чем именно? – спросил Реджис. – Я, признаться, так еще и не понял, к чему ты клонишь.

– Ну вот взгляните, например, на меня, – не унимался Терк. Он так резко наклонился к столу, что пружины стула жалобно взвизгнули. – У меня кожа с примесью желтизны. Реджис – коричневый, с оливковым оттенком. У Филиппа как будто добавили чуток серой краски. А Сэм, он...

– Цвета заварного крема – так мне все говорят, – отозвался Сэм.

– О чем и речь, – закивал Терк. – Вот у Джеральда кожа благородного светло-коричневого цвета, как у дорогого воскресного костюма. А у Кертиса, наоборот, смахивает на крепкий утренний кофе. Все мы разных цветов, я бы даже сказал – весьма разных. – Он на мгновение замолк, выпустил дым в потолок и продолжил: – Называть нас черными – это неправильно, понимаете? А Уэстон Уивер? Все знают Уэстона: он черный, но на солнце отликает синевою. Вот со Стоувпайпом другая история: этот парень чернее ночи! В общем, ежу ясно: наша кожа самых разных оттенков – от цвета кофе с молоком до траурного черного. Да еще вдобавок она может оказаться матовой или

блестящей, с красным, желтым, оливковым отливом или же просто непроницаемо черной. И так можно продолжать до бесконечности...

– Ты и так уже вещаешь нам тут целую вечность, – хмыкнул Реджис. – К чему клонишь-то?

Терк не ответил. Он откинулся на спинку стула и принялся этак лениво потягивать сигару, будто бы вовсе и не собирался продолжать. Затем он хитро улыбнулся и сказал:

– А теперь опишите-ка мне кожу белых.

Все примолкли. Реджис почесал голову, Сэм – седеющую бороду, а Кертис глотнул кока-колы. Принс прочистил горло и произнес:

– Ну, наверное, она скорее розовая, чем белая.

– Не! У некоторых бывает настолько белой, что аж глаза слепит! – отозвался Филипп.

– А я видел и красных, – вставил Сэм. – Таких, что сгорели на солнце. Ох, ну и больно же им, наверное было!

– Вот и я о том же толкую! – воскликнул Терк.

– Да о чем же? Может, я невнимательно слушаю, но, по-моему, по делу ты еще так ничего и не сказал, – заметил ему Реджис.

– Я говорю о том, что ниггеры классные, – ответил Терк и ухмыльнулся. – У каждого из нас кожа уникального цвета, а у белых что? Да у них кожа вообще никакая! Вы только представьте: они смотрят на руки и видят свои синие вены! А ведь по ним, черт побери, бежит кровь! Жуть! Меня каждый раз всего аж передергивает, как представлю. А у некоторых кожа настолько светлая, что они сразу сгорают на солнце: беднягам постоянно приходится прятаться в тени. Иногда я даже им сочувствую.

– При случае обязательно помолюсь за белых, – нетерпеливо перебил его Реджис. – А теперь можно, с вашего позволения, продолжить игру? Я хочу отыграть свои семьдесят центов!

– Спасибо Богу за то, что в слове «цветной» так много оттенков, – заключил Терк и выпустил очередное облачко дыма.

Несколько мгновений все молча следили за тем, как Принс тасует колоду для раздачи.

– Спасибо Богу за то, что создал шоколадных красоток, – вдруг тихо произнес Парди.

– Ха! Прямо в точку! – чуть не упав со стула, горячо воскликнул Сэм. – Ох, слышала бы это моя Джуди! Она бы живьем содрала с меня

кожу цвета заварного крема!

Просмеявшись, все взяли за карты. Кертис допил кока-колу и решил, что ему пора. Он встал, прошел в угол зала и поставил пустую бутылку в ящик, стоявший за ведром со льдом.

– Пойду домой, – сказал Кертис. – Спасибо, мистер Парди.

– Заходи еще! И не вешай нос, Кертис, что бы у тебя там ни случилось! Все непременно образуется, только наберись терпения. Слышишь?

– Да, сэр.

– Маме привет!

– Передам обязательно!

– Надеюсь, все у тебя наладится, – сказал Джеральд и быстро, но выразительно глянул на молодого человека. Взгляд этот означал, что Джеральд не хочет, чтобы Кертис проговорился о его долгах. На прошлой неделе Кертис спас его шкуру от Майлза Уилсона, содержавшего ремонтную мастерскую вверх по Эспланейд-авеню. Долги для Майлза собирали ну очень здоровенные детины, и в этот раз дамоклов меч навис над Джеральдом. Кертису, чей отец одно время работал вместе с Майлзом в доках, удалось убедить кредитора отсрочить уплату долга, составлявшего целых пять долларов, еще на неделю.

– Советую поменьше смолить эти десятицентовые сигары, – многозначительно произнес Кертис и прибавил: – Доброй ночи, джентльмены.

После чего вышел из парикмахерской так быстро, что никто даже не успел спросить, к чему он это сказал. Однако Джеральд прекрасно все понял и живо представил себе, как в грядущее воскресенье, если он не отдаст Уилсону пять купюр с портретом Джорджа Вашингтона, его пальцы будет жечь не дотлевающая сигара, а раскаленный утюг.

Кертис забрался на велосипед, доехал до конца Марэ-стрит и повернул налево на Эспланейд-авеню, все дальше углубляясь в Тримей.

Проезжая вдоль Эспланейд-авеню, он миновал расположившееся под сенью старых дубов кафе «У Мэнди». Несмотря на поздний час, заведение работало, а внутри сидело несколько человек. Чуть дальше по улице ревели в ночных клубах медные духовые инструменты. Там же располагались и доходные дома, где квартиры сдавались внаем. Все

матери в Тримее – и мама Кертиса в том числе – в один голос называли эти места злачными и не раз наказывали сыновьям туда не соваться. По левую руку находился ночной клуб «Изысканный акр», занимавший, конечно же, далеко не акр, даже с учетом скромной автомобильной стоянки рядом. Ничего изысканного там тоже не было: обыкновенный бар, подсвеченный резким голубым неоновым светом. Другой ночной клуб, под названием «Десять баксов», словно бы неуклюже пытаясь отобрать у конкурента пальму первенства, заливал улицу красным светом с противоположной стороны. Из открытых дверей доносились пение женщины и протяжный вой саксофона. Кертис миновал обувную мастерскую, магазинчик подержанной одежды, и перед ним возник третий ночной клуб на Эспланейд-авеню – «Дан Дидит». Низкое кирпичное здание подсвечивалось желтыми и зелеными огнями, мерцавшими в такт музыке. Услышав раскатистые и гулкие удары большого барабана, Кертис невольно подумал, что звукам как будто бы тесно в стенах здания, и, словно в подтверждение его мыслям, двери клуба распахнулись, и оттуда, чуть ли не кубарем, выкатилась пьяная компания. Едва стоявшие на ногах взьерошенные люди кричали, смеялись и помогали друг другу совладать с земным притяжением. Кертис, вильнув рулем, едва увернулся от столкновения. В толпе гуляк он разглядел Роуди Паттерсона и Женеву Барраконе. Девушка висела у кавалера на шее, не спуская с него влюбленных глаз. В пьяном угаре Роуди ухмылялся, потряхивал бутылкой дешевого пойла и угрожал небу, просвечивающему сквозь кроны сурово взиравших на него дубов.

Кертис решил, что Элеонора Колдуэлл заслуживает того, чтобы знать всю правду о Роуди Паттерсоне. «Нечего ей понапрасну страдать и тратить время на парня, не пропускающего ни одной юбки. Хотя Элли может мне и не поверить, – размышлял Кертис, – но попытаться поговорить с ней все же стоит. Если убедить Элли не удастся, то мои благие намерения лишь сыграют на руку Роуди. Палка о двух концах, но ничего не поделаешь».

Оставив шумную Эспланейд-авеню позади, Кертис свернул на Северную Дэрбини-стрит. По обе стороны улицы теснились знакомые с детства дома. Ночной мрак разгоняли лишь редкий фонарь на крыльце, мерцающая свеча в окне или лампочка – у тех немногих, кто мог позволить себе платить за электричество.

Кертис направил велосипед к домику кремового цвета с темно-коричневой крышей, видневшемуся в центре квартала на углу Дюмейн и Сент-Энн-стрит.

«Наконец-то я дома», – подумал он и отметил, что через шторы тускло пробивается свет.

Кертис прицепил велосипед к коричневым перилам маленького крыльца, достал из тележки пиджак, перекинул его через руку и уже хотел было открыть входную дверь, как вдруг та отворилась сама. В прихожей на обитом вельветом стуле его поджидала мать.

– А вот и он, – объявила Орхидея, словно в комнате Кертиса ждал кто-то еще, и с облегчением выдохнула.

Молодой человек закрыл дверь и задвинул защелку. Они вошли внутрь.

– Ты выглядишь просто замечательно, – восхитилась Орхидея. – Этот костюм тебе очень к лицу!

– Спасибо, мам, – сказал Кертис и кивнул. – Мне очень приятно это слышать.

Света от лампочки, приглушенной темно-зеленым абажуром, едва хватало, чтобы разглядеть цветы и виноградные лозы на обоях, которыми была оклеена комната.

– Что-то пошло не так? – спросила Орхидея. – Ты выглядишь расстроенным.

– Все нормально, мамуль, – ответил Кертис.

Орхидея Мэйхью помолчала и внимательно посмотрела на сына. Хотя в углу негромко гудел вентилятор, в помещении все равно стояла невыносимая духота. Однако, несмотря на жару, мать Кертиса куталась в любимое старое одеяло, ниспадавшее многочисленными складками до пола. На голове Орхидеи был повязан серый шарф. Из-под всего этого тряпья виднелись только коричневый овал ее лица, исхудавшие руки да потертые кожаные тапочки.

– Зря ты меня не послушался: нельзя дарить девушке ничего острого, – сказала Орхидея.

– Мам, о чем ты? – не понял Кертис.

– Ничего острого, – повторила она, с осторожностью вдыхая воздух, будто слово «острый» своим звучанием могло уколоть ее легкие. – Дарить девушке острые предметы – очень плохая примета. Я ведь тебя предупреждала.

– Но ты мне ничего такого не говорила, – возразил Кертис.

– Что ж, – не стала спорить Орхидея, – но ты и сам уже должен знать такие вещи. Все это знают. Когда я увидела эту булавку, то сразу подумала, что добром дело не кончится.

Мать поморщилась, и глубокие морщины еще сильнее прорезали ее лицо. Она выглядела маленькой и хрупкой. Острые скулы натягивали кожу лица так, что в темных глазницах едва угадывались ввалившиеся глаза. В свои тридцать семь лет Орхидея выглядела много старше.

– Да что же это за наказание такое! – воскликнула она. – Спина сегодня болит просто невыносимо. За что мне это? Сынок, наслаждайся молодостью, пока можешь. Годы пролетят, и оглянуться не успеешь.

– Хорошо, мам, – кивнул Кертис, слышавший эти наставления сотни тысяч раз и столько же раз отвечавший одной и той же фразой.

– Ты небось голодный?

– Нет, я съел кусок праздничного торта.

– Значит, все не так уж и плохо, раз тебя угостили тортом на дне рождения богатенькой девчушки.

Кертис тяжело вздохнул, спертый воздух наполнил легкие, и слова невольно сорвались у него с языка:

– Я туда шел в полной уверенности, что... Я думал, что иду в гости, а оказалось...

– Оказалось, что ты не их поля ягода, – закончила Орхидея. – В глубине души ты всегда знал это. Ну а теперь убедился на собственном опыте. – Подняв тонкую черную руку, казавшуюся призрачной тенью, она помассировала себе шею. – Что-то я засиделась. Мне давно пора в постель.

Кертис кивнул и подумал: «Она права. Что тут еще скажешь?»

– Помоги-ка мне подняться, – попросила Орхидея и попыталась встать самостоятельно. – Я хочу лечь. Я переволновалась, пока тебя ждала.

Кертис помог матери. Когда Орхидея встала, все кости и суставы ее громко захрустели, точно разгорающийся хворост в камине. Одежда и выцветший розовый халат болтались на худых плечах, как на вешалке. Ноги в потертых кожаных тапочках с превеликой осторожностью ступали по вытертому коричневому ковру. Казалось, каждый шаг

доставлял Орхидее невероятную боль: бедняжка вздрагивала и дрожала всем телом.

– Потихоньку, – произнесла она, опираясь на сына, – полегоньку.

Как это обычно и бывало, все закончилось тем, что в спальню Кертис заносил мать почти на руках. В комнате Орхидеи царил все тот же полумрак, а по стенам плясали причудливые тени.

Кертис помог матери лечь в постель и взбил подушки.

– На кухне остались куриные желудочки, поешь. А еще я заварила чай, – сказала она, натягивая одеяло.

– Да, мам.

– Поцелуй меня.

Кертис поцеловал ее в щеку. Орхидея пробежала рукой по волосам сына и погладила его по плечу. Затем она глубоко вздохнула и уставилась на трещины в потолке, как будто это были звезды на ночном небосклоне.

Кертис пожелал ей спокойной ночи и уже хотел уходить, как вдруг мать спросила:

– Что, сильно расстроился?

– Нет, торт был очень вкусный, – отозвался Кертис и грустно улыбнулся.

– Весь в отца, в Железноголового Джо: гремучая змея укусит, а ты и виду не подашь.

– Спокойной ночи, мам, – сказал Кертис и повернулся к двери, но Орхидея еще не закончила:

– Даже не знаю, смогу ли я завтра пойти в церковь. Спина болит жутко.

– Тебе не помешало бы проветриться.

– По такой-то жаре? Мне кажется, я растаю. Но ты сходи обязательно и скажи всем, что в следующее воскресенье я приду во что бы то ни стало.

– Хорошо, мамуль, – отозвался сын заученной фразой: каждую субботу повторялось одно и то же.

Орхидея выключила светильник, Кертис прикрыл дверь, и спальня погрузилась в тишину и непроницаемый мрак.

Молодой человек отправился к себе, плотно затворил дверь, зажег лампочку под потолком, включил прикроватный светильник, и комната засияла теплым желтым светом. Осмотрев пиджак, Кертис прошелся

по нему одежной щеткой и повесил в шкаф. У Кертиса царил безупречный порядок: кровать заправлена, а все вещи на своих местах. Наверняка Старый Крэб, ненавидевший бардак в доме, похвалил бы его.

Кертис начал раздеваться, собираясь лечь в кровать. И вдруг что-то в нем словно бы надломилось, и он как подкошенный упал на стул у окна. Юношу охватила невероятная слабость. «Как будто бы сидевший во мне Кертис Мэйхью, полный сил и энергии, взял и покинул мое тело», – подумал он.

Кертис вслушался в ночь за окном. В доме Обри, находившемся через дорогу, лаял пес Топпер. Где-то звучала труба: звук то нарастал, то затухал, будто музыка доносилась из плохо ловившего сигнал радиоприемника. Кертис знал, что это музицирует Джордж Мэйсон. Их сосед по-прежнему работал в доках, где в 1920 году с Джо Мэйхью произошел несчастный случай – Кертису тогда было шесть лет. Мейсон этой ночью грустил: звук его плачущей трубы трогал за душу.

«Господи, ну какой же я дурак! – закрыв лицо руками, подумал Кертис. – Это же надо было еще догадаться: убедить себя, будто бы меня действительно пригласили на вечеринку к Гордонам как равного!.. Мне бы не мешало выговориться. Немного поддержки – вот и все, что мне требуется. Мне нужен кто-нибудь, кто выслушает меня», – решил молодой человек и мысленно отправил сигнал на своей особенной волне, такой же таинственной для него самого, как и любая другая радиочастота.

:Привет.:

Кертис подождал, но ответа не последовало.

:Привет, – сосредоточившись, повторил он.

И снова ничего. «Спит, наверное, – подумал Кертис. – Она и до этого, бывало, не откликалась...»

:Привет, – наконец отозвалась его собеседница. Вернее, ее послание произнес внутренний голос Кертиса. Спутать голос чужака со своим внутренним голосом было можно – отличия весьма незначительные, – но Кертису каким-то образом все же удавалось их различать: благодаря то ли интонации, то ли манере строить фразы.

:Ты еще не спишь?:

:Нет, просто лежу, – ответила она мгновение спустя.

:Я тебя точно не разбудил?:

:Нет-нет, все нормально. Я не сплю.:

:И я тоже. Как прошел день? Все хорошо?:

На несколько секунд повисла тишина, а затем она сказала:

:Мой младший брат получил сегодня ремня за то, что он перебежал улицу, когда увидал мороженщика.:

:Что за улица?:

Девочка замолкла, не желая отвечать на вопрос. Кертис улыбнулся: невидимая подруга боялась рассказывать о себе. Он знал только, что его собеседнице было десять лет, большего ему до сих пор добиться не удалось. Кертис предполагал, что девочка живет в Новом Орлеане.

«Вряд ли я могу принимать сигналы издалека, – рассудил он. – Иначе я слышал бы голоса и днем и ночью. Если бы мой ментальный радиоприемник был настолько мощным, то, вполне вероятно, я мог бы слышать тех, кто даже не подозревает о своих способностях». О том, что он особенный, Кертис сам узнал не сразу: способность начала созревать с девяти лет. «Девочке нужно время, чтобы привыкнуть к тому, что она отличается от других», – подумал Кертис. Они общались вот уже четыре месяца: не каждую ночь, но раз или два в неделю точно. Говорили перед сном о том о сем, не желая отпускать уходящий день. Иногда Кертис слышал ее и днем: обычно это были произвольно прорывавшиеся в эфир «Ай!», «Ой!» или «Вот черт!», когда она спотыкалась, или роняла учебники, или еще что-нибудь в этом роде. Не желая вторгаться в чужой мир, молодой человек тактично оставлял эти возгласы без ответа. Кертис никогда не звал девочку больше двух раз подряд, если она не отзывалась, но на ее «Привет» сам он откликался всегда.

:Просто улица, – наконец ответила его таинственная десятилетняя собеседница.

«Она достаточно умна, чтобы не болтать лишнего, – заключил Кертис. – А свой удивительный дар она, вероятно, обнаружила совсем недавно и еще толком не умеет его контролировать».

:Я надеюсь, ты понимаешь, что я настоящий?: – спросил Кертис.

:Мой папа говорит, что нет. Он считает, будто я выдумала тебя и никакого Кертиса на самом деле не существует.:

:Пусть он заглянет в телефонную книгу. Там есть фамилия и имя моей матери...:

:Папа запретил мне говорить о тебе, – ответила девочка.

Ее мысли, отправленные Кертису, звучали в его голове ясно и четко.

«Для десяти лет сигнал у нее очень чистый и сильный, совсем как у меня!» – удивленно подумал он. Кертис вспомнил, как перепугался, когда в один прекрасный день его внутренним голосом вдруг начал вещать мистер Хлебовски, работавший в мясной лавке. Кертис сперва даже решил, что сошел с ума. Он далеко не сразу привык к этим то возникавшим в голове, то вновь исчезающим мыслям незнакомцев. Но в конце концов справился со всеми страхами и переживаниями. «Ничего, и она тоже справится, – утешил себя Кертис. – А я ей помогу, хоть будет и нелегко. Я просто обязан помочь, потому что от чужих мыслей, постоянно лезущих в голову, можно в два счета спятить!»

:От этого нельзя вот так просто взять и отказаться. Ты точно такая же, как и я.:

:Я не хочу больше слышать чужие мысли, – отозвалась девочка, и голос ее дрогнул.

«Плохо, что она думает, будто это какое-то заболевание, – подумал Кертис, – или даже проклятие. А ведь это и в самом деле может стать для нее проклятием на всю оставшуюся жизнь, если вовремя не убедить ее в обратном».

Он выждал, пока его собеседница успокоится, и произнес:

:Меня тоже сегодня, можно сказать, выпороли.:

Девочка не ответила.

«Ушла, – подумал Кертис. – Вряд ли тому виной мои размышления о проклятии. Их она слышать не могла: это я знаю наверняка. За трансляцию мыслей, судя по всему, отвечает другая часть мозга. Как будто на своем ментальном радиоприемнике я слушаю две частоты одновременно: внешнюю и внутреннюю».

«Телепатия» – так называлась книга, которую Кертис обнаружил в библиотеке. Он тогда еще подумал, что таким термином могла запросто именоваться какая-нибудь страшная болезнь.

«Не буду ее беспокоить, – решил Кертис. – Может, она ушла спать, а может, ушла навсегда. Пора и мне ложиться, а то не высплюсь перед воскресной службой...»

:Что случилось? – вдруг спросила девочка. – Кто тебя обидел?:

Кертис перевел дыхание, расслабился и приготовился транслировать мысли.

:Если честно, то я сам во всем виноват. Меня пригласила на день рождения одна девушка, которая мне очень нравится. Точнее, раньше нравилась. Я наивно полагал, что буду почетным гостем, а может, даже больше, чем просто гостем. Но оказалось, что меня позвали туда в качестве шута, поэтому я сбежал.:

:Ого! Ты небось и подарок приготовил?:

:Приготовил.:

:Хороший?:

:Самый лучший, какой я только мог себе позволить.:

:А ты отдал ей подарок? – спросила девочка. Кертис промолчал, и она сама ответила за него: – Ясно, отдал.:

:Ага.:

:Я недавно была на дне рождения у Райана Бакнера и тоже принесла ему хороший подарок. А потом в школе он вел себя со мной так отвратительно, что я пригрозила забрать подарок обратно. Дурацкий Райан! Да и день рождения у него был дурацкий, не хотела ведь идти! Это я рассказала тебе, чтобы ты имел в виду...:

:Имел в виду что?: – уточнил Кертис.

:Что не все люди заслуживают хороших подарков, – пояснила девочка. – Некоторым даже невдомек, что подарок слишком хорош для них.:

:А ведь ты права:, – отозвался Кертис и улыбнулся стене напротив.

Собеседница молчала довольно долго, секунд пятнадцать или двадцать, а затем сказала:

:Мне очень жаль, что с тобой так вышло.:

:Ерунда, я это уже пережил. Но спасибо тебе за то, что выслушала меня.:

:Мне пора спать, Кертис.:

:Ага. Мне тоже пора на боковую.:

Кертис принялся было расшнуровывать ботинки, как вдруг она спросила:

:С нами что-то не так? Ну... все это общение на расстоянии. Разве это нормально?:

Девочка не в первый раз задавала этот вопрос Кертису, и каждый раз он успокаивал ее одними и теми же словами:

:Да, мы с тобой отличаемся от остальных. Но мы абсолютно нормальные... просто немножко другие. Я мог бы... доказать твоим

папе с мамой, что я настоящий. И тогда жить тебе стало бы гораздо проще.:

:Нет, – решительно отвечала она, как и прежде. – Нельзя. Может быть, когда-нибудь мы так и поступим, но точно не сейчас.:

:Хорошо. Дай знать, как будешь готова, и я приду.:

:Спокойной ночи.:

:Спокойной ночи, – отозвался Кертис.

На этом связь оборвалась: тихое жужжание, точно в линиях электропередачи, фоном сопровождавшее все их разговоры, пропало. Девочка впервые отключилась самостоятельно, и Кертис подумал, что она стала сильнее.

«Гораздо сильнее, чем я в ее годы. Несладко придется бедняжке, если она не позволит мне помочь. Одному богу известно, что думают об этом ее родители. Хотя наверняка они рассуждают точно так же, как в свое время и моя собственная мама. Считала ведь она меня сумасшедшим, пока мы не сходили к госпоже Мун, которая и убедила ее в обратном», – размышлял Кертис.

Рассудив, что прямо сейчас девочке в любом случае ничем не поможешь, он выбросил все это из головы, снял брюки и рубашку, передел майку и трусы (пижамы у него не было), взял с прикроватного столика зачитанную до дыр книгу и скользнул под простыню. Несмотря на то что сюжет романа Томаса Мэлори «Смерть Артура» Кертис давно уже знал наизусть в мельчайших подробностях – хотя некоторые древнеанглийские слова и выговаривал неправильно, – он никак не мог пресытиться книгой, настолько она ему понравилась. Все другие произведения, по мнению Кертиса, и рядом не стояли с историей про невероятные приключения благородных рыцарей.

Кертис читал, пока у него не начали слипаться глаза. Затем он отложил книгу, погасил свет и заснул.

Глава 10

– Мистер Люденмер, прошу прощения, но какой-то мужчина хочет срочно вас видеть. Я несколько раз повторила ему, что вы заняты, но он не уходит.

Джек Люденмер, сорокачетырёхлетний владелец грузовой транспортной компании, носившей его имя, потянулся через дубовый стол к переговорному устройству и нажал кнопку «Говорить».

– Элис! – рявкнул он. – Мы с Виктором действительно очень заняты. Я же объяснил: не беспокоить. Я непонятно изъясняюсь?

Ответа не последовало. Люденмер глянул на Виктора Эдвардса, юриста компании, и в недоумении пожал плечами. Вдруг дверь без стука распахнулась, и вошла его секретарша Элис Трэвэльян, сжимая в руке плотный коричневый конверт.

– Сэр, прошу прощения, но посетитель настаивает, чтобы вы немедленно заглянули сюда, – сказала Элис и положила конверт на темно-зеленый бювар рядом с договором, который Люденмер обсуждал с Виктором. – Я правда говорила ему, что вы заняты, на что он ответил мне... – Заметив, как в голубых глазах босса сверкнули молнии, она запнулась и замолчала.

Джек Люденмер был хорошим начальником и платил достойное жалованье, но он ненавидел, когда кто-то не подчинялся приказам, в такие мгновения босс мог буквально испепелить взглядом. Но отступить было поздно, и Элис продолжила:

– В общем, он просил передать, что не уйдет, пока не добьется встречи с глазу на глаз. Сказал, что если понадобится, то будет ждать весь день.

– Да кем этот тип себя возомнил? Сенатором, что ли? Как, интересно, он прошел через Роджера?

– Мистер Делакруа позвонил и сообщил, что некий мужчина настойчиво рвется наверх и ничего не остается, кроме как пропустить его. В общем, разбираться пришлось мне.

– Нет у меня времени на всю эту чепуху! – раздраженно произнес Люденмер и оттолкнул было конверт, но что-то твердое внутри привлекло его внимание, и любопытство взяло верх. – Господи Иисусе! – воскликнул он в сердцах, надорвал конверт и заглянул

внутри. Через мгновение Люденмер приглушенно сказал: – Вик... давай-ка прервемся.

– Что там такое?

– Позже. Поговорим позже, – ответил Люденмер с нажимом на последнем слове.

Виктор – уважаемый юрист, разменявший шестой десяток, – вопросов больше задавать не стал. Он поднялся, убрал свой «паркер» и скрылся за дверью своего кабинета, примыкавшего к кабинету босса.

Люденмер спросил у Элис:

– Как имя посетителя?

– Он не представился.

– Черт знает что! Ладно, я уделю ему несколько минут. А ты имей в виду: если еще раз зайдешь без стука, останешься без работы!

Как только Элис вышла, Люденмер вытряхнул из конверта металлический предмет – значок детектива полицейского отделения Шривпорта – и уставился на него непонимающим взглядом. Дела в Шривпорте он вел и до сих пор, но уже давно не в таких масштабах, как одиннадцать лет назад, поэтому ему было невдомек, что мог означать этот значок.

Спустя несколько секунд в кабинет по-хозяйски вошел детектив. Ростом он был на полголовы ниже Люденмера, примерно метр семьдесят.

«Темно-синий костюм, белая рубашка, черный галстук и федора, – оценивающим взглядом окинул его владелец компании, – этот тип явно настроен на серьезный разговор. Красивый, как ангелочек: наверное, из тех, что в детстве поют в церковном хоре. А вот глаза... Бр-р, как у мертвеца, – вдруг пришло ему на ум, и он внутренне поежился. – Ох, не нравится мне все это».

– Благодарю вас, – сказал детектив секретарше, но Элис не шелохнулась, пока раздраженный Люденмер не махнул ей рукой.

– Мэм, закройте, пожалуйста, дверь с другой стороны, – скомандовал полицейский Элис, и в следующее мгновение дверь захлопнулась, громче, чем обычно.

Вставать навстречу посетителю и обмениваться с ним рукопожатием Люденмер не собирался, да и детектив тоже не спешил протягивать руку. Они даже не улыбнулись друг другу.

– Меня зовут Джон Парр, – представился полицейский. – Вот моя визитка. – Он достал из бумажника карточку и положил ее рядом со значком, уже лежавшим на бюваре.

Несколько секунд Люденмер изучал кусочек белого картона с черными буквами: «Джон Остин Парр, детектив полицейского отделения Шривпорта, номер значка 511». Чуть ниже были указаны имя шефа местной полиции (Денни Дир Бэйзер), адрес полицейского участка и телефонный номер: OR7–1572.

Детектив убрал значок в карман пиджака так, чтобы Люденмер увидел револьвер в наплечной кобуре. И сказал:

– Я ехал из Шривпорта всю ночь, чтобы поспеть к утру. Я весь на нервах, взмок и чертовски устал. Мне даже пришлось угрожать вашему парню внизу, поскольку он ни в какую не хотел меня пускать. Это я к тому, что дело у меня крайне важное. Значок я никому, кроме вас, не показывал – за это вы мне еще спасибо скажете.

– Да в чем дело?

– Намечается киднеппинг, сэр, – пояснил детектив Парр, которого Джинджер ле ля Франс называла просто Пэрли, и отвлекся на открывавшуюся из огромного окна панораму: засмотрелся на реку Миссисипи и причалы Люденмера, где кипели погрузочно-разгрузочные работы. – Ваши дети в опасности.

– Мои дети? Что вы такое говорите?

– Нам поступила информация, – продолжал Пэрли, – что готовится похищение ваших детей. У вас ведь есть десятилетняя дочка и восьмилетний сын, верно?

– Так, стоп! Минуточку! – воскликнул бизнесмен и вскинул руку в воздух, словно пытаясь и в самом деле приостановить время. Холодные глаза детектива, точно стальные буравчики, сверлили Люденмера. – Что значит: вам поступила информация?

Пэрли подошел к бамбуковой вешалке, где висел пиджак хозяина кабинета, снял шляпу и стал любоваться открывавшимся видом на владения Люденмера.

«Ты уж постарайся, пожалуйста, – напутствовала сообщника Джинджер, – сделать так, чтобы он клюнул. Если ты правильно разыграешь карты, то остальное мы с Донни обстригаем с легкостью».

«Слушай, – отвечал ей Пэрли, – я готовился к этому дню всю свою жизнь. И прекрасно знаю, что и как говорить, не надо меня учить. Но

имей в виду: если вдруг что-то пойдет не так, я умываю руки».

– Детектив Парр, – произнес Люденмер напряженным голосом, – я задал вам вопрос.

План они составили почти сразу же после приезда Донни. Идея принадлежала Джинджер, но и Пэрли тоже лицом в грязь не ударил. Сообразил, что обязательно надо засветить перед Люденмером револьвер – это сразу направит беседу в нужное русло.

Сейчас он обильно потел, но не из-за жары и не потому, что боялся. Скорее, Пэрли был возбужден: увидев огромное здание из серого камня с гигантской вывеской «Транспортная компания Джека Люденмера», он испытал настоящий охотничий азарт, поскольку осознал, на какую крупную дичь они замахнулись.

«Либо мы его, либо он нас. Нет, это определенно не страх, хотя ставки, несомненно, высоки, – думал Пэрли, продолжая себя взвинчивать. – Может, у меня и крутит живот, но я буду убедителен как никогда, и мой голос не дрогнет ни в коем случае. Я детектив, мать его, Парр – крепкий орешек с револьвером тридцать восьмого калибра под мышкой. И мне даже повода не надо, чтобы воспользоваться им, тем более стрелял я уже не раз. Пальну в убудка с превеликим удовольствием. Вот это правильный настрой! – похвалил он себя. – С такой установкой облапошить Люденмера, который, кстати говоря, ничего особенного собой не представляет, будет проще простого!»

– В прошлый понедельник, – произнес Пэрли, вглядываясь в бурую гладь реки, отражавшую голубое небо в перистых облаках, – мы арестовали одного местного по обвинению во взломе и незаконном проникновении на частную территорию. Он уже не раз сидел, но все по мелочам. А теперь ему грозит провести за решеткой лет пятнадцать, не меньше. Слышали бы вы только, как этот тип запел, когда до него дошло, что пахнет жареным: все нам выложил! Он хочет заключить сделку с окружным прокурором – смягчить себе приговор, предотвратив похищение ваших детей.

Сказав все это, Пэрли снова впился глазами в Люденмера. И подумал: «В свои сорок четыре года он выглядит прекрасно, как будто и не прекращал играть за баскетбольную команду Университета Луизианы: мышцы рук с узловатыми набухшими венами выпирают так, что голубая рубашка с закатанными рукавами едва ли не трещит по швам. Волосы, светло-рыжие, с проседью на висках, аккуратно

подстрижены. Черты лица резкие. Управлять такой компанией, видимо, непросто. В глазах светится ум. Галстук в красно-голубую полоску ослаблен: в тягость ему, наверное, носить эту веревку на шее, но положение обязывает».

– Этот рецидивист, – продолжил Пэрли и похвалил себя за удачное слово, – в сговоре с шайкой ублюдков-похитителей. Надеюсь, вы извините меня за эту брань, но других тут слов и не подберешь.

Люденмер с пониманием кивнул.

«Он на крючке, – констатировал Пэрли. – Выяснив всю подноготную владельца компании, Джинджер отлично поработала. Кажется, Люденмер и вправду охотник до крепкого словца. Простой мужской разговор будет ему в радость: так мы и поладим».

– Этот ублюдок захотел заключить сделку с прокурором! – Пэрли ковал железо, пока горячо. – До него, якобы случайно, дошел слух, что ваших детей собираются похитить. Разыграв эту карту, он надеется скостить себе срок.

– Что конкретно он слышал?

– Сейчас этот говнюк набивает себе цену: пока ничего, кроме этого, вытянуть из него не удалось.

– То есть он может и блефовать?

– Не исключено, – сказал Пэрли и выдержал паузу, чтобы следующей фразой произвести на собеседника должное впечатление. – Но мы же не собираемся проверять, блефует он или нет, правда?

Люденмер, вперив взгляд в бювар, не отвечал. Его пальцы вдруг непроизвольно сжались в кулак и тут же разжались.

– Мы насторожились, потому что, по сути, этот кусок дерьма мог назвать кого угодно: в Шривпорте полно уважаемых людей. Если он блефует, тогда почему он назвал именно вашу фамилию?

– Да потому, что я чертовски богат, вот почему! И чтобы вы там ни думали, иногда быть богатым – тяжелая ноша. Господи Иисусе, и это все, что сукин сын вам рассказал, чтобы скостить себе срок?

– Не совсем. Он сообщил нам несколько имен: за этими людьми мы, кстати, давно следим. Среди них есть человек, подозреваемый в прошлогоднем похищении жены доктора из Арканзаса. А еще этот тип раскрыл подробности грабежей в Шривпорте. Благодаря его сведениям нам удалось поймать с поличным нескольких преступников. Он

обещал помогать и дальше, если прокурор пойдет навстречу. Вот такие дела, мистер Люденмер.

– Он же назвал вам имена. Почему бы не повязать этих отморожков и не выбить из них все дерьмо?

– Мы объявили их в розыск, сэр. Это вопрос времени. Скоро мы обязательно их поймаем.

Люденмер откинулся на спинку стула и выдохнул. И, словно бы осознав вдруг всю чудовищность своего положения, тихим голосом произнес:

– Похитить моих детей?

– Такое происходит сплошь и рядом, – отозвался Пэрли, вглядываясь в оцепеневшее лицо собеседника.

Ему внезапно захотелось достать револьвер и отправить процветающего луизианского дельца к праотцам.

«Какой же он глупец, этот Люденмер! А ведь наверняка считает себя умнее всех! Похоже, украсть его сопляков будет проще пареной репы».

А с Люденмера и впрямь разом слетела вся спесь: перед Пэрли сидел обыкновенный перепуганный человек.

– Вы ведь уже связались с полицией? Я имею в виду, с полицией Нового Орлеана? – хрипло спросил Люденмер.

– Нет, это очень опасно, – ответил Пэрли, взял стул, развернул его спинкой вперед и уселся напротив хозяина кабинета.

Джинджер, конечно же, предвидела этот вопрос и выдумала хорошую легенду, но ее предстояло еще убедительно изложить.

«Теперь все зависит от меня. Если я провалюсь, – размышлял Пэрли, – то отсюда меня, вероятно, вынесут вперед ногами».

Ровным голосом он пояснил:

– Мы бы не хотели сотрудничать с местными полицейскими.

– Что? Но почему?

– Мы пытаемся сохранить все в тайне. Именно поэтому я никому не показывал свой значок, – продолжал Пэрли, не давая Люденмеру и рта открыть. – Бэйзер, шеф полиции Шривпорта, передал это дело капитану Арлену, начальнику криминального отдела. А тот, в свою очередь, поручил его мне: дал задание найти вас и поставить в известность, но так, чтобы не пронюхали газетчики, понимаете?

Обдумав сказанное и решив, что легенда прозвучала убедительно, Пэрли сложил руки на спинке стула и прибавил:

– С журналистами Шривпорта мы как-нибудь да справимся, а вот на местную прессу рычагов давления у нас нет. Вероятно, как и у вас. Если информация попадет в газеты, то новость разнесется в мгновение ока.

– Разве это плохо?

– Может сработать против нас. Допустим, ублюдок водит нас за нос, и никто похищать ребятишек не собирается – с одной стороны, это просто замечательно. Но с другой... Представьте, если вдруг какому-нибудь бандиту – который прежде и думать не думал о похищениях – после прочтения новости в газете взбредет в голову попытать удачу и украсть ваших детей? Что тогда? Именно так на самом деле все и происходит: преступники учатся друг у друга. Слова «чертовски богат» для них все равно что красная тряпка для быка, – сказал Пэрли и едва заметно улыбнулся. – Злоумышленники не гнушаются похищать и простых людей, лишь бы родственники готовы были раскошелиться. Если вы думаете, что киднеппинг – это событие из ряда вон выходящее, то я скажу вам следующее: похищения или попытки к похищению регистрируются в полиции каждый божий день.

Люденмер сидел и слушал детектива с каменным лицом. На мгновение Пэрли испугался: «Черт, кажется, я был неубедительным!» Но бизнесмен кивнул, и у него буквально гора с плеч свалилась.

– Мы не хотели бы, – соловьем заливался Пэрли, – давать пищу для ума другим преступникам. Похищения детей – это не шутки. Если утечка все-таки произойдет и по Новому Орлеану прокатится волна похищений – это будет моя вина. Я не готов взять на себя такую ответственность. Как я уже и сказал, лишнего болтать нельзя. По крайней мере, пока мы не узнаем имена тех, кто угрожает вам. – Пэрли глянул на наручные часы: настало время для самой сложной части представления. – Мне нужно созвониться с капитаном Арленом по межгороду. Не возражаете? – спросил он и кивнул на телефон слева от Люденмера.

Люденмер нажал кнопку переговорного устройства:

– Элис, дай мне межгород.

Примерно через пятнадцать секунд секретарша доложила:

– Все готово, сэр.

Пэрли поднял трубку, и она чуть не выскользнула из вспотевшей ладони. «Если сейчас облажаемся, все пропало», – подумал он. И произнес:

– Соедините меня, пожалуйста, со Шривпортом, Орчард 7–1572.

В трубке щелкнуло: связь установилась, пошли гудки. Сердце его бешено колотилось.

Гудок... Еще один... «Бери же трубку, черт подери».

Наконец раздался голос Джинджер:

– Полиция Шривпорта. Чем могу помочь?

Эту сценку они придумали на случай, если Люденмер захочет позвонить в полицию Шривпорта.

– Руф, это Джон Парр. А капитан Арлен на месте?

– Одну минуточку, – ответила она, уверенно играя свою роль.

Через пару секунд Пэрли услышал Донни.

– Да? – отрывисто сказал тот.

– Капитан Арлен, я сейчас у Джека Люденмера. Ситуацию обрисовал. Может быть, вы хотите что-нибудь добавить?

Донни промолчал.

– Да, сэр, сейчас передам, – ответил Пэрли и протянул трубку Люденмеру.

«Теперь все зависит от рыжего ублюдка», – подумал он. И вспомнил, как сильно Джинджер разозлилась на племянничка, когда они возвращались с вокзала Нового Орлеана в Шривпорт. По дороге выяснилось, что Донни, уезжая из дома, прихватил копилку с материнскими сбережениями и потратил почти все деньги: от сотни баксов осталось лишь тридцать два доллара и семьдесят четыре цента. «Если этот молокосос все запрет, – Пэрли представил, как Донни стоит сейчас в коридоре отеля „Клементин“, а рядом – Джинджер, которая не спускает с парня глаз, – то все наше предприятие рухнет как картонный домик. И узнаю я об этом не раньше, чем Люденмер бросится на меня через стол».

Люденмер внимательно выслушал Донни, а затем произнес:

– Спасибо, капитан. Эта новость просто убила меня. Да-да, премного вам благодарен. Сделаю все, как вы сказали.

Если Донни придерживался сценария, то Пэрли примерно знал, о чем он там поет: «Мистер Люденмер, прошу прощения за плохие

вести, но дело серьезное. Детектив Парр профессионал, и мы полностью ему доверяем – доверьтесь и вы».

– Извините, а можно узнать, что случилось с Рэем Калли? – спросил вдруг Люденмер.

Сердце Пэрли замерло. Это было все равно что оказаться на скользкой дороге за рулем автомобиля с отказавшими тормозами.

– Я почему интересуюсь: во времена моего детства шеф полиции Калли был вожатым отряда скаутов, – продолжал между тем Люденмер. – Он, наверное, уже в отставке?

Пэрли затаил дыхание. Он очень надеялся, что Донни не растеряется.

– Мне думается, Рэй отправился рыбачить куда-нибудь на юга: он всегда любил это дело! – сказал Люденмер. – Да-да, конечно, узнайте, пожалуйста, если вас не затруднит. Надеюсь, с ним все в порядке, – прибавил он и передал трубку Пэрли: – Капитан хочет еще переговорить с вами.

– Да, сэр? – спросил Пэрли.

– Я чуть кирпичей не наложил! – воскликнул Донни.

– Спасибо, сэр! Будет сделано!

– Иди в жопу, – ответил Донни и отсоединился.

«Я ему покажу! – подумал Пэрли и положил трубку. – Вот только вернусь в Шривпорт! Хотя Джинджер наверняка уже устроила парню выволочку. А что, если телефонистка нас подслушивала? Черт! Ни в чем нельзя быть уверенным!»

– Суровый он мужчина, этот ваш капитан Арлен!

– Не то слово, – отозвался Пэрли. Решив проверить, не заподозрил ли чего Люденмер, он добавил: – Вы спрашивали про Калли, который шефствовал над скаутами. Я, к сожалению, уже не застал его.

– А как давно вы там работаете?

– Да уж три года. Расследовал в апреле то нашумевшее дело Ловца Бабочек, и теперь мне, кажется, любая задача по плечу!

– Да, я читал про Ловца Бабочек. Чудовище! – воскликнул собеседник и вдруг нахмурился, глянув на телефон: – Совсем забыл спросить капитана Арлена: можно ли рассказывать кому-нибудь из своих? Господи, моя жена... Джейн... Она такая нервная. Бедняжка просто с ума сойдет! Вот ей точно ничего говорить нельзя. До вас тут

сидел мой юрист, Виктор. Как думаете, стоит ли посвящать его в курс дела?

Пэрли подумал, что Люденмера следует хорошенько припугнуть, чтобы у того даже желания не возникло набрать указанный на визитке номер. Эту несчастную визитку Пэрли пришлось прогонять через свой портативный печатный станок целых восемь раз, прежде чем Джинджер одобрила ее.

– Капитан вчера предупредил: чем меньше народу знает, тем лучше. Меньше шансов, что кто-то проболтается. Конечно, последнее слово за вами, мистер Люденмер, но на вашем месте я бы держал язык за зубами. По крайней мере, хотя бы первые несколько дней, – сказал Пэрли и сменил тему: – Надеюсь, телохранители у вас имеются?

– Мой водитель Клэй Хартли – офицер полиции в отставке. Прежде он служил в Хьюстоне, а теперь вот уже два года как работает на меня. Есть разрешение на оружие. Револьвер всегда при нем, в бардачке.

– Он живет с вами?

– Да, у него квартира над гаражом. Он возит Джейн и детей.

– Вот и хорошо, – кивнул Пэрли, а про себя подумал: «Ничего хорошего, черт подери! Ну, по крайней мере, телохранитель всего один. А ведь могла бы оказаться целая армия! Спасибо и на том. Все, надо рвать когти. Дольше оставаться рискованно».

– Можно одолжить у вас ручку? – спросил Пэрли, поднимаясь со стула. Он перевернул визитку и что-то написал. – Я остановился в отеле «Король Людовик» на Брод-стрит, номер шестнадцать: тут все указано, – произнес он, протягивая Люденмеру визитку. – Телефона в номере нет, но вы всегда можете связаться со мной через рецепцию. В городе я буду вплоть до особого распоряжения капитана Арлена. Мы с ним держим постоянную связь: созваниваемся каждые несколько часов. События развиваются быстро, и через день-два ситуация может измениться кардинально.

– Я слышал, «Король Людовик» – та еще дыра, да? – спросил Люденмер. – Давайте я устрою вас в хорошем отеле, где в номере есть телефон?

– Спасибо за предложение, сэр, но я вынужден отказаться. Боюсь, начальство не одобрит. А уж если моя невеста узнает, что я шикарно жил в Новом Орлеане, пока она прозябала в Божер-Сити, то устроит

мне такую головомойку, что век помнить буду, – сказал Пэрли и обаятельно улыбнулся, но только одними губами.

Он снял с вешалки федору и, бросив прощальный взгляд на доки и пароходы Люденмера, подумал: «Двести кусков? А мы не продешевим?»

– Какие у вас планы на вечер? – Хозяин кабинета встал, провожая гостя. – Где будете ужинать?

Вопрос поставил Пэрли в тупик.

– Честно сказать, я об этом еще даже не думал, – ответил он через мгновение.

– Если уж мне нельзя заплатить за отель, то позвольте хотя бы пригласить вас на ужин. Дом тысяча четыреста девятнадцать по Первой улице, это в Гардене. Приходите в половине седьмого и позвоните в звонок у ворот. Заодно познакомьтесь с женой и детьми.

– О! – только и произнес удивленный Пэрли. Такой вариант развития событий они не прорабатывали, но предложение Люденмера определенно было им на руку. – Хорошо, я приду. Вот только не думаю, что меня стоит представлять вашей жене как детектива.

– Для нее вы будете моим коллегой.

– Это правильно, – одобрил Пэрли и пожал протянутую руку. – Увидимся в шесть тридцать. К вечеру, может быть, появятся еще новости.

– Наверное, вам не стоит брать с собой оружие, как считаете? – спросил Люденмер.

– Не переживайте, – ответил Пэрли. – Всю работу я оставляю за порогом вашего дома, чтобы сполна насладиться прекрасным ужином.

«Взгляну на твоих сопляков, слабонервную женушку, водилу-копа в отставке, домишко – в общем, все про тебя выясню, король грузовых перевозок! – злобно подумал Пэрли. – А заодно и вкусно поем: устал я перебиваться с консервов на болонские сэндвичи! Интересно, что сказала бы Джинджер? Наверняка что-нибудь вроде: „Наслаждайся, милый, но смотри, как бы этот ужин не оказался последним в твоей жизни!“»

– Спасибо вам еще раз, детектив, – поблагодарил Люденмер.

Джон Парр кивнул, нахлобучил федору и откланялся.

А хозяин кабинета сел за стол и уставился на стену. Веки его были полуприкрыты, в висках стучала кровь. Люденмер повертел визитку

детектива, пробежал пальцами по тисненым буквам, нажал кнопку интеркома и попросил Элис соединить его со Шривпортом.

Глава 11

В то же самое время, когда человек, выдававший себя за детектива Парра, садился в черный «форд», припаркованный на Вашингтон-авеню у здания транспортной компании «Грузовые перевозки Люденмера», Кертис мчался на велосипеде к площади Конго с важным поручением от начальства.

Не успел Кертис с утра зайти в раздевалку, как к нему сразу кинулись Сверчок и Умник.

– Босс срочно вызывает тебя! – испуганно пробасил Сверчок, щелкая вставными зубами. – Он сказал, чтобы ты не переодевался, а сразу поднимался к нему.

Кертис закатил велосипед и тележку в раздевалку и уже через несколько минут стоял перед тучным лысым начальником вокзала в той самой конторке с зеленоватым стеклом. Босс, не вынимая сигары изо рта, спросил юношу, знает ли тот, в каком именно доме по Сент-Энн-стрит, что за площадью Конго, живет Уэнделл Крэйбл. Кертис знал: он частенько проезжал мимо дома Старого Крэба.

– Уэнделл не вышел сегодня на работу. На телефонные звонки не отвечает. Езжай туда и разберись, в чем дело.

«Старый Крэб за всю свою жизнь не пропустил ни одного рабочего дня: наверняка с ним что-то случилось! Вчера он жаловался на несварение и грешил на свиную отбивную, которую съел в забегаловке „У Мэнди“. Надеюсь, это и вправду несварение! Где-то я читал, что боль в желудке может предвещать сердечный приступ», – подумал Кертис. Опасаясь худшего, он гнал велосипед что есть мочи.

Поначалу Кертис придерживался своего обычного маршрута, но затем он пересек Сент-Питер-стрит и оказался на площади Конго, весьма почитаемой жителями Тримея. Лужайки, некогда густо покрытые травой, теперь облысели: их вытоптали многочисленные поколения рабов, хотя кое-где трава все же зеленела. На площади Конго рабы собирались с 1800 года: здесь торговали, обменивались новостями, играли музыку, танцевали, а в полнолуние при свете факелов призывали богов вуду.

Кертис, переполошив всех белок, как угорелый мчался через площадь. Зверьки выпрыгивали из-под колес велосипеда и проворно

забирались в дупла раскидистых дубов. Заслышав барабаны, юноша вскоре увидел под сенью деревьев барабанщика и старую женщину на раскладном стуле, торговавшую яблоками и апельсинами с тележки.

Среди чернокожих жителей Тримея площадь Конго считалась сакральным местом. Но у Кертиса с ней были также связаны воспоминания, наполнявшие его душу особенным трепетом.

Невозможно забыть тот майский вечер 1925 года, когда Орхидея привела сюда сына. Кертис помнил, как они с матерью шли по площади Конго: солнце на западе клонилось к горизонту, медленно расплзались синие тени, а фонари зажигались один за одним, будто указывая путь. С другого конца площади раздавался глухой рокот барабанов. Там же виднелось зарево пылавших факелов. В их отсветах медленно, как во сне, двигались чьи-то тени. Орхидея вела Кертиса прямо к ним. В прошлое воскресенье в их доме побывала женщина в ярко-красном платке. Именно по ее совету они в тот вечер оказались здесь.

Хотя Кертис был еще совсем ребенком, он прекрасно понимал, зачем мать пригласила эту женщину.

– Я хочу убедиться, что мой мальчик не сумасшедший.

Гостья, быстро осмотрев его, сказала:

– Он не похож на сумасшедшего.

– Кертис утверждает, будто слышит голоса, – настаивала Орхидея. – Иногда они звучат отчетливо, а иногда – нет. Бывает и так, что с ним пытаются заговорить на иностранном языке, но он, конечно же, ничего не может разобрать. Это продолжается уже два года подряд, и Кертису становится только хуже. Господи боже, да что же это за наказание – нет мне покоя! Я и так больна, а уж это точно меня в могилу вгонит!

В тот майский вечер Орхидея привела Кертиса на восточную часть площади Конго, где узловатые ветви высоченных древних дубов сплетались над головами так плотно, что небо едва проглядывало сквозь них. Дубы росли тут с незапамятных времен, задолго до того, как на эти земли ступила нога первого раба и раздался первый исполненный глубокой тоски по зеленым холмам Африки удар барабана. На фоне этих вековых деревьев в сгущающихся сумерках, подсвеченных красноватыми масляными лампами, Кертис разглядел три силуэта. Он сразу догадался, кто эти люди, и душа у мальчика

ушла в пятки. Кертис хотел пуститься наутек, но мать держала его железной хваткой: девять лет назад Орхидея была еще полна сил и решимости. И сыну ничего не оставалось, кроме как беспомощно повиснуть на ее руке и извиваться, точно рыба, попавшаяся на крючок.

Перед уходом из дома мать сказала, что они сегодня пойдут кое к кому, кто сумеет им помочь. Приготовившись к визиту к очередному врачу, Кертис никак не ожидал встретить двух самых могущественных и загадочных людей Тримея: госпожу Мун^[5] и ее мужа, господина Муна.

Никто и никогда не видел эту чету при свете дня. Они появлялись только в мертвенно-бледном свете луны да кроваво-красных отблесках масляных ламп, освещавших укромный уголок площади Конго.

В тот вечер Кертис впервые разглядел супругов как следует. Стоявшая позади женщина в ярко-красном платке – та самая, что приходила к ним в дом накануне, – шагнула навстречу Орхидее, пытавшейся приструнить отчаянно вырывавшегося сына.

– Подойдите ближе, мистер Кертис, – мягко сказала госпожа Мун.

Мальчику почудилось, будто от голоса ее повеяло освежающей прохладой. Никто и никогда еще не обращался к Кертису на «вы» и не называл его мистером. Он бы очень обрадовался такой чести, не будь сейчас перед ним могущественная служительница культа вуду.

Господин Мун поднялся со стула и слегка поклонился Орхидее и Кертису.

– Рад знакомству, – произнес он с дружелюбной улыбкой, хотя голос его, по мнению мальчика, звучал точно из могилы.

– Это мой сын, – поспешила сказать Орхидея и подтолкнула Кертиса так, что тот чуть не упал.

Кертис, которого привели сюда, как ягненка на заклание, замер, замороженно глядя на красные огоньки, отражавшиеся в глазах четы Мун.

«Эти двое похожи на призраков, – подумал мальчик. – Им самое место на кладбище в Сент-Луисе! Вот только есть одна неувязочка: живых туда не берут!»

Кертис впервые видел госпожу Мун так близко. В тени широкополой фиолетовой шляпы лицо ее едва угадывалось. Поговаривали, что она родилась в 1858 году. По подсчетам Кертиса ей было шестьдесят семь лет. В народе про госпожу Мун ходило

множество легенд. Рассказывали, как перед самым началом Гражданской войны ее мать сбежала от хозяев-плантаторов в леса. Там, на лесных болотах, среди прокаженных, беглых рабов и каторжников, прошло детство госпожи Мун. И там же, в дельте реки Миссисипи под Новым Орлеаном, она была отмечена богами вуду. Об этой загадочной женщине в Тримее судачили без конца, и волей-неволей Кертис слышал и хорошо знал все городские легенды. Одни утверждали, будто в доме у госпожи Мун живет гадюка, которую хозяйка называет сестрой в благодарность за то, что тварь делится с ней всевозможными секретами. Другие распускали слухи о сундуке с отрезанными и засушенными детскими головами: ребятишкам строго-настрого запрещалось даже подходить к зарослям шалфея, шеффлеры и дурмана, пышно цветущих во дворе Мунов. А третьи и вовсе клялись, что видели, как вокруг их дома летали ярко-фиолетовые шары, которые ночью якобы садились на крышу и ползали там, словно пауки. Считалось, что при помощи этих загадочных сфер госпожа Мун наблюдает за происходящим вокруг.

Словом, истории были одна страшнее другой, поэтому от женщины в фиолетовой шляпе, платье и перчатках Кертис ничего хорошего не ждал. Такая иссиня-черная кожа, как у нее, встречалась только у туземцев из самых глухих уголков Африки, куда нога белого человека еще не ступала.

Если госпожа Мун своим видом нагоняла страху, то супруг ее, несмотря на всю учтивость, вселял в сердце мальчика настоящий ужас. Одна половина его лица была бледно-желтой, а другая – черной как смоль. Желтая половина, точно волна, разбивалась о темный берег и брызгами покрывала лоб, изящную переносицу и подбородок, увенчанный седой бородкой. Конечно же, вины господина Муна в том не было: таким уж он родился. Но Кертису, вынужденному смотреть ему прямо в лицо, легче от этого не становилось. Господин Мун одевался во все черное: идеально подогнанный костюм, шляпа, перчатки и галстук в черно-красный ромбик. Завершали образ наручные часы на обоих запястьях и массивный золоченый крест на груди.

– Подойдите ближе, мистер Кертис, не бойтесь, – повторила госпожа Мун.

Однако мальчик даже не шелохнулся: ноги его не слушались. Орхидее снова пришлось подтолкнуть сына, но мыски ботинок Кертиса лишь глубже увязли в священной земле площади Конго.

– Правильно я понимаю, – произнесла госпожа Мун из-под полей своей огромной шляпы, – что вы, мистер Кертис, слышите голоса, которые звучат у вас в голове? – спросила она и наклонила голову набок. – Это так?

– Отвечай! – прикрикнула Орхидея на Кертиса, который окончательно растерялся. – Не время упираться! – рассердилась она и, поскольку сын упорно хранил молчание, обратилась к госпоже Мун: – Мэм, он меня в могилу сведет! Спина так болит... я очень слаба... а тут еще и мальчик занемог...

– Миссис Мэйхью, – мягко прервала ее госпожа Мун, – миссис Дэлеон наварила целый котел супа гамбо. Будьте добры, идите и отведайте.

Она дождалась, пока Орхидея согласно кивнет, и прибавила:

– Скажите ей «биддистик» – это развеселит миссис Дэлеон, и она нальет вам миску гамбо до краев!

Затем госпожа Мун повернулась к господину Муну и женщине в красном платке и, величественно махнув рукой, скомандовала:

– Вы, двое, ступайте следом. Да поживей! С мистером Кертисом я буду говорить наедине.

Пока господин Мун возился с тростью, прислоненной к стулу, женщина в красном платке взяла Орхидею под руку.

– Кертис, ничего не скрывай, говори все как на духу, – напутствовала его мать и повернулась к госпоже Мун. Горестная гримаса исказила лицо Орхидеи: – Муж оставил меня пять лет назад. С ним произошел несчастный случай в доках. Помогите, пожалуйста, моему сыну: хватит уже с меня несчастий!

– Я все про вас знаю, – ответила госпожа Мун. – И поверьте, очень вам сочувствую. Ступайте, отведайте гамбо, и вам станет чуточку лучше: обещаю!

Орхидея хотела сказать что-то еще, но женщина в красном платке мягко потянула ее за собой. Напоследок мать с мольбой взглянула на Кертиса и позволила себя увести. Благоухая ароматами сандала и лимона, прихрамывая, ушел и господин Мун. Когда они остались

наедине, госпожа Мун глубоко перевела дыхание и произнесла с явным облегчением:

– Ну, теперь можно и поговорить!

Колдунья наклонилась к мальчику, и тот вздрогнул. Свет от лампы скользнул по ее лицу, и Кертис разглядел обтянутый кожей угловатый череп, широкий нос и зеленые, точно изумруды, глаза: в них сверкали молнии, готовые вырваться в любое мгновение, стоило госпоже Мун только захотеть.

– Могу вообразить, – сказала она, – сколько небылиц вы про меня слышали. Наверняка и кошмары вам снились. Это так, мистер Кертис?

Он заставил себя кивнуть.

– Мы сейчас не будем обсуждать, где правда, а где ложь. Мы здесь для того, чтобы... – Тут госпожа Мун задумалась, подбирая нужное слово, – обозначить ваш недуг. Я хочу знать все про голоса в вашей голове, мистер Кертис. Ваша мама сильно перенервничала, но это от большой любви к вам, иначе вряд ли мы встретились бы, – пояснила женщина и прислушалась к звукам ночи: – Правда же, это прекрасно?

В куще деревьев застрекотали сверчки. Следом за ними проснулись и другие ночные насекомые. Хотя влажный воздух после дневной жары остыть еще не успел, Кертис поежился. Собрав всю волю в кулак, он отбросил свои страхи и сказал:

– Если быть точным... я слышу не голоса. – Госпожа Мун ничего не ответила, и он продолжал: – Я слышу свой внутренний голос. Это... это так сложно объяснить. Моим внутренним голосом у меня в голове говорят другие люди, понимаете? Я слышу их мысли. Я не сам с собой говорю, в этом можете быть уверены.

– Вы полагаете? – переспросила она с сомнением.

– Зуб даю! – ляпнул Кертис и поспешно добавил: – Прошу прощения, мэм.

– Почему же я должна быть уверена, мистер Кертис? Ваша мама говорит, будто неладно с вами стало сразу после ухода отца. Может, у вас какое-нибудь нервное расстройство, а может, вы просто все выдумали? Врачи, кстати, как раз списали это на богатое воображение и пообещали, что скоро все наладится. Но странности продолжают до сих пор, а ваша мама вся извелась и чувствует себя хуже день ото дня. Так на чем же основана ваша уверенность, позвольте спросить?

Кертиса задело подобное отношение. Он не сдержался и резко возразил:

– Мой внутренний голос говорил со мной на иностранном языке! Мне кажется, это был хозяин бакалейной лавки – тот едальянец, мистер Данелли.

– Не «едальянец», а «итальянец». Учитесь говорить правильно, а то над вами будут смеяться.

– Да, мэм. В общем, я так и не понял ни одного слова, – ответил Кертис и пожал плечами. – Я потом еще захаживал в эту лавку, однако голоса итальянца уже не слышал.

– Но ведь были и другие?

– Конечно. Однажды я слышал, как где-то очень-очень далеко какой-то мужчина кричал и ругался, как черт.

– Мистер Кертис, а откуда вам знать, что кричал именно мужчина?

Мальчик снова пожал плечами и промолчал, но госпожа Мун смотрела на него так повелительно, что пришлось ответить:

– Он кричал: «Укуси меня за член!»

– О! – воскликнула она.

Кертису показалось, будто губы собеседницы тронула улыбка, но сказать наверняка было нельзя: лицо ее затеняли поля шляпы.

– Даже если говорят на иностранном языке и совсем тихо, я все равно могу понять, мужчина это или женщина. Не знаю как, но могу.

– А как далеко находится говорящий, вы способны определить?

– Некоторых я слышу отчетливее, чем других. Я не каждый день слышу мысли людей: это происходит лишь время от времени. Одни уходят, другие приходят. – Тут Кертис расправил плечи, уверенно посмотрел на госпожу Мун и заявил: – И началось это вовсе не из-за папы. Впервые я услышал чужие мысли, когда мне исполнилось девять лет.

– А отвечать на них вы пробовали?

– Нет. Я никогда не пытался, мэм.

– Скажите что-нибудь, а я попробую услышать вас.

– Да, мэм, – кивнул Кертис и закрыл глаза.

:Здравствуйте, – мысленно произнес он и увидел, как тускло мерцавшее золотистое пятнышко набрало скорость и выпорхнуло из его сознания, точно птичка.

– Ничего не слышу, – отозвалась госпожа Мун, – попробуйте еще. Сосредоточьтесь, мистер Кертис.

Он зажмурил глаза, сжал зубы и, обратившись всеми мыслями к собеседнице, выкрикнул:

:Здравствуйте!: – И снова золотистое пятнышко покинуло сознание Кертиса, только на этот раз оно светилось гораздо ярче.

– Ничего, – сказала женщина.

– Это все, на что я способен, – признался Кертис.

Госпожа Мун замолчала, прислушиваясь к шелесту дубов и гудению насекомых, будто те могли, подобно ее ручной гадюке, подсказать, что делать дальше. Наконец она поинтересовалась:

– А вы знаете, почему вашего отца прозвали Железноголовый Джо?

– Нет, мэм, не знаю.

– На вашего папу, мистер Кертис, упала бочка со смолой. Прямо ему на голову. Но похоже, что голова вашего отца оказалась крепче, потому что на ней не осталось ни царапины. А вот плечи и ребра ему переломало. Вот так голова! Нечасто встретишь подобное!

– Да уж, – отозвался мальчик.

– Подойдите-ка ближе, мистер Кертис, – велела колдунья.

«Куда уж ближе?» – подумал он и нерешительно шагнул вперед.

Госпожа Мун сняла перчатки и принялась ощупывать его голову.

– Боли мучают?

– Нет, мэм.

– Можете ли вы предсказать, мистер Кертис, что случится завтра или послезавтра?

– Нет, мэм. – Кертис едва сдержал улыбку: если бы он знал, что ему придется идти сюда, то обязательно притворился бы больным и провалялся весь день в кровати.

А госпожа Мун, держа его голову, как в тисках, медленно ощупывала ее пальцами.

– Сейчас я произнесу имя женщины, которая меня ненавидит. Попробуйте поймать мою мысль, мистер Кертис. Прямо сейчас!

Мальчик сосредоточился, но не услышал ничего, кроме шелеста листьев в кронах деревьев.

– Не слышу, мэм.

– Так. Ладно. Я подумываю уехать из Нового Орлеана. У меня есть на примете три прекрасных местечка, где тишь да гладь. Сейчас я

назову их, а вы попробуйте услышать. Ну, давайте!

– Нет, мэм, – отозвался Кертис, – у меня не получается.

Госпожа Мун разочарованно хмыкнула, еще раз пробежалась пальцами по лбу мальчика, легонько на него нажимая, а затем отпустила голову Кертиса и спросила:

– У вас двоится в глазах?

– Нет, мэм, никогда.

– И все-таки мне кажется, что вы особенный, мистер Кертис. Ступайте к миссис Дэлеон и приведите маму обратно. И будьте так любезны, принесите мне гамбо.

Кертис выполнил ее просьбу. Через несколько минут рядом с госпожой Мун стояли Орхидея и женщина в красном платке, а господин Мун, прислонив трость к ноге, устраивался на стуле.

– Мэм? – обеспокоенно спросила Орхидея. – Что с моим сыном?

Госпожа Мун съела несколько ложек гамбо и ответила:

– Хочу рассказать вам одну историю. Маленькой девочкой я дружила с дочкой повара. Савина – насколько я помню, ей было тогда лет тринадцать или четырнадцать – поделилась со мной секретом. Она рассказала, будто частенько разговаривает с одним плотником из Бускароля. А плантация, где мы жили, находилась аж в двенадцати километрах от Бускароля! Они вели беседы прямо у нее в голове. Вы не поверите, но Савина знала об этом человеке все, хотя ни разу не встречала его. Более того, она знала то, что старый плотник выучил за свою долгую жизнь: сорта древесины, как ее правильно распиливать, как делать мебель – в общем, такие вещи, которые узнать самостоятельно ну никак не могла. В этом округе и впрямь жил белый плотник с семьей, так что Савина не лгала. Но однажды ее собеседник не вышел на связь и замолчал навсегда: может, переехал, а может, и умер. И на моей памяти это не единственный подобный случай, хотя было их не так уж и много. С вашим мальчиком все в порядке, миссис Мэйхью. Смышленный малый, поумнее других будет. Думается мне, из него выйдет толк. Клянусь вам, для беспокойства нет никаких причин. Просто ваш Кертис обладает особым даром, хотя талант его пока еще очень слаб. Таких людей, умеющих слушать мысли других на расстоянии, называют слышащими.

– Вот, значит, как?

– Ну да, ваш мальчик – слышащий. Как Савина Маккейб и Ронсон Ньюберри. Я слышала много историй и про других слышащих, но лично знала всего двух. Одним словом, не каждый день встретишь таких, как Кертис.

– Слышащий, – уставившись в никуда, повторила ошеломленная Орхидея. – Господи помилуй! Этого еще не хватало! Все-таки парень не в себе!

– Ваш сын абсолютно нормальный, – заверила ее госпожа Мун. – Если вам все еще непонятно, представьте радиоприемник, который при помощи антенны ловит сигналы радиостанций. Чем сильнее сигнал, тем лучше прием. Как это устроено, я вам в подробностях не расскажу. Но суть в том, что ваш мальчик – все равно что такой приемник. Кертис ловит мысли других слышащих. Многие из них, бьюсь об заклад, даже и не подозревают о том, что их кто-то слышит. Хотя сами – точно так же, как Кертис, – ловят чужие сигналы. Кстати, сплошь и рядом эти люди думают, будто они тронулись умом и по ним плачет психушка, – скорее всего, эту мысль внушили им недалекие мамочки и папочки. Пока что ваш сын не может посылать другим слышащим сообщения: для этого его дар еще слишком слаб. Но вот ловить чужие мысли у Кертиса, судя по его рассказам, получается уже неплохо. Эти мысли витают в воздухе, однако без приемника их не услышать. Ясно?

– Но у нас нет дома радио, – озадаченно отозвалась Орхидея.

Госпожа Мун вздохнула, съела еще несколько ложек гамбо, вытерла салфеткой рот и произнесла:

– Миссис Мэйхью, я выразилась образно. Я не знаю, как именно слышащие читают мысли. И никто не знает. Даже сам Кертис не в состоянии нам это объяснить. Как далеко находится слышащий, он определить тоже не может. Но вот что интересно: Кертис безошибочно угадывает пол человека и его возраст. Он четко знает, чьи мысли слышит: мужчины, женщины или ребенка. Для этого ему даже не нужно понимать смысл сказанного. Сейчас трудно сказать, разовьет он в себе этот редкий дар или же тот со временем исчезнет. Да и можно ли развить такую способность и управлять ею? Это большой вопрос. Если подобное все-таки возможно, то как это сделать? – рассуждала вслух госпожа Мун. – Мне нечего добавить, – произнесла она через несколько секунд и выдохнула. – А что касается радио, лучше бы его вообще не изобретали. Вон Чарльз днями и ночами сидит в наушниках

и слушает свои радиопередачи. Он меня скоро с ума сведет! Ну, что у тебя новенького? Какая песня полюбилась нашему Чарльзу на этой неделе? – с издевкой спросила она мужа.

– Сейчас крутят запись симфонического оркестра – «Ночь на Лысой горе» Мусоргского, аж мурашки по коже! – ответил господин Мун своим замогильным голосом и улыбнулся так широко, что Кертис даже испугался: «Как бы у него лицо пополам не треснуло!»

– Да неужели? Очень интересно! Мне не терпится узнать, что же будет на следующей неделе, – ехидно заметила госпожа Мун и повернулась к Орхидее. – Уверяю вас, поводов для беспокойства нет: мистер Кертис совершенно здоров. Более того, мальчик обладает редкой способностью, какой можно только позавидовать. Так что забудьте о своих страхах.

– Прошу прощения, мэм, но я не могу с вами согласиться! – воскликнула Орхидея, чуть не плача. – Как же мне не беспокоиться о сыне, когда на нем лежит такое проклятие? Какой же безумец будет ему завидовать? Подумать только – слышать мысли других! Это плохо, это ненормально – в общем, хуже не придумаешь! Господи боже, ну за что мне все это? Нет, мэм, взять и забыть о болезни сына, словно о новости, прочитанной во вчерашней газете, – для меня подобное просто невозможно!

Госпожа Мун посмотрела на Кертиса долгим взглядом и тихо сказала напоследок:

– Ступайте домой, миссис Мэйхью, и благодарите Бога за то, что Он отметил вашего сына. И хорошенько кормите мальчика! Мясо на костях ему точно не помешает! Пусть вырастет здоровяком, как отец.

Услышав эти слова, Орхидея выпрямилась и даже стала чуточку выше. Лицо ее в красноватом свете ламп посуровело, и она с негодованием сказала:

– Ну уж нет, этому не бывать. Не будет он как отец.

Позже, той же ночью, лежа в постели и вслушиваясь в шум дождя, внутренний голос Кертиса вдруг прошептал:

:Ну здравствуй, коли не шутишь.:

Поглощенный давними воспоминаниями, Кертис пересек площадь Конго и оказался на Сент-Энн-стрит. Юноша оставил велосипед и тележку на лужайке возле маленького, но аккуратного белого домика,

поднялся на крыльцо, состоявшее всего из двух бетонных ступенек, и постучал в дверь.

Ему никто не открыл.

Кертис постучал еще раз и позвал:

– Мистер Крэйбл?

В ответ тишина.

– Мистер Крэйбл, это я, Кертис! У вас все в порядке? – крикнул он.

Кертису почудился шорох за дверью, но наверняка сказать было нельзя: за спиной проехал автомобиль.

Вдруг из-за двери раздался жалкий и дрожащий голос мистера Крэйбла. «И куда подевался тот властный тон, от которого, казалось, замирали стрелки часов?» – недоумевал молодой человек.

– Уходи. Пожалуйста, уходи.

– Что с вами, сэр? – совершенно забыв про мягкое «сэй», воскликнул Кертис. – Вы заболели?

– Уходи.

– Не могу, сэр. Меня послали разузнать, что с вами, и я не уйду, пока не увижу вас, – ответил Кертис, подождал немного и добавил: – Откройте, сэр. Вы же сами знаете, что так будет лучше.

Кертис подождал еще, но дверь не открылась. Он сжал было кулак, чтобы стучать до тех пор, пока мистер Крэйбл не сдастся, как вдруг замок щелкнул и дверь распахнулась. На пороге стояла жалкая серая тень мистера Крэйбла. На гостя Старый Крэб даже не взглянул. Щурясь от солнца, он посмотрел ввалившимися болезненными глазами куда-то вдаль, а затем отступил в сумрак комнаты.

– Что ж, заходи, – пригласил он, – только велосипед сперва пристегни: охотников до чужого добра у нас тут хватает.

Кертис пристегнул цепью велосипед к водосточной трубе и зашел в дом. В нос ударили запахи подгоревшей еды и табачного дыма. Все окна были зашторены. Старый Крэб опустился на коричневый стул перед столиком с наполовину выпитой бутылкой виски «Четыре розы», почти пустым стаканом и зеленой керамической пепельницей, доверху наполненной окурками. На краю пепельницы тлела еще недокуренная самокрутка.

Кертис прикрыл дверь, и гостиная погрузилась в темноту. Во мраке белели лишь рубашка Старого Крэба да торчавшие из-под нее панталоны. Когда глаза немного попривыкли, Кертис разглядел, как

хозяин дома откинулся на спинку стула, вытянул ноги в поношенных кожаных тапочках, закинул голову назад и зажмурился.

– Кажется, у вас что-то пригорело, – произнес юноша, потрясенный до глубины души картиной, мало-помалу проступавшей из темноты. Кертис не знал, что и думать: он никак не ожидал обнаружить всегда педантичного мистера Крэйбла в таком виде.

А тот открыл глаза, взял самокрутку, затянулся и сказал:

– Это я делал гренки из кукурузного хлеба. Не очень вышло.

– Мистер Крэйбл... У вас что-то случилось?

– Случилось, – задумчиво протянул старик. – Ох, Кертис, ну до чего жизнь несправедлива и жестока. Когда все идет своим чередом и кажется, что так будет всегда, судьба вдруг наносит удар, и весь твой мир рушится в одночасье. – Он посмотрел на посетителя усталым взглядом, и на его изможденном лице промелькнуло жалкое подобие улыбки. – Вчера вечером, в семнадцать минут девятого, я получил телеграмму. Сроду не получал телеграмм. Но все когда-то бывает впервые, – надтреснутым голосом произнес Старый Крэйб и выпустил дым в потолок. – Все-таки получил одну телеграмму за всю жизнь. Зато какую... – добавил он тихим голосом, и по щекам покатались слезы.

Кертис пододвинул стул и сел рядом. «Помолчу, пожалуй, – решил он, – пускай выговорится».

– Да, мне пришла телеграмма! – воскликнул мистер Крэйб, очнувшись от короткого полузабытья. – Господи Иисусе... телеграмма с чикагским номером телефона и просьбой перезвонить. – Он отхлебнул из стакана виски. На столике Кертис заметил фотографию улыбающейся маленькой девочки, наряженной для воскресной службы.

– Бомба – так мне сказали по телефону, – продолжал Старый Крэйб, разглядывая кончик тлеющей самокрутки. – Бомба с часовым механизмом в автомобиле, припаркованном у прачечной. Моя девочка всегда следила за собой и говорила: «Что толку от красоты, если на ней грязные колготки?» Мы с матерью даже не сомневались, что Дейзи выбьется в люди и посмотрит мир. Наша дочка работала учительницей в Чикаго. А вчера ее не стало. Только вышла из прачечной, и тут прогремел взрыв. Вот что случилось, понимаешь?

– Понимаю, сэр, – кивнул Кертис и подумал, что теперь Старый Крэб остался на свете один-одинешенек. Поговаривали, что его жена умерла от рака шесть лет назад: сам мистер Крэйбл рассказывать о своей жизни не любил.

– Моя дочь и еще четверо других погибли, а восемь человек было ранено – так сообщили по телефону, – сказал Старый Крэб. – Вот только зачем мне знать про остальных погибших? Можно подумать, мне от этого полегчает! Предполагается, что это дело рук гангстеров или коммунистов, а может, и фашистов – кто их разберет? Как, по-твоему, Кертис, есть ли мне дело до тех, кто подложил бомбу?

– Не думаю, сэр.

– Вот и я о том же, черт побери! Никогда не получал гребаных телеграмм, и вдруг такое!

Кертис склонил голову. Старый Крэб глотнул еще виски. Чуть не подпалив мозолистые пальцы, он затаился и докурил самокрутку. Кертис не раз наблюдал, как мистер Крэйбл, сжимая этими пальцами карандаш, расчерчивал таблицы с расписанием поездов и графики смен для носильщиков.

Закрыв лицо руками, Старый Крэб застонал, затрясся и горько разрыдался, совершенно сломленный тяжелой утратой. Он выглядел точно ребенок, вдруг осознавший, насколько несправедливой может быть жизнь. Кертис поднял упавший на ковер окурок, раздавил его в пепельнице и, мгновение поколебавшись, обнял Старого Крэба, желая хоть как-то его утешить. Отняв руки от лица, старик, обливаясь слезами, крепко обнял Кертиса в ответ. Сердце юноши сжалось. Он мог бы сказать мистеру Крэйблу, что Дейзи попала в рай и ждет его там, потому что рано или поздно все, кто любил друг друга на земле, воссоединяются на небесах, но промолчал. Несмотря на то что Старый Крэб был человеком истово верующим, жестокость Создателя его возмущала. Почему Господь так несправедлив к людям? Почему тем августовским утром Он отнял жизнь у молодой женщины, посвятившей себя воспитанию и обучению детей?

«Если рай все-таки есть, то Старый Крэб вскоре встретится с дочерью. Но сейчас его этим не успокоишь, – рассудил Кертис, – горечь утраты будет преследовать беднягу до самого последнего дня».

В общем, юноша обнимал мистера Крэйбла и молча слушал безутешные рыдания старика, когда на другом конце комнаты зазвонил

телефон.

– Не надо, – прохрипел Старый Крэб, цепляясь за плечо Кертиса, – не снимай трубку!

– А вдруг звонят из Чикаго?

– Нет. Они сказали, что перезвонят через неделю, когда сделают все необходимые приготовления. Они занимаются приготовлениями к похоронам моей дочери! Подумать только! Собираются хоронить мою Дейзи!

Телефон разрывался: догадаться, кто звонил, было совсем не сложно.

– Сэр, надо ответить, – сказал Кертис, и Старый Крэб сопротивляться больше не стал.

Юноша мягко высвободился из его объятий, подошел к аппарату и поднял трубку:

– Дом мистера Крэйбла.

Его догадка подтвердилась.

– Мэйхью? Ну что там стряслось?

– Сэй... мистеру Крэйблу нездоровится.

– Что с ним?

– Сэй, прошу прощения, но лучше я вам все расскажу, когда вернусь. Можно попросить для мистера Крэйбла пару выходных?

– Пару выходных?

– Да, сэй. Мне кажется, ему это просто необходимо. И еще... Я думаю, что это должна быть пара оплачиваемых выходных. Мистеру Крэйблу не помешает отдохнуть.

– А, значит, ты так думаешь? – саркастически усмехнулся невидимый собеседник.

– Да, – твердо ответил Кертис с той особой интонацией, которая не раз помогала ему успокаивать и примирять людей.

На том конце провода повисла тишина.

– Хорошо. Два оплачиваемых выходных. Передай ему, что больше никак нельзя: без него мы как без рук.

– Спасибо, сэй, обязательно передам, – произнес юноша и повесил трубку.

Он подсел к Старому Крэбу, взял его за руку, заглянул в глаза и сказал:

– Вам надо поесть. Я приготовлю. Чего бы вам хотелось?

Мистер Крэйбл долго собирался с мыслями и наконец ответил:

– Будь любезен, подогрей вчерашний суп из черной фасоли. А еще на кухне были сельдерей и огромная луковица. Тебя ведь не затруднит остаться и поесть вместе со мной?

– С радостью составлю вам компанию, – заверил Кертис.

«На обратном пути, – решил он, – заеду в церковь и попрошу кого-нибудь из прихода присмотреть за мистером Крэйблом».

Жаркое утро сменил знойный день. Поезда прибывали и отбывали. Жизнь в Новом Орлеане, несмотря на горе, обрушившееся на хозяина домика на Сент-Энн-стрит, кипела и бурлила, точно фасолевый суп на плите.

Глава 12

«Двести тысяч баксов – это несерьезно», – думал Пэрли, направляясь на ужин к Люденмерам и разглядывая роскошные особняки вдоль Первой улицы. Стрелки часов показывали половину седьмого. Солнце клонилось к закату, тени удлинялись. Пэрли по-прежнему был в образе полицейского в штатском: тот же темно-синий костюм, белая сорочка – сменил на свежую, – черный галстук и федора. Кобуру пришлось снять, а револьвер припрятать в бардачке.

«Будь я проклят, если деньги здесь не гребут лопатой! Да честным трудом, хоть в лепешку расшибись, на такие дворцы в жизни не заработаешь! А уж в наше времечко и подавно! Ох, нечисто дело с этим контрактом, – думал Пэрли, поглядывая по сторонам. – Бьюсь об заклад: Люденмер либо дал кому-то на лапу, либо нанял детектива, нарыл компромат и шантажировал какого-нибудь чинушу. Ну нельзя, просто невозможно так разбогатеть и при этом не замараться!»

Мимо Пэрли проплывали миниатюрные замки с башенками и особняки, чьи колонны по ширине не уступали его «форду». Лучи заходящего солнца отражались в окнах верхних этажей роскошных домов и слепили глаза. Увитые плющом высокие стены из красного кирпича, белого и желтого камня прятали от посторонних глаз тайную жизнь богачей. Пальмы, ивы и дубы укрывали в своей прохладной тени мелькавшие за коваными воротами аккуратно подстриженные лужайки и роскошные подъездные дорожки, змейкой убегавшие к особнякам. Тут и там на воротах попадались таблички «Осторожно: злые собаки!».

«Да лишь на этот камень, на замысловато выложенную плитку и вычурную роспись стен потрачено денег столько, сколько мне и не снилось! Ясное дело, они тут зажрались! Нет, требовать с Люденмера жалких двести тысяч – это ударить в грязь лицом на глазах у всех мошенников мира!»

Наконец Пэрли подъехал к особняку Люденмеров. Блестевшие на одной из створок ворот латунные цифры 1419 – какие можно было купить в простой скобяной лавке – резко выделялись на фоне всеобщей кричащей безвкусицы Первой улицы.

Осознав, что настал решающий момент, Пэрли внутренне содрогнулся. На шее проступили капельки пота: если он сейчас облажается, то сбежать из этой белой махины, похожей на грудку костей динозавра, будет ой как непросто!

Он оценивающим взглядом окинул двухэтажный дом в колониальном стиле, видневшийся в конце дубовой аллеи: широкая лестница вела к громадной, размером с актовй зал, площадке.

«Как там называется у толстосумов огромное парадное крыльцо? А, точно! Веранда!»

Пэрли был настроен сделать все возможное и невозможное. «Надо лишь полагаться на чутье, верить в талант и быть предельно осторожным в словах и поступках. Держать ухо востро с этим шофером. – Чем больше Пэрли думал о Хартли, тем сильнее он нервничал. – А вдруг бывший коп раскусит меня? Может, ему всего одного взгляда хватит, чтобы понять, что перед ним жалкий мошенник, у которого от собственной дерзости аж поджилки трясутся?»

Рассудив, что совсем скоро он сможет получить ответы на этот и все другие вопросы, Пэрли притормозил у ворот и вылез из «форда». Тут же навстречу ему из-за белой каменной стены, окружавшей особняк Люденмеров, вышел мужчина в шоферской фуражке, черной тужурке и серо-голубой рубашке.

– Добрый вечер, детектив Парр, – произнес он низким голосом с сильным техасским акцентом. – Я Клэй Хартли. Спустился встретить вас, чтобы не тратить ваше драгоценное время на это, – пояснил отставной полицейский и кивнул в сторону переговорного устройства на стене: панель с кнопками, решетка микрофона и конусообразная трубка вроде телефонной.

Ничего подобного Пэрли в жизни не видел. «Такая штукавина стоит, наверное, целое состояние!» – подумал мошенник, и по спине его струйкой побежал пот, все это время по капельке собиравшийся на шее.

Хартли толкнул ворота, и те бесшумно открылись: ни одна из петель даже не скрипнула.

– Заезжайте внутрь и ждите меня, – скомандовал бывший коп. – До дома поедem вместе.

– Конечно, – ответил Пэрли. И, вдруг испугавшись, что голос прозвучал не слишком уверенно, повторил: – Конечно, я подожду вас.

«Черт! Ну зачем я переигрываю?! Так недолго и погореть! – Забравшись за руль, Пэрли чуть не поддался соблазну сдать назад и укатить в Мексику. – Найду там работу и заживу спокойно... – Однако тут же осадил себя: – Нет, нельзя упускать такой шанс. Дерьма я в жизни хлебнул уже немало. Не может же так продолжаться вечно! Когда-то и мне должно повезти, так почему бы не на этот раз? Ублюдки этого богатенького сукина сына – мой выигрышный лотерейный билет!»

Пэрли сжал зубы, включил первую передачу и проехал во владения Люденмера. А Хартли, затворив ворота, открыл дверцу «форда» и скользнул на пассажирское сиденье.

Пэрли глянул на сопровождающего и едва не отшатнулся: через все лицо – от угла левого глаза до челюсти – тянулся уродливый шрам. Левый глаз Хартли не двигался и смотрел куда-то вдаль. А правый тем временем внимательно изучал гостя.

«Что это, никак глаз стеклянный? Господи Иисусе... Ну, хорошо хоть в пару к настоящему подобрали, – подумал Пэрли. – Бр-р! Представляю, какие кошмары снятся соплякам Люденмера!»

– Какие-то проблемы? – спросил Хартли.

– Нет, – стряхнув оцепенение, отозвался Пэрли и газанул.

– Мистер Люденмер ввел меня в курс дела, – начал его спутник, на южный манер растягивая слова.

«Ввел в курс дела? Ох, не нравится мне это», – подумал мошенник и пошел напролом:

– Да? И что вы думаете?

Ответа не последовало. Всего за два гулких удара сердца Пэрли успел обдумать услышанное и увиденное: «Коп-ковбой, ставший шофером и телохранителем у большой шишки, – это интересно! А как вообще можно управлять машиной с одним глазом? Люденмер, видимо, высоко ценит этого кривого, раз доверил ему жизни детей и жены. Боже, только посмотрите на него! Забавно, я раньше считал, что „худой как скелет“ – явное преувеличение. Однако похоже, что человек, который придумал это выражение, имел в виду Клэя Хартли. Этому скелету, обтянутому куском морщинистой, выдубленной на солнце кожи, наверное, уже лет пятьдесят, не меньше. Угловатый череп словно бы вытесан из камня. Глаза – искусственный и настоящий – утоплены в глазницах. Нос перебит. Подбородок массивный, точно

наковальня. А этот шрам! Ему же тогда, наверное, полморды оторвало! Да уж, видать, работенка у копов в Хьюстоне не сахар!»

– Белло Вуд, – вдруг сказал Хартли.

– Что? – не понял Пэрли.

– Я про шрам говорю. А то, смотрю, он вам покоя не дает. Получил в битве при Белло Вуд шестого июня одна тысяча девятьсот восемнадцатого года.

– Ох, ничего себе! И чем же это вас так зацепило?

– Осколком артиллерийского снаряда. Лицо тогда мне разворотило будь здоров, а сам осколок был размером с десятицентовую монету.

– Ну а глаз? Беспокоит? – не удержавшись, спросил Пэрли.

– Нет. И детей тоже не беспокоит: в смысле, они не боятся, если вы это имели в виду. Похоже, вы один такой пугливый.

– Ну что вы, меня стеклянный глаз тоже не пугает.

Хартли не ответил. До дому они доехали в полном молчании. Когда Пэрли заглушил двигатель, отставной коп прочистил горло и произнес:

– А по поводу всей этой истории, что вы поведали мистеру Люденмеру, я думаю вот что...

Пэрли молча ждал, что же Хартли скажет дальше: в повисшей тишине раздавались только щелчки остывающего двигателя.

– Помощь полиции, – продолжал Хартли, – лишней не будет точно. Глупо было бы отказываться от круглосуточного наблюдения. Но ваша точка зрения тоже не лишена здравого смысла. Списывать со счетов бардак, который сейчас творится в стране, не стоит. Своими стараниями мы можем только усугубить ситуацию: от похитителей потом отбоя не будет. Поэтому лучше до поры до времени оставить все как есть, – заключил он и повернулся к Пэрли.

Тот всячески пытался не смотреть на искусственный глаз, но эта проклятая стекляшка притягивала взгляд как магнит.

– Если хоть волосок упадет с головы Ниллы или Маленького Джека – я любого голыми руками удавлю, без суда и следствия, – прибавил Хартли. – А если руками не дотянусь, то стрелять я тоже умею: как-никак служил в морской пехоте, имею три награды. И на случай, если вы вдруг засомневались: одноглазые стреляют точнее, это научно доказанный факт.

– Что ж, получается, детишки в надежных руках. Приятно иметь дело с профессионалом, – сказал Пэрли, а про себя подумал: «Если

будешь выпендриваться, я тебе и второй глаз выколю!»

– Рад, что мы нашли общий язык, – отозвался Хартли, вылезая из машины. – Будет время, забегайте ко мне, поговорим о работе.

«Только этого еще не хватало!» – мысленно воскликнул Пэрли и спросил:

– Вы ведь, кажется, служили в полиции Хьюстона?

– Ага, отрубил там десять лет. Славное было времечко, – ответил Хартли, глянул на парадный вход и сказал: – А вот и мистер Джек. Приятного аппетита! – И он козырнул спускавшемуся по лестнице Люденмеру.

Джек переоделся в бежевую рубашку с коротким рукавом и коричневые брюки и выглядел посвежевшим.

– Спасибо, Клэй, – поблагодарил он водителя и обратился к Пэрли: – Как добрались, Парр? Быстро нас нашли?

– Такую домину не пропустишь, – отвечал гость, выбираясь из машины с фальшивой улыбкой.

«Беспокоиться пока не о чем, – подумал Пэрли и покосился на удалявшегося Хартли. Он заглянул в салон и проверил, не оставил ли там чего подозрительного. – Вдруг этому одноглазому проныре взбредет в голову устроить обыск? Нет, вроде все тип-топ».

Люденмер пожал Пэрли руку:

– Рад нашей встрече: очень хорошо, что вы смогли приехать. – Тут он понизил голос и добавил: – Жене и юристу я вас представил как продавца новейших холодильных установок. Вряд ли Виктор купился на эту ложь, но лишних вопросов он задавать не будет, пока я сам того не пожелаю. Проходите, Джон. – Люденмер, поднимавшийся следом, не выдержал и уже на третьей ступеньке спросил: – Как вам нравится в отеле «Лафайет»?

– Вы меня приятно удивили. Не знал, что с моим начальством можно договориться.

– Нет ничего невозможного. Мне бы хотелось постоянно держать с вами связь, поэтому телефон в номере просто необходим, – произнес хозяин дома с самодовольной улыбкой.

«Самое время нанести этому сукину сыну еще один удар!» – рассудил Пэрли, остановился и сказал:

– Кстати, о телефонных звонках. Около четырех звонил капитан Арлен. У нас есть имя похитителя – Энрико Орси. Тип с богатым

криминальным прошлым. Про Энрико мы слышаны. На этот раз, мы полагаем, он решил выслужиться перед чикагской мафией. Мистер Люденмер, вы, случайно, не нанимали в последнее время итальяшек?

– Что? Итальянцы? – переспросил Люденмер и тоже остановился: самодовольная улыбка вмиг улетучилась. – Я... э-э-э... хм-м... Вроде бы нет... – замычал он в недоумении.

– А вот и наш гость! – Парадная дверь вдруг распахнулась, и навстречу им, широко улыбаясь, вышла привлекательная и ухоженная женщина в летнем желто-зеленом платье, развевавшемся вокруг стройных ножек. – Джек,пусти же мистера Парра поскорее в дом! Тут невыносимая жара, а вы еще и о делах, наверное, болтаете! Мистер Парр, в гостиной ждет чай со льдом и мятой, проходите скорее и освежитесь!

«А она ничего, – подумал Пэрли, поднимаясь по лестнице и разглядывая хозяйку дома. – Красивое овальное лицо, волнистые каштановые волосы, светло-карие глаза, в которых читается старое доброе гостеприимство южан, – так и трахнул бы прямо на этих ступеньках!»

Несмотря на то что в голове у Пэрли одна за другой возникали непристойные картинки: вот он срывает с жены Люденмера платьишко и трусики, а вот он раздвигает ее прелестные ножки, – поравнявшись с Джейн, он лишь сухо улыбнулся и сказал:

– Спасибо, миссис Люденмер. Непременно освежусь.

«Только, пожалуйста, будь бдительным, – наставляла его по телефону Джинджер. – И что бы ни случилось на ужине, не теряй присутствия духа».

«Милая, ты меня ни с кем не перепутала? Я же не какой-то там сопливый Донни Бэйнс», – отвечал уязвленный Пэрли.

«Ну сколько раз повторять: малыш Донни отлично справился со своей ролью! Он целых три минуты развлекал клиента по телефону и рассказывал, почему тот не может заплатить за номер в отеле. Кстати, не забудь поблагодарить Люденмера: ведь теперь ты живешь просто в шикарных условиях! И это не стоило нам ни цента!»

«Просто ошеломительный успех! Передавай пламенный привет рыжему ублюдку!» – ответил Пэрли и повесил трубку.

Окна первого класса номера 424 в отеле «Лафайет», куда он перебрался, выходили на оживленную Сент-Чарльз-авеню, по которой

непрестанно сновали автомобили. Номер благоухал свежеевыглаженным бельем и лаймовым мылом. После встречи с Люденмером Пэрли вернулся в гостиницу «Король Людовик» и тут же позвонил Джинджер из автомата в коридоре. Она сказала, что ее опасения подтвердились: Люденмер все-таки воспользовался номером, указанным на визитке. К счастью, они с Донни подстраховались и задержались у телефона в коридоре отеля «Клементин» на лишние полчаса.

Люденмер хотел поговорить с Бэйзером, но «оператор Руф» сообщила, что шеф полиции сейчас на заседании городского совета, и предложила соединить его с капитаном Арленом. «Стало быть, Донни сделал все в лучшем виде, – подумал Пэрли. – Хотя Джинджер может просто набивать цену племянничку, учитывая, как я ненавижу этого неандертальца. Ей только повод дай вступить за парня, а заодно и пнуть меня по яйцам!» С ее слов получалось, что Донни, исполняя роль капитана Арлена, настойчиво отговаривал Люденмера от затеи поселить их сотрудника в номере отеля с телефоном, но Джек был непреклонен. Сошлись на том, что капитан Донни-Арлен переговорит с шефом Бэйзером после обеда. Спустя некоторое время Пэрли получил от Джинджер телефонограмму «Позвони домой». Посовещавшись, они решили сказать бизнесмену, что шеф Бэйзер дал добро на смену гостиницы. Разумеется, «детектив Парр», сообщив Люденмеру эту новость, со своей стороны горячо поблагодарил его и на этом распрощался.

«Здорово, конечно, получилось, – думал Пэрли, – но эта визитка – бомба замедленного действия. Дельце нужно обстряпать как можно быстрее, пока этот сукин сын не вздумал позвонить шефу полиции еще раз. Если Люденмер все-таки попытается набрать Бэйзера, то объясняться ему придется с кем-нибудь из постояльцев отеля „Клементин“, и отвечать они будут в духе „иди пропись“ или „лечиться надо“».

«Суть в том, – инструктировала Джинджер по телефону подельника, – что мы должны привязать Люденмера к себе, чтобы у него не возникло желания обратиться к другим копам. И я знаю, как это сделать. Мы назовем имя одного из участников заговора. Это будет итальянец: пускай думает, что им заинтересовались серьезные люди из

коза ностра. Твоя задача – придумать этому типу богатое и красочное прошлое».

«Что еще за итальянец?» – спросил Пэрли.

«Какой-то художник, живший три века тому назад, – ответила Джинджер. – Я нашла упоминание о нем в одной библиотечной книге про изящные искусства. Ты уж там в грязь лицом не ударь и приукрась как следует биографию нашего именитого похитителя».

– Боже, это лето выдалось такое жаркое! – воскликнула Джейн Люденмер, сопровождая гостя в прихожую с невероятно высокими потолками. Куда ни глянь, все было отделано светлым деревом. Лестницу и пол укрывали синие восточные ковры, расшитые золотом. Вычурные старинные часы тихонько отсчитывали время. В воздухе пахло лавандой и мятным чаем. Пэрли был поражен до глубины души. Никогда еще он не посещал настолько шикарных домов.

«Люденмер определенно ведет грязную игру, – окончательно уверился Пэрли, – иначе ему никаких денег не хватило бы содержать такие хоромы».

– В Шривпорте, наверное, тоже всю печет? – обернувшись к нему, спросила Джейн, перед тем как открыть двойную дверь в следующий зал.

– Джон, я проговорился жене, что ты из Шривпорта, – слишком уж поспешно вмешался в беседу Люденмер. – Но подробностями я Джейн не утомлял.

– Мой муженек думает, что у меня извилин не хватит вникнуть в его дела! Посмотрела бы я, как бы он управился с домом и детьми! Мэйвис, возьми у гостя шляпу, – обратилась Джейн к чернокожей служанке, появившейся из коридора за лестницей. – Джон, а вы чувствуете себя как дома: ослабьте галстук, снимите пиджак – мы лишних формальностей не любим.

Пэрли передал федору служанке.

«В костюме мне как-то спокойнее», – подумал он и ответил:

– Мне и так вполне комфортно, спасибо. Не то чтобы я совсем уж консерватор: просто так привычнее.

– Как вам удобнее, Джон. Пойдемте в гостиную, там посвежее.

Несмотря на то что огромные деревянные лопасти вентилятора под светло-голубым потолком гостиной вращались медленно, там действительно оказалось прохладно и вообще очень уютно. Вдоль

белых стен на полках плотными рядами стояло множество книг. Над камином висело огромное зеркало в золотой раме, создававшее у смотрящихся в него приятную иллюзию: в нем они выглядели моложе и красивее, чем были на самом деле. Пэрли, к примеру, смахивал в отражении на аристократа, чьи родовые корни были настолько древними, что их давно уже изгрызли термиты. Такую мебель, как у Люденмеров, он видел только в голливудских фильмах. Да и сюжет происходящего напоминал кинокартину: богач приглашает простолюдина в роскошный особняк. Пэрли внимательно изучил ковер песочного цвета на полу, стеклянный кофейный столик, два кожаных светло-коричневых кресла и белую софу на изогнутых ножках. Пэрли не терпелось опуститься в одно из этих кожаных кресел, что он, собственно, в следующее мгновение и сделал.

«Вот перееду в Мексику и первым делом куплю себе такие же, – решил он. – Буду сидеть и любоваться, как плещутся в бухте волны голубого океана. И никаких больше мыслей о том, как свести концы с концами...»

– Чаю? – перепорхнув к серванту, спросила Джейн.

Не дожидаясь ответа, она взяла серебряный кувшин, наполнила высокий стакан, подхватила щипцами из серебряного ведерка два кубика льда и опустила их в чай.

– Желаете сахарного сиропа?

– С удовольствием, но только самую малость, – отозвался он.

Когда Джейн поднесла гостю стакан, Пэрли расплылся в улыбке и проворковал:

– У вас очень красивый дом.

– Спасибо за комплимент. Мы очень любим его, – ответила хозяйка и вернулась к серванту, чтобы налить чаю себе и мужу.

С кресла, где сидел Пэрли, вид открывался, конечно же, не на море, но зеленая лужайка, скрытая от посторонних глаз высокими каменными стенами и исполинскими дубами, выглядела потрясающе.

«Да это же гребаная крепость, – размышлял Пэрли, – по-другому и не назовешь! Сегодня вечером надо выяснить как можно больше. Присмотреться, найти в доме слабые места. Это вам не младенцев у Линдбергов красть: приставил лестницу к окну, протянул руку к кровати – и готово. Нет, с Люденмерами такой номер не прокатит. У них тут только рва под стенами не хватает! Да вдобавок еще

непонятно, что делать с этим стреляющим без промаха одноглазым морпехом. А как заткнуть рты деткам-горлопанам, которых наверняка только пальцем тронь – сразу всех на уши поднимут! Джинджер явно погорячилась, уверяя, что подобная авантюра нам по плечу».

Скептически оглядывая неприступные стены дома-крепости Люденмера, он вспомнил, как уезжал из Шривпорта. Джинджер притянула его за лацканы пиджака, страстно поцеловала, а затем внимательно посмотрела янтарными глазами и требовательно сказала: «С пустыми руками не возвращайся».

– Замечательный чай, – произнес Пэрли, даже не почувствовав вкуса, поскольку мысли его были всецело поглощены грядущим похищением. – А в Шривпорте, кстати говоря, такая же духота. И неудивительно: не так уж он и далеко от Нового Орлеана.

– Джон, вы, наверное, знакомы с моим отцом? – спросила миссис Люденмер, усаживаясь на софу рядом с мужем. Совершив над собой титаническое усилие, Пэрли оторвал плотоядный взгляд от стройных ножек Джейн. – Его зовут Игер Грандьер. Наверняка пересекались с ним по работе. Он юрист, – прибавила она с улыбкой.

Лицо Пэрли вытянулось и побледнело. Лжедетектив судорожно соображал, мог ли он, да и должен ли был знать всех шривпортских юристов наперечет. «Предположим, я скажу, будто знаком с ее папашей. И, черт побери, погорю в два счета: этот Игер может оказаться как обвинителем, так и защитником».

– Дорогая, если Джон из Шривпорта, то это совсем не значит, что он играет в гольф вместе с твоим отцом, – неожиданно проворчал Люденмер и спас шкуру самозванца. – Откуда нашему гостю его знать? Игер – юрист в лесопромышленной компании Бичема, – пояснил Джек.

– Да, ваш муж прав. Общаться с мистером Грандьером мне не доводилось, – сказал Пэрли и почувствовал, как на лбу, несмотря на прохладу в комнате, выступили капельки пота. Он жадно глотнул освежающего чаю и успокоил себя: «Так, без паники, тебе все по плечу».

– Джон, а еще Джек сказал мне, что у вас есть невеста. Не покажете ее фотографию?

Гость глянул на Люденмера, но тот витал где-то в облаках.

«Зацепил его, наверное, Энрико Орси, – подумал Пэрли. – Вот останемся с глазу на глаз, такого ему наплету про этого итальяшку, что мало не покажется. Надо бы намекнуть и на других участников сговора. Пускай их будет четверо, а то и пятеро. А еще, чтобы Люденмер не расслаблялся, скажу, что якобы Орси уже в Новом Орлеане».

А Джейн никак не унималась:

– Джон, наверняка вы носите фотографию невесты в бумажнике?

Услышав слово «бумажник», Люденмер встrepенулся.

«Вот и пускай выкручивается, если не хочет, чтобы Джейн увидела мой значок!» Пэрли обрадовался возможности не отвечать на вопрос.

– Джейн, ну хватит приставать к гостю! У Джона так аппетит пропадет! Покажет, когда сам захочет. Между прочим, не пора ли уже садиться за стол?

– Признаться, у меня когда-то был ее снимок, – произнес Пэрли с мягкой улыбкой. – Но Эмма, моя невеста, умоляла его выбросить. Видите ли, Эмма из глубинки и городской жизни чурается. А снимок некстати получился чересчур уж «городским», иначе говоря, очень смелым. Бедняжка застенялась, – продолжал Пэрли, взвешивая каждое слово, – и пообещала сфотографироваться еще раз, чтобы вышло поскромнее. В общем, я сделал все, как она и просила.

– Очень по-джентльменски, Джон, – сказала Джейн, одобрительно кивая. – Чутких и тактичных людей в наше время – раз-два и обчелся.

Вдруг из коридора послышался шепот. Глянув в ту сторону, Пэрли успел заметить детское личико, тут же исчезнувшее за приоткрытыми дверями.

– Дети, зайдите и поздоровайтесь с мистером Парром, – позвала Джейн.

Снова раздался шорох, а затем шепот, но на пороге так никто и не появился.

– Нилла! Маленький Джек! А ну идите сюда! – скомандовал Люденмер, а затем прибавил уже более мягко: – Проявите уважение к гостю!

Девочка зашла первой, мальчик следом.

«Вот они, – подумал Пэрли, улыбаясь, – два куска мяса стоимостью по сто тысяч долларов за тушку!»

Для своих десяти лет Нилла была высокой. «Вся в папашу-баскетболиста, – заключил Пэрли. – И глаза отцовские, светло-голубые. А в остальном миниатюрная копия матери: каштановые волосы до плеч, овал лица, нос – все точь-в-точь, как у Джейн!» На девочке было розовое платье. Над правой ключицей приколата шелковая роза. Выражение ее лица Пэрли сразу не понравилось: «Больно уж дерзкая, ей бы не платья носить, а комбинезоны!»

Восьмилетний Джек больше походил на отца, чем на мать. От нее сыну достались только карие глаза.

«С этим сопляком тоже будет непросто, – размышлял Пэрли, приглядываясь к мальчику, – за ним нужен глаз да глаз! Хлопот не оберешься! Господи Иисусе, а на голове-то у сопляка что? Рыжий, как и папашка, – только посветлее будет. Эти колтуны никакой расческой не расчешешь: точно белки и бобры устроили свару!» В остальном наследник магната выглядел опрятно: белая рубашка с коротким рукавом, отглаженные серые брюки и начищенные черные ботинки. Маленький Джек буравил гостя взглядом и так отчаянно жевал нижнюю губу, что у Пэрли невольно мелькнула мысль: «Похоже, спиногрыз втайне мечтает прокусить ее и заплевать тут все кровью».

– Знакомьтесь: юная леди и маленький вождь краснокожих, – представила их Джейн. – Дети, поздоровайтесь с гостем.

Они поздоровались, а Пэрли кивнул в ответ и фальшиво улыбнулся. До чего же малолетние ублюдки бесили его!

Эти дети олицетворяли все то, что Пэрли ненавидел в жизни. Он ненавидел чудовищную несправедливость: безжалостное колесо фортуны всегда благоволило сильнейшим мира сего. Он ненавидел вопиющую ложь про чистоплотность и привилегированность: верхушка общества прикрывалась ими, чтобы отвести пристальные взгляды от своих темных помыслов и делишек.

«Лишь глупец поверит, что Люденмер разбогател честным трудом, – думал Пэрли. – Мы одинаково порочны и барахтаемся в одной грязной луже. Вот только я задыхаюсь и иду ко дну, а он стоит у меня на голове, дышит полной грудью и процветает. Ну ничего, будет и на моей улице праздник! Похитив сопляков, я заставлю Люденмера расплачиваться за все мои невзгоды и получу все, что мне причитается. Удача, отвернувшаяся от меня с рождения, теперь будет сопутствовать мне».

Дети Люденмера наверняка чуяли дух немытого рабочего класса – запах гнилых персиков, преследовавший Пэрли с пеленок, – смотрели свысока и в глубине души презрительно насмеялись над ним.

«Смейтесь-смейтесь, пока еще можете! Скоро на своей шкуре испытаете все прелести жизни на дне!» – поклялся себе Пэрли, мысли которого металась в голове, словно дикие звери в клетке.

А затем, как ни в чем ни бывало, он непринужденно произнес:

– Нилла! У тебя такое необычное имя: что оно означает?

– Расскажешь мистеру Парру, почему мы тебя так называли, дорогая? – тут же подхватила Джейн.

Оказалось, что девочка, еще недавно не решавшаяся войти, совсем не стеснялась гостя. Она посмотрела Пэрли прямо в глаза и твердо ответила:

– Когда мама была беременна, ей очень хотелось ванильного печенья. Она постоянно ела печенюшки «Нилла», но сперва макала их в острый соус чили.

– Именно поэтому Нилла выросла такой злокой! – вмешался в разговор Маленький Джек. – Она вечно... – Мальчик хотел продолжить, но получил подзатыльник и замолк на полуслове, гневно сверкая глазами.

– Эй! – резко сказал Джек Люденмер. – А ну прекращайте! – Затем он посмотрел на Пэрли, улыбнулся, пожал плечами и добавил: – Совсем от рук отбились на каникулах! Ничего, в понедельник снова в школу: там их быстро приструнят! Дня четыре, не больше, и как шелковые будут!

«Ты прав: осталось дня четыре, не больше», – добавил про себя Пэрли.

Глянув на детей, он представил их с завязанными глазами и кляпами из скомканных банкнот во рту. В комнате что-то скрипнуло, и у Пэрли перехватило дыхание: настолько простая и гениальная мысль осенила его.

«Этот скрип не что иное, как звук колеса фортуны, наконец-то остановившегося напротив моего имени», – с иронией подумал он, прекрасно сознавая, что звук издал вентилятор над головой.

– Ваши дети ходят в одну и ту же школу?

– Да, школа Харрингтон.

Пэрли кивнул, глянул на детей и на этот раз увидел их лица мертвенно-бледными, полусгнившими и облепленными мухами.

– А далеко отсюда она находится?

Люденмер поколебался, но ответил:

– Километров пять или около того. – Он понял, куда клонит детектив.

Люденмер отпил чаю и вновь обратился к сыну:

– Я сказал: хватит уже!

Оказывается, пока взрослые беседовали, Маленький Джек стоял с самым невозмутимым видом и исподтишка толкал сестру локтем.

В комнату вошел слуга и объявил, что ужин подан. Подпрыгивая от переполнявшей их энергии, дети сломя голову помчались в столовую.

«„С пустыми руками не возвращайся“, – вновь вспомнил Пэрли напутствие Джинджер и мысленно ответил ей: – Ты будешь довольна, дорогая. Я нынче поработал на славу».

Глава 13

:Меня зовут Дуэйн. А тебя как?:

:Кертис.:

:Ты ангел или демон?:

:Я просто мальчик.:

:Просто мальчик? Белый или ниггер?:

:Негр.:

:Вот так чума! Разговариваю со своим ниггером-хранителем! Сколько тебе лет?:

:Одиннадцать.:

:А мне шестьсот шестьдесят шесть. Прикинь, они сжигают все письма, адресованные мне. Клянусь, я даже сам видел дым. Эй, я хочу отсюда выбраться. Ты слышишь?:

:Да. А вы сейчас где?:

:В аду. Они жгут мои письма в кукурузном поле.:

:А я в Новом Орлеане. Вы из Луизианы?:

:Ты постоянно пропадаешь, ниггер. Я не понимаю, что ты бормочешь.:

:Я спросил, вы из Луизианы?:

:Я тут. Там, куда меня привезли. Стэффорд жует табак, и это жутко бесит. Слышь, Кертис, может, ты все-таки вытащишь меня отсюда? Я сижу тут взаперти.:

:Где именно?:

:Да все там же. Я больше не хочу принимать эти чертовы таблетки. Майра думала, что она необыкновенная красавица, но мой нож доказал ей обратное. Мне нужно домой. Я боюсь за пса. Как бы его не украли!:

Кертис валялся в постели и, прислушиваясь к шуму дождя за окном, читал роман Томаса Мэлори «Смерть Артура». Где-то вдалеке над рекой раздавались глухие раскаты грома. Вдруг Кертису вспомнился разговор с Дуэйном, и он отложил книгу. Девять лет прошло с их первой беседы. В тот день он точно так же лежал и слушал шум дождя, только на календаре был не вторник, а воскресенье.

Юноша посмотрел на часы: десять тридцать вечера. Где-то на западе пророкотал гром. «Может, хоть посвежее станет, – подумал Кертис, – хотя сырость не лучше засухи».

На то «Здравствуйте», что Кертис дважды мысленно сказал госпоже Мун вечером на площади Конго, откликнулся некий Дуэйн со своим «Ну здравствуй, коли не шутишь».

После нескольких бессвязных бесед одиннадцатилетнему мальчику стало ясно, что Дуэйн лежит в психиатрической больнице штата Луизиана. Где именно находилась лечебница, Кертис не знал, но догадался, что эта клиника была чем-то вроде тюрьмы для помешанных преступников. Дуэйн постоянно вспоминал про Майру и некое темное существо. Он рассказывал, как однажды после ужина это темное существо вышло из стены, вложило ему в руку нож и приказало убить Майру.

Кертису было не по себе: его способность общаться на расстоянии крепла, но происходило это благодаря разговорам с сумасшедшим убийцей. Они обменивались мыслями год или около того, а потом Дуэйн перестал принимать таблетки и начал вести себя агрессивно. Ему все казалось, будто темное существо подговорило других больных убить его. Вскоре Дуэйн пропал. В какой больнице лежал этот человек и что с ним случилось, Кертис так никогда и не узнал. Может, его убили, а может, залечили так, что способность угасла.

«Дуэйн наверняка не первый и не последний слышащий, кто сошел с ума от голосов в голове, – размышлял Кертис. – Страшно представить, сколько народу окончило жизнь в таких вот лечебницах».

Мать за стенкой закашлялась, и Кертис подумал, что сейчас она, как всегда, попросит стакан воды. Каким именно недугом страдала Орхидея, никто не знал, а обратиться к врачу она наотрез отказывалась. У миссис Мэйхью постоянно что-нибудь да болело: если не спина, то желудок, если не ноги, то голова. Иногда мигрень бывала такой сильной, что на время даже ослепляла ее.

«Мама совсем не похожа на папу. Железноголовый Джо никогда не жаловался», – размышлял Кертис, прислушиваясь к дождю за окном.

Пообщавшись с госпожой Мун, Кертис загорелся идеей выяснить все подробности несчастного случая, приключившегося с отцом. У матери узнать ничего не удалось, а вот Принс Парди и компания

картежников любопытство мальчика удовлетворили сполна, во всех красках описав события того дня.

В доках на Хармони-стрит на голову Джо Мэйхью упала бочка со смолой. С головой ничего не случилось, а вот плечи и ребра оказались не такими крепкими: кости переломились аж в трех местах. «Должно быть, – сказал удивленный врач, – у Джо железная голова: отделался ссадиной, а череп целехонек».

Джо Мэйхью был огромным, как медведь. Под его поступью сотрясался весь дом. Увидав Кертиса, отец хватал сына могучими руками и крутил до тех пор, пока у того не темнело в глазах. Затем он мягко и осторожно опускал малыша на пол.

Как-то раз, воскресным летним деньком, за пару месяцев до несчастного случая, Джо и Орхидея, тогда еще влюбленные друг в друга без памяти, взяв Кертиса, отправились на площадь Конго посмотреть выступление уличных музыкантов. Когда они проходили через рынок – там торговали тростями, соломенными шляпами, плетеными стульями и вообще всякой всячиной, – внимание мальчика привлекла стайка птиц, вспорхнувших со старого дуба. Отец накрыл огромной ладонью плечо Кертиса и прогремел басом:

– Как ты думаешь, сынок, какого цвета твоя птаха?

– Кто, папуль?

– Твоя птаха. Душа – так еще ее называют. Какого она цвета?

– Джо! – сердито глянув на мужа, воскликнула Орхидея, в ту пору еще совсем молодая и полная сил. – А ну прекращай нести эту околесицу!

– Скажешь тоже – околесица. В это верили мой отец, дед, прадед и все в нашем роду, – отозвался Джо. – Ну уж нет, моя дорогая, молчать я не буду! Кертис должен знать! Каждая душа – птаха, она хочет вырваться на свободу и парить в вышине, а не ползать по земле, – прибавил он и топнул для убедительности ногой, поднимая клубы пыли.

– Вся эта твоя магия вуду – полная чепуха, – возразила Орхидея.

– А вот и нет. Знавал я одного католического священника – лет мне тогда было чуть меньше, чем Кертису, – так вот, даже он рассказывал мне что-то подобное. Священник говорил, что мы рождаемся с душами неоперенными, точно птенцы в пуху, и наша задача прожить жизнь

так, чтобы душе потом было не стыдно выпорхнуть на свободу, когда дни на земле подойдут к концу...

– Джо, хватит! Не забивай ребенку голову всякой ерундой!

– Ерундой? Это, по-твоему, ерунда? Тогда чем же забивать мальчику голову, скажи на милость? Ты сама не понимаешь, о чем говоришь! Если сейчас не внушить Кертису, что жизнь надо прожить достойно, то потом будет уже поздно! Одному богу известно, сколько дров парень наломает, коли с малых лет не наставит его на путь истинный. Ты будешь потом отдуваться за его проступки?

– Я думаю, она коричневая, – произнес Кертис, все это время размышлявший над папиным вопросом, который, несмотря на возражения матери, пришелся ему по душе.

– Не путай с цветом кожи, сынок, – возразил Джо. – Знаешь, какого цвета моя птаха? Ярко-красная с оранжевыми крыльями. Долгие годы я представляю ее и почти уверен, что она именно такая. Ну, может, кое-где на брюшке и есть темные пятнышки, но, в общем и целом, моя птичка – ярко-красная с оранжевыми крыльями.

– Ну и бред! – воскликнула Орхидея.

– А что касается маминой пташки, – сказал Джо и заговорщически подмигнул Кертису, – то она промозглого серого цвета с крыльями темнее ночи. И лишь огромный клюв у нее ярко-желтый. Только птичка откроет клюв, чтобы сказать что-нибудь, – берегись!

– Почему?

– Да потому что он – хрясь! – и захлопнется, как медвежий капкан.

– И совершенно на меня не похоже! Хватит молоть ерунду! – воскликнула Орхидея и стукнула Джо кулачком по огромному плечу, а затем, не сдержавшись, улыбнулась.

– Кертис! – Голос отца гремел так, точно на станцию прибывал грузовой состав. – Нам предстоит хорошенько потрудиться, чтобы мамина птаха заиграла новыми красками. Что-нибудь яркое и пестрое! Как думаешь, ей понравится? Красный и оранжевый – эти цвета, мне кажется, очень хорошо подойдут маминой пташке.

– Подойдут! – воскликнул Кертис и взял папу за руку.

Дождь за окном не утихал. Гром рокотал, но все еще где-то далеко. «Как же рыцари Круглого стола, – гадал Кертис, лежа в постели, – не сходили с ума от постоянного стука дождя о железные латы?»

Прошло много времени, прежде чем его отец оправился после несчастного случая. Но полностью выздороветь у Джо так и не получилось: он замкнулся и больше никогда не смеялся. «Может, череп и остался цел, – думал Кертис, – но вот крылья его птахе переломало».

Спустя некоторое время Железноголовый Джо вернулся в доки. Позже Кертис узнал, что на работе у отца все шло из рук вон плохо, и его перевели на склад: укладывать мешки и коробки. Джо Мэйхью не справлялся и с семейными обязанностями: стал чужим для жены и сына. Когда Кертис немножко подрос, он понял, почему отец покинул их. Бедняга стыдился своей неполноценности, он так и не смог примириться с мыслью, что прежним ему уже не стать.

После несчастного случая у Джо появилась привычка подолгу гулять. И однажды вечером он ушел и не вернулся.

Мать за стеной снова закашлялась. «Сейчас попросит стакан воды», – промелькнула у Кертиса мысль.

:Кертис, ты не спишь?:

Ему понадобилась пара мгновений, чтобы отвлечься от размышлений и настроить свой «радиоприемник», как это называла госпожа Мун, на другую волну.

:Не сплю, – отозвался Кертис.

:Чем занимаешься?:

:Лежу, читаю и слушаю шум дождя.:

:У нас тоже дождь, – ответила девочка. – Что читаешь?:

:Книгу про короля Артура и рыцарей Круглого стола. Слышала про таких?:

:Да, слышала. Они ведь давно жили?:

:Очень давно....:

Девочка немного помолчала, а затем спросила:

:А как там мистер Крэйбл?:

Кертис еще в пятницу поведал своей невидимой собеседнице про трагическую гибель дочери Старого Крэба. Он сильно переживал за мистера Крэйбла и просто не мог держать в себе эти тягостные мысли.

:Мистер Крэйбл вернулся на работу, но послезавтра он поедет в Чикаго. Ему даже выдали бесплатный билет туда и обратно!:

:По-моему, это справедливо!:

:Да, согласен. Ты не поверишь, но мистер Крэйбл, проработав всю жизнь на железнодорожном вокзале, на поезде путешествовал всего

два раза!:

:А ты? Путешествовал когда-нибудь на поезде?:

:Нет, мне пока не доводилось.:

:А я ездила. Несколько раз. С мамой и папой. В прошлом году. Мы были в Нью-Йорке.:

:Не исключено, что я нес ваши чемоданы!:

Девочка снова затихла, но Кертис чувствовал, что она рядом: в голове тихонько жужжало.

:Ты узнал бы меня, если бы повстречал? Например, на вокзале?:

:А ты смогла бы меня узнать?:

:Боюсь, что вряд ли.:

:Вот и я тоже сильно сомневаюсь. Скорее всего, ты прошла бы мимо, и мы оба даже ни о чем бы не догадались.:

:Это так ужасно! – воскликнула собеседница. – Знать кого-то, но не узнавать!:

:Согласен. Но мы же договорились, что это будет нашей тайной до поры до времени.:

:Да, ты прав.:

За окном прогремел гром. На этот раз чуть ближе.

«Неужели ушла? – подумал Кертис и прислушался. – Нет, по-прежнему здесь».

:Хочешь, открою тебе еще одну тайну? – спросила девочка. – Мне кажется, что с моим папой что-то не так.:

:Почему ты так решила?:

:Потому что...: – начала его невидимая подруга и замолкла, видимо решая, может доверять ему или нет.

Кертис терпеливо ждал. Он чувствовал, что его собеседница нуждается в поддержке в этот дождливый вечер.

:Мой папа сильно переживает, – наконец сказала девочка. – Как будто должно случиться что-то плохое. И волнуется он не из-за работы. На этот раз он беспокоится как-то по-особенному. Я рассказала маме, но она считает, что у папы просто много дел. Мне кажется, мама ошибается. А еще... на днях произошло кое-что странное.:

:Что именно?:

:В четверг к нам на ужин приходил папин коллега, мистер Парр. И сегодня, когда мистер Хартли отвозил нас в школу, за поворотом у

парка я увидела этого самого мистера Парра. Он сидел за рулем автомобиля. Только мы проехали мимо, как он тут же последовал за нами. То же самое было и на обратном пути, когда мистер Хартли вез нас из школы. Я сказала мистеру Хартли, что за нами следят, но он лишь посмеялся: «Быть такого не может!» Тогда я пошла к папе, но и он отказался мне верить: дескать, я опять все выдумываю. Но, Кертис, честное слово, я дважды видела мистера Парра собственными глазами! Он следил за нами!:

:Это и впрямь необычно, – отозвался Кертис. – Но подумай сама: зачем бы ему вдруг понадобилось за вами следить?:

:Я не знаю... Папа жутко рассердился и велел не забивать голову всякой ерундой. Он сказал: «Странно, что тебя преследовал мистер Парр, а не этот твой воображаемый приятель Кертис. А еще он запретил говорить маме: она снова будет расстраиваться из-за моих глупых фантазий.:

:А твой братишка? Он тоже видел мистера Парра?:

:Нет, он ничего не заметил. А говорить ему я не стала.:

– Кертис? – послышался вдруг слабый, но требовательный голос Орхидеи.

:Мне жаль, что у твоего папы трудности, – сказал Кертис. – Однако он наверняка их преодолеет. Лично я нисколько в этом не сомневаюсь.:

:Меня беспокоит мистер Парр. Почему он следил за нами? Папа и мистер Хартли что-то знают, но молчат.:

– Кертис! Я хочу пить!

:Мне нужно идти. Мама зовет. Надеюсь, ты сможешь уснуть.:

:Я тоже надеюсь, но мне как-то не по себе от всего этого.:

– Кертис! – уже раздраженно воскликнула Орхидея.

:Прости, но мне действительно пора, – извинился он. – Что-то моя мама не на шутку разбушевалась. Не думай о мистере Парре: выбрось все из головы. Надо хорошенько выспаться, тебе ведь завтра в школу. Сладких снов!:

:Если я вдруг не усну, можно будет еще разок вызвать тебя?:

:Конечно можно. Доброй ночи!:

– Кертис! Да куда же ты запропастился?

:Спокойной ночи, – сказала девочка. И добавила: – Спасибо тебе.:

Жужжание в голове юноши прервалось.

– Иду! – крикнул Кертис в стену, разделяющую их с матерью комнаты.

Он выбрался из постели и вышел в коридорчик. Из-за закрытой двери послышался требовательный голос:

– Кертис, принеси мне водички в «особенном» стакане! – И Орхидея несколько раз кашлянула, чтобы сын не медлил.

– Сейчас, мам, – ответил Кертис.

Он прошел на кухню, включил свет и снял с верхней полки «особенный» стакан, стоявший там на квадратике темно-синей вельветовой ткани. Стакан приятной тяжестью лег в руку и тут же вспыхнул гранями на свету, точно бриллиант. Молодой человек открыл кран, трубы взвизгнули, и полилась вода.

Когда Кертис вошел в комнату матери, та сидела, обложившись подушками, в свете лампы с цветочным абажуром, который скорее погружал комнату в сумрак, нежели делал ее светлее.

– Что-то ты долго, – проворчала Орхидея и хлопнула носом. – Уж я звала тебя, звала. Неужели не слышал?

Кертис подал матери «особенный» стакан и решил ничего не скрывать:

– Извини, я кое с кем говорил.

– Разве звонил телефон?

– Нет.

Рука со стаканом замерла у самых губ. Затем Орхидея глотнула воды и бессильно откинула повязанную платком голову на подушки, словно судьба нанесла ей очередной жестокий удар.

– Господи, помилуй! – воскликнула она. – Ну за что мне такие испытания? Ты снова взялся за старое?

– Но, мама, ты же не думала, что мой дар вдруг взял и испарился?

– И слышать об этом ничего не желаю!

«Может, рассказать про эту десятилетнюю девочку из богатой семьи? Про ее папу-бизнесмена? Про то, как они живут в роскошном доме? Про водителя мистера Хартли, который отвозит детей в школу и вообще сопровождает их повсюду? – подумал Кертис, но тут же от этой мысли отказался. – Нет, ни к чему зря расстраивать маму».

– Хочешь еще что-нибудь, мамуль? – спросил он.

– Побудь со мной немножко, – попросила Орхидея. – Хорошо?

Кертис кивнул и присел на старый стул напротив кровати. Стул выглядел таким древним и хлипким, что оставалось только гадать, как он выдерживает человека, пусть даже и такого худенького, как Кертис. Цвет же его обивки определить было и вовсе невозможно.

– Льет как из ведра, – промолвила Орхидея.

– Да, мам.

– Грустно мне, когда дождь барабанит по крыше. Так, кажется, звучит одиночество.

Кертис молча смотрел на мать: чувствовал, что она хочет выговориться. Надо обязательно ее выслушать, чтобы Орхидее стало спокойнее на душе. Кертис, как никто другой, знал, насколько тяжело держать в себе переживания. Но его мать, к сожалению, слушать совсем не умела и учиться этому не стремилась.

Орхидея глотнула еще воды, задумчиво покатила стакан между иссохших ладоней и тихонько произнесла:

– Твой папа сделал мне предложение под дождем. Я не рассказывала тебе эту историю?

Кертис посмотрел на мать и покачал головой.

– Тогда слушай. Однажды мы возвращались с танцев домой. Вдруг зарядил дождь, и я стала жаться к Джо. Он был такой большой и высокий, точно гора! Рядом с ним я ничего не боялась, а уж дождя и подавно! А как он танцевал! Для великана очень изящно двигался! Так вот, начался дождь, я прижалась к Джо, а он посмотрел на меня, наклонился и поцеловал. Посмотрел так, что и говорить ничего было не надо. Я принадлежала только ему, и никому другому. А затем он произнес слова, которые мечтает услышать каждая девушка. Скоро и у тебя, Кертис, появится девочка, и ты непременно захочешь сказать ей эти слова. И тогда... тогда, наверное, мы снова будем счастливы.

– Да, мам, – отозвался Кертис.

– Это так тяжело, – вздохнула Орхидея, – когда близкая, родственная душа вдруг начинает от тебя отдаляться. Это так странно: человек вроде бы и жив, но в то же время и мертв. Я вся тогда извелась, пытаюсь выдумать, как бы вернуть прежнего Джо. И все перевернулось с ног на голову: мне хотелось рыдать, а я смеялась. Вот он стоит передо мной, мой любимый мужчина: я тянусь к нему, притрагиваюсь, но оказывается, что от него осталась лишь пустая

оболочка... Ох, ну и гроза! Ты слышал, Кертис, как громыхнуло? Прямо над нашим домом!

– Мам, я хотел бы, чтобы ты поскорее поправилась. Давай я приведу тебе доктора?

– Никаких врачей! Нет-нет! Слишком дорого, а толку все равно никакого! Забыл, как мы ходили с тобой по врачам? И что, хоть один помог? Так они тебя и не вылечили!

Кертиса так и подмывало ответить: «Ясное дело, не вылечили, потому что я абсолютно здоров. Ну когда ты уже наконец это поймешь, мама?» Однако он прикусил язык: рыцари Круглого стола никогда бы не позволили себе неучтиво разговаривать с дамой, тем более со слабой и больной. Поэтому он сказал только:

– Мамуль, у меня есть деньги.

– Да какие там деньги! Мы едва концы с концами сводим! Все эти врачи – шарлатаны!

Кертис промолчал. Когда мать заводилась, она ничего не слышала и вообще никого слушать не желала.

– Господи, я так устала! – воскликнула Орхидея.

– Тогда я пойду. Спокойной ночи!

– Нет-нет. Постой, – остановила она его. Мать допила воду, на мгновение задумалась, а затем вдруг спросила: – Скажи, а как ты... Как ты говоришь с другими на расстоянии? Что именно ты при этом проделываешь?

Кертис, собиравшийся было уже встать и уйти, замер от удивления. Еще ни разу в жизни мать не интересовалась тем, как работает его дар. Откинувшись на спинку стула, который тут же жалобно всхлипнул, молодой человек некоторое время подумал и наконец ответил:

– Есть у нас на работе один паренек по прозвищу Умник. Так вот, он умеет сворачивать язык в рулончик! Не в трубочку, мам, а в рулончик! И не просто загибает его, а именно заворачивает: трижды, а то и четырежды! Повторить этот трюк еще никому не удавалось. Мы все в толк взять не можем: ну как ему такое удается? Соль в том, что он и сам не знает. Понимаешь, мам, для него это нормально. Получается само собой. Или, например, когда я учился в школе, в пятом классе, у нас был такой Ной Уолкот. Однажды на детской площадке он поймал осу и устроил целое представление. Все ученики сбежались посмотреть! Сначала Ной потряс кулаком, как будто не оса

у него там была, а игральные кости! А затем вдруг запихал осу прямо себе в рот! Ты представляешь? И она его не ужалила! Ной открыл рот, и оса улетела. Помню, Ной тогда сказал: «Насекомые боятся меня. Еще ни разу в жизни никто меня не жалил и никогда не ужалит».

Орхидея улыбнулась, и это вдохновило Кертиса.

– А Бьюли по прозвищу Красавчик? – воскликнул он. – Я часто тебе про него рассказывал, когда мы работали вместе...

– Что-то я не помню.

Кертис даже не удивился: его мать не умела слушать, и он в очередной раз в этом убедился.

– В свои лучшие дни Бьюли в девяти случаях из десяти угадывал, кто в следующую минуту зайдет в здание вокзала или сойдет с поезда на перрон. Представь себе, Красавчик знал не только кто появится: мужчина, женщина или ребенок, – но и во что будет одет этот человек. Он говорил примерно так: «Мужчина в желтой бабочке, голубой рубашке и двуцветных туфлях! Проверяйте!» Мгновение спустя мимо нас и в самом деле проходил точно такой мужчина. Или: «Приготовились! Семья: мужчина в сером пальто, женщина в шляпе с цветами и мальчуган в белых гетрах!» И конечно же, все они через миг были тут как тут. Но иногда у Бьюли выдавались тяжелые деньки. Бедняга не то что тележку с багажом катить по прямой линии не мог – он завязать шнурки на ботинках был не в силах. Бьюли все чаще впадал в протрацию: вдруг останавливался посреди перрона и пялился в никуда. И в конце концов Красавчика уволили. Ну, мамуль, неужели ты не помнишь Бьюли? Я ведь прежде уже рассказывал тебе про него.

– Не было такого, – возразила Орхидея.

– Значит, я ошибся, – не стал спорить Кертис, хотя прекрасно помнил, как не раз упоминал при ней о Бьюли. – Не важно. Мам, я всего лишь хочу сказать, что жизнь полна загадок, и ответы на них знает только Господь Бог. Человек не все может объяснить. Ума не приложу, как у меня получается обмениваться с другими мыслями на расстоянии. Я просто таким родился.

– Скажи, а тот человек, с кем ты говорил... Тяготит его этот дар?

– Скорее нет, чем да. Она вряд ли хотела бы избавиться от него.

– Она?

– Да. Но если ты вдруг думаешь, что у нас какие-то любовные дела, то скажу сразу: девочке всего десять лет. И она белая. И у нее есть личный шофер.

– Боже милостивый, – пробормотала Орхидея, уже не слушая сына. Она вглядывалась в свет, игравший на гранях «особенного» стакана, и думала о чем-то своем. – Это же уотерфордский хрусталь, – произнесла она пару мгновений спустя. – Моя бабушка получила стакан в подарок от одного темнокожего джентльмена из Англии. Это было очень давно. А потом мать подарила стакан мне на свадьбу. Он сделан из уотерфордского хрусталя, а это большая редкость. Второго такого нет. Похожие стаканы уже давно либо разбиты, либо в музеях. Я назвала тебя Кертис Уотерфорд, потому что ты для меня особенный. И ты оказался и в самом деле особенным, понимаешь?

– Понимаю, – ответил Кертис.

– Не забывай, что белые могут разнюхать про эту твою способность, и тогда ты закончишь свои дни как музейный экспонат, – сказала Орхидея. – Глазом моргнуть не успеешь, как тебе открутят голову и выставят на всеобщее обозрение. А мозги извлекут, разрежут на мелкие кусочки и будут пытаться разобраться, в чем же было дело. Ох уж эти белые! Только доверься им, и ты пропал!

– Хорошо, мам, я учту: буду держаться подальше от музеев, – ухмыльнулся Кертис.

– Если белые прознают про твои способности, сыночек, они выкрадут тебя. И останусь я одна-одинешенька, – заключила Орхидея и протянула сыну «особенный» стакан. Кертис поднялся и взял его. – Помой и как следует, высуши, а затем поставь на место.

– Хорошо, мам.

– Слушай, Кертис, а давай уедем на ферму к дедушке и бабушке, а? Вдруг нам так понравится, что мы решим остаться там навсегда? Бог свидетель, я не хочу бросать любимый дом, но, быть может, уже пришло время попрощаться с Новым Орлеаном?

– Отличная идея, – одобрил Кертис. – Тебе будет полезно развеяться. А вот я не могу, мам. У меня работа, которую я люблю и бросать не собираюсь.

– Только не говори, что твое призвание – таскать взад-вперед чемоданы.

– Я помогаю людям, – возразил Кертис. – Я провожаю и встречаю пассажиров: они без меня как без рук.

– Хорошую же сказочку ты себе выдумал.

– Мам, ничего я не выдумывал.

– Да уж, настоящий сын Железноголового Джо. – Она тяжело вздохнула: – Весь в отца!

– Буду считать это комплиментом, мам.

– Ступай тогда. Что тут еще скажешь.

Кертис помог Орхидее устроиться в постели. Когда он поправлял многочисленные одеяла, пледы и покрывала, мать вдруг взяла его за руку и прижала ее к щеке.

– Сынок, я была несправедлива к тебе, – сказала Орхидея дрогнувшим голосом. – Прости меня!

Кертис нежно погладил мать по щеке:

– Не переживай, все нормально.

Некоторое время она еще прижимала его ладонь к щеке, а потом отпустила.

– Погасить свет? – спросил Кертис.

– Нет, – едва слышно отозвалась Орхидея. Она рассеянно смотрела в окно на стекавшие ручейками дождевые капли. – Оставь, я сама.

– Ну ладно. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – повторила она и, когда Кертис был уже на пороге, прибавила: – Я так люблю тебя, сынок. Твой папа гордился бы тобой.

Кертису понадобилось несколько мгновений, чтобы собраться с мыслями: такого он от матери не ожидал.

– Спасибо, мам. Я тоже люблю тебя. И спасибо, что выслушала.

– Выслушала, но, к сожалению, только ушами. Твоя голова не чета моей.

Кертис мягко прикрыл дверь, прошел на кухню, вымыл и вытер стакан, а затем поставил его на место – на верхнюю полку, на квадратик темной вельветовой ткани. Он вернулся к себе в комнату и принялся читать про рыцарей Круглого стола, вслушиваясь в тишину: не объявится ли его подруга снова? Но время шло, а девочка все молчала. Кертис решил, что этой ночью она уже вряд ли выйдет на связь, и крепко уснул.

Глава 14

«Все, что от меня требуется, – думал Пэрли, – не пропустить момент и быть дьявольски убедительным. И тогда мы обречены на успех».

Пэрли сидел за рулем «форда» и вглядывался в дорогу. Машину он ставил у небольшого сквера, в одном квартале на юг от школы Харрингтон, где днем ранее его заметила Нилла. Двигатель он не глушил. Дворники автомобиля работали как бешеные. Свинцовое небо извергало потоки воды. Пэрли сверился с часами. Двенадцать минут четвертого. Скоро появится Хартли.

– Нервничаешь? – спросила Джинджер. Она умудрилась разместиться между сиденьем и бардачком так, что с улицы ее не было видно.

– Я в полном порядке, – ответил Пэрли, хотя, честно говоря, все же испытывал легкий мандраж. «Сигаретка сейчас точно не помешает», – подумал он.

– Везет тебе, – отозвался Донни, который скрючился сзади, – сидишь как барин, а у меня уже позвоночник скоро пополам переломится.

– Револьвер, если что... – начал было Пэрли, но Джинджер перебила его:

– Да-да, помню, в бардачке. – Его сообщница улыбнулась, но смотрела по-прежнему пристально и жестко. – Детектив Парр, думайте лучше, как самому не облажаться. Остальные и без вас знают, что делать.

Пэрли поглядывал в зеркала заднего вида: то в одно, то в другое. Мимо невзрачного «форда» проплывали роскошные, сверкающие хромом автомобили: богатенькие детишки возвращались домой из школы Харрингтон. Однако бордового «олдсмобилия» новой модели видно не было. Сжимая руль обеими руками, Пэрли готовился в любое мгновение газануть.

Он смотрел и ждал, смотрел и ждал, смотрел и ждал...

«Точный расчет и дьявольская убедительность. В чем-чем, а в этом я хорош! – подумал мужчина с ангельским лицом. – В ближайшие десять минут все решится». Пэрли очень надеялся, что план сработает

безотказно. В голову некстати закралась неприятная мысль: «А что, если машина подведет в самую неподходящую минуту?» Вечер пятницы для «форда» выдался напряженным: поездка в Шривпорт за Джинджер и Донни, затем обратно в Новый Орлеан, не говоря уже про скитания по окрестностям Кеннера вокруг озера Пончартрейн. В общем, «форду» пришлось несладко. Время шло, а седан Хартли все не появлялся. Пэрли сверился с часами: с тех пор как он последний раз смотрел на них, прошло всего две минуты. Вдруг в левом зеркале заднего вида сверкнула массивная решетка радиатора «олдсмобилия». Хартли мигнул фарами. Бордовый седан величественно проплыл мимо.

«Интересно, Нилла и в этот раз заметила меня? Наверняка. Раскусила, чертовка! – подумал Пэрли. – Еще вчера заприметила... Или сегодня утром? Не важно! Время действовать!»

– Игра начинается! – объявил он Джинджер и Донни.

Пэрли пропустил четыре автомобиля, а затем тронулся следом, стараясь держаться от «олдсмобилия» на расстоянии. Люденмер и Хартли сами согласились на слежку. За выходные Пэрли внушил им, будто от шайки Орси можно ожидать чего угодно.

«Лучше я буду следить за собственными детьми, нежели случится что-нибудь такое, что заставит Джейн нервничать», – сказал Люденмер.

Так Пэрли и получил разрешение сесть на хвост Хартли. По утрам он парковался в паре кварталов от дома Люденмеров, а днем – неподалеку от школы Харрингтон.

«Как я ни старался, девчонка все равно меня углядела! – с досадой подумал Пэрли. – Ну и черт с ней. В любом случае этот спектакль уже давно пора заканчивать. Сейчас главная проблема – Хартли. За этим одноглазым нужен глаз да глаз! – Невольный каламбур развеселил его. – Стоит только зазеваться, как этот чокнутый морпех схватит пушку и изрешетит всех нас, словно Бонни и Клайда».

– Твою же мать, – зарычал Донни. – Мне ногу свело!

– Терпи, – отозвалась Джинджер. – Уже недолго осталось. Когда этот гроб на колесиках затормозит, мешкать будет некогда.

– Скоро повернет направо, – сообщил им Пэрли.

Дождь усилился. Дворники автомобиля работали без остановки. Пэрли прибавил газу.

– Не хотелось бы потерять их из виду, – пробормотал он себе под нос.

– Только попробуй! Мы с Донни сожрем тебя на ужин.

– Не потеряю. Если Хартли заметит, что мы отстали, он сбросит скорость. По крайней мере, так было вчера и в понедельник. Правда, вчера этот тип неожиданно выбрал другой маршрут, но тем не менее все прошло гладко... А, черт! – воскликнул Пэрли и резко крутанул руль: из-под колес «форда» выскочила ошалевшая дворняга.

– Какого хрена! – завизжал Донни.

– Башку свою пригни, – скомандовала Джинджер, – и не вопи. Тебе там, на заднем сиденье, еще повезло. Потому что тут, спереди, тряхануло будь здоров!

– Без паники: это всего лишь псина. Так, вот и они: притормаживают. – Пэрли держал сообщников в курсе. – Говорил же вам, Хартли не собирается ничего менять: поедет мимо складов.

– Надеюсь, что так, гений ты наш, – съязвил Донни, терпение которого, казалось, вот-вот лопнет. – Лучше бы тебе поддать газу, приятель, если ты вообще планируешь тибрить деток Люденмера!

Ладони Пэрли вспотели, сердце гулко билось, но страха, как ни странно, он не чувствовал. Пэрли испытывал воодушевление и даже возбуждение. Накануне им пришлось нелегко: Люденмер, как только услышал, что Орси уже в Новом Орлеане, загорелся идеей задействовать местную полицию.

Разубедить его оказалось не так-то просто, и Пэрли пришлось выдумывать очередную историю: «Есть у меня один знакомый. Вот уже пару лет как работает детективом. Я ему звякну, он по-тихому наведет справки: местных копов подключать пока без надобности. За него я ручаюсь, будьте спокойны».

«Если дело не провернуть сегодня, – подумал Пэрли, – то завтра у Люденмера сдадут нервы, и тогда пиши пропало».

Между тем они миновали усеянный невзрачными лачугами и пустырями район и выехали на улицу, вдоль которой тянулись одноэтажные блочные здания складов. Встречных автомобилей почти не попало: пара грузовиков и только. Наконец на дороге остались черный «форд» и бордовый «олдсмобиль». Мигнув фарами, машина начала притормаживать.

– Готовы? – спросил Пэрли.

Ответа не последовало, да его и не требовалось: Джинджер и Донни с нетерпением ждали этой минуты.

«Форд» поравнялся с «олдсмобилем», и Пэрли подал Хартли знак остановиться. Перегнувшись через Джинджер, Пэрли опустил боковое стекло.

Хартли остановился, тоже опустил стекло и напряженно спросил:

– В чем дело?

– Полушай, – придав голосу как можно больше непринужденности, сказал Пэрли, – поскольку Нилла засекла меня, дальше ломать комедию нет резона. Кстати, у тебя, похоже, колесо спускает. Судя по всему, ты на гвоздь напоролся.

– По-моему, все нормально.

– Я советовал бы, пока не поздно, заехать на ближайшую заправку и устранить проблему. Пойдем, сам глянешь.

Пэрли проворно выбрался из «форда». Не обращая внимания на теперь уже всю моросивший дождь, он направился к левому заднему колесу «олдсмобилия».

– Вот дерьмо, – прошипела Джинджер. Она ждала звука открывающейся дверцы, но Хартли, похоже, и не думал вылезать.

– Ну точно, как я и говорил, – гвоздь! – крикнул Пэрли, надеясь, что хоть так заставит одноглазого ублюдка выбраться из машины.

– Поменяю колесо дома, – отозвался Хартли.

– Как хочешь, Клэй, – впервые назвав шофера по имени, кивнул Пэрли. – Может, и дотянешь.

Он еще раз демонстративно глянул на якобы пробитое колесо и, проклиная все на свете, двинулся обратно к «форду».

«Пора переходить к плану Б. Через пятнадцать секунд начнется заварушка, – лихорадочно соображал он. – Если учитывать заблокированные двери „олдсмобилия“ и ствол у Хартли в бардачке, то этот запасной план – полное дерьмо».

– Что, мужики, с машиной проблемы? – раздался вдруг возглас.

От испуга Пэрли чуть не поседел. Он обернулся и увидел метрах в двадцати – под металлическим навесом погрузочной платформы склада – какого-то парня в комбизоне. Он спокойно покуривал, наблюдая за суетившимся Пэрли.

– Да так, ерунда! Колесо спускает, но до дому мы доедем! – крикнул в ответ Пэрли.

Вдруг дверца «олдсмобилия» распахнулась, и волосы Пэрли, несколько мгновений назад едва не поседевшие, чуть не выпали. Хартли, не выключая двигателя, вылез из автомобиля и устало сказал:

– Ну-ка, дай взгляну.

Пэрли посторонился, пропуская водителя. В салоне «олдсмобилия» маячило два детских лица: Нилла и Джек, прижимаясь щека к щеке, внимательно следили за происходящим, вглядываясь в заднее стекло. Нилла буквально буравила Пэрли взглядом, точно так же, как и та тexasская девчонка, чье имя на Библии его угораздило напечатать с ошибкой. Texasская девчонка, чьих щенков он в отместку сжег заживо.

Пэрли положил руку на револьвер в наплечной кобуре. Джинджер змеей выскользнула из «форда», а Донни, откинув спинку сиденья, пополз следом.

Пэрли рванул из кобуры револьвер, но тот застрял: курок зацепился. Джинджер тем временем уже оказалась за рулем «олдсмобилия», а Донни с криком «О черт! Снова ногу свело!» почти кубарем выкатился с заднего сиденья «форда» и налетел на бордовую машину.

Хартли напрягся, точно гончая, почуявшая дичь. Между тем Джинджер извлекла из бардачка «олдсмобилия» шестизарядный «смит и вессон» сорок пятого калибра и попыталась вручить его Донни, но тому было совершенно не до тетушки: он боролся с земным притяжением. Хартли крутанулся на пятках и угрюмо воззрился на Пэрли. В следующее мгновение Пэрли буквально выдрал револьвер из кобуры и ткнул стволом в живот Хартли. Лицо шофера стало мрачнее тучи.

– Полезай! – скомандовал Пэрли, но голос его сорвался. – К детям на заднее сиденье! Полезай, кому говорю! – повторил он.

– Давай-давай, пошевеливайся! – прикрикнула Джинджер.

Донни, наконец взяв у нее «смит и вессон», поковылял к пассажирскому сиденью «олдсмобила».

От Пэрли не укрылся взгляд, который Хартли бросил в сторону рабочего, но парень, перед этим предлагавший помощь, либо действительно ничего не заметил, либо сделал вид, рассудив, что это его не касается. В повисшей тишине раздавался только стук дождевых капель, отскакивавших от козырька водительской фуражки. Пэрли

встал так, чтобы рабочий не мог ничего рассмотреть, и сильнее надавил шоферу на живот.

– Давай без глупостей, – сказал Пэрли ему на ухо. – Детей мы все равно заберем, с тобой или без тебя. Будешь геройствовать – только напрасно подохнешь.

Хартли, уставившись на похитителя, скривил губы и произнес тихим, спокойным голосом:

– Я тебя в ад отправлю, ублюдок.

– Не раньше, чем я тебя, – парировал Пэрли и кивнул на «олдсмобиль».

Нилла, наблюдавшая на ними, признаков волнения не демонстрировала, хотя и выглядела озадаченной.

«Наверняка даже не понимает, что их похищают, – подумал Пэрли. – Господи, этот пристальный взгляд! Как бы я хотел выдавить ей глазенки, чтобы кровь брызнула во все стороны!»

Хартли повернулся спиной к Пэрли – ствол револьвера тут же ткнулся ему в позвоночник – и полез на заднее сиденье. В салоне автомобиля уже поджидал Донни, который держал Хартли на мушке. Пэрли захлопнул заднюю дверцу «олдсмобилья», быстро сел за руль «форда» и тронулся, а Джинджер поехала следом.

– Попались! – закукарекал Донни. – У-у-у, попались, сукины дети! Наконец-то!

– Так, девочки и мальчики, – обратилась Джинджер к пленникам, – выдохнули, расслабились и наслаждаемся поездкой.

Нилла и Маленький Джек были в школьной форме: темно-синие пиджачки, белые рубашки, темно-синяя юбочка у нее и отглаженные брючки у него. На пиджаках красовалась эмблема учебного заведения: золотистого цвета герб и белые буквы Ш и Х – школа Харрингтон. Нилла и Маленький Джек не на шутку перепугались, хотя навряд ли сообразили, что именно происходит. Покачивающийся ствол револьвера Донни, точно питон Каа, гипнотизировал Маленького Джека, сидевшего с открытым от удивления ртом.

– Мистер Хартли, в чем дело? Кто эти люди? – спросила Нилла. – И что тут делает мистер Парр?

– Нилла, не бойся, все под контролем, – ответил водитель и накрыл детскую ручку своей мозолистой ладонью. А затем пристально

посмотрел в глаза Донни и сказал: – При детях попрошу не выражаться.

Донни на мгновение даже растерялся, но затем заревел, как осел, и смеялся до тех пор, пока Джинджер не ударила его по коленке и не велела взять себя в руки. Племянничек тут же успокоился и замолчал.

«Форд» и «олдсмобиль» свернули на северо-восток и двинулись к заболоченному берегу озера Пончартрейн.

Часть третья. Хижина на озере

Глава 15

Кертис нес вдоль перрона два очень дорогих чемодана из кожи аллигатора, принадлежавших молодому человеку в серой федоре и желто-коричневом плаще, как вдруг ему что-то почудилось. Ожил ли это его внутренний голос? Наверняка сказать было нельзя. На перроне, как пчелиный улей, гудела толпа пассажиров, ожидавшая поезда в пятнадцать сорок. Паровоз выпустил пар, что-то звонко лязгнуло, и под крышей вокзала с шумом вспорхнула стая голубей.

«Наверное, мне показалось, – подумал Кертис. – И неудивительно! Каких только звуков не услышишь на вокзале! Паровоз шипит, гремит неведомыми механизмами, люди без умолку о чем-то толкуют, тележки носильщиков грохочут по грязному перрону...»

:Кертис, – донесся слабый шепот.

Пока юноша напряженно вслушивался, ноги сами несли его к нужному вагону: сдать чемоданы ответственному за багаж и пожелать счастливого пути следовавшему за ним к поезду путешественнику.

Не успел Кертис пройти и нескольких шагов, как сознание взорвал отчаянный крик.

:КЕРТИС! ПОЗВОНИ МОЕМУ ПАПЕ! ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ПОХИТИЛ НАС И МИСТЕРА ХАРТЛИ! Я НЕ ЗНАЮ, КУДА МЫ ЕДЕМ! ОНА СКАЗАЛА: «РАССЛАБЬТЕСЬ, МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ...»:

Крик оказался настолько громким, что голова Кертиса запрокинулась, колени подогнулись, а сам он обмяк и повалился на перрон вместе с чемоданами.

:КЕРТИС, КЕРТИС, ПОМОГИ НАМ! КЕРТИС, У ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА РЕВОЛЬВЕР!:

– Эй, что случилось? Ты поскользнулся? – спросил молодой путешественник, не решаясь подать руку негру.

Мысли Кертиса путались, а сердце буквально выпрыгивало из груди.

:КЕРТИС, ЕСЛИ ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ, ПОЗВОНИ МОЕМУ ПАПЕ! ПОЖАЛУЙСТА. ПОЗВОНИ ЕМУ!:

Голова Кертиса гудела, как барабаны в разгар карнавала. Наконец он выдал из себя:

:Что такое?:

:ЭТО Я. НИЛЛА ЛЮДЕНМЕР. МОЙ ПАПА – ДЖЕК ЛЮДЕНМЕР. КАКИЕ-ТО ЛЮДИ СХВАТИЛИ МЕНЯ И МОЕГО БРАТИКА. ПОЖАЛУЙСТА, КЕРТИС, ПОМОГИ.:

:Что такое?: – переспросил он еще раз.

Сверчок нагнулся помочь, но Кертис ослаб настолько, что даже не смог ухватиться за его руку.

:Я НИЛЛА ЛЮДЕНМЕР. СО МНОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДЖЕК. НАС КУДА-ТО УВОЗЯТ!: – снова услышал Кертис и поморщился от крика, сопровождавшегося вспышками головной боли. Сигнал, исходивший от Ниллы, был настолько мощным, что юноше показалось, будто голова его вот-вот взорвется.

:Кто увозит? – спросил он. – Куда увозит?:

:Двое мужчин и женщина. Мистер Парр тоже здесь. Рядом со мной сидит мистер Хартли. Я не знаю, куда они нас везут.: Нилла пыталась сбивчиво объяснить, в чем дело, но силы, по-видимому, уже покидали ее. Внутренний голос Кертиса стал звучать заметно слабее.

:Позвонить... твоему папе? Как, ты сказала, его зовут? Джек Люденмер?:

:Да, Кертис, да... Второй мужчина наставил на нас револьвер.:

– Кертис, ну ты чего? – причитал Сверчок. – Давай уже, цепляйся и вставай!

Подошел Прэнтис, новичок, и тоже принялся помогать Кертису.

«Ну и дела!» – подумал Кертис и тут же спросил Ниллу:

:Значит, вас похитили?:

:Да, Кертис... позвони моему папе... сообщи ему... пожалуйста...:

Похоже, эти отчаянные сообщения вконец вымотали девочку: она говорила чуть слышно, и связь постоянно прерывалась.

:Я позвоню, Нилла. Какой номер телефона?:

– Кертис, поднимайся!

:OR2–42... Нет, постой, не так... OR2–24... Боже, голова так болит, что все мысли путаются... OR2–2461 – вот какой у папы номер...:

:Хорошо, я запомнил. Позвоню непременно. Побереги силы.:

Нилла замолчала. То ли ее энергия окончательно иссякла, то ли она решила пока не мешать Кертису. А может, и то и другое одновременно.

При помощи Старого Крэба, Прэнтиса, Умника и Сверчка Кертис наконец-то поднялся.

Взволнованные люди на перроне то и дело оглядывались на Кертиса, но опаздывать на поезд из-за споткнувшегося негра никто не собирался. Пассажиры рассаживались по вагонам, паровоз выпускал клубы пара: вокзал продолжал жить своей обычной жизнью.

– Сэй, не переживайте, мы позаботимся о ваших чемоданах. Займите, пожалуйста, свое место в вагоне. Премного благодарны вам за помощь, – произнес Старый Крэб и улыбнулся.

– Я, конечно, не врач, – вдруг заявил Прэнтис, – но, по-моему, Кертис неважно себя чувствует.

– Спасибо за ваше профессиональное мнение, Док. Я обязательно приму его к сведению, – сказал мистер Крэйбл.

– Док, – повторил Умник и засмеялся. – Пожалуй, так теперь мы и будем тебя звать!

– Мистер Крэйбл, мне нужно срочно позвонить, – произнес Кертис и поморщился от боли в голове. Кроме того, он весь взмок, и кожу щипало от пота. – Не беспокойтесь, мне уже гораздо лучше. Так можно позвонить?

– Док, давай-ка хватай чемоданы, – скомандовал Старый Крэб и обернулся к Умнику. – А ты чего рот разинул? Заняться нечем? Сейчас быстренько тебе дело найдем!

Док и Умник тут же исчезли. Старый Крэб взял Кертиса за плечи и внимательно посмотрел на него:

– Что за спешка, сынок? Зачем тебе вдруг понадобилось куда-то звонить?

– Сэр, я пока не могу объяснить, но это на самом деле важно. Клянусь!

– Ладно-ладно, как скажешь. Клясться вовсе не обязательно. Ты как, не ушибся?

– Нет, сэр. Можно, я все-таки пойду позвоню?

Старый Крэб кивнул.

– Конечно, ступай, – убрав огромные мозолистые ладони с плеч Кертиса, сказал он, – мелочь есть?

– Да, сэр, имеется.

Кертис поспешил в правый конец перрона к раздевалке для носильщиков. Там, на стене между шкафчиками, висел телефон-

автомат. Номер Кертис запомнил хорошо. Добравшись до телефона, он не мешкая снял трубку, кинул монетку и набрал трясущейся рукой нужные цифры.

– Резиденция Люденмеров, – после четырех гудков ответил женский голос с мелодичным креольским акцентом.

– Могу я услышать мистера Люденмера?

– Он в настоящее время в офисе. Что-нибудь передать?

– А вы кто? Миссис Люденмер?

– Нет, я служанка Люденмеров. Хотите оставить сообщение?

– А не подскажете, как позвонить в офис?

– Сейчас, – ответила женщина. Через пятнадцать секунд она вернулась и продиктовала номер.

Кертис поблагодарил ее, кинул еще одну монетку и набрал номер офиса.

– «Грузовые перевозки Люденмера», – раздался строгий голос белой женщины. – Чем могу помочь?

Кертис сказал, что ему нужно поговорить с Джеком Люденмером. В ответ собеседница поинтересовалась, ждет ли босс его звонка. Кертис ответил «нет», но заверил ее, что у него очень важная информация. Белая женщина уточнила его имя, а затем велела не класть трубку, объяснив, что сейчас соединит его с личным секретарем мистера Люденмера.

Пока Кертис ждал, он попытался вызвать Ниллу.

:Я пытаюсь, Нилла. Я пытаюсь связаться с твоим отцом.:

Но девочка не откликнулась.

Соединение установилось, и Кертис услышал еще более суровый голос другой белой женщины:

– Мистер Мэйхью, если не ошибаюсь?

– Да, мэм. Кертис Мэйхью. Мне надо немедленно переговорить с мистером Люденмером.

– Его сейчас нет на месте, а что за срочность?

– Послушайте, мэм. Ваш начальник правда отсутствует? Потому что у меня ну очень важная информация.

Секретарша ненадолго замолчала, как будто что-то обдумывая, а затем сказала:

– Мистера Люденмера действительно нет в офисе. Он будет через час или около того. Оставьте сообщение. Я обязательно передам ему.

Кертис начал было объяснять, но выходило как-то сбивчиво и нескладно, поэтому он сам себя осадил и замолчал. Ко всему прочему ему пришла в голову мысль, что секретарша могла быть в сговоре с похитителями. «Доверять никому нельзя, – подумал Кертис. – А вдруг все это подстроили конкуренты Люденмера?» Молодой человек решил пока не спешить, поскольку сильно устал и уже плохо соображал.

– Я перезвоню попозже, – сказал он и повесил трубку.

«Надо что-то делать, – лихорадочно соображал Кертис, – медлить нельзя! С каждой секундой похитители увозят Ниллу и ее брата все дальше. – От этих мыслей сердце зашлось, а в груди закололо. – Будь что будет, но я должен попытаться», – вдруг решился Кертис.

Он достал из брюк последнюю монетку и кинул ее в щель телефона-автомата.

Кертис набрал «0», дождался ответа оператора и, пытаясь не поддаваться эмоциям, попросил соединить его с полицейским участком.

– Ой, мистер Люденмер! Вы уже вернулись? Не ожидала вас так скоро!

Глава транспортной империи только что зашел в офис: плащ перекинут через руку, на полях серой федоры блестят капли дождя. Джек пожал плечами и сказал Элис:

– Ненавижу эти встречи предпринимателей. Пропустил же две предыдущие, так нет: черт меня дернул сходить на третью! Скучотища адская! – возмутился Люденмер. – Сначала долго болтали всякую чепуху, а затем накормили дрянным, словно резиновым, цыпленком. Я уж думал, что на этом мои мучения закончились, – ага, как бы не так! У бара меня перехватил Сайрус Келли. Целый час вешал мне лапшу на уши!

Встречи Ассоциации предпринимателей проходили раз в месяц, и мистер Люденмер ненавидел их всей душой.

– Думал идти домой, но работы еще непечатый край. Поэтому я снова здесь, Элис. Кто мне звонил?

Элис вырвала из блокнота листок и вручила его боссу.

Джек пробежал глазами имена, номера и сообщения, записанные каллиграфическим почерком. Все звонившие были ему знакомы, кроме самого последнего в списке.

– Что еще за Кертис Мэйхью?

– Не знаю, сэр, он ничего передать вам не пожелал.

– Так ведь он только что звонил! В пятнадцать двадцать два?

– Да, сэр.

– И не оставил сообщения?

– Нет, сэр.

Люденмер снова заглянул в листок.

«Ричард Бьюкенен – надо будет позвонить ему сегодня. Майк О’Мара, Кен Сондерфелд – эти подождут... Да кто такой, черт возьми, этот Кертис Мэйхью? Кертис-Кертис-Кертис... Что-то знакомое».

И тут в памяти вдруг всплыло: «Папочка, а я кое с кем общиваюсь мыслями. Правда-правда! Его зовут Кертис».

«Ох уж мне эти совпадения! – подумал Люденмер. – Похоже, Нилла в бабку свою шальную пошла! Той постоянно что-то мерещилось!»

– Дай мне минут десять перевести дух, а затем соедини с Ричардом Бьюкененом, – сказал Люденмер секретарше.

Он прошел в кабинет, захлопнул дверь, повесил пальто, пиджак и шляпу на вешалку и рухнул на стул. Обычно Джек любил походить туда-сюда по кабинету, полюбоваться открывавшимся из окна видом: склады, причалы – все это называлось его именем, но сегодня настроения у него совершенно не было.

«А все из-за проклятого итальяшки Орси, – подумал Джек. Образ этого мафиози преследовал Люденмера и днем, и ночью, не позволяя расслабиться ни на минуту. – Если детектив Парр в ближайшие пару дней не решит моих проблем, – решил он, – позвоню Бэйзеру и попрошу подмогу. Или же свяжусь с местными копами! Черт с ними, с этими газетчиками, пускай печатают, что им в голову...»

Зажужжало переговорное устройство.

– Десять минут еще не прошло, – сердито ответил Люденмер.

– Сэр... тут звонят будто бы по поручению детектива Парра.

Джек Люденмер так и обмер. Все это ему совершенно не нравилось. Кровь бросилась к лицу, прилила к ногам и рукам. Он вдруг подумал, что выглядит сейчас, наверное, как насосавшаяся крови блоха в ухе гончей.

– Соедини, – велел он секретарше, сосчитал до пяти и поднял трубку. – Джек Люденмер, слушаю.

– Готовь выкуп, – раздался приглушенный низкий голос, не то шептавший, не то хрипевший прямо ему на ухо. По спине Люденмера побежали мурашки. – У нас твои детки, детектив Парр и шофер Хартли. Кстати, классный ствол в бардачке «олдсмобиля».

Ответить Люденмер не смог: у него пропал голос. В глазах у Джека потемнело, сердце бешено заколотилось.

– Это первый и последний звонок, – услышал Люденмер. – Больше звонить не будем. Времени тебе до часу ночи. Готовь двести тысяч долларов. Мелкими купюрами. Незапечатанную картонную коробку оставишь в конце рыбацкого причала в Кеннере. Запоминай дорогу: поедешь по Сомил-роуд, затем свернешь направо на Сэндаски-роуд, и ты на месте. Никаких копов. Чтобы и духу их не было! И никакого оружия. Мы не хотим никому навредить. Если сделаешь все как надо, дети вернутся домой целыми и невредимыми, усек?

Джек Люденмер, заключивший на своем веку не одну успешную сделку, в тот миг не смог выдать из себя ни единого слова.

– Усек? – требовательно спросил все тот же жуткий голос.

Люденмер, набрав в легкие побольше воздуха, заставил себя ответить:

– Подождите... подождите, пожалуйста. Что с моими детьми? Не делайте им больно, хорошо? – промямлил он голосом, в котором сквозили одновременно отчаянье и страх. Сложно было поверить, что этот голос мог принадлежать Джеку Люденмеру.

– С ними все нормально. Пока что. Все зависит от тебя. Твои дети умрут, если мы увидим копов. Они умрут, если нам что-то не понравится. Ты понял меня?

– Да, – едва слышно промолвил Джек. – Но... послушайте... мне не собрать такую сумму к часу ночи: рабочий день уже почти закончился. У меня есть... у меня есть дома в сейфе пятнадцать тысяч. Я мог бы принести их в качестве задатка.

– Ха-ха! – отчетливо произнес голос, но намек на смех в нем не было и в помине. Через несколько секунд невидимый собеседник сказал: – Ладно, перенесем с четверга на пятницу. Готовь двести пятнадцать тысяч. Еще пятнадцать кусков в качестве компенсации за неудобства. Усек?

– Да, – отозвался Люденмер.

– Значит, пятница, час ночи, рыбацкий причал на Сэндаски-роуд. Никаких копов, никакого оружия – только коробка с бабками, и тогда, можешь не сомневаться, все будет тип-топ.

Раздался щелчок, и голос пропал.

Какое-то время Люденмер тупо сидел, не в силах отнять трубку от уха, и слушал, как в висках стучит кровь.

«Черт! – подумал он. – Надо было попросить его – а кого? кто звонил? неужели сам Орси? – поговорить с детьми. Идиот! Я даже не спросил, где забирать Ниллу и Маленького Джека! – В эту минуту он понял, что проиграл самые важные переговоры в своей жизни. И забыть это поражение не получится до конца дней. – Ладно, сожаления оставим на потом, – размышлял Люденмер, – теперь надо сделать все возможное и невозможное, чтобы исправить положение. По крайней мере, я выгадал один день. Две сотни или два миллиона... без разницы: заплачу столько, сколько понадобится, лишь бы только детям не навредили. – Джек наконец-то оторвал трубку от уха и положил ее на рычаг. – Но как же собрать такую сумму? Виктор... Виктор мне поможет! Так, первым делом надо...»

Снова ожил интерком.

– Что еще? – спросил Люденмер таким осипшим голосом, что Элис, не узнав босса, растерялась и, по-видимому, забыла, зачем его вызывала. – Ну же, говори, черт побери! – взревел он.

– Сэр... там... звонит детектив Альберт Анджелли. Соединить вас?

– Кто звонит?

– Это из полиции, по вопросу...

– Ладно-ладно, – перебил ее Люденмер, чувствуя, как пот градом катится по телу. Стены кабинета будто бы надвинулись, смыкаясь вокруг него со всех сторон. – Соединяй!

– Мистер Люденмер? – раздался из трубки громкий и уверенный голос. – Добрый день, вас беспокоит капитан Анджелли из полиции Нью-Орлеана. Как поживаете?

– Дерьмово. А вы?

– Э-э-э... У меня все в порядке. Мне жаль, что у вас трудности. Бизнес не заладился?

– Послушайте, капитан, я невероятно занятой человек. Поэтому давайте сразу к делу, хорошо?

– Извините за беспокойство, но тут вот такая история, – невозмутимо произнес Андженелли. – Десять минут назад в полицейский участок позвонили и сообщили, что ваших детей якобы похитили. Это правда?

Стены кабинета надвинулись сильней.

Мысли лихорадочно крутились в голове: «Что лучше: рассказать правду и поставить жизнь детей под угрозу или же промолчать и не рисковать?»

– Мистер Люденмер, вы меня слышите? – настороженно протянул Андженелли.

– Кто вам такое сказал? – спросил Джек.

– Источник у нас весьма необычный. Нам позвонил некий Кертис Мэйхью, носильщик с железнодорожного вокзала. Он сообщил, будто двое мужчин и женщина похитили ваших детей. С его слов, один из злоумышленников вооружен револьвером. Загвоздка в том, что этот Кертис почему-то не может сказать, откуда он все это узнал. Мы собираемся съездить на вокзал и допросить его. Так это правда или нет, мистер Люденмер?

Настала решающая минута. «Надо что-нибудь ответить, – понял Люденмер, – иначе я точно сойду с ума от этих мучительных раздумий».

– Капитан Андженелли, – сказал он наконец, – это... это, вероятно, какой-то дурацкий розыгрыш. Мои дети сейчас дома вместе с матерью.

– Вы уверены?

– Конечно. Я... – «Господи боже, какая наглая ложь», – подумал Люденмер и продолжил: – Я только что говорил со своей женой. Уверяю вас, они в безопасности. Только-только вернулись из школы и носятся по дому как угорелые.

– Хм, тогда звонок этого парня выглядит весьма подозрительным. Вы со мной согласны?

– Как по мне, – сказал Люденмер и смахнул со лба маленькие холодные капельки пота, – этот Кертис Мэйхью просто какой-то псих, захотевший привлечь к себе внимание. Не стоит принимать его слова всерьез... Порой люди творят такое, что просто в голове не укладывается.

– Ваша правда. Может, кто-то затаил на вас злобу и решил потрепать нервы? Вы хоть что-нибудь слышали про этого человека?

Попробуйте вспомнить: негр, работает носильщиком на вокзале...

– Не припомню, чтобы когда-либо встречал негра по имени Кертис. Впервые о нем слышу, капитан.

– Что ж, тогда я не знаю, что и думать.

Повисла тишина. И Люденмер, и Андженелли – оба молчали. Взор Джека затуманился. Он вдруг почувствовал, что сейчас или закричит, или потеряет сознание.

Тягостная тишина, казалось, длилась целую вечность. Наконец капитан Андженелли спросил:

– Как же нам тогда поступить? Посылать машину за носильщиком на вокзал или нет? Согласитесь, подобное заявление не шутки. Нам следовало бы задержать Кертиса Мэйхью до выяснения обстоятельств...

– Нет-нет, это совсем ни к чему, – перебил его Люденмер, стараясь говорить как можно непринужденнее. – Не хватало еще тратить время и силы полиции на какого-то чокнутого негра. Слушайте... а может, этот черномазый был пьян или под наркотой? Или то и другое разом? В подобном состоянии такого можно нафантазировать...

– Не исключено. Вполне может быть, что парень не в себе.

– Давайте оставим все как есть, капитан. Я очень рад, что избавил вас от лишних хлопот.

На другом конце провода послышалось шуршание, а затем Андженелли что-то надорвал и активно заработал челюстями.

– Вы большая шишка, мистер Люденмер, – сказал он, катая во рту жевательную резинку. – Я тут читал в газетах, будто вы отхватили супервыгодный контракт.

– Не я лично, а наша компания, – поправил его Джек.

– Да-да, разумеется. И контракт этот, судя по всему, сулит вам... вашей компании просто уйму денег. Я уверен, новость подхватили газеты по всей стране: ее напечатали, наверное, даже в Калифорнии. С радостью пожал бы вам руку при встрече. Вы ведь поднимаете экономику Нового Орлеана – да что там говорить, всей Америки – с колен! Может, я загляну как-нибудь к вам на ужин, познакомлюсь с вашей замечательной семьей?

– Конечно, почту за честь, – ответил Люденмер.

– А как насчет сегодняшнего вечера? Зачем откладывать в долгий ящик? – спросил Андженелли, продолжая жевать.

От этих слов у Джека все внутри сжалось.

– Нет, капитан, сегодня, к сожалению, не получится... Моя жена... Джейн... и дети... мы все вместе... мы собирались вечером в ресторан. Давно... давненько уже, знаете ли, планировали... в общем, договорились заранее...

– Понимаю. Тогда, может, на следующей неделе?

– Да, на следующей неделе будет в самый раз.

Люденмер вслушивался в звук, который издавали безжалостно работавшие челюсти собеседника, и думал, что еще чуть-чуть – и точно богу душу отдаст.

– На всякий случай хочу вам немного рассказать о похитителях, – произнес Андженелли уже без прежней теплоты в голосе. – К сожалению, в нашем обществе встречаются подлые людишки – отъявленные негодяи! Вы даже представить себе не можете, на что они способны. Каждый божий день эти мерзавцы кого-нибудь похищают и требуют выкуп. Непростые времена настали, мистер Люденмер, ох до чего непростые. Но это еще не все, что вы должны знать. Все реже и реже злоумышленники, получив выкуп, возвращают похищенных живыми. Они неизменно предупреждают: «Только никаких копов, иначе вам же будет хуже». Однако практика показывает: с копами или без – результат плачевный. Единственное отличие заключается лишь в том, что если подключить полицию, то все-таки есть хоть какая-никакая, но надежда. Обычно киднеппинг совершают с целью наживы, но попадают совсем уж отморозки, которые делают это ради удовольствия. Преступление для таких негодяев – образ жизни, их порочная сущность ищет любой возможности где-нибудь себя проявить. Злодейские мысли будоражат их умы днем и ночью. Они хотят быть значимыми, они хотят власти любой ценой: пусть даже для этого понадобится похитить ребенка прямо с улицы. Вам надо понять: они не такие, как мы с вами, мистер Люденмер. Это не люди, а дикие животные, хищники, для которых перегрызть глотку маленькой девочке раз плюнуть. И дело тут не только в деньгах: у этих чудовищ своя логика, они запросто могут убить человека ни за что ни про что. Вот так обстоят дела, сэр, – заключил Андженелли, закинул еще одной жевательной резинкой, громко раздавил ее зубами, немного помолчал и прибавил: – Ну так что, мистер Люденмер? Есть вам что рассказать?

Мир вокруг Джека Люденмера замер было, но в следующее мгновение снова ожил, когда он, решившись, сказал:

– Нет, капитан.

– Ваши дети дома, правильно я понимаю?

– Капитан Андженелли, давайте рассуждать логически, – предложил Люденмер, повернулся в кресле к окну, глянул на причалы, склады, суда, реку и город, лежавший буквально у его ног. Джек подумал, что теперь все это ему и даром не нужно. – Логически, – повторил он с нажимом. – Откуда какому-то носильщику с вокзала знать, что моих детей похитили? Откуда? Этот Кертис ведь так и не сознался, из какого источника информация, верно? Что ж, получается, он прочитал мысли преступников? Я почему-то сомневаюсь, что он на такое способен. Скорее всего, этот парень просто шизик или... или торчок! Хотя, может, у вас есть какое-то иное объяснение?

– Как я уже говорил, просто не знаю, что и думать, – отозвался Андженелли.

– А я так и думать об этом не хочу. Мне сегодня предстоит замечательный вечер, – вдохновенно вещал Люденмер. – Я приду домой, поцелую жену, обниму детей, и мы все вместе поедем ужинать. Закажем что-нибудь особенное.

– Рад за вас. Кстати, где будете ужинать?

– «У Арно», конечно же, – ответил Люденмер, не задумываясь.

– Слышал много лестного про этот ресторан. Креольская кухня. Но ужинать мне там не по карману. Что ж, я полагаю, вам не терпится вернуться к делам?

– Да, по средам график у меня всегда очень напряженный.

– Ясно. Тогда не смею вас задерживать. Позвольте мне оставить свой номер телефона: позвоните, когда вам будет удобно принять меня на ужин, лады?

– Лады. – Джек, взял черную ручку «паркер» и дрожащей рукой записал в блокноте номер.

– Ну, теперь точно все. Прошу прощения за то, что отнял у вас время.

– Не стоит, капитан. Это ваша работа, и я очень ее уважаю. Спасибо за звонок.

Стоило только Андженелли положить трубку, как Люденмер пулей вылетел из кресла, ворвался в кабинет Виктора и чертыхнулся: юриста

на месте не было.

«Ничего, – подумал Джек, – далеко он уйти не мог. Наверняка где-то здесь бродит».

По пути к выходу беднягу сильно качнуло, но он успел ухватиться за стену. Многочисленные дипломы и благодарности, висевшие в рамках на стене – в том числе и от столь ненавистой Люденмеру Ассоциации предпринимателей – подпрыгнули на гвоздиках.

Джек взял себя в руки, вышел к Элис, отменил звонок Ричарду Бьюкенену и попросил срочно разыскать Виктора. А затем вернулся в кабинет и плотно затворил дверь. Он прошел в ванную комнату, закрыл дверь на задвижку, открутил оба крана на полную мощность и склонился над унитазом. Люденмера тошнило месивом из мяса цыпленка, пюре, фасоли, молочного печенья и орехового пирога до тех пор, пока изо рта не полетели сгустки крови.

Глава 16

– Это что, настоящая пушка? – спросил Маленький Джек.

– Ха, он еще сомневается! – воскликнул Донни.

– А ну, докажи! – потребовал мальчик.

Донни чуть было не откинул барабан, чтобы продемонстрировать пацану патроны, но спохватился. И сделал это как раз вовремя, потому что Джинджер уже сжала пальцы в кулак и собиралась от души врезать племяннику по печени.

– У тебя появилась уникальная возможность, – процедила добрая тетушка, – доказать, что ты умнее третьеклашки!

– Я уже в четвертом! – возмущенно воскликнул Маленький Джек. – Я перескочил через один класс!

– Тише-тише, – сказала Нилла и взяла мальчика за руку, а Хартли взял его за вторую. – Куда вы нас везете? – спросила она у Джинджер.

– В Тимбукту. А теперь заткнись! И заткни рот своему братцу.

– Ты не похож на бандита, – сказал Маленький Джек и засмеялся Донни прямо в лицо, не обращая внимания на револьвер, маячивший у него перед глазами. – Наш папка разыщет вас и наподдаст как следует!

– Да ты, мать твою, маленький гребаный комик, как я посмотрю! – обнажив кривые зубы, ухмыльнулся Донни.

– Сэр, выбирайте выражения, пожалуйста, – подал голос Хартли.

Донни сунул револьвер ему под нос.

– Слышь, одноглазый, нечего мне тут указывать: чё хочу, то и говорю! – возмутился Донни, и красные пятна гнева запылали на его впалых щеках. – А ведь если выковырять эту стекляшку, то твою рожу можно будет запросто спутать с жопой! Наверняка ты об этом и сам уже не раз задумывался, когда в зеркало смотрелся, да? А ну отвечай!

– Уймись уже! – прикрикнула на племянника Джинджер.

Тем временем дождь усилился, дворники едва справлялись с потоками воды. Потемневшая от сырости дорога бежала вдоль каких-то колючих кустарников. Изредка попадались лачуги: то ли жилые, то ли нет – так сразу и не разберешь.

– Через минуту-другую будем на месте, – объявила Джинджер. – Донни, совершенно ни к чему усугублять ситуацию и накалять обстановку...

– Чего-чего?

– На рожон понапрасну не лезь – вот чего!

– У кого-то жутко воняет изо рта, – вдруг сказал Маленький Джек. – Мне кажется, это у тебя, – прибавил он, обращаясь к Донни.

– Слышь, ты, сопляк, – прорычал Донни, – что-то мне подсказывает, что ты у меня попляшешь! Точно тебе говорю!

– Донни! Не ведись! – скомандовала Джинджер. – Что за детский сад?

Молодой человек, фыркнув, издал неприличный звук, но замолк.

Когда Маленький Джек успокоился, а Донни вновь направил револьвер на Хартли, Нилла наконец смогла сосредоточиться на своих мыслях. Она подумала, что в ближайшее время ей придется срочно повзрослеть. Нужно ведь будет как-то защищать брата, потому что мистеру Хартли, возможно, подобное окажется не под силу. Мысль эта ужасно пугала. Нилле хотелось расплакаться, но в свои десять лет она прекрасно понимала, что слезами горю не поможешь.

«Вот и кончилось беззаботное детство: куклы, нарядные платья и чаепития понарошку, – подумала Нилла. – Все это, как и мама с папой, осталось где-то очень далеко».

– Что вы собираетесь с нами делать? Зачем мы вам нужны? – спросила девочка, заранее зная ответ: все дело в деньгах отца.

– Немного погостите у нас, – ответила Джинджер, не отрывая взгляда от дороги. – Только и всего.

– Я знаю, зачем вы нас похитили! Какой выкуп вы потребуете у нашего папочки? – не унималась Нилла.

– Не беспокойся, детка! Возьмем не больше, чем он может позволить себе потратить. А ты, я смотрю, головастая, да? – сказала Джинджер, пытаясь сквозь завесу дождя различить старый амбар справа.

Джинджер и Пэрли условились встретиться в километре от амбара, где начиналась проселочная дорога, после того как он закупится необходимыми товарами и сделает звонок из телефонной будки возле аптеки на Западной Эспланейд-авеню в Мэтери.

«Надо быть осторожней, – подумала Джинджер, – после дождя там наверняка грязищи по колено, того и гляди забуксуем».

Они миновали деревянную вывеску с аккуратной белой надписью «Добро пожаловать в процветающий городок Кеннер!». Чуть дальше

на глаза попалась другая вывеска. На двух сколоченных досках неровными красными буквами значилось: «1 сентября, в субботу, в 12:00, в парке Келсо состоится Второе ежегодное Гремучее родео».

– Нет, ты это видала? – изумленно спросил Донни у Джинджер. – Какое еще, мать вашу, гремучее родео?

– Деревенщина толпами валит в лес и ловит гремучек: побеждает тот, у кого в мешке окажется больше всех змей. Затем они готовят их и едят.

– Да ладно! Вот дерьмо! Мерзость! А ты пробовала когда-нибудь змею?

– Ага.

– И чё? На чё хоть похоже-то?

– На цыпленка со вкусом змеи.

Нилла прикрыла глаза, сосредоточилась и позвала Кертиса. По телу пробежал слабый разряд. Что такое удар током, Нилла знала не понаслышке: в пятилетнем возрасте она воткнула столовую вилку в электрическую розетку, после чего ее шарахнуло так, что пришлось ехать в больницу. Ту вспышку внезапной боли девочка запомнила на всю оставшуюся жизнь.

:Кертис, ты слышишь меня?:

Обычно ответа долго ждать не приходилось: пара мгновений, и Кертис выходил на связь. В голове Ниллы раздавался щелчок, будто мама включала одну из своих любимых граммофонных пластинок со старинной музыкой. Имена композиторов поначалу казались Нилле донельзя странными: Бит Овен, Шоу Пэн и Мот Царт, но потом, на уроке музыки, все прояснилось, и она узнала, как правильно произносятся эти фамилии.

:Нилла, я здесь, – отозвался Кертис. Девочка очень обрадовалась, когда невидимый друг назвал ее по имени. Так он казался ближе, и это придавало ей сил.

:Мы возле городка Кеннер. На какой-то длинной лесной дороге. Ты позвонил моему папе?:

:Я не дозвонился и поэтому набрал полицию. Они выслушали меня и сказали, что сами свяжутся с твоим отцом, а меня тем временем заберут с работы, чтобы допросить.:

:Это хорошо. Значит, папуля скоро все узнает.:

:Мне кажется, твой отец уже в курсе. Он обязательно спасет вас, не бойся.:

:Я и не боюсь, – отвечала Нилла. На самом деле она страшно перепугалась, но старательно гнала эти мысли прочь. Слабой выглядеть не хотелось. Мистер Хартли, крепко державший девочку за руку, помогал ей оставаться спокойной. – Хочу только, чтобы все поскорее закончилось. Я очень переживаю за Маленького Джекка.:

:Скоро все закончится. Обещаю тебе.:

– Эй, Вэста, одна малявка, кажется, утомилась и заснула!

Нилла открыла глаза и увидела скалящегося мужчину с револьвером.

Донни глянул на Джинджер: в янтарных глазах вспыхнули языки адского пламени; верхняя губа, обнажив зубы, приподнялась и задрожала, как у зарывавшей собаки. Племянник смекнул, что пробудил дремавшего в тетушке демона.

– Ну чё ты завелась-то? Его же все равно тут нет! – оправдывался Донни. Зловещее молчание собеседницы было красноречивее любых угроз вроде: «Еще раз произнесешь вслух мое настоящее имя – отрежу яйца».

– А вот и поворот, – процедила Джинджер.

:Мы свернули с дороги куда-то в лес. Тут кругом ямы и грязь.:

:Понял. Если что, я на связи. Держи меня в курсе.:

Ехать в сырой лес по утопавшей в грязи дороге Джинджер не осмелилась. Она притормозила и заглушила двигатель.

– Почему мы остановились? – спросил Маленький Джек дрогнувшим голосом.

– Сейчас мы заведем вас в чащу, живьем сдерем кожу и развесим ее по деревьям, – прошипел Донни. – А затем отрежем ваши гребаные головенки и кинем на съедение...

– Ну все, хорош пургу гнать, – осадила племянника Джинджер. – Не переживайте, минут через пятнадцать-двадцать мы продолжим нашу увеселительную поездку.

:Мы остановились. Сидим в машине и ждем.:

:Чего именно?:

– А чего мы ждем? – спросила девочка.

– Слушай-ка меня внимательно, детка! – воскликнула Джинджер и резко повернулась к Нилле. – Советую прикусить язычок, потому что

ты меня уже достала! – И тут же переключилась на племянника: – Эй, Донни! Наш друг шофер, кажется, уже подумывает, как бы свалить: он втихаря пытается нашарить ручку. Ты только посмотри, как он весь напрягся! Уже на низком старте! Хартли, милый мой, даже не надейся: еще одна попытка, и схлопочешь пулю в лоб. Если ты полагаешь, будто грохот выстрела привлечет внимание и эта жертва окажется во благо спасения деток Люденмера, то глубоко заблуждаешься. В этой глухомани кругом ни души, будь уверен.

– Это ты заблуждаешься, – ответил Хартли с каменным лицом. – Я бы никогда не оставил детей.

– Вы только поглядите! Донни, да у нас тут герой нарисовался! Bravo, Хартли! Тебе, похоже, не впервой подвиги совершать! А шрам и стеклянный глаз – это тоже награды за героизм?

– Не твое дело, – буркнул Хартли.

:Кертис! Мужчину с револьвером зовут Донни, а женщину – Вэста.:

:А как зовут второго мужчину?:

:Его...:

Вдруг Донни перегнулся через сиденье и грубо схватил девочку за подбородок: связь с Кертисом оборвалась.

– А ты милашка! – сказал он, разглядывая личико Ниллы. – Вся в мамашу, да?

Зашипев, как дикая кошка, Маленький Джек вцепился в руку похитителя, пытаясь разжать ему пальцы. Джинджер приказала оставить девочку в покое, но молодой человек лишь расхохотался. Брат Ниллы, недолго думая, укусил Донни в предплечье. Тот отдернул руку, точно обжегся, и засмеялся пуще прежнего, будто ничего комичнее в жизни не видел.

– Мэм, – приобняв Ниллу и Джека, тихо произнес Хартли, – не могли бы вы уговорить свою ручную обезьянку с револьвером?

Гогот Донни оборвался, рот перекосило, лицо налилось кровью, а белки глаз покрылись красной сеточкой. Он взвел курок и направил револьвер на Хартли.

– А ну убрал пушку! – закричала Джинджер, словно Донни был непослушным ребенком. – Он же нарочно тебя злит, неужели не ясно? Хартли, на твоём месте я бы не играла с огнём: в гневе Донни

непредсказуем. Эй, Донни, малыш, ну-ка прекращай давить на спусковой крючок. Давай, милый, возьми себя в руки.

– Я этого одноглазого сукина сына отправлю на тот свет на раз-два, – дрожащим от ярости голосом произнес Донни.

– Хорошо собачиться, – спокойно сказала Джинджер, – умерь свой пыл.

Несмотря на смелые речи и поступки, Маленький Джек вдруг весь сник, задрожал и разрыдался.

– Я хочу домой, к маме! К мамочке! – застонал он, уткнувшись в плечо сестры.

Нилла в ответ погладила его по голове и сказала, пожалуй, самую глупую фразу за всю свою десятилетнюю жизнь:

– Потерпи, скоро мы будем дома, обещаю.

Донни убрал палец со спускового крючка. Волком глянув на Клэя Хартли, он увидел в его стеклянном глазу отражение своего перекошенного яростью и жаждой крови лица. Здоровым же глазом шофер взирал на Донни совершенно спокойно и равнодушно.

Кертис все ждал ответа от Ниллы и уже готов был сам позвать ее, как вдруг рядом возникли две сумки. Он поднял взор и увидел мужчину в коричневом костюме. Рядом стояла женщина в фиолетовом платье и шляпке с заостренным черным пером. Пассажир упер руки в бока, поглядел куда-то мимо Кертиса и недовольно спросил:

– Ну так что, работать сегодня будем?

– Да, сэй, прошу прощения. Сейчас все сделаю, – ответил Кертис и понес сумки к стойке регистрации багажа, находившейся в пятнадцати метрах; поезд отбывал только через час. За труды он получил десять центов.

– Спасибо, сэй, – сказал Кертис.

За спиной раздался голос Сверчка:

– Вот Кертис Мэйхью.

Кертис обернулся и увидел, что к нему приближается худощавый белый мужчина, одетый с иголки: новехоньякая федора, серый отглаженный костюм, белая рубашка и черный галстук в мелкий горошек. Хотя мужчина был немолод – на вид уже за пятьдесят, – шагал он быстро и энергично. Кертис поймал взгляд Сверчка, но тот лишь пожал плечами и пошел по своим делам.

– Кертис Мэйхью? – произнес незнакомец и оглядел юношу с головы до ног: от козырька красной фуражки до мысков черных лакированных туфель.

– Да, сэй, все верно: это я.

– Меня уполномочили сопроводить вас.

– Куда?

– Один человек желает видеть вас незамедлительно.

– Кертис? – окликнул подчиненного Старый Крэб, должно быть давно следивший за Сверчком и мужчиной, не похожим на обычного пассажира. В мгновение ока Уэнделл Крэйбл оказался между Кертисом и незнакомцем. – Помогаешь путешественнику? Вы куда-то направляетесь, сэй? – спросил Старый Крэб, взглядом отыскивая багаж, которого, как он прекрасно знал, не было и в помине.

– Мне нужно на некоторое время забрать этого молодого человека.

– Ах вот как? Видите ли, уважаемый, Кертис в данный момент находится на службе. А поезда регулярно прибывают и отбывают. Прежде чем вы сможете забрать Кертиса, ему нужно закончить рабочую смену. Поэтому, к сожалению, я вам ничем помочь не могу.

Незнакомец хмыкнул, и рот его недовольно скривился. Из внутреннего кармана пиджака он достал красивый бумажник, вытащил оттуда десятидолларовую купюру с портретом Александра Гамильтона, помахал ею перед самым носом Старого Крэба – воздух наполнился пьянящим ароматом денег – и спросил:

– Вы, как я понимаю, начальник Кертиса? Этого будет достаточно, чтобы освободить молодого человека от служебных обязанностей до конца дня?

Старый Крэб даже не взглянул на банкноту, а только вежливо улыбнулся.

– Сэр, – сказал он, чеканя слова. – Если вы сейчас же не уберете эту зеленую бумажку у меня из-под носа, я могу забыть, что я джентльмен, а вы белый.

– А-а-а, – протянул незнакомец, – так бы сразу и говорили, что нужно больше! Как насчет двадцатки?

– Кертис, объясни-ка мне, что здесь происходит, – потребовал Старый Крэб, словно незнакомец был пустым местом.

– Он не может вам сказать, – решительно ответил странный мужчина.

– Вы, наверное, из полиции? – предположил юноша.

– Так точно, угадали.

– Стоп, стоп, стоп! – Старый Крэб нахмурился так сильно, что все морщинки на его лице превратились в глубокие бороздки. – Полиция? Этого еще не хватало! Кертис, что за дела у тебя с полицией? Вляпался в какие-то неприятности?

– Нет, сэр, со мной все в порядке, просто...

– Это дело не подлежит огласке, – перебил незнакомец и засунул десятидолларовую банкноту в нагрудный карман куртки Старого Крэба. – Возьмите и все устройте. Сможете, надеюсь?

– Я... Я, конечно же, постараюсь договориться с боссом, но ему наверняка не понравится слово «полиция». Кертис, да что стряслось? Расскажи мне...

– Исключено, – отрезал незнакомец и взял Кертиса под локоть. – Пошли уже, нас ждет машина.

Уэнделл Крэйбл следовал за ними до самого выхода из вокзала. Снаружи дождь лил как из ведра.

– Кертис! – прокричал вдогонку Старый Крэб. – Если понадобится помощь, сразу звони! Мелочь есть?

– Есть! – отозвался Кертис. – Спасибо, мистер Крэйбл!

– Хорошо! Позвоню тебе попозже: проверить, как дела! Слышишь?

– Да, мистер Крэйбл! – обернувшись, крикнул юноша, и незнакомец в сером отглаженном костюме и новехонькой федоре подтолкнул его к распахнутой задней дверце черного блестящего автомобиля с белыми крышками и хромовой отделкой, сиявшей, несмотря на дождь и пасмурное небо, так, что аж глаза слепило.

Не успев ничего понять, Кертис оказался на роскошном коричневом сиденье рядом с голубоглазым мужчиной лет сорока пяти, на чьем угловатом лице читался ужас с проблеском какой-то слабой надежды. Светло-рыжие волосы торчали в разные стороны, на висках белела седина. Ни шляпы, ни пиджака на нем не было: только белая сорочка с закатанными рукавами да темно-коричневые брюки.

Незнакомец, доставивший Кертиса в автомобиль, уселся за руль, завел мотор, включил дворники и вопросительно оглянулся на своего спутника:

– Куда едем?

– Не важно. Езжай, Виктор.

Роскошный автомобиль плавно тронулся и поехал на запад по Южной Рампарт-стрит.

– Джек Люденмер, – представился рыжеволосый. – Вот что, Кертис. Я буду иметь с тобой дело, только если сперва ты ответишь мне на вопрос, ответ на который сможешь узнать, обратившись к моей дочке тем самым способом... В общем, Нилла рассказывала, будто вы обмениваетесь мыслями на расстоянии.

– Что за вопрос, сэй?

– А вопрос такой: кем она хочет стать, когда вырастет?

– Об этом мы еще не говорили, – сказал Кертис, глядя на собеседника, который, похоже, был настроен весьма скептически. – Я спрошу прямо сейчас, но говорить одновременно и тут, и там не получится: так уж это работает.

Люденмер, не вымолвив ни слова, лишь едва заметно кивнул.

:Нилла, – позвал Кертис, не спуская невидящих глаз с мистера Люденмера. – Нилла, ты слышишь меня?:

Прошло несколько секунд, и она откликнулась:

:Я слышу тебя. Мы до сих пор сидим и ждем чего-то. Маленький Джек расплакался, и мне стало так грустно, я растерялась и не знала, что делать...:

:Нилла! Подожди, не спеши! Ничего не понятно! Глубоко вдохни и выдохни, это поможет тебе успокоиться.:

– Долго еще? – поторопил Люденмер.

Кертис ничего не ответил, опасаясь потерять связь с девочкой.

:Кажется, помогло, – отозвалась Нилла. – Этот мужчина с револьвером – Донни – я боюсь его до жути, Кертис. Если бы не женщина за рулем, он точно застрелил бы мистера Хартли.:

:Нилла, я сейчас рядом с твоим папой и полицейским по имени Виктор. Прошу тебя, не тараторь, мне нужно кое-что узнать... Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?:

:Что? Зачем тебе это?:

:Твой отец проверяет меня. Если я не отвечу на вопрос, то он не будет слушать меня.:

:Я говорила папе, что хочу стать медсестрой. А он... он ответил, что я достаточно умна, чтобы стать врачом.:

:Хорошо. Понял. Вернусь в эфир через несколько минут, – сказал Кертис и подумал, что так обычно говорят радиоведущие, когда

прерываются на музыкальную паузу.

:Кертис, Кертис! Передай папочке, что с нами все хорошо! Я люблю его! Нам очень страшно, но мы знаем: он нас вызволит!:

:Обязательно передам, – отозвался молодой человек и почувствовал, как связь между ними ослабла.

Но тем не менее Нилла была рядом, и Кертис ощущал ее присутствие. Каждый раз, когда он обменивался с кем-то мыслями, взгляд неизменно застилал туман. Вот и сейчас пришлось выждать пару мгновений, прежде чем Кертис смог разглядеть мистера Люденмера.

– Нилла говорит, что с ними все хорошо. Она любит вас. А что касается вашего вопроса... В общем, Нилла хочет быть медсестрой. Узнав об этом, вы ответили: «Ты достаточно умна, чтобы стать врачом», – сказал Кертис, а затем добавил: – Я тоже думаю, что Нилла очень умная девочка.

Джек Люденмер не вдруг пришел в себя от изумления. Эти несколько секунд показались Кертису целой вечностью. Наконец отец Ниллы провел руками по лицу, взъерошил волосы и склонил голову. Кертис подумал, что Люденмера сейчас вырвет, но тот лишь сдавленно охнул и снова затих.

Рыжеволосый мужчина откинулся на спинку сиденья. Лицо его выглядело постаревшим и обрюзгшим, а под глазами синели мешки.

– Скажи мне, – произнес Люденмер слабым голосом. – Но как... Как это возможно? Слушай... Все знают, что ваш народ балуется магией вуду и всякими такими штуками... Я ничего против не имею, но, пожалуйста, объясни мне, в чем дело. Над Ниллой висит какое-то проклятие вуду?

– Нет-нет, никакое это не проклятие! И магия вуду тут совершенно ни при чем!

– Но моя дочка... Моя девочка... Она ведь не сумасшедшая? Я не верю, будто у Ниллы что-то не в порядке с головой.

– Ваша дочь абсолютно нормальная, – заверил его Кертис и почувствовал, что Люденмер предпочел бы услышать обратное, чтобы получить хоть какое-то рациональное объяснение. – И я не сумасшедший. Моя мама долго думала точно так же, как и вы. А я некоторое время даже верил ее словам, но оказалось, что она ошибалась.

– Ты хочешь сказать, что это естественно? Но я еще ни разу в жизни ни с чем подобным не сталкивался!

– Не знаю, возможно, это и чуточку сверхъестественно. Но я могу с уверенностью сказать вам, что с головой у Ниллы полный порядок.

– Тогда получается... – начал Люденмер, подбирая нужные слова, – что ты слышишь голос Ниллы, а она твой?

– Нет, сэр, – ответил Кертис, твердо выговаривая последнее слово, поскольку решил, что все это раболепие Старого Крэба сейчас ни к чему. – Все обстоит немного иначе. Я слышу не голос Ниллы, но ее мысли, которые произносит мой собственный внутренний голос. То же самое происходит и у нее в голове: она сама не раз мне рассказывала.

– Господи Иисусе, – вздохнул Люденмер. Кертису показалось, что отец Ниллы вот-вот потеряет сознание, хотя ему пока что еще не доводилось видеть, как люди падают в обморок. – А я-то считал... мы с женой сперва полагали, что Нилла выдумала Кертиса назло родителям. Но она никак не могла успокоиться: рассказывала, как постоянно говорит с тобой. И тогда мы решили, будто у нее какое-то расстройство личности. Боже, я никак не предполагал, что подобное и в самом деле возможно!

– Джек? – не отрывая взгляда от дороги, обратился к боссу Виктор. – Не подумай, что я подслушивал, но... В общем, все это очень похоже на идеи, которые развивает мой любимый писатель Эптон Синклер. Не читал его книги?

– А он-то тут с какого бока?

– Четыре года назад Синклер опубликовал очерк «Ментальное радио», посвященный телепатическим способностям его жены. Единого мнения у критиков на этот счет не сложилось. Вопросов оказалось больше, чем ответов, но... мне кажется, мысль эта так давно витает в воздухе, что рано или поздно она найдет научное и практическое подтверждение.

– Уже давно нашла, – отозвался Кертис. – Мы с Ниллой – яркий тому пример. – Глянув за окно, юноша обнаружил, что они кружат вокруг вокзала. – Разве мы не собирались в полицейский участок?

– Нет, – ответил Люденмер. – Полицию в это дело вмешивать не стоит.

– Разве ваш водитель не полицейский?

– Нет. Скажи лучше, где сейчас мои дети. Нилла сообщила что-нибудь?

– Да, сэр. Они в окрестностях Кеннера. Остановились посреди леса и ждут.

– Чего ждут?

– Не знаю, сэр. И Нилла тоже не знает, – ответил Кертис. Решив пока не упоминать про револьвер, он перечислил лишь имена, которые слышал от девочки: – Мужчину зовут Донни, а женщину Вэста. С ними мистер Хартли. А еще Нилла сказала про какого-то мистера Парра.

– Парр – это детектив из Шривпорта. Разве она не говорила про второго похитителя?

– Возможно, и говорила, сэр. Связь постоянно прерывалась: я мог что-то упустить.

– Должно быть, они как раз его и ждут, – рассуждал вслух Люденмер. – Наверняка это он мне звонил. Дождутся и отправятся в заранее подготовленное место – куда-нибудь к черту на рога, где отыскать их будет нельзя!

– Можно, я все-таки спрошу: почему вы не хотите обратиться в полицию?

– Похитители позвонили мне, – ответил Люденмер и снова запустил пальцы в волосы. – Эти сукины дети предупредили, что если только они почуют копов, то сразу же убьют Ниллу и Джека. Сдается мне, что они не блефуют. Требуют выкуп в двести тысяч долларов. Мы должны привезти деньги на рыбацкий причал в пятницу, к часу ночи.

– Двести пятнадцать тысяч, – поправил Виктор и нетерпеливо посигналил возничему повозки, чья лошадь пересекала улицу, едва переставляя копыта.

– Да, точно. Виктор – юрист моей компании. Он соберет деньги. А ты, Кертис, побудешь со мной, пока я не верну своих деток целыми и невредимыми. Как бы там ни называлась ваша чертова способность, это единственная возможность поддерживать связь с Ниллой.

Кертис кивнул. Он понимал, что Люденмеру не обойтись без него, но все же не мог не спросить:

– А как же быть с моей службой, сэр? Меня уволят, если я не...

– Сколько ты заработал за прошлый год?

– Очень даже неплохо, – ответил Кертис, – пятьсот долларов.

– Я заплачу в три раза больше. И обещаю разобраться со всеми трудностями на службе, когда все закончится. Идет?

– Да, сэр. Вы очень щедры: это целая куча денег. Я бы поделился с мамой и мистером Крэйблом. Он у нас начальник, командует всеми носильщиками.

– Делай с деньгами что хочешь, только будь на связи с Ниллой. Можешь вызвать ее прямо сейчас? Скажи, чтобы они с Джеком не волновались.

– Да, сэр.

Люденмер посмотрел Кертису в лицо: как и в первый раз, взгляд парня затуманился. Вникать во всю эту чертовщину у Джека не было ни времени, ни сил. В то мгновение его волновали более насущные проблемы: деньги и жена. «Надо по-быстрому собрать двести тысяч. И еще объяснить с Джейн. Исхитриться как-то рассказать ей, что дети похищены, и при этом не убить бедняжку новостью, – размышлял Люденмер. – А рассказать придется, как ни крути. Если Джейн уже вернулась с благотворительной встречи, то сейчас наверняка гадает, куда это запропастился Хартли с детьми».

– Джек, мы продолжаем кружить? – прервал его размышления Виктор.

– Нет, – с тяжелым вздохом ответил Люденмер, – давай домой.

Доехав до перекрестка, Виктор повернул, и они направились в особняк Люденмера в Гардене.

Глава 17

Джинджер выбралась из «олдсмобиля», и в то же мгновение на грязную лесную дорогу вырулил «форд». Не дав Пэрли даже вылезти из автомобиля, Джинджер подскочила к подельнику и засыпала его вопросами:

– Ну как? Получилось? Что сказал Люденмер?

– Все хорошо. Он у нас на крючке, – ответил Пэрли. Пока все шло по плану: благополучно добравшись до телефонной будки возле аптеки, Пэрли позвонил Люденмеру и, приложив платок к трубке, хриплым голосом изложил ему их требования. – А как дела у вас?

– Ты привез все необходимое? – привычно проигнорировав вопрос, спросила Джинджер, которой не терпелось уже отправиться дальше.

– Да, – кивнул Пэрли, выбираясь из «форда».

Он обошел автомобиль и открыл пассажирскую дверцу; на сиденье лежали два бумажных пакета: один с изолентой и ватой из аптеки, а второй с продуктами, которые он купил в магазине по соседству.

– А это что за фигня? – заглянув во второй пакет, удивилась Джинджер. Там обнаружили четыре банки свинины с бобами, три яблока, хлеб, ветчина, две бутылки кока-колы, три упаковки попкорна, рулон туалетной бумаги, кухонный нож с зазубренным лезвием и открывалка. – Я же тебе четко объяснила, что именно нужно приобрести и в каком количестве!

– Я решил, что запас не помешает.

– Ах, решил! – скривив рот, передразнила Джинджер. – Вы только послушайте его! Решил он!

Пэрли расправил плечи, весь подобрался и приготовился было дать Джинджер отпор, но она вдруг замолчала. Подумав, что опасность миновала, он принялся подробно пересказывать ей телефонный разговор с Люденмером.

– Вышла одна заминка, – начал он и тут же заметил, как его сообщница напряглась. – Собрать нужную сумму за такой короткий срок Люденмер не сможет, поэтому мы перенесли все на пятницу...

– Что за херня! – заорала Джинджер, сверкая янтарными глазами, и подошла так близко, что они едва не столкнулись нос к носу. – Хер-

ня! – презрительно процедила она. – Ты хоть понимаешь, что дал ублюдку целые сутки форы?

– Ну а что мне еще оставалось? Он...

– Это просто, мать твою, невысказано! Пэрли, да ты в своем уме? Мы же, кажется, договорились: если Люденмер начнет юлить и прибедняться, то ты прогнешь его! Напугаешь тем, что, как только время истечет, мы каждые пять минут будем что-нибудь отрезать соплякам, а начнем с ушей! И не остановимся, пока он не принесет все бабки до единого цента! А, ч-черт! – в сердцах воскликнула Джинджер. – Нет, ну надо же было так все запороть!

Уперев руки в бока и уставившись в землю, она ходила кругами по мокрой траве вокруг «форда», качала головой и громко причитала:

– Нет, нет... нет, ну как же так!

– Да какая разница: сегодня или завтра? – возразил Пэрли и тут же пожалел об этом.

Джинджер резко развернулась и кинулась на него с самым безумным видом.

«Будь у нее сейчас в руке нож, – подумал Пэрли, – эта сумасшедшая стерва, не задумываясь, перерезала бы мне горло».

Кулаки его инстинктивно сжались. Джинджер нависла над ним, янтарные глаза потемнели от гнева.

– Наверное, ты думал, мы здесь на пикник собрались, да? – процедила подельница. – Решил, что вечером мы усядемся вокруг костра и будем дружно распевать песни? Пэрли, ты облажался! Ты бил себя пяткой в грудь, уверяя, будто крутой профессионал! И я, дура такая, верила каждому твоему слову! Но на самом деле никакой ты, мать твою, не профессионал, а обычный лох!

– Ну знаешь ли, мне не каждый день приходится похищать людей, – оправдывался Пэрли. – Да и для тебя все это тоже в новинку!

– Но уж дать Люденмеру целые сутки форы я бы точно не догадалась! Что там за это время взбредет ему в голову, одному богу известно! Пока мы тут нянчимся с двумя сопляками и этим гребаным шофером, он возьмет да и позвонит копам! И тогда – всё! Понимаешь? Наша песенка спета!

– Взгляни на дело иначе: за отсрочку мы получим пятнадцать кусков сверху!

– Засунь их себе знаешь куда? – ответила Джинджер и подняла глаза к небу, словно задавая немой вопрос: за что?

Когда она вновь посмотрела на Пэрли, лицо ее было преисполнено решимости, а по щекам, как слезы, струились капли дождя.

– Сиди в тачке и не рыпайся! Мы с Донни сами обо всем позаботимся. Кидай нож в пакет и давай его сюда. И револьвер тоже.

«К черту эту психованную! Себе дороже с ней связываться!» – подумал Пэрли, отдал пакет, оружие и сел за руль «форда».

Джинджер подошла к «олдсмобилю», открыла заднюю дверцу и навела револьвер на Хартли.

– Вылезай! Живо! – скомандовала она. – Донни, иди сюда!

– Только шелохнитесь мне, упыри, – пригрозил Донни детям, – сразу же пожалеете, что на свет родились! Ясно?

– Ясно, – кивнула Нилла, получившая от Кертиса сообщение, что их папа спешит на помощь.

Она точно расплакалась бы, если бы рядом не сидел перепуганный до смерти Маленький Джек. Нилла вдруг почувствовала чудовищную усталость, и глаза ее начали слипаться. Никогда до этого дня они еще не говорили с Кертисом так долго и много.

«Какое счастье, что он слышит меня и все передает папочке! – подумала девочка. – Только надо побережь силы! Кто знает, что ждет нас впереди!»

– Не бойтесь, ребятки, – сказал Хартли, вылезая из автомобиля. – Ну? – с вызовом выставив вперед подбородок, спросил он похитителей, бесстрашно глядя на револьверы, направленные ему в лицо.

– Сними ботинки и забрось их в лес, – скомандовала Джинджер. Хартли повиновался. – Расстегни пиджак, выдерни из штанов ремень и выкинь следом. Так, теперь бумажник и часы, – сказала она, забрала вещи и передала их племяннику. А затем тщательно обыскала шофера. Не обнаружив ничего, кроме мелочи (ее Джинджер оставила), женщина отошла назад и нацелилась. – Будь паинькой, Хартли. Донни, за дело!

Донни сдернул с водителя фуражку, залихватски нахлобучил ее себе на голову козырьком в небо, открыл коробку с ватой и заорал:

– Пасть открой! – Он схватил Хартли за стриженную под бокс седую голову и затолкал ему в рот вату. Затем отрезал ножом кусок

изоленды и обмотал голову шофера. Следом Донни примотал куски ваты и к глазам пленника. – Вытяни и сцепи руки, – велел Донни и крепко замотал ему запястья.

Хартли отметил, что все пальцы, кроме больших, двигаются достаточно свободно.

– Садись в тачку! – прервал его размышления похититель.

Настал черед Ниллы. Ее заставили разуться, а затем заклеили рот и глаза изолентой.

Маленький Джек без боя сдаваться не собирался. Он что было мочи кричал и брыкался, не обращая никакого внимания на револьвер.

– А ну хорош корчить тут из себя супергероя! – заорал Донни, за ноги вытаскивая мальчика из «олдсмобиля». Донни уже поставил было Джека на землю и схватил за волосы, но тот вдруг лягнул обидчика в голень. Злоумышленник взвыл от боли, на глазах выступили слезы. За эту дерзость он отомстил ребенку звонкой пощечиной. Воспользовавшись моментом, Донни тут же набил строптивцу рот ватой. Затем в ход пошла изолента: он так ожесточенно заматывал мальчика, что Джинджер даже сказала племяннику:

– Эй, полегче, не испорти товар!

– Да ему шею мало сломать! – заорал Донни. – Я же теперь неделю хромать буду! – С этими словами он снова схватил Джека за волосы и потрянул, как тряпичную куклу. – И это только начало! Я тебе еще покажу, маленький засранец! – прошипел он мальчику на ухо.

Чуть не вырвав руки из плеч, Донни дернул ребенка. Джинджер придержала Джека сзади, и ее племянник, пыхтевший от усердия, как паровоз, замотал ему запястья.

Нилла сидела рядом с Хартли и отчаянно звала Кертиса. Ей было ужасно страшно и одиноко в крошечной темноте.

:Кертис, ты здесь?:

Но ее друг молчал.

:Кертис? Пожалуйста, ответь мне.: Нилла чувствовала, как слезы подступают к горлу. Она не могла ничего слышать, кроме стучавшей в висках крови: изолента закрывала еще и уши.

Через несколько мучительных мгновений Кертис все-таки откликнулся.

:Нилла, я здесь. Тебя плохо слышно. Ты как будто где-то очень-очень далеко.:

:У меня совсем нет сил, ужасно болит голова. Папочка рядом?:

:Да, мы едем к тебе домой. Пока мы вас не спасем, я буду с ним.:

:Они затолкали мне в рот вату и заклеили изолентой. И глаза тоже! И уши! Я ничегошеньки не слышу и не вижу, Кертис! Я так переживаю за маму! Она с ума сойдет, когда обо всем узнает!:

:Твой папа думает так же. Говорит, это убьет маму, но я надеюсь, что он преувеличивает.:

:Я сейчас разрежусь. Если начну плакать, то уже не остановлюсь. Кертис, скажи мне что-нибудь хорошее, чтобы я отвлеклась...:

:Что ж... я как раз хотел спросить. А почему ты вдруг решила стать медсестрой?:

Нилла сделала над собой усилие и проглотила комок в горле.

:Мне нравятся школьные уроки анатомии. У меня самые лучшие оценки в классе. И еще я хочу помогать людям.:

:Я думаю, это замечательная профессия. Медсестры всегда в почете. А почему бы тебе не стать врачом?:

:Ой, нет! У меня не получится. Врачом быть очень трудно, и... – начала было Нилла и вдруг охнула от вспышки боли в голове. – Они захлопнули дверь! Заводят мотор... Кертис, мы снова куда-то едем!:

:Нилла, не тревожься. Я сейчас все расскажу твоему папе. Тебя плохо слышно, наверное потому, что ты слишком взволнована. Ты, главное, помни... Я с тобой. И папа тоже рядом. Он уже собирает деньги. Скоро все закончится, вот увидишь!:

:Хорошо, – сказала Нилла. Едва подавив желание залиться горькими слезами, она кивнула. – Я буду постоянно напоминать себе, что вы рядом. Спасибо тебе!:

– Ты чего башкой трясешь, а? – возмутился Донни. – Я разве спрашивал о чем-нибудь? Слышь, ты! С тобой говорю, малявка!

Нилла почувствовала, как что-то грубо ткнулось ей в плечо. «Наверное, револьвер», – подумала она.

– У нее же рот замотан, идиотина, – тихо произнесла Джинджер, сворачивая за «фордом» на размытую дождем дорогу направо.

– А, да, точно. Просто девчонка так странно кивала, будто... даже не знаю... ну словно бы слушала что-то. Короче, не нравится мне все это.

– Хорош уже пушкой махать! Сиди смирно! Через несколько минут пригнешь голову Хартли, а деток и так никто не увидит. Да смотри

мне, не тормози! Действуешь строго по моей команде, понял?

– Так точно, мэм! – отрапортовал Донни, отдал честь и хрюкнул так, что из правой ноздри вылетела сопля.

Пэрли, возглавлявший парад похитителей, давил педаль газа и предавался невеселым размышлениям: «И чего это Джинджер взбеленилась? Подумаешь – днем больше, днем меньше. Опасно, конечно, было давать Люденмеру лишние сутки, но, с другой стороны, пятнадцать тысяч баксов на дороге не валяются!»

– Да ну ее к черту! – выругался вслух Пэрли, разглядывая уже видневшиеся вдали очертания Кеннера.

Вот уже три километра они ехали по Сомил-роуд в этот захудалый городишко. По правую руку то и дело попадались проселочные дороги, ведущие к рыбацким хижинам и поселениям. Впереди показался деревянный знак, указывавший поворот на Сэндаски-роуд – ту самую дорогу, оканчивавшуюся причалом, на котором они совсем скоро планировали сказочно разбогатеть. Пленников связали заблаговременно, еще десять минут назад, чтобы все было тип-топ, как любила приговаривать Джинджер.

Вдоль Сомил-роуд стояли заброшенные лачуги, построенные еще во времена Гражданской войны.

«Городок, с уверенностью смотрящий в будущее, – припомнив придорожный знак, усмехнулся Пэрли. – Только вот будущее, похоже, обошло его стороной».

По левую руку виднелась заброшенная железная дорога, прорезавшая чащу из сосняка и кустарника. На рельсах стояло несколько забытых облупившихся вагонов. Дальше была небольшая бензоколонка, за ней – кладбище. А над кладбищем возвышалась церковь из белого камня. Самая оживленная часть Кеннера занимала два квартала, застроенных кирпичными и деревянными домами. По пути они повстречали пару автомобилей да грузовик с сеном. Кеннер смахивал на сонное царство, и лениво морозящий дождь это впечатление только усиливал. Они миновали кафе, лавку скобяных товаров, магазинчик «Необходимые вещи от миссис Иви» и недостроенное здание, возле которого стояла груженная кирпичом телега. Чуть дальше расположилась квадратная приземистая ратуша, окруженная довольно чахлым сквером. И все: на этом Кеннер

заканчивался. За городком лес снова подступал к дороге, лишь изредка редкая перед очередным поворотом к озеру Пончартрейн. Через три километра «форд» и «олдсмобиль» добрались до поворота на захолустную дорогу без всяких опознавательных знаков. На обочине в траве валялись четыре заржавевших пушечных ядра, скрепленных между собой в форме пирамиды.

«Совсем скоро, сэр, эта дорога будет называться Кэннонбол-роуд. Уже и документы все готовы, – трепал языком клерк из агентства недвижимости в городке Мэтери, оформляя для Пэрли договор на аренду рыбацкой хижины. – Рыбалка там первоклассная, но опасайтесь змей. Если вдруг соберетесь на прогулку, держите ухо востро».

«Предупрежден – значит вооружен, – отвечал Пэрли агенту, пока Джинджер и Донни дожидались снаружи. – Надеюсь поймать гигантскую рыбину, но цель у меня, конечно же, другая: я ищу землю, куда можно было бы выгодно вложиться. Мне кажется, сейчас самое подходящее время для инвестиций».

«Что ж, прекрасный план, сэр. К сожалению, не могу предложить вам жилище со всеми удобствами: канализация, электричество и прочее, – тут пока ничего такого просто нет. Места дикие. Кстати, а вас не интересует пристань на мысе Кабанья Голова? Последний ураган, конечно, изрядно потрепал ее, но за восемьсот баксов – это просто подарок судьбы! Вы ее в два счета приведете в порядок! Подлатаете немного, зато потом сможете гордо именовать себя адмиралом!»

«Я обязательно подумаю», – отвечал Пэрли, мечтая уже отдать шесть долларов (плату за три дня аренды) и поскорее отделаться от надоедливого клерка.

Свернув на Кэннонбол-роуд, они поехали через сосновый лес, преодолевая одну за другой глубокие лужи грязи, и наконец добрались до арендованной хижины, которую со всех сторон окружали плакучие ивы. Деревянные стены, намокшие под дождем, чернели, словно вымазанные дегтем. Жестяную крышу изрядно побило градом. Берег озера был завален переломанными ветками и сосновой хвоей.

«Последний ураган, похоже, дал местным прикурить, – подумал Пэрли. От черного хода, мимо туалета, на пригорок убегала дорожка к перекошенному рыбацкому причалу, возле которого торчал высокий, по пояс, дубовый пень. Судя по следам кострища, пень служил столом

для разделки рыбы. – Да-а, с номером в „Короле Людовике“ эту лачугу, конечно, не сравнить, а уж с отелем „Лафайет“ и подавно! Черт с ними, с удобствами. Самое главное, что в этой глуши Люденмер вряд ли отыщет своих ублюдков!»

Выключив двигатель «олдсмобиля», Джинджер вместе с Донни принялись конвоировать пленников в хижину. Маленький Джек запнулся, упал, и Донни, подняв мальчика за ворот рубахи, с удовольствием тряхнул его что было мочи.

«Господи, ну и дыра! Неужели рыбаки арендуют этот сарай? – удивился Пэрли, как только переступил порог. – Вот уж действительно охота пуще неволи. По-моему, проще и дешевле за пятнадцать центов купить форель на рынке во Французском квартале».

Из мебели в гостиной было лишь несколько тростниковых стульев да исцарапанный стол. На полу затертый до дыр круглый ковер. В кухоньке Пэрли увидел дровяную печку, стол с зеленой пластиковой столешницей, четыре стула и шкафчики с посудой. В шкафчиках обнаружили тарелки, чашки, блюдца, потускневший кофейник и посеребренный поднос. Рядом с задней дверью, открывавшейся на веранду, стояла койка Донни с подушкой и продавленным матрасом: вчера он ночевал тут. Сетчатая дверь веранды выходила на задний дворик. Имелись и еще два помещения, оба размером не больше кладовой. Левую комнату похитители оборудовали для пленников. Правая же предназначалась для Джинджер и Пэрли. Там находились двухъярусная кровать и письменный стол. На столе два фонаря: один – морской, с увеличительным стеклом, а другой – карманный. В хижине царил полумрак: окна были занавешены шторами с узором из якорей и кувывркающихся дельфинов.

«Как же тут воняет, – поморщился Пэрли, разглядывая грязь, забившуюся в щели между досок на полу. – Видать, частенько озеро затопляет».

– Пошел-пошел! – подталкивала Джинджер медлившего Хартли. – Донни, а ну-ка открой дверь! Пэрли, дай фонарик!

Пэрли, оставив пакеты со снедью на столе, поспешил к Джинджер с фонариком. В комнате для пленников, кроме деревянного ведра в углу, больше ничего не было. Единственное окно они заколотили как изнутри, так и снаружи. Гвозди же забили заподлицо – так, что пальцами не подцепишь.

– Донни, срывай изоленду! Да полегче, не повреди товар! – скомандовала Джинджер. – Пэрли, посвети же!

Донни заткнул револьвер за пояс и принялся за работу. Выполнить приказ тетушки оказалось непросто: изоленда прилипла к волосам. Маленький Джек и Хартли, затаив дыхание, смотрели, как Донни орудует кухонным ножом, срезая волосы совсем рядом с лицом Ниллы. Мальчик, не моргая следивший за ножом, явно очень перепугался.

– Руки оставь как есть, – сказала Джинджер, когда Донни закончил. – Ну, добро пожаловать! – обратилась она к пленникам. – Это ваш новый дом на ближайшие две ночи. Очень надеюсь, что не больше. Вы, конечно, к такому не привыкли, но если Люденмер будет паинькой, то скоро мы вас отпустим. Мне и в самом деле хотелось бы, чтобы все прошло как по маслу.

– Фу, да тут воняет еще ужасней, чем из пасти у рыжего! – вдруг осмелев, заявил Маленький Джек.

Нилла пихнула брата в бок, чтобы он прикусил язык.

– Так и задумано, – проворковала Джинджер и улыбнулась одними губами. – И скоро будет вонять еще хуже: ваше ведро в углу. Освещения, кстати, тоже не ждите: ни днем, ни ночью. Спать будете на полу, вот так-то. Хартли, дверь видишь?

– Да, – отозвался шофер.

– На ней нет замка. Честно говоря, мы не думали, что ты доживешь до этой ночи... Предупреждаю: мы подопрем дверь перевернутым столом. Только попробуй его сдвинуть, и вы все мигом за это поплатитесь.

– Детей вы в любом случае не тронете. Нет детей – нет денег.

– Что ж, Хартли, ты одновременно и прав, и нет. Конечно, убивать ребятишек мы не станем, но вот отрезать им что-нибудь – это запросто. А что касается тебя, то за твою жизнь не заплатят ни гроша! Ты для нас обуза! Только дай повод, и мы с радостью избавимся от тебя.

Хартли промолчал. Все это он прекрасно понимал и сам.

– Мистер Парр, а я думала, что вы друг моему папе, – неожиданно сказала Нилла, и сердце ее сжалось от ужаса. Все это походило на дурной сон: бедняжке хотелось свернуться калачиком и зарыдать.

Поразмышляв, как бы получше ответить, Пэрли наконец отозвался:

– Нет, девочка, твой папашка мне вовсе не друг. А вот с купюрами из его бумажника я подружусь с радостью. Как только набьем себе карманы долларами, так сразу вас и отпустим!

– Обещаем, – вяло произнесла Джинджер.

– Да хорош уже трепаться! Свети лучше этому уроду в лицо! – прорычал Донни и тряхнул Пэрли за запястье, показывая, как нужно держать фонарик. – Ты только посмотри! Один глаз зырит с прищуром, а второй, стеклянный, переливается на свету! Бр-р-р, аж мурашки по коже!

– Ну всё! Захлопни пасть! – приказала Джинджер племяннику.

– Постой-постой, этот чертов глаз не дает мне покоя! Ох, боюсь, будет потом сниться в кошмарах! И что мне тогда, по-твоему, делать? Нет-нет, надо срочно поместить эту стекляшку в безопасное место!

– Как-нибудь да заснешь.

– Ничего подобного, я его забираю, – упорствовал Донни.

Он достал револьвер из-за пазухи и шагнул к Хартли – тот инстинктивно отпрянул.

– Донни, я кому сказала!

– А Я СКАЗАЛ, ЧТО ЭТА СТЕКЛЯШКА БУДЕТ МОЕЙ! – воскликнул в ответ племянник.

Луч фонарика выхватил из тьмы его перекошенную от ненависти и ярости физиономию. Кровь бросилась к лицу, быстро поднимаясь от шеи и заливая багрянцем губы, щеки и даже веки.

– ТЫ СЛЫШАЛ МЕНЯ, УРОД? – заорал Донни.

Наступила тишина, в которой раздавались лишь хриплое дыхание Донни да стук дождя по жестяной крыше. Нилла прижалась к брату и из последних сил посылала сообщения, но уже не Кертису, а Господу Богу:

:Помоги нам! Пожалуйста, спаси!:

– Хайнц, – произнесла Джинджер спокойным голосом, словно приручая дикого зверя. – Расслабься. Если тебе от этого полегчает, то, конечно, забирай стекляшку.

– Еще как полегчает, – отозвался Донни и обрушился на Хартли. Револьвер он приставил к виску шофера, а пальцами левой руки вцепился в его левую глазницу. Хартли весь дрожал, но не сопротивлялся.

Пока племянник Джинджер пыхтел, безуспешно пытаясь вытащить стеклянный глаз, Пэрли светил фонариком в лицо шофера и рассеянно улыбался. Эта драматическая сцена с обезумевшим Донни в главной роли очаровала его. Было во всем этом что-то такое, чего даже и словами не выразить.

«Ну просто апогей жестокости, – размышлял он, – человек вырывает человеку глаз».

Вдруг раздался влажный чавкающий звук. Хартли охнул. Донни отнял руку от лица шофера, и на месте стеклянного глаза Пэрли увидел жуткую красную дыру.

«Нет в этом мире ничего прекрасней, – думал замороженный Пэрли, – чем превосходство одного живого существа над другим».

– Ну что, доволен? – спросила Джинджер.

– А то! – отозвался Донни мечтательным голосом, разжал пальцы и посмотрел на сверкавший в свете фонаря стеклянный глаз. – Эта штука еще теплая! – Сжав стекляшку в кулаке, он поднес ее к уху и затряс, проверяя: не загремит ли, как погремушка?

Джинджер вышла из комнаты, Донни со своим трофеем – следом. Пэрли навел фонарик на испуганные лица детей и шофера и сказал:

– Устраивайтесь поудобнее и сидите смирно. Чем быстрее все это закончится, тем лучше будет для всех. – С этими словами он захлопнул дверь, и помещение погрузилось во тьму.

Единственным источником света в комнатухе служила щель между полом и дверью. Некоторое время Хартли стоял и не двигался. Затем он поднес замотанные изолентой руки к лицу и принялся осторожно ощупывать пустую глазницу.

– Простите, – произнес он таким охрипшим голосом, словно недавно пытался перекричать ураганный ветер. – Наверное, не очень-то приятное было зрелище.

– Тебе больно? – спросил Маленький Джек.

– Не очень.

– Надо было мне пинать его сильнее.

– Так, слушайте меня внимательно, – строго сказал Хартли. – Главное сейчас – не накалять обстановку, ясно? Знаете, что это значит?

– Знаем, – ответила Нилла и пояснила: – Не трепли им нервы, Джек.

– Молодец. Прежде чем нас отыщут, придется провести здесь как минимум одну ночь. Но я верю, что скоро мы выберемся отсюда.

– Непременно! – поддакнула Нилла с уверенностью, которой Маленький Джек не разделял. Он лишь едва кивнул и сказал:

– Тут темно, а мне очень хочется писать!

– Ведро в углу, – напомнил Хартли, – даже если промахнешься, ничего страшного. Мне кажется, им все равно.

– Это что же получается... Мне придется писать на глазах у Ниллы?

– Да. Но тебе повезло: тут темно, и твоя сестра ничего не увидит.

– Джек! Ну что ты, как маленький! – воскликнула Нилла. – Давай, делай уже свои дела.

– Ступай к ведру, – велел Хартли, – оно всего в трех шагах от тебя.

Маленький Джек вздохнул и побрел к ведру.

Нилла опустилась на пол в противоположном углу, откинула голову к стене, закрыла глаза и попыталась представить, что она дома, но ничего не вышло.

:Кертис?: – позвала Нилла.

:Я здесь, – с готовностью откликнулся он.

:Ты сейчас где?:

:Мы с твоим отцом у вас дома. Никогда еще не видел ничего подобного! У меня аж дыхание перехватило. Твой папа сейчас разговаривает с мамой. Куда вас увезли?:

:Нас заперли в комнате. Мы в какой-то старой хижине. Такое чувство, что она вот-вот развалится. Донни вытащил глаз у мистера Хартли. Этот Донни просто чокнутый. Когда впадает в ярость, то краснеет, точно кетчуп. Наверное, поэтому женщина иногда называет его Хайнц.:

Кертис не ответил.

:Ты тут?:

:Как, ты сказала, она его называет? Хайнц?:

:Да.:

:Забавное прозвище.:

:Нам тут не до смеха. Я готова разрыдаться, но не могу – Джек рядом.:

:Где находится эта хижина?:

:Я не знаю. Мы либо в Кеннере, либо где-то в его окрестностях. После того как нам залепили глаза, мы ехали еще минут пятнадцать и только один раз свернули направо.:

:Вы, наверное, где-то у озера.:

:Возможно, я не...:

Связь с Кертисом оборвалась: в дверь оглушительно забарабанили. Это было так неожиданно, что Нилла, подскочив от испуга, расцарапала спину о грубые доски.

– Эй, я совсем забыл поздравить вас с новосельем! – заорал Донни из-за двери и оглушительно расхохотался.

Глава 18

«Хайнц, значит, – размышлял Кертис, сидя на мягком стуле в роскошной гостиной Люденмеров. – А не тот ли это тип, что врезал мне чемоданом тогда на вокзале? Лицо того белого тоже покраснело, как кетчуп! С ним были еще женщина и мужчина. Они называли его Хайнц. Получается, эта троица и есть те самые похитители? Кто бы мог подумать, что такие злодеи могут путешествовать на поезде, словно самые обычные пассажиры...»

Только Кертис собрался снова вызвать Ниллу, как появился Люденмер и тяжело опустился на стул напротив: на бедняге буквально лица не было.

– Я поговорил с Ниллой, – сказал Кертис. – Ваша дочь сообщила, что они в какой-то хижине в окрестностях Кеннера. Судя по всему, где-то неподалеку от озера. Поворачивали всего один раз – направо.

– Слишком скудная информация, – устало произнес Люденмер, запрокинул голову и закрыл глаза. – В тех краях десятки рыбацких хижин... Нельзя, чтобы мои дети пострадали. Наши дети, – тут же поправился он.

Несколько минут назад со второго этажа раздался душераздирающий вопль, а затем все стихло.

– Как мама Ниллы?

– Плохо. Слава богу, у нас дома есть успокоительное: врач регулярно выписывает ей транквилизаторы. Я дал жене одну таблетку: может, хоть поспит немного. Джейн... на первый взгляд кажется хладнокровной, но на самом деле она очень ранимая, – сказал Люденмер и открыл глаза. Кертис заметил, что они потускнели и теперь были скорее серые, чем голубые. – Все в Шривпорте знают ее отца как преуспевающего юриста, но никто не в курсе, что он алкоголик и подвержен приступам гнева. И Джейн, и ее сестра в юности много натерпелись. По ним и не скажешь, но они до сих пор страдают от детских травм. Любой стресс для бедняжки заканчивается нервным срывом.

– А вызвать врача вы не хотите?

– Я думал об этом. Но пока не решился. Возможно, я плохой муж, но... Сам понимаешь, доктор будет задавать вопросы, а Джейн не

умеет держать язык за зубами. Вряд ли мне удастся убедить врача не сообщать властям. А даже если и получится, то нельзя быть уверенным, что он не сболтнет кому-нибудь, и в результате обо всем пронюхают копы или газетчики. Я не могу допустить огласки. До утра пятницы необходимо хранить все в тайне. Я сам во всем разберусь, – сказал Люденмер, отвернул свое измученное лицо к венецианскому окну и тихо добавил: – Я всегда был для Джейн надежной опорой – таким рыцарем в сияющих доспехах. Однако, похоже, теперь мои доспехи потускнели и утратили прежний благородный блеск.

– Но вы ведь делаете все возможное, чтобы спасти сына и дочь, – возразил Кертис.

– Да. Если с детьми что-то случится, то я наверняка потеряю и Джейн тоже. Она замкнется и отдалится. И тогда наступит конец... конец всему. Вся моя жизнь потеряет смысл. – Джек покачал головой и горько усмехнулся. – Подумать только! Болтаю тут с тобой, будто мы сто лет знакомы. Словно ты друг семьи, а не... – Тут Люденмер запнулся и замолчал.

– А не негр? – спокойно подсказал Кертис.

– Не посторонний человек, – закончил Люденмер. – Мне плевать, какого цвета у тебя кожа. Ты помогаешь мне спасти детей – только это сейчас и важно. Ты рыцарь в сияющих доспехах для моей дочери.

– Мои доспехи, к сожалению, не сияют.

– Как насчет рыцаря в черных доспехах? Звучит неплохо, а?

Несмотря на все трудности и испытания, выпавшие в тот день на долю Кертиса, предложение стать черным рыцарем для Ниллы показалось ему чертовски забавным, и он, не выдержав, прыснул со смеху. Люденмер, несмотря на всю тяжесть положения – а, может быть, наоборот, именно поэтому – тоже захохотал так, что в комнате затряслись стены. Посмеявшись от души, оба почувствовали себя гораздо лучше.

– Завтра к полудню Виктор раздобудет деньги, и мы сразу отправимся искать Сэндаски-роуд и этот рыбацкий причал. Зачем так рано? Все просто, я не хочу шарахаться туда-сюда в потемках, – сказал Люденмер и поднялся со стула. – Я должен идти к Джейн. Комната для гостей наверху: Мэйвис тебе покажет. Там же и ванная. Если ты голоден, на кухне навалом еды. Мэйвис, кстати, отлично готовит. Отбивные, ветчина, свежий хлеб... мороженое, торт... Есть даже... –

Люденмер вдруг замолк, припомнив расистские карикатуры, в основе которых лежал стереотип о том, что чернокожие просто обожают арбузы и поедают их в невероятных количествах. Но, собравшись с духом, через мгновение закончил: – Свежий арбуз.

– Неужели арбуз? – переспросил Кертис, не веря своим ушам.

– Да.

– Вот здорово! – улыбнулся молодой человек. – С удовольствием полакомлюсь. Последний раз я ел арбуз, наверное, года два тому назад.

– В общем, чувствуй себя как дома и не стесняйся обращаться к Мэйвис. Она приготовит все, что только душа пожелает.

– Спасибо! – сказал Кертис и двинулся к телефону в другом конце комнаты. – А маме позвонить можно? Она наверняка уже волнуется.

– Разумеется, звони. Ах да, передай Нилле... У меня все под контролем, и скоро они с Джеком окажутся дома.

– Свяжусь прямо сейчас, – пообещал Кертис, обеспокоенный тем, что их разговор с девочкой внезапно оборвался.

:Нилла, как вы там?:

:Хорошо, – отозвалась она, а затем прибавила: – Насколько, конечно, это вообще возможно в нашей ситуации.:

Кертис с трудом различал ее слова. Мысли собеседницы угасали и прерывались, будто в ее ментальном радиоприемнике садились батарейки.

:Тебе надо отдохнуть и восстановить силы. Сумеешь поспать?:

:Боюсь, что вряд ли.:

:Хотя бы попытайся. Это пойдет тебе на пользу. Твой папа рядом. У него все под контролем. Он обещал вас выволить в ближайшее время.:

Нилла ничего не ответила, и Кертис переспросил:

:Ты слышишь меня?:

:Да, слышу... Я очень напугана, Кертис. Этот Донни барабанит каждые несколько... Кажется, они не собираются... спать. Мы проголодались. Здесь негде умыться... Я с трудом поддерживаю связь... И тут очень темно...:

:Пожалуйста, постарайся поспать. Твой организм нуждается в отдыхе, – настаивал Кертис.

:Что? Я ничего... не понимаю.:

«Это что-то новенькое. Похоже, Нилла окончательно вымоталась: у нее не получается даже поддерживать связь. Если она не отдохнет, то вскоре мы вообще не сможем обмениваться мыслями», – подумал Кертис.

:Я отключаюсь. Свяжемся позже. Отдохни, пожалуйста... Попробуй уснуть...:

:Что? Что ты сказал? Я не... Ты так далеко!:

:Папа сказал, что любит тебя!: И с этими словами Кертис посмотрел на Люденмера, но сфокусироваться на нем ему удалось только спустя несколько секунд.

– Нилла в порядке. Дети с нетерпением ждут возвращения домой.

– Богом клянусь, они вернутся целыми и невредимыми.

– У нас все получится, сэр.

– Ты хотел позвонить матери, – напомнил Люденмер и пошел к Джейн, но на пороге обернулся и сказал: – Я так виноват перед Ниллой. Я не верил ни ей, ни тебе. Мне в жизни не понять, как вы обмениваетесь мыслями: подобное просто в голове не укладывается! Но я безгранично благодарен тебе за помощь и за то, что ты оказался для Ниллы таким хорошим другом.

– Я очень дорожу нашей дружбой, – ответил юноша. – Нилла всегда готова меня выслушать.

Люденмер кивнул, развернулся и вышел из гостиной.

«Ему, наверное, лучше не знать, что силы дочери на исходе и что вскоре мы можем потерять связь, – подумал Кертис и снова опустился на стул. – Нилла, вероятно, чего-то недоговаривает. Раз она не говорит, значит так надо. Наверняка она сама справится с возникшими трудностями, как только восстановит силы и энергию».

Прежде Кертису и в голову не приходило, что его способности не вечны. Радоваться этому открытию или нет, он не знал. С одной стороны, роль рыцаря в сияющих доспехах очень ему льстила. С другой стороны, если однажды его броня потускнеет, то вряд ли он расстроится, поскольку наконец-то станет как все. После той встречи с госпожой Мун на площади Конго Кертис чувствовал бремя ответственности за свой дар.

«В конце концов, я обыкновенный человек, и мне не чужды простые радости. У меня есть любимая работа, а большего мне и не надо», – заключил он.

Кертис встал, прошел по ковру песочного цвета к телефону и набрал домашний номер.

После четвертого гудка Орхидея подняла трубку. Даже в самом хорошем расположении духа миссис Мэйхью говорила так, будто лежала на смертном одре.

– Алло?

– Привет, мам!

– Кертис! О господи! Куда ты пропал? Ты в тюрьме?

– Нет, мамуля. Полагаю, мистер Крэйбл уже звонил? – спросил Кертис, с улыбкой оглядывая роскошную комнату.

– Звонил! И все рассказал! Что ты натворил, сынок? С кем спутался? Небось Роуди Паттерсон во всем виноват, да? Этот пустомеля сбил тебя с панталыку? Ничего, я покажу этому подлецу!

– Мама, выслушай меня, пожалуйста, спокойно, – попросил Кертис. – Ничего противозаконного я не совершал. Просто...

– Тогда почему же ты не дома? Я уже вся извелась!

– У меня очень ответственное задание. Я бы не хотел... – попытался было объяснить Кертис, но мать не унималась:

– Домой! Живо! Слышишь меня! Я не буду гасить свет, пока ты не вернешься!

– Мамуль, сегодня я не приду, – твердо ответил молодой человек. – И завтра, скорее всего, тоже...

– Кертис, хватит мне лапшу на уши вешать! Хороший сын не бросит больную мать дома одну! Господи боже, за что мне это наказание! Даже твой голос изменился! Да тебя словно подменили! Ты точно с кем-то спутался!

Кертис понимал, что Орхидея, как это обычно и бывало, пытается играть на его чувствах, но сегодня он уступать не собирался.

– Мам, у меня важное дело...

– Даже слышать ничего не желаю! Я не хочу, чтобы...

– Замолчи! – сказал Кертис так резко, что напугал не только мать, но и самого себя. Повисла тишина. Собравшись с мыслями, он продолжил: – Сейчас я ничего объяснить не могу. Дело очень серьезное. И дома меня сегодня не будет. Возможно, и завтра я тоже не вернусь. Я хочу кое-кому помочь, понимаешь?

Казалось, прошла вечность, прежде чем она ответила.

– Возвращайся домой, – прошептала Орхидея надломленным голосом. – Джо, возвращайся, умоляю!

– Мама, – тихо сказал Кертис, – это я умоляю тебя: возвращайся к нормальной жизни. Уже давно пора. Ты не умираешь и вовсе даже не больна, а просто зачем-то себе это внушаешь. Но на самом деле ты здорова. Ты перестала ходить в церковь и общаться с людьми – это неправильно. Мамуль, нужно попробовать начать жизнь с чистого листа. Может, стоит навестить бабушку и дедушку, пожить у них немного, развеяться? По-моему, очень хорошая идея. Ты же знаешь, как дед любит, когда ты слушаешь, как он играет на гитаре. Наверняка он насочинял кучу новых песен!

Орхидея молчала. Из телефонной трубки доносилось только прерывистое и тяжелое сопение. Казалось, она вот-вот раскашляется.

– Никто тебе не поможет, кроме тебя самой, мамуль, – внушал Кертис. – Я говорю это лишь потому, что очень люблю тебя. Жизнь продолжается, и нельзя вот так взять и просто отказаться от нее. Джо ушел и уже никогда не вернется. Ты должна это понять и принять, и тогда все встанет на свои места.

За все это время Орхидея так и не произнесла ни звука.

– Мам, ты слышишь меня? – спросил Кертис.

– Возвращайся домой. Свет я не выключаю, – ответила она и повесила трубку.

Какое-то время Кертис внимательно слушал телефонные гудки, точно за ними скрывалось некое зашифрованное послание.

«Кажется, я знаю, что это за послание, – подумал молодой человек. – Шифр означает: „Твою мать не переубедить“. Сейчас она, как обычно, ляжет в постель, а завтра и послезавтра все повторится, и так будет снова, изо дня в день, пока однажды она не ляжет... в гроб. Как быть? Ума не приложу».

Кертис положил трубку, подошел к венецианскому окну и посмотрел на владения Люденмера.

«Живут же люди! Ну и красота! – восхитился он. – Да дом Гордонов и в подметки не годится этому великолепию!»

Дождь прекратился, но вода по-прежнему отовсюду струилась и капала. День шел на убыль, и под темнеющими свинцовыми тучами мир погружался в вечерний сумрак. Кертис подумал было вновь связаться с Ниллой, но тут же отказался от этой мысли.

«Пускай восстановится, – решил он, – да и мне не мешает отдохнуть».

Внезапно Кертис почувствовал, что в комнате есть кто-то еще. Он обернулся и увидел в дверях служанку. Видимо, это и была Мэйвис.

– Сэй, – прочистив горло, обратилась она к нему с той самой раболепной мягкостью в голосе, про которую мистер Крэйбл напоминал при каждом удобном случае, – не желаете ли вы отужинать?

– С удовольствием. Но я никакой не сэр, а просто Кертис.

Мэйвис смущенно кивнула. Она не понимала, как чернокожий юноша может гостить в доме Люденмеров, ночевать в роскошной спальне для белых и при этом быть просто Кертисом.

Мэйвис с интересом оглядела его с ног до головы. Заметив фуражку, лежавшую на столе, она спросила:

– Можно задать вам вопрос? Вы солдат?

– Нет, мэм. Я носильщик на железнодорожном вокзале.

– Не знала, что Люденмеры куда-то собираются, – сказала служанка. В мире Мэйвис путешествие на поезде было чем-то невероятным и даже невысказанным. Она нахмурилась и решилась на еще один вопрос: – Простите за любопытство, но вы, случайно, не знаете, куда запропастились дети?

«Спросить у Люденмера не осмелилась», – догадался Кертис и ответил:

– Они скоро будут дома.

Мэйвис, конечно же, тоже слышала, как отчаянно вопила хозяйка, и с тревогой сознавала, что привычный порядок вещей в доме вдруг нарушился. Поняв, что от гостя ничего больше добиться не удастся, она спросила:

– Мистер Кертис, а что бы вы желали на ужин?

Такого вопроса ему еще ни разу в жизни не задавали.

– На ваш вкус, – сказал Кертис.

Такого ответа Мэйвис тоже ни разу в жизни не получала. Окончательно растерявшись, бедняжка изумленно застыла, не зная, что и сказать: ее рот беззвучно открывался и закрывался.

«Наверное, никто и никогда еще не предлагал Мэйвис сделать что-нибудь на свое усмотрение», – подумал Кертис.

Так они и стояли в этой великолепной комнате, онемевшие от внезапно обрушившейся на них свободы.

Темная ночь опустилась на окрестности Кеннера, и хижину окутала непроглядная тьма. Время от времени по Сомил-роуд проезжали автомобили, но ни звука, ни проблеска фар в этой глуши не было слышно или видно. Вокруг хижины у озера Пончартрейн вовсю щелкали, стрекотали и жужжали цикады, сверчки и еще какие-то неведомые лесные насекомые. Дождь прекратился. Теплый влажный воздух, напоенный запахом заболоченных берегов, заволокло поднявшимся с озера туманом. Туман медленно плыл по лесу, оставляя на ветках сосен и дубов невесомые обрывки, похожие на куски истончившейся и пожелтевшей от древности ткани.

В комнате пленников не было видно ни зги. Нилла пыталась заснуть, но каждый раз вздрагивала и просыпалась. Два часа тому назад Маленький Джек совершенно упал духом и плакал до тех пор, пока сестренка не подседа к нему и не обняла. Хартли, решив хоть как-то отвлечь детей, затеял было игру в города, но Джек играть отказался, а уставшая Нилла попросту не смогла сосредоточиться.

Вдруг за дверью громыхнул стол.

– Всем сохранять спокойствие, – скомандовал Хартли из своего угла.

Дверь отворилась, комнатку залило светом. Узников, привыкших к темноте, свет керосиновой лампы слепил, точно солнце в зените.

– Три слепые мышки! – перескочив порог, заорал Донни. Он захлопнул дверь и поднял керосиновую лампу повыше, чтобы лучше разглядеть своих жертв, жавшихся по углам. – Мм, как тут вкусно пахнет! А вы времени даром не теряли! Ну-ка, сознавайтесь, кто надристал?

Нилла еле удержалась, чтобы не послать Донни куда подальше, но благоразумие взяло верх.

– Разве тебе не пора уже баиньки, малыш? – спросил Хартли.

– Не-а! Пока мои дружбаны смолят на веранде, я вот решил зайти поведать вас, ребятки. Ну-ка, зацени! – С этими словами Донни встал на колени и направил свет от лампы так, чтобы Хартли смог разглядеть его лицо. Во лбу у юноши сверкал стеклянный глаз, примотанный изолентой.

– Как тебе такое, а? Я теперь трехглазый сукин сын! – Шофер промолчал, но Донни не унимался. – Слышь, жополиций, я с кем говорю? Я спросил, как тебе мой третий глаз? Круто ведь, да?

– Просто отпад, – ответил Хартли.

– Это точно, – согласился Донни. Глянув на Ниллу, он ухмыльнулся: – Ты тоже так считаешь, малышка?

– Вышло просто супер, – отозвалась Нилла.

– Черт возьми, да я просто красавчик! Два глаза хорошо, а три лучше! Это чтобы лучше тебя видеть, доченька! Слушай, а как тебя папашка называет?

– Он зовет меня Нилла.

– Не-не... ты не поняла. Родители дают детям клички, прямо как животным. У тебя какая? Пупсик? Пусенька? Или...

– Может, уже оставишь нас в покое? – спросил Хартли. – Неужели тебе мало, что мы тут и так страдаем без еды и питья?

– Пасть закрой! – хриплым от переполнявшей его злости голосом заорал Донни. – Слышь, жополиций, пердеть начнешь не раньше, чем я начну выбивать из тебя дерьмо, понял? – Посветив на прижавшегося к сестре Маленького Джека, он разглядел воинственно сжатые кулачки, замотанные изолентой, и проворковал: – Вы только посмотрите на этого здоровячка! Я слышал, как кто-то недавно рыдал: это был ты, здоровячок?

– Нет! – выпалил Джек.

– А вот за вранье будешь гореть в аду! Глаза-то красные! Лицо распухло, как будто тебе мячом зафинтилили на школьной площадке! Как тебе здесь нравится, а, здоровячок? Да уж, с роскошным особняком твоего папашки никакого сравнения! Бьюсь об заклад, что дома ты получаешь любую игрушку, какую только захочешь! Я угадал? Стоит только заикнуться, и все само плывет в твои загребущие ручонки! Разве не так?

– Вовсе нет!

– Да у тебя на лбу написано: «Я родился с серебряной ложкой во рту»! – рявкнул Донни и вдруг замолк, со злобой разглядывая Джека.

Нилла, затаив дыхание, молилась, чтобы этот сумасшедший поскорее ушел.

– Но в одном твой папашка облажался, парень, – продолжал Донни, – он не научил тебя уважать старших. Впредь, когда будешь со

мной разговаривать, изволь обращаться ко мне «сэр».

– Тогда я вообще больше не буду с тобой разговаривать, – ответил Джек. – Возвращайся обратно в ту вонючую дыру, откуда выполз!

Хартли поморщился. Нилла пихнула брата плечом. Донни хохотнул и присвистнул:

– Ну, ты сам напросился, маленький говнюк!

Не вставая с колен, он подполз к детям поближе и направил свет лампы прямо им в глаза. Хартли в углу напротив весь подобрался для прыжка.

– Слышь, – сказал Донни, – а у тебя, малец, как я посмотрю, стальные яйца! Я даже немножко тебя зауважал! Но совсем чуточку, потому что ты меня невероятно бесишь! – С этими словами Донни дал Джеку пощечину. – Эй, не зевай! – сказал он и тут же ударил его по другой щеке. – Кому говорю, не зевай!

– Ради всего святого, – зарычал Хартли, – оставь парнишку в покое! Издевайся лучше надо мной!

– Не-а, тебя доставать неинтересно. Оп! Не зевай! – Донни врезал Джеку сильнее. Ниллу затошнило.

«Вот бы меня вырвало прямо на него: может, хоть тогда этот придурок уберется!» – думала девочка, сожалея, что в желудке пусто.

– Отстань! – со слезами воскликнул мальчик. – Я не...

Хлоп! – раздался звук очередной пощечины, еще более звонкий, чем предыдущий. Маленький Джек, оглушенный ударом, сморгнул, из нижней губы струйкой побежала кровь.

– Ну, раз тебе нейдет, давай посмотрим, как ты умеешь махать кулаками. Что-то мне подсказывает: даже со связанными руками я вышибу из тебя всю дурь, – произнес Хартли с трудом поднимаясь на затекшие ноги.

– Да ну? – сказал Донни, вставая с колен.

Нилла заметила, как лицо негодяя покраснело до самых кончиков ушей, а в следующее мгновение он пнул Хартли между ног. Охнув, шофер согнулся пополам. Следом Донни нанес сокрушительный удар по затылку. Хартли повалился как подкошенный и упал лицом на дощатый пол.

– Помогите! – закричала Нилла. – Помогите нам!

Донни крутанулся на пятках, наклонился и схватил девочку пальцами за подбородок. Точно некая безобразная планета, красная от

ярости физиономия Донни нависла над Ниллой. Пальцы все сильнее и сильнее сжимали нежное личико девочки. Вдруг раздался глухой удар. Донни, отпустив Ниллу, отшатнулся: Джек стукнул его лбом в висок. Мальчик закачался, в следующее мгновение глаза его закатились, и он обессиленно рухнул на колени. Нилла с ужасом наблюдала, как братишка в полуобморочном состоянии сплевывает с разбитых губ кровь на пол.

– Какого хрена тут творится? – раздался крик, и в глаза им ударил свет от фонарика.

Прищурившись, Нилла разглядела на пороге рыжеволосую женщину и мужчину, предавшего ее отца.

– Донни! – взвизгнула Джинджер. – Гребаный идиот! Какого черта ты вытворяешь?

– Да мы так... веселимся тут по мере сил. Хартли напал на меня. Пришлось уложить его, – промямлил Донни, еле ворочая языком, и потряс головой, чтобы прийти в чувство. – А мелкий ублюдок двинул мне головой в висок... ему тоже следовало бы хорошенько вломить!

– Неправда! – воскликнула Нилла и почувствовала, что ее лицо краснеет от гнева, точь-в-точь как у Хайнца. – Он все лжет! Он хлестал Маленького Джека по щекам!

– Тише-тише! – подняв руку, сказала Джинджер. В наступившей тишине раздавались только стоны корчившегося на полу Хартли. – Что ты сделал с шофером? – спросила она у племянника.

– Да все с ним в порядке! Не, ну а чё вы оставили меня одного? Я заколебался уже там сидеть! Все бородавки, мать вашу, пересчитал!

Джинджер направила луч света ему в лицо и вздрогнула: во лбу сверкнул искусственный глаз. Донни, обнажив серебряный клык, ухмыльнулся, хотя взгляд его до сих пор не мог ни на чем сфокусироваться и бессмысленно блуждал по комнате.

– Ты меня с ума сведешь! – в сердцах воскликнула Джинджер.

– Больно уж ты пугливая! – отозвался Донни.

В душной влажной комнате по вспотевшей спине Пэрли вдруг пробежал холодок, будто кто-то невидимый протиснулся мимо.

А тетушка, не спуская луча света с глупо ухмылявшейся рожи племянника, произнесла ледяным тоном всего два слова, которые – по мнению тихо злорадствовавшего Пэрли – не сулили парню ничего хорошего:

– Не смей.

– А я чё? Я ничё! – оправдывался он.

Пока Джинджер разбиралась с Донни, Нилла утешала брата, непрерывно сплевывавшего кровь. Маленький Джек, к удивлению сестры, не плакал и не всхлипывал, а лишь только дрожал. В один миг он вдруг повзрослел: казалось, что впредь он уже никогда не станет хныкать. Нилла с удивлением осознала, что больше не добавляет про себя к имени брата прилагательное «Маленький»: теперь он стал просто Джеком.

– Я в порядке, – сказал он, и голос его звучал совсем иначе – по-мужски.

Нилла подползла к мистеру Хартли, который пытался устроиться так, чтобы было не слишком больно. Затем она обвела взглядом похитителей и спросила:

– Можно нам поесть и попить?

– Донни, – скомандовала Джинджер, – тащи фляжку.

– А чё Донни-то сразу? Почему я?

– Потому что я к тебе обращаюсь! Пэрли, присмотри за ними, – велела женщина и подошла к кухонному столу.

Сами они уже выпили бутылку кока-колы, съели две банки свинины с фасолью, а Донни еще и умял два яблока. Открывать консервы или делать сэндвичи с ветчиной для пленников Джинджер поленилась. Она взяла коробку попкорна, вернулась в клетушку и бросила ее на пол:

– Вот, ешьте – больше ничего нет.

Донни принес металлическую фляжку.

– Открой и дай им попить.

Племянник крепко выругался, но повиновался. Нилла глотнула первой, предложила Маленькому Джеку, но тот лишь отвернул голову.

– Пей, – строго сказала сестра.

Хартли, к этому времени сумевший встать на колени, взял у мальчика флягу и тоже глотнул.

– Вот и славно! – произнесла Джинджер, когда фляга вернулась к Донни. – Если ваш папашка Люденмер расплатится с нами к утру, никто от жажды или голода умереть не должен. Ну что, все счастливы? – спросила она и, не дожидаясь ответа, вышла из комнаты, бросив через плечо: – Донни! За мной!

Донни хрюкнул и вышел, пропустив вперед Пэрли.

Дверь захлопнулась, громынул стол, а затем Нилла услышала приглушенный голос Джинджер.

– Чтобы я тебя там больше не видела, понял? – отчитывала она парня. – Не знаешь, чем заняться? Покури. Некуда девать энергию? Поприседай в лесу. – Произнося свой монолог, женщина не стеснялась в выражениях, но все крепкие словечки Нилла старалась пропускать мимо ушей.

– Помоги-ка мне, – послышался из темноты голос Маленького Джека.

Судя по звуку, он пытался открыть коробку с попкорном. У Ниллы тоже не сразу получилось, и бедный мальчик весь извелся в ожидании. Наконец коробка поддалась, и они щедро насыпали друг другу в рот покрытого карамелью попкорна.

– Мистер Хартли, будете?

– Нет, – послышался глухой голос шофера, до сих пор страдавшего от боли. – Ешьте сами.

«Может, вызвать Кертиса? – подумала Нилла, откинувшись к стенке. – Нет, пускай отдохнет. А вдруг у меня сил не хватит? – испугалась девочка. Этот страх мгновенно перерос в ужас, но она тут же успокоила себя: – Ничего, утро вечера мудренее. Надо только поспать, и к завтрашнему утру я обязательно восстановлюсь».

– Дай еще, – попросил Маленький Джек.

Кончиками пальцев подхватив попкорн, Нилла осторожно опустила его брату в рот.

– Эй, эй! – замычал он с набитым ртом и выплюнул что-то на пол. – Мне попался приз! – прожевав попкорн, наконец воскликнул малыш.

– Поздравляю, – отозвалась Нилла и закрыла глаза: разницы никакой – с открытыми глазами вокруг было точно так же темно.

– Черт... я потерял приз. А нет... вот он, – нашарив у левого колена бумажный пакетик, сказал Маленький Джек. – Интересно, что там?

– Очки, чтобы видеть в темноте, – отозвалась Нилла, не открывая глаз.

– Да-а, они бы нам сейчас не помешали! Так, я подержу, а ты надорви пакетик.

– Джек, – сказала Нилла. – Я, вообще-то, пытаюсь заснуть.

– Так помоги мне и спи сколько влезет.

– Ты что, не можешь подождать?

– Чего? – спросил брат.

Рассудив, что ждать и в самом деле нечего, девочка покорно вздохнула, открыла глаза, протянула руки, нащупала пальцы Джека, ухватилась за край пакетика, наклонила голову и надорвала его зубами.

– Спасибо, – отозвался мальчик.

«Надо либо вытряхнуть содержимое пакетика на пол, а затем искать, – подумала Нилла, – либо как-то ухитриться и вытащить приз кончиками пальцев».

Через десять секунд Маленький Джек подал голос:

– Кажется, это кольцо. Да... кольцо. Но оно какое-то непростое: на нем как будто есть что-то. Похоже на фигурку ракеты... Погодите-ка! По-моему, это свистулька!

– Только не свисти. Точно свистулька? – раздался из противоположного угла сиплый от боли голос Хартли.

– Да, сэр, по-моему, свистулька. Металлическая. Не бойтесь, с разбитыми губами особо не посвистишь.

– Дай-ка мне! Только смотри не урони!

– Сейчас, сэр, – отозвался Джек и подполз к шоферу. – Вот, держите. – И мальчик вложил свистульку ему в руки.

Через несколько долгих мгновений мистер Хартли тихо произнес:

– У меня в заднем кармане есть мелочь: мне нужна тонкая монетка, десять центов будет в самый раз.

– Что вы придумали? – заинтересовалась Нилла.

– Тише, – отозвался Хартли и шепотом пояснил: – На кольце – миниатюрная ракета Бака Роджерса^[6] в виде свистка. Отлит он, судя по всему, из какого-то металла. Где-то на кольце должен быть шов. Я собираюсь разжать его монеткой. Поняли? Эй, Джек? – спросил он.

«И для Хартли он тоже перестал быть Маленьким Джеком», – подумала Нилла.

– Так, отлично... минуточку... Возможно, мне понадобится ваша помощь, – продолжал водитель.

Девочка подползла к ним поближе.

– А зачем вам его... ну это... разжимать? – прошептала она.

– Ну, может, еще ничего и не получится, – сказал Хартли. – Но если все-таки удастся, я заточу металл, и у нас будет чем ответить этому

психу. По крайней мере, припугнем, а там, глядишь, появится та женщина и успокоит его.

– А разве это не опасно? – осмелилась спросить Нилла. – Если вы пораните Донни, он разозлится еще больше и обязательно отомстит.

– Пускай в следующий раз подумает дважды, прежде чем заявляться сюда и вытворять всякую... в общем, чинить беспредел, – ответил Хартли. – Кольцо, к сожалению, налезает только на первую фалангу мизинца. Я надену его так, чтобы заточенный край торчал наружу и, если понадобится, ударю. Это, конечно же, погоды не сделает, но не сидеть же мне сложа руки, наблюдая, как это животное измывается над Джеком! Прав я или нет, Нилла? – спросил он.

Нилла, удивленная тем, что у нее спрашивают совета, задумалась.

«Злить похитителей очень опасно: на кону наши жизни, – размышляла она, – но и бездействовать тоже нельзя. Эх, спросить бы у Кертиса или у папы... Но на это совершенно нет времени: решать надо сейчас».

Несмотря на то что девочка мысленно уже на все согласилась, с ответом она медлила: в глазах стояли страшные подробности недавних событий. Видеть, как Хартли, задыхаясь, корчится на полу от боли или как ее младший брат плюется кровью, ей больше не хотелось.

«Решать надо сейчас», – повторила Нилла про себя и прошептала:

– Вы правы, мистер Хартли! Бейте, если понадобится!

Глава 19

Буквально помирая от духоты луизианской ночи, Пэрли развалился на втором этаже двухъярусной кровати и погрузился в мечты о Мексике. Джинджер лежала снизу и смолила одну сигарету за другой, пытаюсь успокоить нервы после выходов Донни.

– А я тебе говорил, – не удержавшись, вдруг сказал Пэрли, – что с твоим гребаным племянничком у нас будут проблемы! Донни – бомба замедленного действия!

– Бомбу, по крайней мере, можно взорвать, а вот от тебя какой прок – это еще большой вопрос.

Пэрли в ответ благоразумно промолчал, а Джинджер ничего больше к сказанному не прибавила.

Пэрли закрыл глаза и снова очутился на берегах Мексики. Голубые волны океана накатывали на песчаный берег. От пляжа извилистая тропка взбегала к вилле, что высилась на вершине зеленого холма. Пели экзотические птицы, а в воздухе витал аромат... денег. Кругом была роскошь, означавшая для Пэрли только одно – свободу. Получив свою долю, он начнет жизнь с чистого листа. Бесконечные мыканья по стране наконец-то останутся в прошлом. Тисненные золотом Библии, акции вымышленных золотодобывающих компаний, поддельные дарственные на нефтяные скважины, липовые доверенности от нотариусов, сертификаты банков и инвестиционных фирм – все это он забудет как страшный сон. А самое главное – больше не придется работать с опьяненными жаждой наживы аферистами вроде Донни.

«Людишки любят халяву, – думал Пэрли. – Жадность – их погибель. Все думают, как бы чего хапнуть на дармовщинку, да побольше. Ну вот я и продавал им воздух: его много и он бесплатный. Но на этот раз у меня действительно есть кое-что на продажу. И сделка – да еще какая! – состоится завтра в это самое время. Целый чемодан денег – и весь мир будет у моих ног! Получу свою долю, рвану в Мексику, и гори оно все синим пламенем!»

Пэрли проснулся от звука скрипнувшей двери. Сколько он дремал, сказать было трудно. Пэрли свесился с кровати и обнаружил, что Джинджер ушла. На письменном столе едва мерцал оранжевый свет от масляной лампы.

«Куда это она подевалась? Наверное, пошла в туалет. Но тогда почему не взяла с собой лампу? – Пэрли глянул на часы: стрелки показывали двадцать минут четвертого. – Что ж, Джинджер – большая девочка и сама о себе позаботится. Надо спать, пока еще есть такая возможность».

Но заснуть не получилось. Пэрли открыл глаза, промокнул вспотевший лоб уголком простыни и снова глянул на часы: прошло пятнадцать минут. Джинджер до сих пор не вернулась.

«Что она, черт побери, задумала? Ушла в лес? – продолжал размышлять он. – Вряд ли, это рискованно: только в прошлом году не меньше десяти человек погибло тут от гремучих змей. Наверняка все они были ниггерами, работавшими в полях, но сути дела это не меняет. Так куда же свалила ее милость Мисс Покровительница Деревенских Психов, она же Джинджер де ля Франс? – Этот вопрос не давал Пэрли покоя. – Наверное, она вышла на веранду, а заодно и решила покурить. Духота после полуночи отступила, грех не проветриться. Но опять же, почему она не взяла с собой лампу? Странно все это!» – заключил Пэрли, и на него пахнуло гниющими персиками.

Пэрли спрыгнул с кровати, натянул майку и брюки, взял лампу и вышел в гостиную.

В углу на тростниковом стуле сидела Джинджер.

В свете лампы янтарные глаза вспыхнули огнем, но сама женщина даже не шелохнулась. Крепко сжимая ручку кухонного ножа двумя руками, Джинджер смотрела прямо перед собой, на кончик лезвия. По лбу и щекам струился пот. Раз за разом поднимая нож над головой, она рубящим движением опускала его вниз, да так резко, что до ушей Пэрли долетал свист рассекаемого воздуха.

– Нет-нет, – шептала она с бесстрастным лицом, пристально вглядываясь в пустоту. – Нет... я же сказала тебе... так не пойдет... нет, нет... Кто ты?.. Да кто же ты?..

– Джинджер? – позвал Пэрли и шагнул к ней, светом лампы разгоняя тьму, которую его сообщница пыталась разрубить ножом.

– На твоём месте я бы не подходил, – тихо произнес Донни и надкусил яблоко.

Пэрли обернулся и увидел в противоположном от Джинджер углу ее племянника. Скрестив ноги, парень сидел на полу: крупные капли пота блестели на шее и груди.

«Слава богу, он снял этот проклятый глаз», – подумал Пэрли.

– Лучше держись подальше, – посоветовал Донни и снова принялся грызть яблоко. – Она в любой миг может вскочить со стула и вырезать, к чертям собачьим, твое сердце.

Пэрли попятился к Донни и пятился, пока не уперся спиной в стену. Джинджер снова занесла нож над головой, выждала несколько секунд, а затем бесстрастное лицо исказилось в жуткой гримасе, и она разрубила окружающую тьму с прямо-таки нечеловеческой силой.

– Я же сказала тебе! – воскликнула Джинджер, а затем стала прерывисто нашептывать: – Нет, нет... так не пойдет... Кто ты?.. Да кто же ты? – Лицо ее снова превратилось в неподвижную маску, лоснящуюся от пота.

Продолжая смотреть перед собой мертвыми глазами, Джинджер принялась медленно раскачиваться: взад-вперед... взад-вперед... взад-вперед...

– Что за чертовщина? – спросил Пэрли.

– Иногда на нее находит, – пояснил Донни. – Наверное, так она сбрасывает напряжение...

– Ты хочешь сказать, что, размахивая ножом, твоя тетушка расслабляется перед завтрашним днем? – Ответа Пэрли не получил: Джинджер вдруг тихо и неразборчиво начала что-то нашептывать. – Она слышит нас?

– Не-а, – отозвался Донни. – Я сижу тут с самого начала представления и как только ни обзывал ее, даже шлюхой! Сижу, матерю на чем свет стоит, а она и ухом не ведет: знай себе ножом машет – чуть живот не надорвал со смеху! И всегда одно и то же: раздобудет где-нибудь нож – такое ощущение, что у нее нюх на ножи, – сядет и давай рубить, как безумная! Не слышит она ничего, точно тебе говорю. Джинджер сейчас где-то далеко отсюда.

– Проклятие, – почти беззвучно произнес Пэрли.

– Да уж... Слышь, а она заставляла тебя играть в русскую рулетку? Ну, револьвер, один патрон и все такое?

Пэрли хотел было ответить «да», как вдруг вспомнил, что Донни – племянник Джинджер.

«Если она, конечно, снова мне не наврала... – подумал Пэрли, и тут его как громом поразило: – Черт возьми, неужели?..»

Поэтому он лишь мрачно произнес:

– Не твое дело.

– Наверняка заставляла! Господи! Ты только посмотри на нее! Совсем довела себя до ручки! Сидит с ножом, готовая порешить всех и вся в этом гребаном мире. Сейчас от нее лучше держаться подальше, точно тебе говорю, – продолжая любоваться Джинджер, сказал Донни и откусил от яблока.

– И сколько это может продолжаться?

– Однажды она просидела так битый час, затем встала, убрала нож и вернулась в кровать, а наутро ничегошеньки не могла вспомнить.

Пэрли опустил рядом с Донни, поставил между ними лампу и стал молча наблюдать, как Джинджер зловеще раскачивается и что-то яростно шепчет в такт движениям.

– А почему твоя тетушка скрывает свое настоящее имя? – спросил Пэрли.

– Да уж, Джинджер никому его не говорит. Я тоже не знал бы, не будь ей родным племянником. Такой вот заскок, мистер Пэрли: Джинджер думает, что тот, кто узнает настоящее имя, будет иметь власть над ней. А подобный расклад нашей красавице совсем не по нутру. Она нигде подолгу не задерживается, – откусив от яблока, продолжал Донни, замороженно глядя на вновь полетевшее, как гильотина, лезвие. – Господи! Этаким ударом можно и кость запросто разрубить! Так, о чем это я?.. А! Она постоянно меняет имена и перемещается из штата в штат, из города в город. Моя мамаша говорит: дескать, это все потому, что ее сестричка хочет убежать от прошлого. Вот только слинять никак не получается, да и не получится. Тем не менее Джинджер очень гордится собой. Гордится тем, что преодолела невзгоды, обрушившиеся на нее в молодости.

– Что еще за невзгоды?

– Если я проговорюсь, тетя меня по головке точно не погладит!

Пэрли подумал немного и предложил:

– Тогда расскажи, что считаешь нужным, и я отстегну тебе пятьсот баксов из своей доли.

Донни прожевал кусок яблока и глянул на Джинджер: она больше не раскачивалась, но по-прежнему смотрела в никуда и бормотала под нос какую-то тарабарщину.

– Тыща баксов, – тихо шепнул Донни, будто Джинджер могла слышать его со dna непроглядной бездны сознания, в которую сейчас

погрузилась без остатка.

– Заметано! – согласился Пэрли.

– Не-а, на словах не годится, надо обязательно пожать друг другу руки, – сказал Донни. Они обменялись рукопожатием, и племянничек прибавил: – Отлично, теперь, если ты не заплатишь, я могу без зазрения совести вышибить тебе мозги!

– Прекрасно! Давай уже, излагай!

– Все подробности я знаю только по рассказам ее сестры, то есть моей мамашки, поэтому за достоверность не отвечаю. Ну, в общем, это самое... С чего бы начать-то? А! Во! В шестнадцать лет Джинджер залетела. Мамашка рассказывала, что хахалей у нашей красавицы было предостаточно: трое, а то и четверо! Определить, кто именно ее обрюхатил, оказалось затруднительно. Но ребенка Джинджер решила оставить. Рожать сбежала в Алабаму. Родила, значит, сынишку, устроилась работать секретаршей, но денег ей, понятное дело, ни на что не хватало. Пришлось подрабатывать сам знаешь чем. Короче говоря, она бедствовала и жила в трущобах. Однажды, пока Джинджер спала, мальчик убежал играть в соседний двор на детскую площадку, где обычно собиралась ребятня со всей округи.

Вдруг Джинджер прекратила бормотать и рубить воздух. Донни тут же замолк, откусил от яблока очередной кусок и, как только тетушка снова принялась раскачиваться на стуле, продолжил:

– Тем временем двое богатеньких юнцов угнали у папашки тачку и помчались колесить по городским трущобам. Да я и сам не раз так делал: та еще веселуха! И вот отрываются они, значит, по полной, удирают от копов, севших им на хвост, – и вдруг пацан за рулем теряет управление, и тачка влетает на ту самую детскую площадку. Чуешь, к чему я клоню? Четверо ребятшек отделались переломами, а вот сынишке Джинджер... в общем, ему, как рассказывала моя мамашка, раздробило все косточки и разорвало, к чертям, все внутренности. Малого увезли на «скорой», но Джинджер нашли не сразу: накануне она прибухнула и дрыхла без задних ног у себя в берлоге. Пока полиция наводила справки и разыскивала ее, минуло два дня. Когда Джинджер все-таки добралась до больнички, мальчонка уже тью-тью...

– Она же запросто могла засудить этих богачей, – сказал Пэрли. – Наверняка срубила бы кучу бабок.

– Джинджер так и поступила: наняла адвоката и попыталась засудить их. Но они, пригласив двух адвокатов из Атланты, все вывернули наизнанку, так что в результате виноватой оказалась Джинджер: мол, нечего бросать ребенка без присмотра и пьянствовать. Короче, они оставили ее в дураках... точнее, в дурах. А затем и вовсе устроили так, что она потеряла работу и все, что у нее было. Джинджер даже чуть не загремела в тюрьму по обвинению в проституции и употреблении наркотиков. Короче, это сломило ее, и она попала в лечебницу.

– В какую лечебницу?

– В больницу Брайс в Таскалусе. Ну, для этих... Дурка, короче.

– Психиатрическая лечебница? И как долго она там лечилась?

– Года два, насколько я знаю. Когда Джинджер выписали, власти штата Алабама выдворили ее. Вот тогда-то, я думаю, у тетушки окончательно лопнуло терпение, и она загорелась идеей отомстить сильным мира сего. За эту часть истории я ручаюсь полностью, потому что Джинджер поведала мне ее лично, – сказал Донни, прокусил сердцевину яблока и сплюнул семена на пол. – Вот такие пироги. Ну что, тянет мой рассказ на тыщу баксов, а, мистер Пэрли?

– Думаю, да.

– Тогда дам тебе бесплатный совет в придачу, – сказал Донни. – Когда вся эта канитель закончится, Джинджер испарится. Если вдруг у тебя были какие-то планы на нее, имей в виду: это дохлый номер, приятель. Как только получишь свою долю, беги без оглядки.

– Спасибо за совет, – совершенно искренне ответил Пэрли. – А что ты собираешься делать с деньгами?

– Забухаю, – удивленно вскинув бровь, отозвался Донни. – Чё ж еще-то делать!

Пэрли не слишком удивился: чего еще и ожидать от этого неандертальца. Да и вообще, его это не особо интересовало: он спросил просто так, для поддержания беседы.

Набравшись храбрости, Пэрли поднялся, подошел к Джинджер и посветил ей в лицо.

– Играешь с огнем, приятель, – предостерег его Донни.

Никак не отреагировав, Джинджер продолжила раскачиваться. Пэрли опустил лампу, и, когда полумрак вуалью укрыл лицо женщины, она снова нараспев забормотала под нос:

– Говорила же я... ведь говорила же тебе... Нет-нет... не так... – А затем Джинджер в который уже раз спросила: – Кто ты? Да кто же ты? – И голос ее угас.

– Ладно, мне пора на боковую, – сказал Пэрли, прекрасно понимая, что теперь до утра будет лежать, не смыкая глаз, и вслушиваться в каждый шорох.

Пэрли вернулся в комнату, поставил лампу на стол и забрался на кровать. Он попытался было опять мысленно перенестись в Мексику, но перед глазами возникали лишь заросли колючих кустарников, а в ноздри бил сладковатый запах гнилых персиков.

Бедняга чуть не умер со страху, когда дверь в комнату внезапно отворилась. В слабом свете догорающей лампы он всмотрелся в циферблат наручных часов: четыре сорок три. Джинджер скользнула в постель, и наступила тишина.

«Неужели я боюсь ее? – задался Пэрли вопросом, вслушиваясь в гулкое биение собственного сердца. И вынужден был честно признаться себе: – Да, черт побери, и еще как!»

Оставалось утешаться лишь тем, что вся эта чертовщина закончится меньше чем через сутки: можно будет забыть Джинджер и Донни как страшный сон. Хотя уехать в Мексику первой придумала именно Джинджер, Пэрли почему-то казалось – особенно после разговора с Донни, – что так далеко отправиться она не решится. Скорее всего, красавица в очередной раз сменит имя и выдумает еще какую-нибудь аферу: такова уж была ее планида.

– Не спишь? – вдруг спросила Джинджер.

Отвечать Пэрли не собирался. Он дышал так осторожно, что чуть не потерял сознание от недостатка кислорода. Джинджер немного поворочалась в кровати, а спустя некоторое время все стихло.

«Наверное, уснула», – подумал Пэрли.

Не в силах сомкнуть глаз, он лежал и наблюдал, как мутный утренний свет просачивается через занавески с якорями и дельфинами.

Часть четвертая. Кровь подскажет

Глава 20

– Готов?

– Да, сэр.

– Пора.

Кертис и Люденмер перебросились этими отрывистыми фразами еще полчаса назад. Стрелки стремительно отсчитывали секунды и минуты, неумолимо двигаясь к часу ночи. Темно-синий седан «пирс-эрроу» – вторая машина владельца преуспевающей компании – ехал по улицам Нового Орлеана на северо-запад. За спинами Кертиса и Люденмера на заднем сиденье лежала закрытая, но незапечатанная коробка, а в ней – двести пятнадцать тысяч долларов мелкими купюрами. Кертис был по-прежнему в форме носильщика, только красную фуражку он оставил в особняке. Люденмер за последние два дня практически не спал. Вчера в полдень, съездив на разведку и отыскав рыбацкий причал на Сэндаски-роуд, он отключился на часок-другой, но и только. Бедняга был совершенно измотан и управлял автомобилем из последних сил. Он предложил Кертису пересесть за руль, но оказалось, что тот не умеет водить автомобиль.

Улицы города уже опустели: по дороге им встретилось лишь несколько запоздавших путников. Кругом царил невероятная духота. Все небо обложили громоздкие лиловые тучи, которые то и дело подсвечивались молниями, сверкавшими над озером. В дорогу Люденмер захватил крепкий кофе и частенько прикладывался к термосу, чтобы взбодриться.

– Передай Нилле, что мы едем, – сказал магнат, не отрывая усталых глаз от дороги.

Хотя Кертис уже предупреждал Ниллу, что они выехали, но тем не менее послушно кивнул и отправил ей послание:

:Нилла, твой папа просил передать, что мы в пути. Скоро будем.:

:Здорово. Похитители, кажется, все еще здесь.:

:А разве они... не собираются брать вас с собой?:

:Не знаю. Мы по-прежнему сидим взаперти. За весь день никто к нам не заходил. Очень хочется пить и есть.:

Сегодня он слышал Ниллу гораздо лучше, и это не могло не радовать. Видимо, девочке удалось немножко отдохнуть и

восстановиться. В течение дня они старались говорить как можно меньше: Кертис не хотел, чтобы Нилла потеряла силы в самую ответственную минуту.

:Придется потерпеть. Дай мне знать, как они появятся. Мы будем на причале ровно в час ночи.:

:Спасибо тебе, Кертис. Спасибо, что помогаешь нам.:

:Мы уже близко. Не волнуйся, скоро вы будете на свободе.:

– Что она говорит? – прервав их связь, нетерпеливо спросил Люденмер.

– Нилла говорит, что они все еще в хижине.

– Ясно, я так и думал, что придется долго торчать на этом проклятом рыбацком причале. Но – спасибо Виктору – деньги мы собрали, и скоро я верну своих детей, а это самое главное. Виктор хотел ехать с нами, но я сумел его переубедить. Очень рискованно. Неизвестно еще, как похитители отреагируют на тебя.

– А что вы им скажете?

Люденмер затормозил на светофоре; он ехал, соблюдая правила и не превышая скорость: меньше всего ему хотелось бы сейчас привлечь внимание полиции. Ведь если их, не дай бог, остановят, тогда на сделку точно не успеть.

– Скажу, что ты мой водитель. Похитителям это, конечно же, не понравится, но, мне кажется, они купятся.

– Потому что я негр? – спросил Кертис.

– Да, а еще потому, что ты тощий и на вид довольно хилый. Кертис, давай без обид. Я сейчас на взводе и могу ляпнуть что-нибудь не то. Но не со зла, имей в виду.

– Принято, – отозвался Кертис, и в самом деле несколько не обижаясь. Он прекрасно понимал, что так уж устроен этот мир, а Люденмер тут совершенно ни при чем.

Загорелся зеленый, и они поехали дальше. Вдоль туманной улицы в свете желтых фонарей вековые дубы и плакучие ивы отбрасывали на дорогу причудливые тени.

«Точно древние ящеры, подстерегающие жертву», – подумал Кертис, замороженно вглядываясь в загадочные силуэты.

Днем Люденмер показал Кертису фотографии Ниллы и Джека в серебряных рамках. На снимках, сделанных рукой профессионального фотографа, брат с сестрой обнимали друг друга и весело улыбались.

«У Люденмера прекрасные дети, – подумал Кертис. – Маленький Джек весь в отца. А Ниллу я представлял себе гораздо старше: она разговаривает совсем как взрослая! Я таким в десять лет не был. Видимо, это все потому, что ей повезло родиться в богатой семье и посещать хорошую школу. Наверняка девочка знает об этом мире намного больше, чем я. Читая разные книжки, я, конечно, стараюсь познать и представить мир во всей красе, но это не одно и то же. Жаль, что Нилле и Маленькому Джеку так рано пришлось узнать, насколько подлыми и эгоистичными бывают люди, особенно когда дело касается денег». – Тут Кертис невольно припомнил и Роуди Паттерсона, и Майлза Уилсона.

– Мне только одно непонятно! – вдруг воскликнул Люденмер. – Как эти негодяи умудрились похитить детей прямо из-под носа у Хартли и детектива Парра. Богом клянусь, я искренне думал, что этот Парр – смысленый малый и уж в засаду-то не угодит. Как детектив, мать его, мог так облажаться?! А ведь они оба были при оружии! Просто в голове не укладывается!

– Может, они побоялись стрелять из-за детей? – предположил Кертис.

– Скорее всего. Это я виноват. Первое, что я должен был сделать, когда детектив Парр появился на пороге моего кабинета, так это нанять еще телохранителей. Но я не поверил, что какая-то шпана, всеми правдами и неправдами пытающаяся избежать тюрьмы, сможет навредить мне. И как же я ошибался! А всего-навсего надо было подключить трех дополнительных охранников, и тогда бы никаких проблем не возникло! – воскликнул Люденмер, схватил термос и отхлебнул кофе.

– Все скоро закончится, – неуверенно сказал Кертис.

– Закончится, да вот только не все, – заметил Джек. – Идея, что детей Люденмера можно похитить с целью выкупа и удерживать взаперти сколько заблагорассудится, еще не скоро перестанет будоражить умы преступников. Ума не приложу, как там справляется Джейн, если у меня самого уже сдают нервы! А дети? Представляешь, какой это удар по неокрепшей психике!

– Они держатся молодцом.

– Спроси у Ниллы, уехали ли уже эти сволочи.

:Нет, все еще здесь.: – отозвалась Нилла.

– Хотят потрепать нам нервы, – процедил Люденмер. – Я покажу этим гребаным ублюдкам, где раки зимуют!

Выехав из Нового Орлеана, они оказались на Сомил-роуд, ведущей в Кеннер. Оставшуюся часть пути проделали в полной тишине. Наконец Люденмер повернул и направил «пирс-эрроу» к причалу. Над озером Пончартрейн, разрезая небо яркими ломаными линиями, вспыхивали молнии. Послышались приглушенные, но грозные раскаты грома, точно загремели литавры. От этих тревожных звуков сердце Кертиса забило чаще, а полупереваренный сэндвич с ветчиной, весьма искусно приготовленный Мэйвис, чуть не оказался на роскошной кожаной отделке автомобиля.

:Кертис? Мы слышали, как хлопнула дверь. Кажется, они ушли!:

:А вас с собой не взяли?:

:Нет.:

– Похитители ушли, – сообщил Кертис. – Без Ниллы и Маленького Джека.

– Так я и думал. Они хотят убедиться, что я привез деньги, – сказал Люденмер. – Не знаю, что там еще на уме у этих типов, но без детей я никуда не уеду. Бог свидетель, я верну их сегодня же!

Джинджер, сидевшая за рулем «олдсмобилia», беспокойно заерзала и что-то буркнула себе под нос.

– Что случилось? – спросил Пэрли.

– У меня такое чувство, будто бы я что-то забыла или упустила из виду, – отозвалась Джинджер, направляя машину по Сомил-роуд на восток. – Но что именно, вспомнить никак не получается. Что-то важное. Будь проклят этот племянничек... всю душу мне вымотал прошлым вечером!

Пэрли промолчал. На сиденье между ними лежал револьвер Хартли – «смит и vesson» сорок пятого калибра. Маленький, но грозный тридцать восьмой торчал у Пэрли из наплечной кобуры. Оставив Донни масляную лампу, они взяли с собой оба фонаря: морской (для Пэрли) и карманный (для Джинджер).

На северо-западе сверкнула яркая молния, и холодный свет на миг залил салон «олдсмобилia». Раздавшийся следом раскат грома заставил Пэрли содрогнуться. В этой предгрозовой духоте мужчина с

ангельским лицом весь взмок: ладони вспотели, рубашка прилипла к спине. Он опустил стекло, но свежее не стало.

– Отличная ночь, чтобы поднять двести кусков баксов, – отрешенно заметила Джинджер.

– Двести пятнадцать, – поправил ее Пэрли.

– Ага, – отозвалась Джинджер. Вдруг она резко крутанула руль, и под колесами хрустнул перебежавший дорогу енот. – Интересно, про что же я все-таки забыла? Твою мать, никак не могу вспомнить!

«Через пару минут будем в Кеннере, – подумал Пэрли. – Эх, выкурить бы сигаретку! Но сейчас не время. Позже. В Мексике. Эх, Мексика-Мексика – так близко и так далеко!»

Джинджер опять заерзала на сиденье. Вдруг у Пэрли как-то сами собой соскочили с языка слова:

– Ты же вроде говорила, что у тебя нет детей.

– Ну да, так оно и есть.

– И никогда не было?

– Боже, что за вопросы? Конечно же не было. Ненавижу детей. Постоянно лезут куда не надо.

– Вообще всех ребятишек ненавидишь или только богатеньких?

Джинджер не ответила. Вспыхнула молния. В ее свете Пэрли показалось, что его сообщница злится. Она так крепко сжала руль, что костяшки пальцев побелели. Темно-лиловое небо прорезали ломаные стрелы молний, а затем раздался второй, еще более оглушительный, удар грома.

В Кеннере они не встретили ни души: только две бездомные собаки искали, чем бы поживиться в мусорных баках, – городок, вероятно, засыпал и просыпался рано.

– Никак в толк не возьму, о чем это ты толкуешь, – заметила Джинджер с напускной непринужденностью. – Похоже, жажда наживы совсем помутила тебе разум?

– Не бери в голову, – отозвался Пэрли, но затем подумал и решил, что если уж он сказал «а», то надо говорить и «б». – Я очень надеюсь, что ты затеяла похищение с целью выкупа, а не ради... а не ради мести!

– Мести? Но кому и за что мне вдруг мстить?

– Да за жизненные невзгоды, надо думать. Но это так: мысли вслух.

– Тогда хорош уже думать вслух, Пэрли! Ты действуешь мне на нервы. Когда приедем, молчи в тряпочку, понял? Говорить буду я.

– Да пожалуйста, как скажешь! – воскликнул Пэрли, примирительно поднял руки и повторил: – Как скажешь!

– Мы уже почти на месте, – объявила Джинджер. – Давай-каними мой револьвер с предохранителя.

– Это еще зачем?

– Затем, – ответила Джинджер, не сводя глаз с дороги, – что я так хочу.

По деревянному полу проскрежетал стол. Открылась дверь. На пороге в майке и джинсах возник Донни. В руках масляная лампа и подушка, за поясом – кухонный нож с зазубренным лезвием.

Нилла почувствовала, как еще недавно храбrivшийся Маленький Джек задрожал. В углу напротив раздался шорох: Хартли подтянул колени к груди.

– Ну чё, народ, как тут у вас дела? – спросил Донни и оскалился. В желтом свете его оскал нагонял на детей еще большую жуть. – Дай, думаю, проведаю вас, – сказал он и посмотрел на Маленького Джека. – Как настроение, здоровячок?

Проехав по Сэндаски-роуд около трехсот метров, Люденмер свернул на обочину и остановил автомобиль. В десяти шагах виднелся рыбацкий причал. По правую руку стояла пара лачуг, выглядевших точно такими же безлюдными, как и днем ранее. Закопченные оконца хижин угрюмо взирали на чашу, темной стеной нависавшую над дорогой.

Люденмер заглушил двигатель, взял с сиденья фонарь и посмотрел в зеркало заднего вида: машины похитителей не было.

– Ну ладно, пошли, – сказал он, включил фонарик и передал его Кертису.

Только Кертис вылез из автомобиля, как в небе зазмеилась молния, а затем грянул гром, как будто кто-то ударил огромным хлыстом.

Люденмер перегнулся через сиденье, вытащил набитую деньгами коробку, выбрался из автомобиля и пошел к причалу. Коробка хоть и была небольшой – в таких обычно хранят ковбойские шляпы, – но весила целых десять килограммов. Две тысячи триста купюр по

пятьдесят долларов, три тысячи двадцаток и четыре тысячи десятков были туго перехвачены широкими резинками и утрамбованы в коробку. Кертис поспешил за Люденмером: тот уже шагал по перекошенному причалу с хлипкими деревянными перилами. С левой стороны пристани в черную воду свисала длинная веревка, а с правой торчали из воды облепленные моллюсками сваи. На них, по-видимому, раньше располагался другой пирс, пока однажды его не снесло бурей.

Они добрались до конца причала: Кертис посветил под ноги, и Люденмер поставил коробку. В просветах между досками плескалась темная соленая вода, взбаламученная надвигавшейся бурей. С каждым разом волны набегали на илистый берег все сильнее. Люденмер и Кертис принялись ждать, высматривая на Сэндаски-роуд автомобиль похитителей, а ветер тем временем пронзительно завывал и дул в спину. Осветив чащу леса, сверкнула еще одна молния. Она отразилась от поверхности озера, и следом за ней прогрохотал гром такой силы, что наверняка разбудил всех покойников на кладбище Кеннера.

Однако Люденмер и Кертис, не обращая на бурю ни малейшего внимания, напряженно вглядывались в пустынную Сэндаски-роуд.

– Льет как из ведра, – сказал Донни. – Слышишь, как грохочет? Я вот люблю грозы. А ты, здоровячок? Или они тебя пугают?

Уставившись в пол, Маленький Джек молчал.

– Когда я был мелким вроде тебя, как-то раз одного парня прямо у меня на глазах шарахнуло молнией. Дело было на пастбище, – принялся вспоминать былые деньки Донни, медленно раскачивая лампу взад и вперед. – Бедняга в мгновение... – тут он посмотрел на Хартли и подмигнул, – в мгновение ока превратился в уголек! Одежда сгорела дотла вместе с кожей. Мы с пацанами, значит, подошли позырить и обнаружили, что черепушка у того пацана обуглилась, но не до конца! Нижняя часть его лица по-прежнему ухмылялась: наверное, в тот миг, когда ударила молния, он припомнил что-то смешное. И знаешь, чё мы тогда сделали? Выбили ему палкой зубы! У него было аж три серебряных зуба! Я их прикарманил, сбагрил и купил пачку презиков. С тех пор я люблю грозы и каждый раз вспоминаю этого бедолагу.

– Ну почему вы никак не оставите нас в покое? – вспыхнув от негодования, воскликнула Нилла. – Вы же скоро получите много

денег!

– Пупсик, пасть закрой! Я такого повидал в своей жизни, что вам даже в самых страшных кошмарах не снилось.

– Самое страшное тебя поджидает в зеркале, – вдруг съязвил Маленький Джек и рявкнул на Ниллу: – А ты прекрати уже меня пихать!

Донни тихонько, но невесело рассмеялся, направил свет от лампы на Хартли и спросил:

– А ты как поживаешь, одноглазый? Чего примолк?

– Нечего говорить, – отозвался Хартли.

– А мне так не кажется. Ты только послушай этого спиногрыза! А ведь слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Знаешь, сопляк, хамить старшим – это очень дурная привычка! Тебя разве в школе не учили? – спросил Донни и слегка хлопнул Маленького Джека подушкой по голове. – Отвечай, когда тебя спрашивают! – велел он и стукнул его сильнее.

Наконец показались огни приближающегося автомобиля.

– Боже! – с горечью воскликнул Люденмер. – Это же моя машина!

«Олдсмобиль» подъехал и остановился на пригорке так, что фары выхватывали из темноты весь причал и слепили глаза Люденмеру и Кертису. Двигатель замолк, но фары остались включенными. Все замерло.

– Давайте уже, вылезайте! – пробормотал себе под нос Люденмер и поднял руки кверху, показывая похитителям, что он безоружен. Кертис вскинул руки следом, и луч от фонарика устремился в темное небо. – Мы принесли выкуп! – крикнул Джек, но его заглушил раскат грома. – Все деньги здесь! – снова выкрикнул он и поставил ногу на коробку.

Дверцы автомобиля распахнулись одна за другой.

«Наверное, это та самая женщина, про которую говорила Нилла», – разглядев стройный силуэт, подумал Кертис.

Как и следовало ожидать, злоумышленница принялась обыскивать «пирс-эрроу». Посветив фонариком, она осмотрела салон автомобиля. Затем ее силуэт двинулся к заброшенным хижинам.

Второй силуэт – покрупнее, – по всей видимости, принадлежал мужчине. Он повернулся спиной к ветру, и через мгновение разлился свет. Силуэт мужчины в центре желтого круга медленно поплыл,

освещающая чащу леса вдоль дороги. Покончив с предосторожностями, похитители двинулись к причалу: в слепящем свете фар разглядеть их было невозможно. Остановившись посередине причала, женщина крикнула:

– Мы же, кажется, дали четкие указания – приходите одному! Это что еще за ниггер?

– Водитель.

– Брехня! Твой водитель у нас.

– Это мой новый водитель.

– Настолько богат, что не можешь возить свою задницу сам? Слышь, черномазый, руки подними! – крикнула женщина, когда рука Кертиса, сжимавшая фонарик, вдруг начала опускаться вниз. – Но в общем и целом, – продолжала она, вновь переключившись на Люденмера, – ты был хорошим мальчиком, поэтому ниггера я тебе прощаю. Сейчас мы подойдем и заберем коробку, а вы стойте по струнке, ясно? Через пять минут все будет кончено.

– Погодите! – произнес Люденмер таким властным тоном, что похитители застыли на месте. – Я хочу вернуть детей сегодня! Можете забирать деньги и проваливать хоть к черту на рога, но не раньше, чем я увижу Ниллу и Джека!

Преступники заколебались. Кертис почувствовал, как воздух между ними буквально наэлектризовался. Молния сверкнула так близко, что ему почти удалось разглядеть лица похитителей. В правой руке женщины блеснул металлический предмет.

«Господи, да это же револьвер!» – в ужасе понял Кертис.

И словно в подтверждение его догадке, над ухом грянул оглушительный раскат грома.

– По-моему, ты забываешься, – сказала женщина. – Командую здесь я.

– Когда вы отдадите детей?

– Мы сообщим. Для начала пересчитаем деньги: вдруг ты решил нас обмануть?

– Нет, – сказал Люденмер. – Так не пойдет.

– В смысле?

– Все будет иначе. Сейчас мы поедем за детьми. Вы запустите лапы в коробку с деньгами, только когда я увижу детей. Мне нет резона вас

обманывать – это было бы крайне глупо с моей стороны, ты не находишь? – спросил Люденмер.

– Я нахожу, что очень глупо с твоей стороны, – ответила женщина, – стоять тут и спорить с людьми, которые вооружены револьвером сорок пятого калибра!

Люденмер не ответил. Кертис почувствовал, как струйки пота побежали из-под мышек по телу.

«С минуты на минуту начнется гроза, – подумал он, – гремит уже совсем близко».

– Я хочу, чтобы вы освободили детей, Хартли и Парра сегодня же ночью!

– Ха! Ты слышал? Он хочет тебя освободить!

Кертис увидел, как мужчина сменил позу и кивнул:

– Ага, слышал.

На несколько мгновений воцарилась оглушительная тишина, а потом вдруг Люденмер ахнул, закачался и схватился за плечо Кертиса, чтобы не упасть.

– Наконец-то до него дошло, – самодовольно и зло сказал похититель.

Донни поставил лампу на пол. Дождавшись раската грома, он с размаху ударил Маленького Джека подушкой по голове.

– Не тронь его, – тихо произнес Хартли.

– Да ему совсем не больно! Правда, здоровячок? – спросил Донни и ударил мальчика еще раз.

– Ой! Больно! – воскликнул Джек.

– Оставь уже нас в покое! – возмутилась Нилла.

– Ну что ж, – произнес Донни, как будто соглашаясь, и в глазах его заплясали огоньки. – Опять вы мне весь кайф ломаете, а я так хотел повеселиться!

С этими словами Донни размахнулся и что было сил обрушил на ребенка подушку, а затем буквально накинута на мальчика. Он навалился на ребенка всем своим весом и прижал его лицо к полу. Из-под подушки раздались приглушенные вопли Маленького Джека. Он яростно отбивался и лягался, пытаясь сбросить обидчика. Нилла в полном ужасе мысленно закричала, отчаянно взывая к своему слышащему.

– Боже мой, – выдохнул Люденмер, когда ветер донес до его ушей голос детектива Парра. В лиловых тучах сверкнула молния. – Господи Иисусе... быть такого не может!

– Еще как может, – отозвалась женщина. – Ну и ловко же мы тебя развели, а? Короче... сейчас мы заберем деньги. Если ты собираешься что-нибудь отчебучить, то лучше не...

Дослушать Кертис не смог, потому что голова его чуть не взорвалась от крика Ниллы:

:Кертис! Донни напал на моего братишку!:

– Маленький Джек! – выпалил Кертис, не зная, как еще предупредить Люденмера. – Донни напал на него!

Люденмер задрожал, побледнел как полотно и закричал:

– Моему мальчику больно! Черт вас всех побери, а ну немедленно везите меня к... – С этими словами он двинулся на похитителей, но не сделал и двух шагов, как грянул выстрел.

Женщина выстрелила дважды. Люденмера крутануло, он схватился за Кертиса, и они оба начали заваливаться. Раздался третий выстрел: пуля прожужжала над правым ухом юноши. Люденмер и Кертис рухнули на хлипкие деревянные перила и упали в черные воды озера Пончартрейн.

Глава 21

– Ты его сейчас отпустишь, – совершенно спокойно произнес Хартли, пока Маленький Джек тщетно пытался выбраться из-под Донни. Водитель не угрожал и не просил: он говорил так, будто бы знал наверняка, что произойдет дальше.

Донни оскалился. На его покрасневшихся щеках заблестели крупные капли пота.

– Только попр...

Договорить Донни не смог. Хартли вскочил на колени и ударил его замотанными руками наотмашь – все произошло так молниеносно, что Нилла ничего не успела понять. Ракета Бака Роджерса на кольце, надетом на мизинец Хартли, рассекла похитителю щеку и нос. Из ужасной рваной раны веером брызнула ярко-алая кровь и окропила стену.

Предсказание Хартли сбылось: взвизгнув, как гиена, Донни подпрыгнул, отпустив малыша, и тут же столкнулся с Ниллой. Испуганная девочка припустила на четвереньках в другой конец комнатки. Крик о помощи в ее сознании все еще полыхал огромными красными неоновыми буквами. Джек, пытаясь отдышаться, откинул подушку и перевернулся на спину. Ослепший от боли Донни запнулся и опрокинул лампу: колба треснула, но масло не вылилось – пламя лишь затрепетало, и на стене заплясали, кривляясь, причудливые тени.

Одной рукой Донни зажал рану, а второй потянулся за ножом. Выхватив нож, он в мгновение ока развернулся и с размаха всадил его в левый бок Хартли. Зазубренное лезвие зацепилось за ребро. С силой выдернув нож, он тут же ударил шофера в низ живота. Следующий маневр противника Хартли предугадать не мог, потому что, кроме сжатых зубов Донни, ему ничего не было видно. Окровавленное лезвие, блеснув в свете лампы, взметнулось и вонзилось в левое плечо Хартли. Собравшись с силами, девочка что было мочи пнула похитителя под коленку. Тот пошатнулся и взвыл от боли. Хартли отпрянул к стене, замахнулся и отправил ракету Бака Роджерса на стыковку с безобразной красной планетой – лицом Донни. Но Донни, на свою беду, обернулся к Нилле, и заостренный конец ракеты вонзился ему под левое ухо, прямо в горло. Удар был настолько

мощным, что мизинец самого Хартли при этом хрустнул, как сухая ветка, и сломался.

Донни, которому в то мгновение следовало бы вопить и кричать от боли, лишь удивленно охнул и уставился на противника непонимающим взглядом.

В следующую секунду из сонной артерии Донни, орошая все вокруг, брызнула горячая кровь. В такт сердцебиению она хлестала то сильнее, то слабее. Молодой человек выронил нож и схватился за горло, пытаясь пальцами заткнуть фонтанирующую струйку. Окровавленное лицо похитителя исказила страшная гримаса. Глаза выкатились из орбит. Он заскулил и заметался, как раненый зверь в клетке. В очередной раз запнулся за Ниллу, налетел на стену и оставил там свой кровавый предсмертный росчерк. Мечущийся в агонии Донни никак не мог отыскать дверь, которая находилась всего в двух шагах позади него. Шатаясь, он почему-то двинулся вглубь помещения, мимо свернувшегося на полу хрипящего мальчика. Тщетно пытаясь отыскать выход, Донни хватался руками за стены и заливал все вокруг кровью.

Молния ударила так близко, что Пэрли услышал, как зашипел воздух. Джинджер, ничего не замечая, бросилась к краю причала. Пэрли поспешил следом. За молнией раздался зубодробительный раскат грома, небеса разверзлись, и хлынул ливень. Над озером разразился настоящий шторм: дождь хлестал, ветер выл, а волны с грохотом разбивались о сваи причала.

Похитители в мгновение ока промокли до нитки. Джинджер, не оставлявшая надежды обнаружить в воде Люденмера, стояла на краю причала и водила лучом фонарика из стороны в сторону. Стараясь помочь сообщнице, Пэрли, вытянув руку, держал свой фонарь над черными волнами озера.

– Вон там! – крикнула Джинджер.

Грянул четвертый выстрел, и пуля прошила воду. Как Пэрли ни вглядывался, но так ничего и не разглядел. Заметив коробку с деньгами, он тут же забыл и про Люденмера, и про его водителя-негра.

– Бабки наши! – пытаясь перекричать воющий ветер, голосил Пэрли. – Сваливаем!

– Я его зацепила! – крикнула в ответ Джинджер, не обращая внимания на потоки воды, струившиеся по лицу и волосам. – Ранила этого сукина сына!

– Ладно-ладно! Валим!

Сорвавший куш Пэрли торжествовал и гадал, какая муха укусила Джинджер. Она все не могла успокоиться: луч фонарика скользил по волнам, а рука, сжимавшая револьвер, двигалась следом. Пэрли поставил фонарь на коробку и поднял ее.

– Джинджер! Линяем скорее! – торопил он подельницу. – Хорош уже!

Наконец она опустила фонарик и револьвер, молча развернулась и пошла к двум машинам, припаркованным у причала. Пэрли поспешил следом, пригибаясь под низвергавшимися с неба потоками воды. Добравшись до «олдсмобиля», он закинул коробку на заднее сиденье и без особой надежды заявил, что поведет машину сам. К его удивлению, Джинджер, не сказав ни слова, села на пассажирское место. Пэрли включил зажигание и дворники, сдал назад, развернулся и направил автомобиль обратно к Сомил-роуд.

– Черт возьми! Я промок до костей!

Джинджер ничего не отвечала, только баюкала на коленях револьвер, точно это был младенец.

– Двести пятнадцать тысяч долларов! – вопил Пэрли. – Вот это я понимаю! И ведь все там, до цента! Даже считать не надо! Да Люденмер на что угодно был готов ради своих сопляков!

Пэрли на время затих, а потом наконец озвучил вопрос, который пришел ему в голову после первого выстрела Джинджер:

– Ты хотела убить его?

Ответа не последовало, и он продолжил:

– Я вот все думаю... Мы же могли попросить Люденмера просто оставить коробку на причале. Получается, ты заранее планировала убийство. Конечно, ты можешь оправдывать себя тем, что Люденмер сам бросился на нас. Но мне кажется, что ты выстрелила не поэтому. Ты выстрелила, потому что хотела убить его. Застрелить богача, чье имя у всех на слуху. А то, что у него имелась парочка спиногрызов, которых он обожал без памяти, сделало Люденмера просто идеальной мишенью.

– Может, и так, – ответила Джинджер, глядя перед собой. – Но сорвать куш было не менее важно. И мы получили свои деньги.

– Да, черт возьми, это правда! – поддакнул Пэрли и тут же нахмурился. Он сказочно разбогател и мысленно уже направлялся к границе с Мексикой, но что-то отравляло ему радость. – Перед тем как у Люденмера сдали нервы, тот ниггер упомянул про Маленького Джека...

– Вот дерьмо! – воскликнула Джинджер. – Я вспомнила! Я забыла про приз! Донни так меня задолбал со своими выкрутасами, что я не вытащила из коробки с гребаным попкорном приз!

– А зачем он тебе сдался?

– Просто там может оказаться что угодно: миниатюрная вилочка, ножнички или... что-нибудь металлическое с острыми краями. Твою же мать!

– Погоди, погоди! Ну и что с того? Неужели ты думаешь, будто они смогут воспользоваться этим для побега?..

– Дело не в этом. Донни настолько глуп, что наверняка попрется в комнату и начнет их задирать! Давай, Пэрли, поддай газу! Некогда болтать!

Только «олдсмобиль» скрылся за поворотом, как из воды вынырнули два человека. Шатаясь под набегавшими волнами и хватаясь друг за дружку, они медленно продвигались по илистому дну озера к берегу. Хотя Кертис и не был первоклассным пловцом, тем не менее ему хватило опыта, чтобы не утонуть в бурных водах озера даже с Люденмером на шее. Юноша благодарил Бога за свои длинные ноги и за то, что глубина у причала едва достигала полутора метров.

Выбравшись на берег, они добрались до леса и, чтобы хоть как-то укрыться от дождя, пристроились под ивой, чьи ветви, раскачиваясь на ветру, яростно шуршали листвой.

– О господи, – произнес Люденмер слабым голосом. – Боже мой!

В холодном свете непрестанно вспыхивавших молний Кертис увидел, что вся правая сторона рубашки магната пропитана кровью. Вторая пуля, вероятно, чиркнула Люденмера по голове: кровь сочилась из лба, смешивалась со струями дождя и заливала лицо, превращая его в жуткую маску мученика.

Сердце Кертиса бешено стучало, а все тело была сильная дрожь, но не от холода, а от пережитого страха. Он до сих пор слышал жужжание пролетевшей над самым ухом пули. Отдышавшись, юноша спросил:

– Сильно вас зацепило?

Такой отборной брани, которая последовала в ответ, Кертис даже в Тримее не слышал. Люденмер коснулся ключицы, охнул и разразился еще одной гневной тирадой. А затем слабо произнес:

– Кажется, кость сломана. Рука почти не двигается. Проклятье! Этот Парр... ловко же он меня провел! Этот ублюдок поймел меня в моем же собственном кабинете!

– Нам надо выбираться отсюда, – сказал Кертис. – Вам необходима медицинская помощь.

– Мои дети! – Голос Люденмера вдруг сорвался, и он всхлипнул. – Что там с Маленьким Джеком? Пожалуйста, спроси Ниллу!

– Сейчас, – отозвался юноша, но вдруг осознал, что связаться с Ниллой будет не так-то просто. В голове звенели выстрелы, с шумом и шипением поднималась волна негодования: ядовитые слова Парра «Наконец-то до него дошло!» не давали ему покоя.

:Нилла! – позвал Кертис без особой надежды быть услышанным из-за хаоса, творившегося в голове. – *Что случилось с Маленьким Джеком?:*

Девочка не откликнулась. Он не слышал того самого характерного жужжания. Лампы ее ментального радиоприемника потухли.

– Простите... Нилла не отвечает, – сказал Кертис.

– Боже мой! – в очередной раз воскликнул Люденмер. – Ты... ты точно не умеешь водить машину?

– Увы, сэр, – вздохнул Кертис и смахнул с лица капли дождя. – Я пойду на дорогу и попробую привести помощь. Кто-то ведь должен жить в этих лачугах!

– Да, возможно... Хотя кто их знает... Надо самим выбираться отсюда... Черт! Кажется, я не могу двигаться. О господи, я сейчас потеряю сознание...

Кертис понятия не имел, насколько серьезно ранен Люденмер. Но одно он знал точно: без подмоги никак не обойтись.

– Я обязательно приведу кого-нибудь! Ждите, я мигом!

Люденмер не ответил, и Кертис в промокшей насквозь форме, едва переставляя ноги в полных воды ботинках, медленно побежал к

Сомил-роуд, что виднелась в трехстах метрах от озера.

Донни рухнул на колени, заливая все вокруг кровью. Лицо его побледнело, а в глазах читались ненависть к узникам и отчаянное желание убить их всех. Внезапно Донни Бэйнс взревел, как дикий зверь: то ли он хотел что-то сказать напоследок, то ли, отправляясь на тот свет, предупреждал духов, что идет срывать на них злость.

Молодой человек судорожно вдохнул, пытаясь отсрочить последнее мгновение, и это ему как будто даже удалось. Но затем он затрясся, точно дворняга, сбитая мусоровозом, и упал лицом вниз. Широко раскрытые стекленеющие глаза невидящим взором уставились на миниатюрные волны кровавого прибоя, побежавшие к ногам пленников по лужице крови.

– На выход! – скомандовал Хартли. – Бежим, пока не поздно!

Вся рубашка шофера побагровела. Он потерял столько крови, что бледностью мог поспорить с трупом Донни.

– Надо бежать... Джек... подними фонарь, – попросил Хартли, но потрясенный мальчик, во все глаза смотревший на мертвеца, не отреагировал. – Джек! – попытался он крикнуть, но вместо слов из горла вырвался лишь мучительный хрип.

Вздрыгнув, Маленький Джек очнулся. На глаза ребенка навернулись слезы, и он, не выдержав, заплакал.

– Я возьму, – сказала Нилла. Она наклонилась, просунула замотанные скотчем руки в сделанную из проволоки ручку и аккуратно подняла лампу с пола. Несмотря на разбитую колбу, пламя горело ярко.

– Надо бежать, – повторил Хартли. – Если они сейчас вернуться и обнаружат труп подельника, живыми нам отсюда не уйти. – С этими словами шофер оттолкнулся спиной от стены и, преодолевая боль, двинулся к выходу.

– Пошли, Джек. Соберись уже, слышишь?

– Да, сэр, – глухо отозвался Маленький Джек, глаза которого все еще были мокрыми от слез.

– Давай, девочка, вытаскивай нас отсюда, – скомандовал Хартли Нилле, восхищенно смотревшей в его полное решимости, вопреки всем ранениям, лицо.

Дождь выстукивал по жестяной крыше сводящую с ума барабанную дробь. Дверь на заднее крыльцо оказалась открытой –

видимо, Донни проветривал, – но сетчатая дверь во двор была заперта. Хартли, недолго думая, вышиб ее плечом вместе с петлями. За что и поплатился: боль тут же скрутила его пополам, дыхание перехватило, а кровь засочилась не только из ран, но и изо рта. Нилле сразу стало ясно, что дела у бедняги плохи: чтобы понять это, не нужно было быть медсестрой или врачом.

Две ступеньки, ведущие с крыльца во двор, который уже развезло от ливня, вызвали у Хартли еще большие затруднения. Преодолеть спуск без последствий ему не удалось. Упав на раненый бок, он хрипло вскрикнул от пронзившей его боли. Пока Нилла пыталась поднять шофера, внутренний голос что-то тихо и неразборчиво бормотал.

«Наверное, это Кертис, – подумала Нилла. Но времени отвечать не было: на руках у нее умирал Хартли, а рядом хныкал Маленький Джек. – Надо бежать! И как можно дальше! А поговорить с Кертисом еще успеется», – заключила она, изо всех сил стараясь поднять раненого.

Но поставить на ноги взрослого мужчину оказалось для Ниллы непосильной задачей.

– Я сам, – приготовившись к рывку, сказал Хартли. Сделав над собой невероятное усилие, он встал на колени.

В небе сверкнула молния, пророкотал гром, и дождь зарядил сильнее. Не обращая внимания на боль и разыгравшуюся бурю, Хартли, уперев локти в живот – он опасался, что внутренности могут выскользнуть из вспоротого живота, – поднялся с колен.

Завесу дождя прорезал свет фар. Автомобиль подъехал к дому, остановился, хлопнули одна за другой дверцы.

– Бежим! В лес! – воскликнул Хартли и кивнул налево.

– Джек! – сказала Нилла и пихнула брата плечом. Разинув рот, тот стоял, застыв словно изваяние. – Бежим! – повторила она и подтолкнула мальчика в сторону деревьев.

Первые два шага Маленький Джек сделал как во сне, но затем, очнувшись, очертя голову кинулся в кромешную тьму к лесу. Не успели они и глазом моргнуть, как он скрылся из виду. Нилла двигалась впереди, освещая путь хромавшему Хартли. Не прошли они и десяти шагов, как водитель упал и ударился сильнее, чем прежде.

На заднем крыльце вспыхнул фонарик, и луч света заметался в темноте, выискивая беглецов.

– Оставь меня, – сказал Хартли. – Я все равно уже не жилец.

Зажегся еще один фонарь, и мощный луч света, усиленный линзой, выхватил девочку и мужчину из темноты.

– Но я не могу бросить вас...

– Позаботься лучше о брате... – Хартли глянул в сторону дома и поморщился от яркого света. – Они уже близко. Беги, пока еще можно.

«Хартли прав. Маленький Джек без меня пропадет», – подумала Нилла и кинулась следом за братом в неизвестность.

– Так-так-так! Кто это тут у нас? – обнаружив Хартли, воскликнула Джинджер. – Ты только посмотри, Пэрли, кого я нашла! – Она посветила фонарем в лицо шофера и добавила: – Наш одноглазый друг!

Пэрли, стоявший позади нее, напряженно всматривался в темную стену леса. Ливень поутих, и он увидел среди деревьев удалявшийся огонек лампы.

– Далеко они не уйдут, – сказала Джинджер, не отрывая взгляда от Хартли. – Им не продраться через эти заросли и грязь. Только ноги себе переломают. А как переломают – сразу завоюют, а мы тут как тут!

Джинджер, не решаясь приблизиться к Хартли, опустилась на одно колено чуть поодаль и заметила:

– Ну и наломал ты дров! И как только умудрился-то?

– Спроси об этом лучше у Донни, – обнажив окровавленные зубы, мрачно усмехнулся Хартли, поглядывая на револьвер в руке женщины.

– Глянь, Пэрли, у тебя в ногах валяется настоящий герой. Ты, помоему, говорил, будто он воевал? Да-да, я что-то припоминаю! Шрам и все такое. Не помогла тебе, Хартли, воинская выучка: здорово тебя наш Донни отделал! Кстати, смотри, у нас тот самый нож – дай-ка мне его, Пэрли! – С этими словами Джинджер бросила фонарик на землю, переложила револьвер в левую руку, а правой взялась за окровавленный нож. – Мне вот интересно, как погиб Донни? От собственного ножа или все-таки ты приготовил ему сюрприз?

– Джинджер, – сказал Пэрли. – Хватит уже болтать! У нас двести пятнадцать тысяч гребаных долларов на двоих! – Обнаружив труп Донни, Пэрли едва сдержал радость. На сбежавших пленников ему

было плевать. Он в мгновение ока разбогател и теперь желал поскорее покончить со всеми формальностями. – Добей его, и рвем когти! Сопляки нам не нужны!

– Добью-добью, не переживай, – ответила Джинджер, не сводя глаз с Хартли. – А что касается сопляков... Пораскинь мозгами, Пэрли. Если бы у Бонни и Клайда в заложниках были дети, то расстреляли бы их копы? Конечно же нет, черт возьми! Мы будем умнее Бонни и Клайда: схватим спиногрызов, посадим их в тачку и рванем в Мексику. Дети Люденмера – наша страховка.

– Звучит неплохо, – согласился Пэрли. – Но мы же избавимся от них, как только сбросим копов с хвоста, да?

– Конечно, – кивнула Джинджер и тщательно вытерла нож о штанину Хартли. – Ясное дело, избавимся. Где-нибудь по дороге мы от них обязательно избавимся. Кстати говоря, – добавила она, обращаясь к водителю, – твой хозяин, похоже, кормит рыб на дне озера. Я его подстрелила. А на тебя... я даже пулю тратить не буду! Ты и так с минуты на минуту захлебнешься собственной кровью. К тому времени, как мы разыщем сопляков Люденмера и вернемся, лучше бы тебе уже помереть – иначе ты ой как пожалеешь!

Закончив свой монолог, Джинджер замахнулась, вонзила нож в левое бедро Хартли и, ухватившись за рукоятку двумя руками, провернула лезвие.

Нилла нагнала Маленького Джека уже в лесу. Отовсюду капала, сочилась и струилась вода. Вдруг раздался душераздирающий вопль; дети замерли и переглянулись.

– Медлить нельзя, – сказала Нилла и подняла лампу кверху, оглядывая непролазную чащу. – Надо отыскать дорогу или хижину, где можно укрыться!

– Ага, – согласился Маленький Джек. – А что будет с мистером Хартли?

– Я думаю, мистера Хартли уже больше нет. Мы ничем не смогли бы ему помочь, даже если бы захотели. Давай, побежали! Хартли рассердился бы, узнав, что нас сцапали.

– Ага, – угрюмо отозвался мальчик, и Нилле показалось, будто перед ней стоит маленькая копия отца: вот только горестный надрыв в голосе ясно давал понять, что говорит Маленький Джек.

– Нельзя терять ни минуты, – объяснила она брату, который и сам все прекрасно понимал. Устроят ли похитители погоню, девочка не знала, но испытывать судьбу не хотелось.

Под монотонно накрапывавшим дождем Нилла и Маленький Джек побрели по лесной чаще, продираясь сквозь заросли, увязая ногами в грязи и вглядываясь в кромешную тьму, царившую за кружком желтого света, падавшего от лампы.

Глава 22

Прекратившийся было дождь зарядил снова. Когда Кертис выбрался на Сомил-роуд и поковылял на запад в сторону Кеннера, он наткнулся на хижину. Юноша постучал в дверь один раз, второй, третий – нет ответа. Затем он крикнул: «Помогите!», ударил еще дважды, но свет так и не зажегся, а дверь не открылась. Решив, что хижина заброшена, он побежал дальше.

На следующую лачугу Кертис набрел метров через сто. Она пряталась поодаль от дороги среди густых зарослей кустарника. Если бы не разбитый автомобиль без колес, стоявший на возвышении, Кертис и вовсе бы ее не заметил. Он перебежал дорогу, пересек заросшую сорняками полянку и забарабанил в обветшалую дверь, выкрикивая: «На помощь! Кто-нибудь! Пожалуйста!»

И опять ничего.

– Пожалуйста! – воскликнул Кертис. – Помогите! – Он замахнулся кулаком и еще раз ударил в дверь.

Вдруг в окне зажегся тусклый свет. Юноше показалось, будто бы за грязным стеклом мелькнуло лицо. Он уже собрался было кричать и стучать в третий раз, как вдруг услышал звук отодвигаемого засова.

Дверь распахнулась, и первое, что Кертис увидел, был двухствольный дробовик, направленный прямо ему в лицо.

– Убирайся к чертям! – заорал чернокожий старик.

Он был лыс, а его костлявое, иссушенное временем тело прикрывали серая пижама и белая борода. Из-за плеча выглядывала седая негрятка, державшая в одной руке тускло светившую масляную лампу. Лицо женщины походило на древнюю карту, нарисованную на потемневшем от времени пергаменте.

– Сэр, пожалуйста! – воскликнул Кертис. – Там человек...

– Я сказал, убирайся! Мне не нужны неприятности! – Тут старик вдруг затрясся, озираясь по сторонам обезумевшими от страха глазами. Ткнув незваного гостя в грудь стволом дробовика, он прикрикнул: – Проваливай! Не то застрелю!

«Если я скажу еще хоть слово, этот перепуганный старикашка точно продырявит меня, – подумал Кертис. – И тогда Люденмер и его дети погибнут».

Делать было нечего, и Кертис попятился с крыльца:

– Успокойтесь, сэр! Я ухожу! Только не стреляйте!

Дверь захлопнулась, прогрохотал засов, а Кертис поспешил вернуться на Сомил-роуд. Он побежал дальше, но через пару минут стал выбиваться из сил. Вскоре на пути ему повстречалась еще одна хижина. Заметив провалившуюся крышу, Кертис решил к ней даже не подходить. На юго-востоке прогремел гром, над Новым Орлеаном вспыхнула молния. Проливной дождь сменился изморосью, от земли начал подниматься туман. И вдруг молодой человек, бежавший из последних сил, осознал, что его тень почему-то скользит по растрескавшемуся асфальту впереди него.

Кертис обернулся и увидел фары стремительно приближающегося автомобиля.

Встав посреди дороги, он изо всех сил замахал руками. Однако водитель останавливаться явно не собирался.

– Эй! Эй! – кричал Кертис, прыгая и отчаянно стараясь привлечь к себе внимание в слепящем свете приближающихся фар. Автомобиль шел на полном ходу прямо на него.

Сообразив, что дело плохо, Кертис отпрыгнул в сторону. Помятый, мокрый от дождя пикап с пассажиром в кузове промчался мимо со скоростью не меньше восьмидесяти километров в час. А потом, метров примерно через триста, единственная уцелевшая фара машины вдруг мигнула. Автомобиль занесло, и на мгновение Кертису показалось, что пикап вот-вот перевернется.

Однако он замер посреди дороги. Двигатель, натужно работавший на холостом ходу, гулко рокотал, разрывая ночную тишину.

Кертис, собиравшийся уже было бежать к автомобилю, застыл: шины взвизгнули, и водитель резко сдал назад. Мчавшийся задом наперед пикап бросало из стороны в сторону и в одно мгновение занесло так, что он чуть не оказался в кювете. В конце концов автомобиль выровнялся, еще раз вильнул и остановился поперек дороги рядом с Кертисом.

Водитель опустил стекло, щелкнул фонариком, и луч света ударил юноше прямо в глаза.

– Ты чё здесь забыл, ниггер? – спросил сидевший за рулем человек.

Яркий свет мешал разглядеть лицо водителя, но голос его звучал молодо, хотя и немного странно. Услышав, как кто-то выпрыгнул из

кузова, Кертис насторожился. Двигаясь нетвердой походкой, к нему вплотную подошел какой-то парень.

– Человеку срочно нужна помощь, – сказал Кертис, – его подстре...

– Я думаю, что это он, – раздался резкий голос с пассажирского сиденья.

– Очень может быть.

– Там человека ранили, – продолжал Кертис. – Его нужно отвезти в больницу...

– Так ты еще и завалил кого-то, ниггер? – заплетающимся языком спросил парень, нависавший над Кертисом.

И тут до него наконец-то дошло: «Да эти белые нажрались, как свиньи!»

– Нет, я тут ни при чем, в него выстре...

– «Нет, сэр!» – вот как ты, черномазый, будешь к нам обращаться! – перебил тот, что стоял рядом.

– Монти, с чего ты взял, что это он? – спросил водитель у пассажира.

– А почему нет? Шарлин сказала, что тот хмырь был тощий.

– Пожалуйста, выслушайте меня! – взмолился Кертис. – Там один мужчина ранен! Ему срочно нужна помощь!

– Шарлин говорила, что прежде этого черномазого не видала. Какой-то тощий ниггер шастает по округе и ищет случая присунуть белой самочке, – пропустив слова Кертиса мимо ушей, вещал Монти с пассажирского сиденья.

– По описанию подходит, – кивнул водитель, взял у Монти глиняный кувшин и глотнул. – Очень подозрительный тип... – прибавил он, и Кертис почувствовал крепкий запах ликера.

– Человека подстрелили! – раздраженно воскликнул Кертис. – Разве вы не понимаете, что это очень серьезно?

– Да нам по барабану на стреляных ниггеров! – сказал стоявший рядом парень. – Правда ведь, Хлыщ?

– Ага, вообще насрать! – ответил водитель, открыл дверцу и выбрался наружу, бережно придерживая кувшин.

Меньше всего Кертису хотелось, чтобы человек по кличке Хлыщ приближался, но тот уже стоял рядом и дышал ему прямо в лицо.

– Что ж, если вы не собираетесь мне помогать, – произнес Кертис, – тогда я пойду искать помощи в другом месте.

– Ха! Пойдет он! Нет, вы только послушайте этого черномазого! – воскликнул Монти, выбираясь из пикапа.

Хлыщ продолжал светить фонариком Кертису прямо в глаза. Разглядеть лицо парня по-прежнему не получалось, но фигура у него было низенькая и коренастая, а в голосе сквозила неприкрытая злоба. Хлыщ поиграл фонариком: то отведет, то направит, то снова отведет, то опять направит... Кертис глянул налево, направо – помощи ждать было неоткуда.

Он кожей чувствовал, что развеселая компания жаждет крови. Контрабандный ликер, взывав в жилах этих людей, превратил их в стаю гиен.

«Еще чуть-чуть, и они накинутся и растерзают меня», – подумал Кертис.

Он развернулся и что было мочи побежал к лесу.

– Фидо, ату, взять его! – заорал Хлыщ, и Монти воинственно заулюлюкал.

Фидо, судя по всему, был самым быстрым среди них. Он кинулся за жертвой, как бешеная собака, сорвавшаяся с цепи. Не успел Кертис пробежать и десяти шагов, как парень вцепился ему в шею. Он опрокинул Кертиса в грязь, а сам прыгнул сверху. От удара о землю, оказавшуюся тверже асфальта, у бедняги вышибло дух. Кертис перекатился на спину, но Фидо был уже тут как тут: прижал ему горло коленом. Раздался хруст, боль фейерверком взорвалась в голове. Одной рукой вминая затылок Кертиса в землю, Фидо второй давил ему на шею и приговаривал:

– От меня не сбежишь!

Здоровяк без труда пресекал все попытки Кертиса вырваться. Через мгновение пленник не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Фидо скрутил Кертиса так ловко и играючи, словно занимался этим всю жизнь. Все это, без сомнения, доставляло хулигану огромное удовольствие: более искреннего смеха Кертису слышать не доводилось. Просмеявшись, Фидо ударил чернокожего юношу в лицо. Кулак Фидо превратил нос Кертиса в кровавое месиво, и бедняга отключился.

Через некоторое время Кертис пришел в чувство и понял, что его куда-то волокут. Он попробовал пошевелить ногами, но тут же

получил удар в грудь и опять чуть не потерял сознание. Кто-то из троицы попытался дать Кертису затрещину и взвыл от боли:

– Мать твою! Да у этого ниггера башка, как наковальня!

– Не ссы, мы этого черномазого быстро подрихтуем! Закидывай его!

– Чё-то он тощий какой-то...

– Видать, мало жрет свиных ног да прочих ниггерских говняшек. Монти! Смотри, чё творишь! С мешком полегче!

Кертиса забросили в кузов. Правая рука упала на грубую ткань мешка. Внутри что-то зашевелилось и тихонько загремело, но звук тут же стих. Кто-то забрался в кузов и перекинул ноги пленника через борт.

«Монти... наверное, ему показалось тесновато в кузове...» Мысли Кертиса путались.

Двигатель зарокотал, выхлопная труба выстрелила, и пикап сорвался с места.

Лицо Кертиса страшно болело. Он чувствовал, как веки распухают. С горлом было что-то не так: он сглотнул, и его тут же захлестнула волна обжигающей боли. Кертис вновь потерял сознание и очнулся как раз вовремя, чтобы услышать боевой вопль Монти, взорвавший тишину туманной ночи. Монти улюлюкал, точно воин варварского племени, ставшего на тропу войны со всеми неграми.

«Убийство ради убийства... – размышлял Кертис. – Наверное, до утра я не доживу... Они забьют меня до смерти или повесят на суку... А что же будет с Люденмером, Ниллой и Маленьким Джеком? – Он попытался приподнять голову, но та оказалась неподъемной. – А что, если попробовать заговорить с Монти? Но можно ли успокоить взбесившееся животное простым человеческим „пожалуйста“?»

Кертис открыл рот, напряг связки, однако горло снова обожгло, как огнем. Вместо слов вырвался едва различимый стон.

«Кажется, после того удара коленкой я уже никогда не заговорю», – почувствовав соленый вкус крови во рту, подумал Кертис.

Сквозь туман, застилавший сознание, юноша слышал веселый смех Хлыща и Фидо. Они ликовали так, будто ехали на самую грандиозную вечеринку в своей жизни. Вдруг взревевший двигатель заглушил голоса, а ветер подхватил и развеял их в ночи.

– Они все еще преследуют нас.

Нилла остановилась и обернулась. Брат был прав: между деревьев, разрезая тьму, мелькали лучи света.

«Мне кажется или они подобрались ближе?» – тревожно подумала девочка.

– Не успокоятся, пока не схватят нас, – сказал Маленький Джек. Эту холодную рассудительность Нилла не раз слышала в голосе их отца.

«Ну до чего чумазый! Весь в грязи! В крови! Глаза запали! Это какой-то маленький дикарь, а не восьмилетний мальчик», – сокрушалась Нилла, разглядывая брата в свете масляной лампы.

– Ты похож на чудище! Ну и умора! – воскликнула она, пытаясь хоть как-то подбодрить малыша.

– Ага, обхохочешься, – ответил Джек и добавил: – А у тебя все волосы в дерьме аллигаторов!

Обменявшись колкостями, оба вдруг поняли, что препираться совсем не время и не место.

– Кстати, аллигаторов в этих краях не водится, – заметила Нилла, прикидывая, что делать дальше. Посветив лампой вокруг, она огляделась, и в груди поднялась волна страха: конца и края не было видно этой непролазной грязи и этим непроходимым зарослям низкого колючего кустарника, карликовых пальм и чахлых сосен. Из-за постоянных ветров, задувавших с черневшего справа озера Пончартрейн, вершины сосен со временем приняли самые невероятные, причудливые и даже зловещие формы.

А похитители между тем приближались.

«Джек прав, – размышляла Нилла, – они не успокоятся, пока не схватят нас. Мистера Хартли, должно быть, уже убили».

– Пойдем, – сказал Маленький Джек. – Может, затушим лампу? Так они нас не найдут.

– Если мы погасим лампу – точно переломаем ноги в этой темноте, и тогда... Даже думать не хочу, что случится тогда, – ответила Нилла.

«Да уж, наткнуться на змеиное гнездо или повстречать дикого кабана, которые, как утверждал отец, обитали в лесах у озера, ничем не лучше, чем попасться в лапы преступников. Может, нам пойти в сторону от озера? Налево? – прикинула девочка. – Налево, если я не ошибаюсь, будет юг или юго-восток. Попробуем двигаться в том

направлении и, возможно, набредем на дорогу. Если она, конечно же, там вообще есть».

Последние десять минут Ниллу тревожили не похитители, преследовавшие их по пятам, а отец и Кертис.

– Пошли уже! – поторопил сестру Маленький Джек.

Она кивнула, но прежде чем двинуться с места, попробовала успокоиться и вызвать своего слышащего:

:Кертис?:

Ничего. Нилла не чувствовала Кертиса. Не было того самого потрескивания, напоминавшего мамины граммофонные пластинки. Она не могла понять, слышит ее Кертис или нет.

«А вдруг они с папой ранены? – ужаснулась про себя девочка. – Или мертвы!» И позвала еще раз:

:Кертис, пожалуйста. Отзовись.:

Но в ответ слышался лишь монотонный стрекот ночных насекомых, потихоньку оживавших после дождя. Кертис молчал.

Нилла оглянулась, и последние сомнения отпали: преступники буквально наступали им на пятки.

«Надеюсь, что передвигаться в ботинках по этой грязище им сложнее, чем нам», – подумала Нилла, разглядывая свои босые ноги.

– Ладно, идем, – сказала она Джеку, и дети двинулись вперед.

– Так, вытаскивайте его!

– Какого черта мы ваще здесь делаем?

– Монти, не нуди, у меня идея на миллион долларов! – сказал Хлыщ. – Давайте-ка, мужики, хватайте ниггера за руки, за ноги – и на землю!

Резкая боль пронзила Кертиса: его вытащили и бросили на гравий подле колес пикапа, точно мешок. В лицо ударил обжигающий луч света. Юноша приоткрыл глаза, но разлепить удалось только правое веко, левый глаз заплыл.

– Ого! Ну и отделал ты его! – воскликнул Хлыщ. – Эй, ниггер! – крикнул он и пнул Кертиса по ребрам. – Признавайся, какого хрена ты тут по ночам шастаешь?

Кертис только едва покачал головой, ни на что другое он просто не был способен: по ощущениям черепушка весила сейчас пару тонн, не меньше. Через пелену боли он услышал зов:

:Кееертииииисссс!...жалуйста!...веть мне!:

– По ходу, черномазый собрался играть в молчанку, – заметил Фидо.

«Ну не дурак ли? – подумал Кертис. – Неужели этот болван даже не понимает, что сам же и лишил меня голоса?»

А Фидо не унимался:

– По-любому, ниггер что-то замышлял! Чё делать-то с ним будем?

– На прошлой неделе мои корешки, Расти Аптон и Тэйтер Бритт из Сент-Чарльза, рихтанули одного черномазого, – с гордостью сказал Монти. – Чё, значит, они сделали. Во-первых, Расти и Тэйтер выбили ниггеру зубы. Во-вторых, раздели его. Ну а в-третьих... Мужики, вы не поверите! Погнали черномазого по лесу! Голым!

– Да ладно! Я же пару дней назад говорил с Тэйтером, и чё-то он мне ни словом не обмолвился о голом ниггере! Врешь ты все!

– Больно надо мне врать! Ты Тэйтера-то порасспроси получше, коли мне не веришь! Он тебе еще не такое расскажет. Да, к твоему сведению, Тэйтер знаком с какими-то парнями из Сент-Таммани – так вот, те недавно знаешь, чё сделали? Вздернули ниггера!

– Да ладно! Чё, в натуре?

– Мамкой клянусь. Ну-ка, дай-ка мне хлебнуть, пока ты все не выжрал!

– Хлыщ, так чё? Этого-то мы рихтанем или как? Я готов прям ща ему зубы пересчитать!

– Он еще спрашивает! Давайте-ка, поднимайте черномазого!

Кертиса подняли на ноги. Луч фонарика снова обжег глаза. Сердце гулко ухало, из разбитого носа ручьем лилась кровь, стекая на губы и подбородок.

– Эй, ниггер! – окликнул его Хлыщ и подошел вплотную. – Ты не подумай, мы так-то нормальные, если чё... Но ты сам напросился: не фиг шляться тут по ночам! Больно уж ты подозрительный: надо бы повыбить из тебя всю дурь. А так-то мы нормальные, сечешь?

– С хера ли это мы нормальные?! – воскликнул Фидо и загоготал, как полоумный.

– Ну-ка, дай-ка мне еще этого пойла, – скомандовал Хлыщ. Кертис услышал, как тот жадно глотнул. – Полегчало! На, держи, – сказал он, возвращая кувшин.

Затем, сжав кулак, Хлыщ изо всех сил ударил пленника в лицо. Из глаз у Кертиса посыпались искры, а ноги подкосились. Если бы не Фидо и Монти, крепко державшие его за руки, Кертис наверняка бы упал. Одним ударом Хлыщ рассек ему нижнюю губу и выбил два нижних резца.

– Ого! Четко сработано! – воскликнул Фидо. – Я сам не втащил бы лучше!

– Погоди-погоди, веселье только начинается! – отозвался Хлыщ, и все разом притихли.

Вдруг Монти задумчиво произнес:

– А ведь мы тоже можем вздернуть ниггера...

Повисла мертвая тишина.

Ноги Кертиса разъезжались. Не соображая, что делает, Кертис вытянул руку и попытался схватить Хлыща за рубашку. Тот ударил его по руке и заорал:

– А ну убрал свои грязные лапы, черномазый!

– Мне кажется, это точно он пялился на Шарлин. Смотри, какой тощий: точь-в-точь, как она и говорила. Да и по возрасту подходит. Шляется тут по ночам... подозрительный тип! Давайте все-таки вздернем его! Только вот где веревку раздобыть?

– У меня есть идея получше. Дай-ка мне глотнуть, – сказал Хлыщ и потянулся к кувшину. Кертис приготовился к очередному удару, но Хлыщ почему-то не ударил. Кертис решил, что радоваться пока рано, и предчувствие не подвело. – Раздевайте его!

Услышав эти слова, бедняга отчаянно задержался, но через пару мгновений осознал, что сил сопротивляться совсем нет.

Кулак Хлыща с сокрушительной мощью обрушился на скулу: голову мотнуло вправо, и свет в глазах померк. Кертис начал заваливаться набок. Через мгновение острые камушки впились в щеку, а затем Кертис потерял сознание. Первое, что он услышал, когда очнулся, было:

– ...А чё это за форма такая?

– Точно не солдатская.

– Может, он из тюрьги сбежал? Или ваще каторжник?

– Да не-е, не ка-аторжник он! – возразил Фидо, на южный манер растягивая слова. – У тех роботы в полоску!

– Ну тогда чё за форма-то, а? – нетерпеливо спросил Монти.

– Да откуда мне знать? – пожал плечами Хлыщ. – Может, он билетер в кинотеатре?

– Ниггер-билетер? Да ты гонишь! Разве есть кинотеатры для черномазых? Слыханное ли дело?! – Никто Монти не ответил, поэтому он продолжал: – И как тогда он, по-вашему, оказался тут в своей форме билетера посреди ночи?

– Да наплевать на форму! Я знаю, как можно переплюнуть тех парней из Сент-Таммани! – сказал Хлыщ и скомандовал: – Снимайте с него трусы и носки!

– Да не буду я трогать его вонючие труселя!

– Тогда свали! Я сам все сделаю! Тащи из тачки мешок!

– Мешок? На кой ляд он тебе?

– Неси, что велено, и лишних вопросов не задавай, усек?

Кертис услышал, как кто-то залез в кузов и поволок оттуда мешок. Что-то оглушительно загремело. Хлыщ сдернул с Кертиса нижнее белье и носки.

«Господи, как так произошло, что я посреди ночи валяюсь голым на земле?!» – в отчаянии подумал юноша.

– Одежду кидайте в кузов! И ботинки тоже! – раздавал приказы Хлыщ. – Монти, давай сюда мешок. Ниггера тащите вон к тому вагону!

Кертиса подхватили под мышки и куда-то поволокли. Правым глазом он увидел, как луч фонарика выхватил из темноты рельсы.

«Все сплошь сорняками заросли, – промелькнула у него мысль, – до станции, видать, не близко».

– Вот сюда, сюда! – приговаривал Хлыщ. – Открывайте дверь!

Взвизгнула проржавевшая дверь вагона.

– Внутрь затаскивайте!

Кертиса подняли и бросили на пол.

– Так-так, вон к той стене!

Пленника поволокли по полу, сколоченному из грубо отесанных досок. Походя кто-то ухитрился ткнуть его кулаком в ребра. Наконец Кертиса швырнули к стене. Хлыщ осветил фонариком, и все трое застыли, любуясь сделанной работой.

– Так, где мешок? – спросил Хлыщ. – Сюда его давайте, а сами дуйте вон из вагона!

– Ты чего это задумал, а?

– Вешать ниггера мы не будем – хлопотно, да и не ново! А вот змей выпустить – другое дело! Они нашего черномазого вмиг уму-разуму научат! Давайте, валите уже! Я вытряхиваю гремучек!

– Хлыщ, да ты спятил! Чё, всех сразу? Двенадцать штук? А как же Гремучее родео? Наверняка среди них есть наша счастливая змейка, которая поможет выиграть главный приз!

– Вот наш главный приз! Да и кто помешает нам вернуться, скажем, через сутки и забрать гремучек, а? Но даже если что-то пойдет не так, я всегда могу наловить новых! А теперь валите уже, сколько раз повторять!

– Ну, Хлыщ! Во голова! Опупенно придумал! – воскликнул Монти и аж хрюкнул от восторга. – За сутки черномазый точно скопытится, мамкой клянусь!

– Ага! – отозвался его дружок. – Вот уж потеха так потеха!

Воцарилась зловещая тишина. Кертис лежал и напряженно вслушивался, что же будет дальше. Хлыщ зашуршал джутовым мешком, и на пол с глухим стуком попадали одна за другой змеи. От треска их погромков, раздававшегося со всех сторон, по спине Кертиса поползли мурашки.

– Пора баиньки, ниггер!

– Смотри, как бы тебя комары не покусали, – сказал Фидо и крякнул, довольный своей шуткой.

Дверь вагона с лязгом захлопнулась. Змеи затихли. Снаружи донесся удаляющийся хохот троицы. Через минуту взревел двигатель, и пикап, разбрасывая в стороны гравий, сорвался с места. А затем все смолкло.

Вдруг Кертис услышал, как где-то в темноте вагона заскользили в поисках укромного местечка змеи.

«Ох, как бы этим укромным местечком не стал мой труп, – подумал юноша. – Мерзкие твари непременно найдут меня, это вопрос времени. Господи, если Фидо не обсчитался, сейчас тут ползает двенадцать гремучих змей! С минуты на минуту хоть одна да наткнется на меня, и тогда я умру в страшных муках от яда, медленно распространяющегося по телу».

:*Нилла*, – позвал Кертис, прекрасно понимая, что ответа не дождется: адская боль мешала ему сосредоточиться.

«Люденмер, должно быть, уже мертв... И что теперь будет с Ниллой и Маленьким Джеком? Отличный из меня получился рыцарь в сияющих доспехах, ничего не скажешь!»

Кертису очень хотелось горько усмехнуться, а затем, может быть, даже всплакнуть, но лицо саднило так сильно, что от этой идеи пришлось отказаться.

«С другой стороны, – размышлял он, – что я могу? Остается только лежать и ждать, когда одна из змей найдет меня, угрожающе затрещит хвостом, а затем вонзит ядовитые клыки».

Глава 23

– Они повернули на юг, – сказал Пэрли. – Видимо, пытаются выйти к дороге.

– Надо отрезать им путь и снова прижать к озеру, – отозвалась Джинджер, сжимая в одной руке фонарик, а в другой револьвер сорок пятого калибра. – Я думаю, что сопляки уже на последнем издыхании: не ели, не спали толком – скоро захнычут и сдадутся нам на милость.

Пэрли согласно покивал. Памятуя о том, как несколько минут назад чуть не оставил в луже липкой грязи правый ботинок, он осторожно продвигался вперед и светил фонарем исключительно на землю. От дождя все развезло: стоило только поднять ногу, как след от подошвы сразу же заполняла вода. Тут и там среди высокой травы и кустов ежевики попадались места с особенно черной грязью. Их Пэрли опасался больше всего: «Черт его знает, а вдруг трясина!»

– Мы должны схватить спиногрызов до рассвета, – сказала Джинджер. Она шла чуть впереди, но, как и Пэрли, ступала очень осмотрительно. – Дотащим до тачки и рванем в Мексику.

– А может, черт с ними? – не удержался от вопроса Пэрли, которого вновь одолели сомнения. – Вряд ли ребятишки отсюда выберутся, – прибавил он.

«Как бы нам самим тут не заблудиться! – подумал Пэрли. – Хотя, пока мы держимся берега, всегда отыщем дорогу обратно», – успокоил он себя и глянул на небо: тучи немного разошлись, и сквозь дымку тускло сияли звезды, но луны видно не было.

– Ну так что? Ты уверена, что стоит за ними гоняться? – не унимался Пэрли.

– Без них ничего не получится. Даже если Люденмер и ниггер сдохли, то вопрос с копами остается открытым. Да они изрешетят нас, как гребаных Бонни и Клайда. А вот если на заднем сиденье у нас будут сопляки, то вряд ли копы осмелятся палить! Или ты не согласен? – спросила женщина подельника.

– Согласен, – отозвался тот.

Однако Пэрли никак не оставляла мысль, что они отклонились от изначального плана похищения и теперь мстят сильным мира за

жизненные невзгоды Джинджер. Судя по всему, покойный неандерталец не соврал. Хотя кто его знает...

Джинджер начала забирать влево, пытаясь отрезать детям путь к дороге.

– Так это правда, – спросил Пэрли, решившись проверить рассказ Донни, – что у тебя когда-то был ребенок?

Она не ответила.

– Твой племянник поведал мне на досуге любопытную историю, якобы... – продолжал Пэрли.

– Донни всегда был треплом, – перебила его Джинджер. – Сначала навесит людям лапши на уши, а потом наслаждается зрелищем.

– Так, значит, у тебя не было детей?

Джинджер снова промолчала. А затем поинтересовалась:

– Когда это вы успели побеседовать с Донни за жизнь, а?

– Пока ты спала.

– По-моему, ты чего-то недоговариваешь!

Пэрли не хотел вспоминать ночной эпизод с ножом, но желание все прояснить не отпускало его.

– Донни рассказал мне... что у тебя случился нервный срыв, когда погиб твой сын...

Джинджер резко развернулась и направила луч света прямо ему в лицо.

– Слушай внимательно, потому что повторять дважды я не собираюсь! – выкрикнула она с такой яростью, что Пэрли всерьез перепугался. – Донни – гребаный лжец, и за свой длинный язык он уже поплатился. Этот жалкий ублюдок давно напрашивался, так что его смерть была лишь делом времени. Из-за его тупости и полнейшей неспособности подчиняться простым приказам мы оказались в полной жопе. Да, ты прав, нам не следовало брать Донни на дело. Но если бы мы поступили по-твоему, то погорели бы уже на том телефонном звонке! Еще вопросы есть?

– Ладно-ладно, – примирительно отозвался Пэрли, хотя внутри у него все сжалось в тугую пружину, готовую выстрелить в любое мгновение. – Ты только фонариком мне в глаза не свети, ладно? Тебе ведь не нужен слепой напарник!

– Хорош трепаться, – сказала Джинджер и опустила фонарик. – Сопляки где-то совсем рядом: шагов двести, не больше. Им, кстати,

гораздо сложнее продираться по этой грязи босиком, так что скоро мы их настигнем. И внимание: ответ на твой вопрос! Да, они нужны нам позарез: без них мы до мексиканской границы просто не доберемся. Надеюсь, я удовлетворила твое любопытство?

– Сойдет, – ответил он и мысленно добавил: «Во всяком случае, пока...»

Пэрли двинулся следом за сообщницей, и тут ему в голову пришла мысль: «А что, если незаметно достать из кобуры пушку, прострелить Джинджер башку, забрать все бабки и свалить в Мексику?» Он начал было развивать эту соблазнительную идею, но его тут же одолели сомнения: «Хотя, черт бы ее побрал, насчет сопляков эта рыжеволосая бестия все же права. Без них валяться нам на асфальте продырявленными, как решето. Подвиги Бонни и Клайда, конечно, достойны восхищения, но вот закончить, как эта знаменитая парочка, мне совсем не улыбается. Ладно, спешить не будем: отправить Джинджер на тот свет всегда успеется. Но доверять ей ни в коем случае нельзя: она ведь в психушке лежала, а это кое о чем говорит! Что там у стервы на уме, одному черту известно! Если Джинджер все-таки надумает ехать в Мексику, то нельзя быть уверенным, что однажды она не всадит мне нож в спину. Заграбастать все двести пятнадцать кусков самой очень заманчиво. Поэтому предательство Джинджер можно считать делом времени. И именно поэтому пуля в затылок сейчас – это чистойшей воды самооборона...»

– Что бы ты там ни замышлял, – не оборачиваясь, сказала вдруг Джинджер, – советую забыть. Дело в том, Пэрли, что думаешь ты очень громко. Ты разве не знал?

– Я думаю, как бы нам не провалиться в трясины! Надо быть осмотрительнее, – внутренне содрогнувшись от подобной проницательности, ответил он.

– Вот именно, милый, надо быть осмотрительнее!

Пэрли тут же стер подкинутую богатым воображением яркую картинку – точно в комиксах про детектива Трейси, – как пуля навывлет пробивает череп Джинджер. Вместо этого он представил, как встретится с сопляками Люденмера: «Намну ублюдкам бока для острастки и весь обратный путь буду волочить их за шкуру по этой мерзкой грязи!»

Кертис напряженно слушал.

Но, увы, ничего не слышал. Трещотки гремучек смолкли. Понять, где они ползают, да и ползают ли вообще, было невозможно. Юноша весь подобрался: колени прижаты к груди, локти к бокам, – настроился было притвориться холодным камнем, если змея вдруг доберется до него, но внутренний голос услужливо рассказал, как все будет на самом деле:

«Только эта тварь коснется тебя, ты обязательно вздрогнешь, а когда угрожающе затрещит змеиный хвост, ты испугаешься, подскочишь как ужаленный и побежишь очертя голову к двери».

«Может, мне даже удастся ее открыть», – ответил Кертис внутреннему голосу.

«Вполне возможно, что и удастся. Да вот только твои икры и ступни к этому спасительному мгновению уже будут искусаны смертоносными клыками. Так что из вагона ты выберешься, точнее выпадешь, на последнем издыхании. А на помощь в этой глуши можешь даже и не рассчитывать. Ты помнишь рельсы, заросшие сорняками? Этот вагон стоит тут очень и очень давно. Скорее всего, твое тело так никогда и не найдут».

Голова Кертиса пульсировала от боли. Дышать ему приходилось через разбитый рот, потому что нос превратился в кровавое месиво.

«Нилла... Маленький Джек... Мистер Люденмер... Я их подвел!» – в отчаянии подумал бедняга.

Время от времени единственный зрячий глаз Кертиса застилал туман. Ему хотелось хотя бы на минутку сомкнуть отяжелевшие веки, но останавливал страх, что разлепить их затем уже не получится.

Вдруг внутренний голос спросил:

«А что бы на твоём месте делали рыцари Круглого стола? Как бы поступили Ланселот, Гавейн, Галахад, Персиваль, Гарет, Ивейн, Тристан и прочие?»

«Рыцари Круглого стола никогда бы не сдались, – ответил было Кертис и тут же засомневался: – Но ведь все эти легенды про короля Артура и его верных рыцарей – выдумка! Благородные поступки в древние времена, может, и совершались, но вряд ли дотягивали до тех, что описаны в книге. И все же... Сэр Ланселот точно не оставил бы двух ни в чем не повинных детей на произвол судьбы. Уж он не стал

бы лежать тут, свернувшись калачиком в ожидании змеиного укуса! Он собрал бы всю волю в кулак и пробился к выходу».

«Или... собрался бы с мыслями и придумал, как можно пробиться к этому самому выходу», – подсказал внутренний голос.

Но как раз в этом и заключалась проблема: голова соображала очень плохо. Связаться с Ниллой не получалось, да и большого смысла Кертис в этом не видел. Нилла ничем ему не поможет по одной простой причине: она сама нуждается в помощи.

«Что же делать? – отчаянно размышлял Кертис. – А предпринять в любом случае что-то необходимо, причем срочно, пока змеи до меня не добрались».

«А что есть в вагоне?» – спросил внутренний голос.

Когда Кертиса волокли по полу, он, к сожалению, не догадался осмотреться по сторонам.

«А ведь тут, вполне возможно, найдется что-нибудь, что поможет мне выбраться! – подхватил мысль Кертис. – Эта троица дуболомов даже не удосужилась проверить вагон! Узнать, есть ли тут что-нибудь полезное, можно только одним способом. Но надо быть очень осторожным: права на ошибку у меня нет».

Первая попытка встать окончилась неудачей: голова закружилась, и Кертиса чуть не вырвало. Спустя несколько мгновений, когда желудок успокоился, юноша предпринял еще одну попытку и медленно, но все-таки поднялся. Колени дрожали и подгибались, однако сдаваться Кертис не собирался. Опираясь левой рукой о стену, он осторожно пошел в левый угол.

Сделав очередной шаг, Кертис услышал, как рядом раздался зловещий треск погремка. К первой змее тут же присоединилась вторая. Он отступил, и все стихло. Беднягу бросило в жар.

«Змеи все чувствуют, – лихорадочно соображал он. – Что, если сейчас эти твари бросятся на меня?»

Кертису ничего не оставалось, как развернуться и пойти вправо, придерживаясь за стену. Делая шаг, он с замиранием сердца вслушивался, не затрещит ли погремком. Но на этот раз ему повезло больше: до правого угла змеи добраться еще не успели.

Вдруг Кертис ударился обо что-то голенью и от неожиданности чуть не вскрикнул. Он и рад бы закричать, да только вот голосовым связкам – спасибо Фидо – пришел конец. Кертис принялся ощупывать

находку и обнаружил несколько сложенных друг на друга мешков с зерном. Потянулся через них, и ладонь наткнулась на покатуую деревянную поверхность.

«На стенку вагона это не похоже. – Обхватив находку руками, Кертис догадался: – Бочка! Метр высотой, не меньше».

По бокам стояли две точно таких же. Юноша попытался сдвинуть бочку, и она легко поддалась.

«Пустая... Так, а эта? Ага, вторая тоже пустая...»

Третья бочка оказалась чем-то нагружена.

«Гвозди, наверное, – подумал юноша. – Ох и тяжеленная! Такую, если покатишь, кого угодно раздавишь!»

Кертис попытался сбросить один из мешков, но тот был неподъемным, и от идеи пришлось отказаться, тем более что силы следовало беречь для той тяжелой бочки. Кертис собирался опрокинуть ее на пол, развернуть перед собой и катить к двери. Он очень надеялся, что ему повезет и по пути ни слева, ни справа змей не окажется. О тех, что попадут под бочку, можно было не беспокоиться: им точно несдобровать. Однако существовала одна серьезная проблема: поскольку в вагоне царила кромешная тьма, непонятно было, где выход.

«Наверняка у дверей, по закону подлости, обнаружится паратройка ядовитых тварей, – подумал Кертис. – Что ж, делать нечего: придется рискнуть, по-другому отсюда не выбраться».

Он вспомнил, что где-то читал, будто гремучая змея опасна даже с отсеченной головой.

«Что, если я раздавлю тело, а голова змеи останется невредимой и ужалит меня?»

«К чему все эти мысли? Либо сиди и покорно жди своей незавидной участи, либо действуй», – вмешался внутренний голос.

Положив ладони на бочку, Кертис напрягся и попытался столкнуть ее: от напряжения мускулы затрещали, соленый пот градом покатился со лба, обжигая заплывшие глаза, но бочка не сдвинулась ни на йоту.

«В чем же дело? – в отчаянии подумал юноша. – На вокзале ведь мне приходилось и не такие тяжести поднимать! Неужели я с бочкой не справлюсь? А вдруг за все это время она выросла в пол?»

Мысленно призвав на помощь своего могучего отца, Кертис упер ногу в стенку и изо всех сил налег плечом. Бочка качнулась и с

оглушительным грохотом упала.

«Как она еще пол не проломилась?!» – изумился молодой человек.

И тут погромки всех двенадцати змей затрещали в унисон, слившись в смертоносную симфонию. Один погромек зазвучал совсем рядом с левой ногой Кертиса, и тот поспешно укрылся за бочкой. С невероятным усилием – Орхидея точно не поверила бы своим глазам – он развернул бочку по направлению к тому месту, где предположительно находилась дверь.

«Вряд ли на двери есть ручка, – скептически подумал Кертис. – Да и откроется она наверняка не сразу. Малейшее промедление может стоить мне жизни. Обидно будет умереть вот так: всего в каком-то шаге от спасения».

Юноша хотел было толкать бочку ногой, но она не поддалась. Попробовал руками – тоже тщетно. Кертис снова упер ноги в пол, наклонился и, попытавшись сдвинуть груз с мертвой точки, чуть не потерял сознание от прилившей к голове крови. Он выпрямился и передохнул. Слабость прошла, оглушительный треск погромков смолк: наверное, змеи ждали удобной минуты, чтобы напасть.

Кертис сжал сломанные зубы, вдохнул через них побольше воздуха, припал к бочке и с силой толкнул.

Тишину тут же взорвало дребезжание погромков. Но звуки раздавались из глубины вагона, и Кертис, не обращая на них внимания, принялся за работу. В следующую секунду жуткий треск раздался прямо перед ним, и юноша, не колеблясь, навалился на бочку: послышался хруст, и погромек стих.

Руки Кертиса покрылись чем-то гадким и липким.

«Кажется, это змеиные кишки», – подумал он, с осторожностью шагая босыми ступнями по скользкому полу. Тело змеи, забившееся в предсмертных судорогах, холодным кольцом обвилось вокруг его правой лодыжки.

Чуть левее Кертис снова услышал грохот и опять налег на бочку: хрустнуло, чавкнуло, и треск прекратился. Рыцарь в сияющих доспехах ступал по скользкому от змеиных внутренностей полу, а чешуйчатые хвосты рептилий в конвульсиях били его по лодыжкам. Весь вагон завибрировал от оглушительного треска.

«Третья! Четвертая...» – Кертис начал было вести счет, как вдруг по левой ноге скользнула змея, и он безмолвно вскрикнул.

Поврежденные связки обожгло огнем, а дыхание перехватило, как если бы на шее затянулась петля, избежать которой этой ночью ему удалось лишь чудом. Отступать было нельзя: дверь находилась всего в нескольких шагах.

«Только не торопись, – предостерег его внутренний голос, – там могут быть змеи!»

Яростное дребезжание погромков достигло крещендо и поглотило все остальные звуки в вагоне. Толкая окровавленную бочку, юноша неумолимо продвигался вперед.

Наконец бочка стукнулась о стенку. Кертис ощупал ее, но дверной ручки не обнаружил. Пока он в отчаянии шарил руками, вокруг левой лодыжки обвилась змея: готовилась ли она вонзить ядовитые клыки или же агонизировала в предсмертных конвульсиях – этого узнать Кертису было не суждено, потому что уже в следующее мгновение он нащупал указательным пальцем металлическую дужку. Просунув под нее левую руку, он для верности схватился и правой: дернул, а затем рванул что есть силы, и дверь, взвизгнув, поддалась. Кертис, не мешкая, взобрался на бочку и выпрыгнул из вагона в ночь.

Стараясь двигаться на юг, брат с сестрой думали оставить озеро позади, но оно, казалось, неотступно следовало за ними. А хуже всего было то, что преступники, разгадав их намерения, двинулись наперерез.

Лес поредел и сменился равниной: тут и там из темноты возникали островки тростниковых зарослей. Кусты, стеной отделявшие озеро, тоже сошли на нет, и теперь свет лампы, которую держала Нилла, отражался от черневшей водной глади.

– Сдавайтесь! – крикнула женщина. Похитители нагоняли: их отделяла всего какая-нибудь сотня шагов, не больше. – Сдавайтесь, пока я еще добрая!

– Не слушай ее, – сказала Нилла, лихорадочно соображая, что же делать дальше. Они стояли перед топью, заросшей водорослями, и не решались шагнуть вперед: неизвестность пугала.

– Я и не слушаю... – понуро отозвался Маленький Джек.

Нилла тешила себя мыслью, что они вот-вот выйдут на дорогу или набредут на какую-нибудь хижину, где им обязательно помогут. Но

пока что, к сожалению, все их блуждания в крошечной тьме, едва подсвеченной тусклым мерцанием звезд, успехом не увенчались.

– Вам некуда идти! – кричала женщина. – Вы, наверное, проголодались, мои маленькие? Сдавайтесь поскорее и мы вас накормим!

– Какая забота! – воскликнула Нилла с горькой усмешкой. – Джек, нам придется туда лезть, – кивнув на топь под ногами, сказала она брату. – Ты готов?

– Готов, – ответил он.

Нилла двинулась вперед, Маленький Джек – следом. Не прошли они и пяти шагов, как девочка по пояс провалилась в воду. Лампу она успела поднять над головой, и огонь не погас.

Маленький Джек вдруг взвизгнул и погрузился по грудь.

– Идем, идем, – торопила его сестра, медленно ступая по липкому илистому дну топи, которая еще недавно казалась им лужайкой.

Джек снова вскрикнул, и на этот раз темные воды сомкнулись над его головой. Нилла не знала, как ему помочь: ее руки были по-прежнему смотаны изолентой, а пожертвовать единственным источником света девочка не решалась. Отплевываясь, Джек вынырнул, но встать на ноги с первого раза не смог: поймать равновесие в воде оказалось задачей не из легких, тем более без помощи рук. На мгновение Нилла испугалась, что младший брат захлебнется прямо у нее на глазах, но он наконец обрел равновесие и скороговоркой произнес:

– Нилла! Я подвернул ногу! Потому что наступил на что-то жутко скользкое, и оно вдруг кинулось прочь! Очень больно!

– Наверное, это была всего лишь черепашка, – отозвалась Нилла, стараясь хоть как-то успокоить брата.

– Наверное... Но нога так болит!

Девочка обернулась посмотреть, насколько близко подобралась похитители.

«Им тоже придется спускаться в эту топь, – подумала она. – Вот только ростом они выше, и ноги у них длиннее!»

– А может, нам сдать? – простонал Джек. – Кажется, я не смогу идти дальше... Может, с ними нам будет лучше, чем здесь, в болоте?

– Нет, – отрезала Нилла, – с ними нам точно лучше не будет!

– Но они же все равно нас схватят! Нам не убежать!

Однако девочка упрямо покачала головой, отказываясь верить в это, хотя в глубине души и подозревала, что братишка прав. В отчаянии она закрыла глаза, собралась с мыслями и позвала своего невидимого друга:

:Кертис? Ты здесь?:

«Наверное, с папой и Кертисом приключилась какая-то беда», – размышляла Нилла без всякой надежды получить ответ.

:Нилла?: – вдруг едва слышно произнес внутренний голос. Сперва она даже решила, что ей почудилось. И спросила: *Кертис, это ты?:*

:Ну конечно, я, – отозвался Кертис, и девочка с облегчением вздохнула. – *Вы где?:*

:Они идут за нами. Похитители преследуют нас по пятам... Донни мертва, мистер Хартли ранен, мы не знаем... – вдруг, не совладав с эмоциями, затараторила Нилла. Затем она перевела дыхание, взяла себя в руки и спокойно продолжила: – *Нас преследуют мужчина и женщина. Мы идем по болоту, что вокруг озера. А ты где?:*

:Рядом. Возникли некоторые трудности., – ответил Кертис.

:Я едва слышу тебя. Что с папой?:

Кертис вдруг замолчал. Слева раздался громкий всплеск, и Нилла открыла глаза, чтобы увидеть все то же болото.

«Нет, нет! – мысленно взмолилась она. – Только не сейчас! Пожалуйста, я не хочу, чтобы связь с Кертисом оборвалась!»

:Мой папочка, – спросила Нилла. – *Неужели он умер?:*

:Его ранили... Он жив... Я ушел за подмогой, но... возникли трудности, – не сразу отозвался невидимый собеседник.

Нилле захотелось расплакаться, но она заставила себя быть сильной.

:Ты где?:

:На земле... возле старого вагона...: – ответил Кертис, однако внутренний голос Ниллы проговорил его сообщение так быстро и сбивчиво, что девочка ничего не поняла.

:Они и тебя подстрелили?:

:...найду тебя... обязательно... Мне надо...:

:Кертис, я не понимаю...:

:...подняться. Мне надо как-то встать.:

:Они преследуют нас, пытаются отрезать нам путь к отступлению, – сказала Нилла.

:Не сдавайся. Слышишь меня?:

:Да-да!: – воскликнула Нилла, обрадовавшись, что снова слышит своего друга. Хотя связь и была очень плохой, она чувствовала непоколебимую решимость Кертиса найти их.

:Я найду тебя... найду. Не сдавайся...: – произнес Кертис, и связь прервалась.

:Кертис, мы не сдадимся!: – воскликнула Нилла, но юноша уже не слышал ее.

«Кажется, он серьезно ранен... – подумала девочка. – Бедный папа! Нет, унывать сейчас ни в коем случае нельзя! И Джеку про папу лучше не знать. Надо двигаться вперед и не сдаваться, несмотря ни на что!»

Они набрали на поросший травой пригорок. Выбравшись из воды, Нилла увидела, как сильно хромот младший брат. Помочь ему она, к сожалению, ничем не могла. Шагов через двадцать пригорок пошел под уклон, и Нилла с Маленьким Джеком оказались в зарослях тростника. А еще через несколько шагов оба снова провалились в воду: девочка по пояс, а мальчик по грудь.

– Вам некуда бежать, мои хорошие! Ну же, одумайтесь! – вещал мистер Парр медовым голосом. – Из-за Донни не переживайте, мы совсем не злимся! Он сам попросился! Не стоило ему вас тревожить! Нилла, деточка, неужели ты действительно думаешь, что мы сердимся?

Отвечать Нилла не собиралась. Она и без того дышала через раз. Тем более девочка прекрасно понимала, чего добивается мистер Парр.

– Маленький Джек! – сменил пластинку этот предатель, который ловко прикидывался другом их отца. – Ты, наверное, устал и проголодался?

Малыш не то вздохнул, не то издал стон, но промолчал, продолжая брести через топь.

– Ужасно устал, бедняжка! – соловьем заливался мистер Парр. – Смертельно устал и страшно оголодал!

– Не слушай его, – сказала Нилла.

– Я и не слушаю. Мне вода в уши попала.

Нилла расцеловала бы братишку за эти слова, если бы только могла.

Так они и шли друг за другом через болото. В кружке света от масляной лампы носились насекомые, а впереди, насколько хватало

глаз, простиралась бескрайняя топь.

«А ведь этот предатель прав, – подумала Нилла, – мы и впрямь смертельно устали и проголодались. Но мы не сдадимся, пусть даже и не мечтают! Если понадобится, будем идти всю ночь. Вот только Маленький Джек... Кажется, ему все труднее. Я своего братика ни за что в жизни не брошу! Кертис сказал, что выручит нас, но, похоже, ему самому нужна помощь: его ранили, а может, даже подстрелили. – К глазам Ниллы опять подступили слезы, но она в очередной раз нашла в себе силы справиться с этой минутной слабостью. – Что с нами будет, если я распущу нюни? – задалась вопросом отважная девочка и тут же сама себе ответила: – Да ничего хорошего, вот что. Я теперь единственная защитница Маленького Джека! Еще три дня назад я играла в куклы, устраивала чаепития понарошку и видела прекрасные сны в своей уютной кроватке, а теперь, как сказал бы папа, я стала чертовски жесткой! И кажется, в самое ближайшее время мне придется стать еще жестче, потому что папа с Кертисом вне игры. Теперь мы с Джеком можем рассчитывать только на себя».

Глава 24

«Наверное, я проглотил их, – подумал Кертис, вспоминая, как ему выбили зубы. – Горло болит так, будто мои собственные зубы укусили меня изнутри!»

Нос у Кертиса не дышал. Правый глаз едва открывался, а левый заплыл и вообще ничего не видел. Ребра ныли, все суставы на руках горели огнем, а колени были исцарапаны в кровь о щебенку.

«А еще я не могу говорить, – в отчаянии подумал бедняга. – Спасибо, что хоть ноги слушаются!»

Голый Кертис еле-еле шел вдоль Сомил-роуд: его шатало из стороны в сторону, и он только чудом не падал. Молодой человек направлялся в Кеннер. По его расчетам, городок должен был вот-вот появиться на горизонте. Кертис миновал заправку и кладбище.

«Вот бы прилечь!» – подумал он, с завистью взирая на могилы.

Кертис шел и постоянно оглядывался, готовый, если кто-нибудь вдруг поедет по дороге, в любое мгновение спрятаться в придорожных кустах.

«Хорошо бы встретить полицейскую машину. Хотя... что я им скажу? Да ничего! Потому что я и говорить-то теперь не могу! – Он попытался произнести что-нибудь, но у него получился лишь слабый квакающий звук. – Голый негр, разгуливающий посреди ночи по шоссе и квакающий, словно полудохлая жаба, – представляю, что обо мне подумают копы!»

Похоже, что тот удар коленом оказался роковым: с тех пор рот непрерывно наполнялся кровью, и Кертису приходилось ее сплевывать. Дело, судя по всему, было плохо.

«Спасибо, что хоть не вздернули! К врачу все-таки нужно – и чем скорее, тем лучше! Но сначала Нилла и Джек: они в большей опасности. Хотя как, черт возьми, я им помогу? Да это вообще чудо, что после всего пережитого я до сих пор могу переговариваться с Ниллой. Но толку от нашей способности оказалось не так уж и много: ведь я до сих пор не знаю, где именно дети находятся. „На болоте у озера“, – сказала она. Но озеро большое, да и болото наверняка не маленькое», – размышлял Кертис, прижимая локти к бокам. При

каждом шаге сломанные ребра норовили проткнуть его внутренности, точно шпаги.

Пытаясь наметить хоть какой-нибудь план дальнейших действий, Кертис припомнил разговор с Ниллой. Она сказала, что их увезли куда-то за город, в хижину у озера. Он рассудил, что если с этой стороны Кеннера болота не было, то оно, по всей видимости, находится с другой его стороны, и двигаться нужно именно туда. Но насколько большим был город, молодой человек понятия не имел.

Когда Кертис споткнулся о труп опоссума и в очередной раз наступил на пивную пробку, он решил, что в Кеннере первым делом займется поиском одежды и обуви. Вид раздавленного животного даже приободрил его.

«Ого! Мне еще повезло! По крайней мере, я живой! – подумал он. – Что ж, пока мне благоволит удача, надо попробовать спасти Ниллу и Маленького Джека».

Мысли Кертиса вернулись в прежнее русло: как спасти детей? Живи он в фантастическом мире короля Артура, все было бы гораздо проще. Но Кертис, к его величайшему сожалению, родился в совершенно другом мире, и с этим волей-неволей приходилось считаться.

Наконец юноша добрался до Кеннера. К счастью, городок оказался маленьким и состоял всего из двух кварталов. На улочках было тихо, пусто и сонно. Какая-то дворняга вдруг залаяла, но Кертис даже не вздрогнул. Он подошел к ближайшему зданию и прислонился к стене.

«Всего на пару минут, чтобы успокоить ноющие ноги. Всего лишь на пару минуточек, чтобы избавиться от этой мути, застилающей глаза...» Он начал было сползать вниз по стене, чтобы присесть и передохнуть, как вдруг услышал внутренний голос: «Сейчас не время для отдыха!»

«Но что мне делать? Что я могу в таком состоянии? – возразил Кертис, и взгляд его упал на вывеску „Необходимые вещи от миссис Иви“. – Необходимые вещи? А одежда и обувь, интересно, там есть?»

Кертис оттолкнулся от стены и подошел к магазинчику. Теперь лаяли уже две собаки, но ни одна из них приблизиться не решалась. Он взгляделся в витрину, но в магазинчике было темно. Внутри виднелись манекен, облаченный в комбинезон и соломенную шляпу, три пары женской обуви и наручные часы.

«Миссис Иви вряд ли одобрит мой поступок, но выбора у меня нет», – подумал Кертис и осмотрелся вокруг в поисках чего-нибудь тяжелого. За магазинчиком шла стройка, и он сразу заметил груженную кирпичом телегу, ничем не прикрытую от дождя.

Молодой человек взял парочку кирпичей, вернулся к магазинчику и без раздумий бросил один в витрину. Стекло со звоном разлетелось. Лай на мгновение прекратился, но когда Кертис запустил в остатки витрины второй кирпич, собаки залаяли пуще прежнего. Убрав торчавшие стекла из рамы, Кертис прополз мимо упавшего манекена, покосившейся обувной полки и оказался в магазине.

Забравшись внутрь, он вытащил из босых ступней осколки, перевел дух – чуть не потеряв при этом сознание – и отправился осматривать лавку миссис Иви, оставляя на сером линолеуме кровавые следы.

Попривыкнув к сумраку, Кертис огляделся и обнаружил, что «Необходимые вещи от миссис Иви» – комиссионный магазинчик, куда сдают всякий хлам и обноски: либо свои, либо недавно почивших родственников. Здесь продавались старые расшатанные стулья, столы и другая старая мебель, была даже газонокосилка. Полки ломились от тарелок, стаканов, кастрюль и сковородок разных форм и размеров. Тут же высились груды полотенец, постельного белья, а чуть дальше...

«Ага! Отлично! Вон оно!» – мысленно воскликнул Кертис, увидев стопку джинсов и еще какого-то тряпья.

Он перебрал стопку, но все джинсы оказались велики. «Да сюда влезет три Кертиса Мэйхью!» – подумал он. Следующими на очереди были две пары брюк цвета хаки. Юноша внимательно осмотрел их: те, что были с залатанными коленками, показались ему подходящими. Он примерил их: узковаты, верхняя пуговица не застегивается, а штанины не доходят даже до щиколотки.

«Ну, это мелочи жизни, – решил Кертис, – самое главное, что теперь я не голый!»

Дальше он набрел на полки с мужской и женской обувью. Более или менее подходящей оказалась пара поношенных коричневых ботинок. Кертис расшнуровал их, но даже так они жали.

«Что ж, я не в том положении, чтобы воротить нос, – рассудил молодой человек. – Так, ну а теперь надо раздобыть что-нибудь, чтобы прикрыть верхнюю половину тела».

Кертис направился было к стойке с цветастыми рубашками на вешалках, однако тут взгляд его упал на три простые белые футболки, перехваченные резинкой. Поморщившись от боли, он надел футболку. Она развевалась вокруг его тощего тела, точно флаг, но юноша остался доволен.

В сумраке магазинчика внимание Кертиса привлекла красного цвета детская тележка, явно выдавшая лучшие времена. Рядом с ней, на колченогом столе, возвышался внушительных размеров кукольный домик.

«Кто-то, наверное, потратил целую уйму времени, чтобы возвести эту конструкцию... О! Велик! Правда, девчачий! – Заметив небольшой белый велосипед, Кертис ринулся осматривать находку. – Так, шины в порядке, цепь тоже... Даже корзинка есть!» – думал он, разглядывая украшенную голубыми и красными цветами плетеную корзинку, прикрепленную к рулю.

«Лай прекратился, – прислушавшись, отметил Кертис, – судя по всему, собаки утомились и убежали. Самое время и мне тоже убираться».

Он подкатил велосипед к выбитой витрине и уже собирался лезть обратно на улицу, как вдруг заметил на стене питьевой фонтанчик с написанной от руки табличкой: «Только для белых». Кертис подошел к фонтанчику и подставил лицо под струйку воды. Как следует умывшись и вволю напившись, он наконец выбрался с велосипедом на улицу.

Оказавшись на тротуаре, Кертис задумался, стоит ли искать помощи у жителей Кеннера.

«Не хотелось бы, чтобы меня избили или застрелили. По хорошему, мне нужно в полицию, но как объясняться с копами? Я не могу говорить! Писать ручкой на бумаге? Но сколько времени это займет?»

Он с минуту поразмышлял и отказался от этой идеи. Кертис решил проверять все проселочные дороги к озеру Пончартрейн, пока не наткнется на автомобиль Люденмера, который, как он подумал, сразу отличит от прочих по роскошной отделке.

«Не ахти какая зацепка, но надо же хоть с чего-то начинать поиски детей!» – рассудил он и залез на велосипед.

Несмотря на то что колени доставали Кертису аж до подбородка, передвигаться на велосипеде было значительно быстрее, чем идти пешком. Он сплюнул кровь и покатил на запад.

«Весь в Железноголового Джо», – вспомнились ему слова матери.

«Да. И горжусь этим», – подумал он.

Длинные ноги Кертиса крутили педали без усталости. Белый боевой скакун нес черного рыцаря навстречу славному подвигу.

Нилла и Маленький Джек наконец выбрались на грязный илистый берег. Слева раскинулось заросшее кустарником поле с маленькими рощицами карликовых пальм и кривых сосенок. Справа чернела ровная гладь озера. Нилла оглянулась: огни фонарей неумолимо приближались. В голову девочке пришла мысль взять еще южнее и попробовать пересечь поле в поисках дороги.

– Сюда, – скомандовала она Маленькому Джеку, хромавшему с каждой минутой все сильнее.

«Как бы я хотела ему помочь!» – с сожалением глянув на замотанные изолентой руки, подумала Нилла.

Углубившись в заросли кустарника, дети обнаружили, что земля под ногами оказалась испещренной рывинами и ямами. Грянул выстрел. Пуля прожужжала совсем рядом. Нилла и Маленький Джек застыли.

– Даже не думай удрать, сладкая моя! – крикнула женщина Нилле. – Ни с места! Стой, где стоишь!

– Бежать сможешь? – спросила Нилла брата.

– Попробую, – ответил мальчик.

– Побежим по пляжу, – сказала Нилла. – Так тебе будет проще. Лампу я выкину, чтобы они не смогли нас выследить. Все понял?

– Ага!

– Приготовиться, – скомандовала Нилла. – Побежали!

С этими словами она отбросила лампу влево, и они, разбрызгивая во все стороны грязь, помчались вперед. Прихрамывая и подпрыгивая, Маленький Джек изо всех сил старался не отставать.

– Проклятье! – процедила Джинджер, когда увидела взметнувшуюся в ночное небо лампу, исчезнувшую в следующее мгновение где-то в кустах. Ствол сорок пятого калибра все еще дымился. – Черт! Я думала, сработает! Ну, по крайней мере, не

придется гоняться за ними по полю. Не отставай! – скомандовала она Пэрли и бросилась к пляжу.

– А тебе не кажется, что стрелять по заложникам глупо? – спросил Пэрли, пробираясь следом по болоту.

– Я знаю, что делаю. В поле они больше не сунутся, а бежать по пляжу, да еще в темноте, сил этим соплякам ненадолго хватит – мигом выдохнутся. Попомни мои слова, Пэрли, скоро мы их сцапаем!

– По-моему, ты говорила это еще полчаса назад.

– Может, и говорила, – отозвалась Джинджер и глянула на россыпь тускло мерцавших в небе звезд. – У нас как минимум три часа до рассвета. Скоро мы нагоним сопляков, а еще через час будем на пути в Мексику.

– Если только не потеряем их след в темноте, – заметил Пэрли. – А это запросто может случиться!

– Не выдумывай, милый! Детишки-то городские! – сказала Джинджер, выбираясь из болота. – Без света они с берега ни ногой! Поверь мне, скоро ребятки сдадутся нам на милость. Я уже вижу, как они сидят и хнычут.

Пэрли, сильно сомневавшийся в ее словах, спорить не стал. Он шел и предвкушал, как затолкает соплякам в глотки комья грязи, а затем выбьет из них всю дурь, любуясь перекошенными от ужаса лицами.

«Черт подери, – думал Пэрли, – сколько же времени мы угробили понапрасну! Давно бы уже ехали в Мексику! Но все же она права, – в очередной раз согласился он с Джинджер. – Без этих малявок через полицейские блокпосты не прорваться. Попытаться, конечно, можно, но, скорее всего, копы мокрого места от нас не оставят. Тем более путь от Нового Орлеана до Браунсвилла неблизкий: коли упустим спиногрызов, то все копы Луизианы, Миссисипи, Арканзаса и Техаса ополчатся против нас. А если Люденмер со своим ниггером не сдохли и добрались до полицейского участка, то схватить ублюдков – дело первостепенной важности. Иначе нас ждет печальная участь Бонни и Клайда», – размышлял Пэрли, слушая, как чавкает грязь под ногами.

Прочесывая берег в поисках беглецов, похитители неустанно работали фонарями. В каких-то ста шагах от них Нилла была вынуждена остановиться: Маленький Джек не поспевал за сестрой.

– Извини, я не могу больше бежать. Нога ужасно болит!

– Ничего, – ответила Нилла. – Мы сейчас... – сказала она и запнулась.

Впереди темнела преграда. Они подошли ближе и увидели заваленное на бок разбитое суденышко с черной дырой в борту. Дети обошли его, пробрались через заросли и обнаружили еще одну лодку, вернее утопавшую в грязи носовую часть – кормы видно не было. А дальше на фоне звездного неба вырисовывался черный силуэт, походивший на руины средневекового замка. Нилла и Маленький Джек так старательно смотрели под ноги, что чуть не налетели на вывеску, прибитую к двум столбам. Часть ее была оторвана, и сохранилось только одно слово, выведенное черной краской на белом фоне: «ПРИСТАНЬ...».

Деревянная лестница с поломанными ступеньками вела наверх, к разрушенному бурями зданию пристани, построенному на десятиметровых сваях.

Нилла оглянулась и увидела, что огни уже мелькают рядом с первым суденышком.

«Обойти пристань мы не успеем, – подумала девочка. – Надо найти укромное местечко и спрятаться!»

– Джек! Давай забирайся! – скомандовала она, пропуская брата к лестнице.

Малыш, прихрамывая, начал подниматься. Лестница под ним ходила ходуном, проржавевшие гвозди мучительно повизгивали, а одна из прогнивших ступенек вдруг подломилась.

«Похоже на веранду, – подумала Нилла, когда они добрались до самого верха. – Вернее, на то, что от нее осталось».

Крышу веранды сорвало ветрами, а деревянный пол, разбухший от дождя, кренился к лестнице. Тут же чернел дверной проем.

«Куда он ведет? – размышляла девочка. – Надо бы проверить, но вдруг там нет пола? Один необдуманный шаг, и мы будем лежать в гряде сломанных досок, разбитых стекол и ржавых гвоздей».

Почти без всякой надежды Нилла попробовала вызвать Кертиса.

:Кертис! Мы на разрушенной пристани! Ты меня слышишь?:

Через несколько мучительных мгновений Кертис вдруг отозвался:

:Слышу.:

:Мы попытаемся...: – Тут она осеклась, потому что внизу замелькал свет.

:*Что попытайтесь?*: – переспросил Кертис, но ответа не получил.

Нилла вышла с ним на связь как раз в то мгновение, когда он проверял вторую по счету дорогу, ведущую от Кеннера к озеру. В конце первой дороги юноша обнаружил лишь пару заброшенных хижин да причал. Вторая привела к причалу, хижине и старому автомобилю.

«Это явно не машина Люденмера, – с сожалением подумал Кертис и вдруг увидел, как в окне хижины мелькнул свет. – Там кто-то есть!»

В следующее мгновение задняя дверь отворилась. Темный силуэт медленно двинулся в сторону причала: в одной руке человек нес фонарик, а вот что у него было во второй, Кертис не разобрал.

«Наверное, рыбак, собравшийся порыбачить после дождя, – сообразил юноша и задумался. – Стоит ли попытаться? Ладно, попытка не пытка!» – на мгновение забыв про Хлыща и компанию, решил он.

Кертис крутанул педали и поехал было к причалу, но звякнувшая цепь выдала его. Человек резко обернулся и направил луч фонарика на Кертиса.

– Кто здесь? – раздался испуганный женский голос.

Кертис спешился, положил велосипед на землю, поднял руки над головой и, шурясь от яркого света, двинулся к незнакомке.

– Ни с места! – приказала она. – Не подходи!

Кертис остановился, опустил руки и попытался заговорить, но у него вырвался лишь хриплый стон.

– Господи Иисусе! – воскликнула женщина. – Что с твоим лицом, сынок?

Кертис положил руку на горло и помотал головой.

– Что такое? Ты не можешь говорить?

Он кивнул.

– Тебе нужно к врачу! А может, даже в больницу! – лучше присмотревшись, воскликнула незнакомка и осторожно приблизилась. – Боже милостивый, как тебя еще ноги держат? – остановившись в нескольких шагах и опустив фонарик, прибавила она.

Кертис оглядел ее здоровым глазом: худощавая, но жилистая негритянка, разменявшая шестой десяток, в комбинезоне и блузе табачного цвета с красным в шашечку платком на шее. На голове поношенное коричневое кепи с вышитым алым логотипом: пегас и

надпись «Бензоколонка „Магнолия“». Кертис насторожился: женщина была вооружена – в левой руке она держала длинную, метра полтора, острогу, а на поясе из ножен торчала костяная ручка ножа.

Кертис показал на нож.

– Хочешь, чтобы я тебе его дала?

Юноша кивнул.

– Ты с ума сошел? Или пьян?

Кертис помотал головой и постучал пальцами правой руки по левому запястью: «Нет времени объяснять».

– Если ты думаешь, что я дам тебе свой нож, то точно спятил.

Кертис показал подушечку большого пальца и чиркнул по ней указательным пальцем другой руки.

– Что? Ты собрался отрезать себе палец?

Кертис снова помотал головой и чиркнул по пальцу еще раз.

– Нет, ты явно ненормальный! – воскликнула женщина.

Кертис плюнул на левую ладонь: кровавая слюна была достаточно яркой. Он оттянул край белой футболки, обмакнул кончик указательного пальца в слюну и написал «ПОМОГИТЕ».

Наконец до женщины дошло.

– Ты, парень, хоть, видать, и натерпелся этой ночью, но я сразу предупреждаю... Заруби себе на носу: если попробуешь зарезать меня моим же ножом, я тут же проткну тебя вот этой острой. – С этими словами негрityнка открыла ножны и ручкой вперед протянула ему нож.

Кертис, не колеблясь, взял его, сжал зубы и надрезал подушечку пальца. По сравнению с тем, что он пережил той ночью, этот надрез был все равно что комариный укус. Он вернул нож, обмакнул указательный палец в наворачивающуюся каплю крови и написал на футболке: «Пристань?»

– Ищешь пристань? – переспросила женщина.

Кертис кивнул, ткнул окровавленным пальцем в написанное слово и показал на запад.

– Тебе нужна пристань «Кабанья голова»?

Он энергично закивал, рассудив, что наверняка это и есть то самое место, где Нилла и Маленький Джек укрылись от похитителей.

– Так ведь позапрошлым летом был шторм, и от нее ничего не осталось...

Кертис ткнул себя пальцем в грудь, потом показал на женщину, затем на моторную лодку и снова на запад.

– Тебе точно надо на пристань? Но что ты там забыл?

Кертис выжал из пальца еще каплю крови и дважды подчеркнул «ПОМОГИТЕ». Немного подумав, он подчеркнул это слово в третий раз. А затем написал «ПОЛИЦИЯ», оттопырил мизинец и поднес кулак к уху.

– Позвонить в полицию?

Облегченно выдохнув, Кертис кивнул.

– У меня нет телефона. Ближайший полицейский участок в Мэтери. Во что ты ввязался, сынок? – спросила женщина и тут же поняла, что ответить он не сможет. – Боже... – тихо произнесла она и глянула на моторку, а затем снова на Кертиса. – Это срочно?

– Срчн! – хрипло каркнул Кертис.

– Есть короткий путь через болото. Займет минут десять-пятнадцать. Боже мой! Боюсь даже представить, во что ты вляпался! Это просто какое-то сумасшествие! Даже не знаю, что и думать... – сказала она и решительно прибавила: – Я помогу тебе. Надеюсь, мне это потом зачтется. Но учти: если ты чего дурное задумал, то мое доброе имя – я Фэй Рип, кстати, – ни в полиции, ни в дурдоме не поминай!

– Умники вперед красавиц, – сказала Джинджер и присела. – Поднимайся, я сейчас. Камушек попал в ботинок.

Пэрли пошел вверх по лестнице, в очередной раз живо представляя, как заставит ублюдков Люденмера жрать грязь за все невзгоды, что ему пришлось пережить. Разбухшие после ливня деревянные ступеньки влажно чавкали под ногами.

«Ну, ничего! Скоро, уже совсем скоро я буду валяться на белом песочке Мексиканского залива и всю эту грязь забуду как страшный сон. А в вилле на холме будут томиться у меня под кроватью сто семь тысяч – и еще пятьсот сверху, как вишенка на торте, – новеньких хрустящих баксов! – мечтал Пэрли, преодолевая ступеньку за ступенькой. – Ну или сколько там останется после покупки роскошной виллы. Короче говоря, обеспечен буду до конца своих дней и никогда больше в жизни не услышу: „Мама, не давай денег этому...“»

Все произошло в мгновение ока.

Когда Пэрли перешагивал через зияющую чернотой дыру в лестнице, верхняя ступенька, на которую он поставил ногу, вдруг растаяла в воздухе. Пытаясь сохранить равновесие, Пэрли выронил фонарь и схватился было за перила, но в тот же миг нижняя ступенька, служившая опорой, сломалась, точно гнилой зуб, и он сорвался вниз.

Пэрли рухнул на груды обломков из переломанных досок, битых стекол и обрубков деревьев, копившихся там, вероятно, со дня постройки пристани «Кабанья голова». Испуганно оглядевшись, он обнаружил себя под лестницей, а в следующее мгновение сверху с грохотом посыпались, как оползень, доски пола веранды. Вдруг адская боль обожгла правое колено. Стиснув от неожиданности зубы, Пэрли прокусил язык.

– Боже мой, Пэрли! – услышал он голос Джинджер. – Ты не поверишь! Только я подумала, что лестница может не выдержать...

Фонарь, упавший рядом с ним, по-прежнему горел и слепил глаза. Попытавшись сесть, Пэрли оперся ладонью о груды мусора и вскрикнул: ржавый гвоздь проткнул ладонь между большим и указательным пальцем. Тем временем Джинджер наклонилась и подняла фонарь.

– Вот дерьмо! – взвыл Пэрли, сплевывая кровь. – Гребаная коленка! Твою мать, как же больно!

– Бедняжка! – воскликнула его сообщница.

– Кажется, придется выползть отсюда на руках. Чертовски болит!

– Не спеши, – отозвалась Джинджер, – полежи минутку-другую, передохни.

– Ага, – сказал Пэрли. – Все равно деваться им некуда: сопляки у нас на крючке!

– Точно! На крючке! – поддакнула Джинджер. – Лучше и не скажешь.

«Чему она радуется? – насторожился Пэрли. – Черт возьми, до чего же хладнокровная особа! – И тут ему вспомнилась та ночь в лесу под Стоунфилдом и поразительное равнодушие, с каким Джинджер планировала убийство доктора Ханиката.

– Помоги мне подняться, – попросил Пэрли. – Ну! Дай же руку! – С этими словами он пополз, но тут же вынужден был остановиться: боль снова прострелила ногу.

Ощупав колено, Пэрли обнаружил, что из него торчит острая десятисантиметровая деревяшка, вонзившаяся, точно нож. Он поднес руку к глазам и удивленно взглянул на окровавленные пальцы, блестящие в свете фонаря, который Джинджер услужливо направила на него, поинтересовавшись:

– Ну что, Пэрли, плохи твои дела?

– Все нормально, вот только сейчас поднимусь. Да помоги мне уже!

– Что-то мне подсказывает, милый, что до тачки тебе не добраться.

– Черта с два! Запросто дойду! – чуть не плача, воскликнул Пэрли и пристыженно замолчал.

– Ну, раз ты чувствуешь в себе силы вернуться обратно, то и встать, наверное, сможешь самостоятельно?

Он попытался вылезти из груды обломков, с яростью толкнувшись ногами, но колено пронзила такая острая боль, что его прошиб холодный пот.

«Кажется, коленка не только пробита, но еще и сломана», – в отчаянии подумал Пэрли.

– Твою же мать! Дерьмо! – воскликнул он дрожащим не то от злости, не от страха голосом. – Ладно, прекращай трепаться! Помоги мне!

– Помочь? Хм-м, – отозвалась Джинджер и сделала вид, будто задумалась. – Что за странная просьба? Пэрли, ты ведь хорошо знаешь меня.

– В смысле?

– Джинджер никогда и ни при каких обстоятельствах не помогает никому, кроме самой себя.

– Что ты мелешь?

– Пэрли, сам ты до тачки не доберешься. Если ты думаешь, что я потащу тебя на своем горбу, то глубоко заблуждаешься. А кто будет присматривать за парнишкой? Он же сбежит.

– За парнишкой? Ты серьезно?

– Ага, – ответила Джинджер. – Девчонка мне не нужна. С ней я разберусь, как только окажусь наверху. Кстати, спасибо, что проверил лестницу! Буду искать другой способ забраться к ним.

– Ты спятила! – воскликнул Пэрли и тут же пожалел о сказанном. – Без твоей помощи мне не выбраться! Ты не можешь меня бросить!

– Еще как могу, – хладнокровно отозвалась его поделница.

– Слушай, Джинджер, – произнес Пэрли дрожащим голосом. – Пожалуйста, помоги мне. Мы же с тобой вместе преодолели столько трудностей. Я выполнял то, о чем ты просила. Следил, чтобы все было тип-топ, и дела действительно шли как по маслу. Без меня ты не осмелилась бы похитить сопляков Люденмера! И ты прекрасно это знаешь! Вот что, я сейчас выползу отсюда, поднимусь, мы схватим мальчишку: сделаем все, как ты хочешь, и рванем в Мексику. Ты меня слышишь? – твердил Пэрли, барахтаясь в грудe обломков.

Левая нога была в порядке, и Пэрли активно отталкивался ею, но вот правая казалась совсем безжизненной. Он почувствовал, как обжигающие слезы навернулись на глаза. Пэрли с ужасом осознал, что Джинджер только и ждет, чтобы он сдался: едва лишь почувствует слабость, как тут же пристрелит его, словно раненое животное... Убьет, как доктора Ханиката, про которого однажды сказала: «Его песенка спета».

«А сейчас настал и мой черед, – подумал Пэрли. – Теперь и моя песенка спета».

– Рванем в Мексику, Джинджер! – скулил он. – У нас столько бабок, сколько нам в жизни не потратить! Мы же собирались уехать в Мексику! Подальше от всего этого дерьма!

– Твоя Мексика здесь, – тихо сказала Джинджер и спустила курок.

Последнее, что Пэрли увидел в своей внезапно закончившейся жизни, были оранжевые языки пламени, вырывавшиеся из дула револьвера сорок пятого калибра, а вместо привычного запаха пороха он вдруг почувствовал сладковатый душок гниющих персиков. Пуля вошла ему в лоб, вдребезги разнесла череп и в следующий миг вылетела из затылка.

Женщина, которую Пэрли знал под именем Джинджер де ля Франс, отбросила револьвер в сторону – застрелив поделника, она истратила последнюю пулю – и забралась под лестницу. Пока руки преступницы механически открывали клапан кобуры и извлекали «смит и vesson», ее лицо оставалось неподвижной маской фарфоровой куклы. Затем она выбралась, выпрямилась и обследовала предательскую лестницу: посередине ее зияла огромная дыра. Решив искать другой путь вверх, женщина двинулась налево, взбираясь все выше и выше по обломкам, жестяным листам и поваленным деревьям. Она карабкалась до тех пор,

пока не оказалась на возвышенности, располагавшейся вровень с верандой пристани. Посветив вокруг, Джинджер осмотрелась и обнаружила, что возвышенность эта – не что иное, как заброшенная автостоянка пристани «Кабанья голова». Большая часть крыши съехала вниз и нависла над верандой, закрывая левый вход в здание. Под крышей виднелись прямоугольные оконца с выбитыми стеклами. Женщина сначала с интересом взглянула на них, но потом, рассудив, что даже для детей они узковаты, тратить времени не стала. Луч фонаря выхватил из темноты рекламный плакат кока-колы, каким-то чудом переживший все бури. Рядом был установлен термометр в виде извивающегося на крючке марлина, который, похоже, был популярной мишенью среди местных любителей пострелять. В теле рыбы чернело не меньше десятка пулевых отверстий.

Перебравшись на веранду, Джинджер аккуратно сдвинула лист жестяной крыши: за ним и в самом деле оказался еще один вход. Посветив фонарем внутрь, она обнаружила комнату с дырой в потолке. Постоянные ливни сделали свое дело: деревянные стены и пол выгнулись от влажности и покрылись черной плесенью. Порыскав лучом фонаря по углам, она никого не обнаружила, но уверенность в том, что ребяташки прячутся где-то в здании, ни на секунду ее не покидала. Женщине казалось, будто она явственно чувствует в воздухе запах детского страха, почему-то наводивший ее на мысли о прогорклом вине.

Джинджер подняла фонарь повыше, и янтарные глаза вспыхнули язычками адского пламени. Готовая в любое мгновение вскинуть револьвер от бедра, она вошла в комнату, осторожно ступая по влажным доскам, прогибавшимся под ногами.

– Ребятки, – сказала Джинджер, растягивая губы в улыбке, – мамочка дома!

Глава 25

– Нилла, – прошептал Маленький Джек, – у меня по шее что-то ползает!

Нилла шикнула на брата: что бы там ни ползало у него по шее, это было точно безобиднее того существа, которое только что вошло в соседнюю комнату со словами «Мамочка дома».

Дети спрятались в уборной.

«До чего малюсенькая! – подумала Нилла. – Я и не знала, что бывают туалеты размером с кладовку!»

Заметив похитителей у подножия лестницы, брат с сестрой скользнули в дверь и оказались в комнате с провалившимся полом. Чтобы не сорваться в огромную дыру, щетинившуюся зазубренными обломками досок, им пришлось осторожно ступать вдоль стен. Дети двигались по краю дыры до тех пор, пока не нашарили перекошенную дверь в уборную. Там они и решили спрятаться. Помещение оказалось заполнено застоявшейся дождевой водой, в которой отражались проломленный потолок и кусок звездного неба.

Чтобы затворить перекошенную дверь, пришлось хорошенько навалиться на нее плечом.

«Мистер Хартли наверняка по достоинству оценил бы мой удар», – похвалила себя Нилла, задвигая щеколду.

Маленькому Джеку она наказала сидеть под раковиной, а сама, устроившись спиной к унитазу, уперлась полусогнутыми ногами в дверь.

Прогредел выстрел. Что он означал, оставалось только догадываться. Но в том, что выстрел не избавил их от преследовательницы, сомневаться не приходилось.

Нилле казалось, что ее сердце бьется слишком гулко: стоит женщине прислушаться, как она сразу найдет и схватит их.

:Я уже близко, – внезапно подал голос Кертис. – Миссис Рип говорит, что мы в пяти минутах от пристани.:

:Кто?:

:Миссис Рип. Она собиралась охотиться на черепах, но я запросился к ней в моторку. Через пять минут мы будем у пристани, – на всякий случай повторил он.

:Женщина уже здесь. Мистера Парра не слышно. Мы спрячемся в уборной. Кертис, будь осторожен, они вооружены.:

:Ясно. Ждите, я скоро. Никуда не уходите.:

:Кертис, ты слышал меня? Они вооружены.:

:Я понял, – отозвался Кертис.

Луч света, мелькнувший под дверью, отвлек Ниллу, и связь с Кертисом оборвалась. Рыжеволосая женщина уже рыскала рядом.

Маленький Джек затаил дыхание, как будто это могло им чем-то помочь.

Луч света вновь появился и исчез.

– Где же спрячутся эти мышки? – ворковала женщина. – Может... здесь? – Она положила ладонь на дверь.

Дверь тихонько скрипнула. У Ниллы задрожали ноги. Луч мелькнул опять. Женщина посветила в щель между дверью и полом.

– Так-так, тут написано «Уборная», – произнесла она. – Нилла, дорогуша, скажи-ка мне, уж не туда ли ты убрала нашего милого мальчика?

В отражавшемся от воды свете фонаря ручка медленно повернулась: сначала влево, затем вправо и вновь влево. Дверь скрипнула громче. Нилла почувствовала, как женщина толкнула дверь плечом.

– Ишь какие! – воскликнула она. – Заперлись! Все равно вы ничего этим не добьетесь, а только понапрасну разозлите меня! А когда меня злят, я могу и забыть, что я леди! Надеюсь, вы меня слышали? Нилла, дорогуша, ты все поняла?

Маленький Джек вдруг заерзал, потянулся почесать шею и стукнулся головой о раковину.

«Бум-м-м», – донесся глухой звук из трубы.

– Наверное, мне показалось, и никаких детей тут нет, а только призраки, – сказала Джинджер.

Раздался скрежет ногтей по дереву.

«Господи, она же пальцы себе занозит! – подумала Нилла. – Хотя этой сумасшедшей, кажется, вообще все равно... Ее только одно волнует: как бы нас сцапать!»

Наступила оглушительная тишина.

В следующую секунду похитительница бросилась на дверь с такой дикой яростью, что перепугавшиеся дети непроизвольно вскрикнули.

Маленький Джек еще глубже забился под раковину, а Нилла сильнее уперлась ногами в дверь, выгибавшуюся и трещавшую под натиском противницы.

От второго удара колени девочки подогнулись.

«Сейчас она наверняка сломает щеколду, и тогда нам конец!» – стиснув зубы, подумала Нилла.

Но рокового удара не последовало.

– Твою мать! – пробормотала женщина.

Минутой позже Нилла и Маленький Джек услышали приближающийся звук моторной лодки.

Фэй Рип сбавила скорость и заглушила мотор. Лодка, покачиваясь на воде, застыла невдалеке от берега.

– Ближе подойти не получится, – сказала женщина Кертису, сидевшему на носу. – Тут раньше был причал, и под водой остались сваи: они запросто могут пробить днище лодки. Самое время вылезать, если ты, конечно, еще не передумал.

В свете фонарика, лежавшего на скамейке, она увидела, как юноша помотал головой.

– ...лицию, – каркнул он.

– Я вызову, – ответила его спутница. – Но не раньше, чем доберусь до Мэтери. Ты и в самом деле собрался туда?

Кертис кивнул.

– Черт, – отозвалась миссис Рип. – Наверное, и вправду стряслось что-то чрезвычайно серьезное. – Она глянула на темный силуэт заброшенной пристани «Кабанья голова», и ей показалось, будто там промелькнул луч света. – Это тебе точно не помешает, – сказала женщина и протянула фонарик.

«Они вооружены, – взяв у нее фонарик, вспомнил Кертис предостережение Ниллы. – А я сроду оружия в руках не держал и в жизни бы не подумал, что придется... Но сейчас, похоже, без этого никак не обойтись. Хотя, с другой стороны, что я могу против револьверов...»

Кертис положил руку на острогу, которой Фэй отгоняла аллигаторов от ловушек на черепах, и вопросительно посмотрел на женщину.

– Да-да, конечно, – ответила миссис Рип, – бери. Она твоя.

С фонариком в одной руке и острогой в другой Кертис спрыгнул за борт лодки в темные воды озера Пончартрейн.

– Смотри под ноги, сынок, – напутствовала его Фэй Рип.

Дождавшись, пока парень отойдет от лодки, она завела мотор и поехала в обратном направлении.

Кертис же побрел к пристани «Кабанья голова», с трудом переступая по илистому дну и без конца натываясь на камни и сваи. Добравшись до берега, он окинул взглядом заброшенную пристань и сказал:

:Нилла, я на месте.:

В ответ – тишина.

Освещая себе путь фонариком, Кертис дошел до лестницы, ведущей к остаткам веранды, и обнаружил, что подняться наверх невозможно. Заглянув под лестницу, юноша замер: в гряде обломков лежал труп мужчины, чьи распахнутые остекленевшие глаза и кровавая дыра во лбу, обезобразившая красивое, почти ангельское лицо, неотрывно смотрели в звездное небо.

«Значит, осталась только женщина, – подумал Кертис и попытался припомнить имя преступницы, но не смог. – Как бы там ее ни звали, пощады она не ведает. – Внезапно он засомневался: – А вдруг у меня не получится? Шансов-то почти нет: спасти кого-то с копьем наперевес – удел рыцарей из приключенческих романов, а идти с острогой на револьвер – чистейшей воды самоубийство. Даже если бы у меня и был пистолет, то вряд ли я смог бы выстрелить в человека. Тем не менее Ниллу и Маленького Джека надо спасать... Кто, если не я?»

Этой ночью Кертису предстояло столкнуться лицом к лицу со злом, к встрече с которым он, вероятно, готов еще не был. Но, вспомнив присказку матери, любившей твердить, что он весь в отца, молодой человек несколько приободрился.

«Я спасу их, или я не сын Железноголового Джо», – подумал Кертис.

Он решительно направил луч света на веранду и... увидел наставленное прямо на него дуло револьвера.

– Давай! – закричала Нилла и одновременно с Маленьким Джеком накинулась на женщину с револьвером.

Прогремел выстрел: пуля просвистела у Кертиса над головой.

Оставив фонарь под дверью, преступница хотела было обмануть детей, чтобы они не сбежали, но провести Ниллу не удалось. Девочка, к тому времени уже получившая послание от Кертиса, решила, что похитители обязательно захотят разобраться с незваными гостями, и скомандовала брату вылезать из-под раковины.

Нилла вцепилась злоумышленнице в спину, Маленький Джек боднул ее под колени, и все трое кубарем полетели вниз, а через секунду оказались на илистой отмели озера, чуть не налетев на Кертиса. Тот, сдавленно вскрикнув, отскочил в сторону. Фонарик выхватил из темноты клубок яростно барахтавшихся в грязи и пытавшихся расцепиться человеческих тел. Женщина, имя которой Кертис отчаянно пытался припомнить, вдруг высвободилась, схватила Ниллу за волосы и приставила к ее голове револьвер.

– Вэста! – внезапно выпалил Кертис, и боль обожгла горло. – Нет!

Сорвавшийся голос прозвучал, точно пронзительный вой банши на кладбище.

Вэста резко повернула к Кертису голову: рот на перемазанном грязью лице безмолвно открывался и закрывался. Женщину передернуло, как от удара током. Казалось, что настоящее имя, произнесенное незнакомцем вслух, поразило рыжеволосую преступницу прямо в сердце и разбередило старые раны, как будто истина была ее самым заклятым врагом.

В следующий миг лицо женщины перекосило от ненависти и злобы. У Кертиса аж душа ушла в пятки, и ему захотелось бежать прочь без оглядки. Но недаром в жилах его текла кровь Железноголового Джо: он решил, что надо стоять до конца – любой ценой.

Вэста навела на юношу револьвер и пальнула ему в грудь. Кертис покачнулся. Женщина решительно двинулась на него и выстрелила еще раз. Пуля попала в левый бок. Ладони разжались: фонарик с острой упали на землю, а следом повалился и сам Кертис. Женщина встала над ним, взвела курок и прицелилась в голову.

Сжав мертвой хваткой первый попавшийся под руку обломок доски, Нилла замахнулась и с душераздирающим воплем ударила похитительницу сзади. Три ржавых гвоздя с чавкающим звуком вошли в шею Вэсты, она же Джинджер де ля Франс. Испугавшись, девочка

отпустила обломок, но он так и остался висеть. Раздался булькающий звук. Женщина медленно повернулась к Нилле: в янтарных глазах по-прежнему плясали язычки адского пламени, а изо рта на подбородок сочилась кровь.

Револьвер, точно кобра, взвился вверх, и раздался выстрел... но пуля ушла в ил, а «смит и vesson» выпал из дрогнувшей руки.

Нилла и Маленький Джек во все глаза смотрели на наконечник остроги, похожий на кровавый стальной цветок, распустившийся вдруг из груди преступницы.

Женщина с множеством имен медленно, будто сопротивляясь земному притяжению и самой смерти, повалилась на колени и встала на четвереньки. Кровь ручьем хлынула у нее изо рта.

Кертис, потративший последние силы на бросок остроги, упал на землю и теперь безуспешно пытался подползти к Нилле и Маленькому Джеку.

Женщина задрожала. Судорожно мотая головой из стороны в сторону, попыталась отыскать глазами своего убийцу. Наконец, увидев Кертиса, она вперила в него взгляд янтарных глаз и прошептала:

– Ты кто такой? – И вдруг рявкнула: – Да кто же ты такой? Кто, мать твою, ты такой? Кто-о-о?! – Ее локти подогнулись, и, с широко открытым окровавленным ртом и выпученными глазами, она повалилась лицом вниз и похоронила все свои секреты в иле и грязи озера Пончартрейн.

«На этом древке остроги не хватает только развевающегося победного флага», – подумал Кертис и завалился набок.

Маленький Джек, изнывая от страшной боли в лодыжке, обессиленно сел, да так и остался сидеть, не веря, что все кончилось.

– Кертис! – подбежав к своему другу, воскликнула Нилла. Увидев его разбитое, все в кровавых подтеках лицо, она заплакала. – Кертис! Милый мой Кертис! – склонив к нему голову, повторяла Нилла, и голос ее тонул в шуме волн, набегавших на берег озера.

:Да, именно так меня и зовут. – Девочка едва расслышала слова Кертиса, несмотря на то что сейчас они были лицом к лицу. – Вот уже двадцать с лишним лет, – попытался пошутить он.

– Поговори со мной, – взмолилась Нилла, – пожалуйста!

:Я и так говорю с тобой. По-другому у меня говорить больше не получается.:

– Мы выберемся отсюда... и приведем подмогу... Кто-нибудь да поможет нам...

Кертис напрягся и произнес:

– Едет... – А затем продолжил уже мысленно, потому что вслух говорить было очень больно:

:Полиция уже едет. Миссис Рип... отправилась вызывать полицию.:

– Нилла, – тихо позвал сестру Джек. – Мне кажется или под лестницей и в самом деле кто-то лежит?

:Его застрелили, – пояснил Кертис.

«Наверное, это мистер Парр, – подумала Нилла. – Так вот что означал тот выстрел. Женщина убила его, прежде чем подняться к нам...»

Вдруг Вэста вздрогнула, издала вопль и, задыхаясь, резко села, выплевывая набившуюся грязь.

Кертис, Нилла и Маленький Джек с ужасом воззрились на нее. Вэста с трудом поднялась на ноги; затем, потеряв равновесие, рухнула, но со второй попытки все-таки встала. Женщина побрела к озеру, не обращая никакого внимания ни на острогу в груди, ни на обломок, торчавший из шеи.

«Точно пассажирка, идущая к поезду, который скоро отправится в неизвестном направлении», – подумал Кертис, глядя на Вэсту сквозь застилавшую глаза красноватую дымку.

Женщина погружалась в озеро все глубже и глубже: вот скрылись колени, бедра, талия, – и вдруг она остановилась. Охваченная водами Пончартрейна, Вэста откинулась на спину, изящно взмахнула рукой, точно презирая это звездное небо и этот мир, и отдалась на волю стихии. Платье ее то раздувалось, то опадало на волнах, а тело покачивалось, как обломок потерпевшего крушение корабля под названием «Жизнь».

«Все кончено. Какой бы там дьявол ни владел ее душой, теперь он ушел», – заключил Кертис.

– Она умерла? – спросил Маленький Джек, до глубины души пораженный увиденным. – Утонула, да?

:Она вам больше не навредит.:

– Джек, полиция уже рядом, все хорошо, не переживай, – сказала Нилла.

– Ага... Так она умерла или нет? – не унимался мальчик.

И Кертис, и Нилла, сколько ни пытались, разглядеть тело Вэсты в озере так и не смогли. Отходить от Кертиса и проверять, утонула ли Вэста, девочке совершенно не хотелось. А вдруг злодейка выскочит из воды и утащит ее на дно озера?

– Ну конечно, умерла. А теперь, Джек, помолчи, прошу тебя, – сказала Нилла.

– Ну и черт с ней! Туда ей и дорога! – отозвался братишка, опять напомнив Нилле отца.

– А наш папа... – начала девочка, – ну... он...

:Был жив, когда я пошел за подмогой. А сейчас... не знаю.:

«По крайней мере, есть надежда», – подумала Нилла, с болью в сердце глядя на избитого и изувеченного Кертиса.

Девочка боялась, что бедняга умрет прямо у нее на руках.

«Он совершил такой долгий путь, чтобы спасти нас, – сокрушалась Нилла, – сделал так много, а я, кроме как обнимать и слушать его, ни на что больше не способна!»

– Мне кажется, полиция будет с минуты на минуту! – попыталась подбодрить она Кертиса. – Помощь уже близко!

:Да, – подтвердил юноша. – Миссис Рип... Она не подведет.:

– Потерпи, мы отвезем тебя в больницу, – сказала Нилла. – Кертис, милый Кертис! Что бы с нами случилось, если бы не ты!

:Страшно представить... – ответил ее друг. – Но к счастью, все позади. Совсем скоро вы будете дома.:

Нилла замолчала. Кертис поднял глаза к небу.

«Почти не больно, – подумал он. – Забавно, что меня бьет озноб, когда кругом такая духота. Интересно, еще ночь или уже утро? Сколько сейчас времени? Не важно. Самое главное, когда взойдет солнце, этот кошмар для Ниллы и Маленького Джека наконец-то закончится! – Смерти Кертис не боялся. – К приезду полиции я буду уже мертв. А если даже и нет, то умру по пути: все больницы отсюда очень далеко, – размышлял он. – Нет, мне не выкарабкаться».

Кертис знал, что совсем скоро отправится в мир иной, и его поезд в неизвестность прибудет без опозданий. Руки и ноги немели, сознание туманилось, он испытывал странное чувство, словно бы врастает в землю.

«Каждый поступок имеет свою цену, – рассуждал Кертис. – А хорошие поступки, вроде спасения невинных детей, стоят очень дорого. За подобное не грех и собственной жизнью заплатить. В конце концов, что такое наши жизни?»

– Держись, Кертис, – глотая слезы, приговаривала Нилла, – держись, пожалуйста.

:Я пытаюсь, – ответил он. – Но мои руки и ноги... они немеют.:

– Что? – переспросила Нилла. – Я едва слышу тебя!

А Кертис лежал и гадал, как бы повели себя на его месте рыцари Круглого стола: «Сэр Ланселот... Галахад... Тристан... Персиваль... и все остальные? Поступили бы они точно так же или нет?»

Юноша надеялся, что если загробная жизнь существует, то кто-нибудь из благородных рыцарей будет встречать его при входе в это загадочное царство теней. Может, тень рыцаря – или тени, если Кертиса придут приветствовать все рыцари сразу, – встанет у него за спиной и скажет то, что ему больше всего хотелось бы услышать: «Добро пожаловать. Ты заслужил быть среди нас».

– Спасибо тебе, – поблагодарила Кертиса его прекрасная дама. – Спасибо за все, что ты для нас сделал!

Когда вдали послышался вой сирен, Кертис был еще жив: он лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал. Звуки доносились со стороны автостоянки пристани «Кабанья голова».

– Кертис, полиция уже здесь, – сказала Нилла ему на ухо, поглаживая по щеке. – Держись! Я побегу навстречу и приведу их сюда. Прошу тебя... не умирай. Ты меня слышишь?

Кертис ей ответил, и она удивилась, как отчетливо прозвучали слова, совсем как в былые времена:

:Я тебя слышу.:

Нилла встала, помогла брату подняться, и вместе они взобрались на автомобильную стоянку. Маленький Джек так сильно хромал, что едва мог ступить на больную ногу: падение с веранды не прошло бесследно. Но боль отошла на задний план, когда он увидел пульсирующий красный свет мигалок полицейских автомобилей.

– Ого! Целых две полицейские машины! – воскликнул мальчик.

Его сестра обернулась к озеру как раз вовремя, чтобы заметить кое-что необычное.

Позже Нилла уже не была так уверена в том, что видела той ночью. Она никому и никогда об этом не рассказывала. То ли виноваты были ослепительные огни мигалок, то ли сказались усталость и богатое воображение, но, так или иначе, когда девочка оглянулась, в ночном небе вспыхнула ярко-оранжевая искра. Словно огненная птичка, она взметнулась над водной гладью и в мгновение ока исчезла в звездной вышине.

Часть пятая. Умеющий слушать да услышит

Глава 26

Дьявол и в самом деле может овладеть душой как мужчины, так и женщины. Ему и впрямь могут сослужить службу и жесткая пружина в сиденье машины, и мошка в глазу, и удар полицейской дубинки по прутьям тюремной камеры. Дьявол действительно способен оказаться за рулем машины с жесткой пружинной в сиденье и гнать как сумасшедший, причиняя бесчисленные страдания всему живому, до тех пор пока не сбросит ее с утеса на острые скалы.

– А затем, – сказал овдовевший проповедник методистской церкви, женившийся на Орхидее Мэйхью осенью 1938 года, – Дьявол умоет руки. Он ни за что на свете не будет чинить машину! За его безрассудство отдуваться придется Богу: перебирать двигатель, менять фары, ветровое стекло, колеса – словом, делать все возможное и невозможное, чтобы автомобиль прослужил потом еще долгие годы.

Но почему Бог вообще позволил Дьяволу сесть за руль той машины, с которой все началось? – спросил священник прихожан своей церкви в Вилл-Плат. – Бесспорно, всем интересно: почему? Этот вопрос мучает многих из нас, но ответ простой: на все воля Божья. Лично я верю в следующее: как бы ни барахлил двигатель вашего автомобиля, как бы ни была разбита ваша жизнь и какой бы ужасной она вам ни казалась, Создатель обязательно все подлатает, потому что Господь – первоклассный механик. Но поможет Бог только в том случае, если вы поверите в Него. В противном же случае за рулем вашей старой машины непременно окажется Дьявол и разобьет ее вдребезги.

В октябре 1934 года миссис Мэйхью переехала жить к родителям на ферму, расположенную в нескольких километрах от городка Вилл-Плат. Две тысячи долларов, подаренные Люденмером, Орхидея отдала отцу. Часть из них он потратил на трактор, о котором мечтал уже очень давно. Вновь устроившись в комнате, где прошло ее детство, Орхидея какое-то время безвылазно сидела дома и хандрила. Она упорно твердила, что у нее все в прошлом, пока отец с матерью не заставили дочь посетить ежегодный церковный пикник, в шутку пригрозив, что в противном случае сдадут ее в комиссионный магазин. Волей-неволей

Орхидее все-таки пришлось пойти на мероприятие, и с того самого дня ее жизнь изменилась к лучшему.

Вскоре Орхидея Мэйхью вышла замуж за проповедника Микайю – для нее просто Майки – и поселилась в доме напротив церкви. Как подметили многие прихожанки, она с отменным вкусом обставила свое жилище. Когда новые подружки приходили в гости, они всегда интересовались прекрасным стаканом, красовавшимся в нише на темно-синей вельветовой тряпочке.

– Это уотерфордский хрусталь, – с гордостью говорила хозяйка, любовно оглядывая стакан. – Я им не пользуюсь, только смотрю на это чудо. Другого такого нет во всем мире!

Дамы непременно с ней соглашались, поскольку стакан был и вправду замечательный: притягивая взгляды, он играл и переливался на свету всеми гранями, точно бриллиант.

Уэнделл Крэйбл потратил часть из двух тысяч долларов, полученных от мистера Люденмера, на хороший радиоприемник. Днем старик работал на вокзале, а по ночам слушал, что происходит в мире. Уволился мистер Крэйбл в 1937 году, когда ему стукнуло семьдесят два. Через его руки прошел не один десяток молодых людей: некоторым, самым исполнительным, он покровительствовал, а лентяев гнал в шею. Меньше всего Старый Крэйб хотел бардака в своем «доме». В день увольнения он даже удостоился памятной таблички – за исключительные заслуги перед центральным железнодорожным вокзалом «Юнион-стэйшн». Вечно опаздывающие пассажиры сновали мимо этой таблички вплоть до 1954 года, когда вокзал Нового Орлеана переехал в новое здание, расположенное через дорогу.

Старый Крэйб умер в марте 1941 года. Похоронили его рядом с женой и дочерью на старейшем кладбище Сент-Луиса, куда доносились благовония, аромат гамбо и шаманские ритмы с площади Конго.

Клэй Хартли, отлежавшись в больнице, полностью восстановился, получил новый стеклянный глаз и вернулся к своим обязанностям шофера у Люденмеров. Он возил их детей вплоть до 1942 года, когда Нилле исполнилось восемнадцать, а Маленькому Джеку – теперь его звали Эл Джей – шестнадцать. Нилле шофер был уже не нужен: она всю пользовалась услугами кавалеров, а иногда и водила сама. Эл Джей тем временем прилагал все усилия, чтобы тоже поскорее

оказаться за рулем автомобиля. Хартли – дети Люденмеров продолжали называть его «мистер Хартли» – решил, что пора двигаться дальше. Он собирался вдоль и поперек исколесить Канаду и заехать на Аляску. Джек Люденмер без лишних слов выдал ему чек на десять тысяч долларов и ключи от новенького универсала «крайслер таун энд кантри» с кузовом, отделанным деревянными панелями.

Предполагалось, что Эл Джей Люденмер продолжит дело отца, но, как это обычно и бывает, у него оказались другие планы. На предпоследнем курсе учебы в университете Луизианы юноша вместе с друзьями подвизался играть в театральной пьесе с провокационным названием «Переспи и всю правду расскажи». Пьеса оказалась вполне безобидной, а вот актриса, исполнявшая главную роль, Софи Хэйдон, обольстила Эл Джея. Он бросил университет и переехал с ней в Голливуд. Родителям Эл Джея пришлось несладко: отец, когда узнал, чуть не лопнул от злости, а мать схватилась за свое успокоительное. Со временем наследник магната понял, что делать карьеру в Голливуде ничуть не проще, чем развивать семейный бизнес, но просить денег у отца было уже поздно: Джек Люденмер-старший отрезал ему все пути к отступлению.

Эл Джей устроился в компанию по связям с общественностью, в логистическое подразделение, и уже через четыре года обосновался в собственном кабинете с видом на город. Он зарекомендовал себя как жесткий руководитель, не дававший спуска ни себе, ни подчиненным. На любую проблему у него всегда имелось готовое решение, и в компании «СБМВ Ассошиэйтс» даже появилась присказка: «Спроси Эл Джея». Когда Бэттлз, один из основателей компании, ушел на пенсию, нового руководителя на его место выбирали недолго: компания получила название «СЛМВ Ассошиэйтс». В 1959 году Эл Джей женился на Эми Ви Вэллант из семьи, владевшей нефтяной компанией в Техасе. С Эми он познакомился в Далласе, на благотворительном вечере, посвященном сбору средств на лечение детей. У них родились двое мальчиков и одна девочка. Вскоре после этого Эл Джей решил, что самое время помириться с отцом. Всей семьей они отправились в Новый Орлеан, чтобы повидать родовое гнездо. Другой причиной поездки был гольф: Джек Люденмер-старший, разменяв восьмой десяток, все еще слыл отменным игроком, а Эл Джею очень уж хотелось отнять у отца пальму первенства.

Маленькую девочку из Техаса события июльской ночи 1934 года не сломили, а скорее закалили. Джоди с большим рвением взялась за учебу, закончила с отличием школу и выиграла стипендию Бэйлорского университета; кроме того, она с ранних лет развивала организаторские способности, пригодившиеся ей в дальнейшей жизни. В 1955 году тридцатидвухлетняя миссис Джоди Фуллертон (урожденная Эдсон) – учительница математики в средней школе имени Роя Миллера в городке Корпус-Кристи – получила награду от Американского общества против жестокого обращения с животными и была приглашена на церемонию вручения в Нью-Йорк.

Долгие годы Нилле казалось, что Кертис пытается заговорить с ней. Она по-прежнему слышала те самые щелкающие звуки старых пластинок, означавшие, что лампы ментальных радиоприемников еще светятся и между ними есть связь.

Иногда от этого потрескивания Нилла даже просыпалась среди ночи. Она пыталась вызвать своего друга:

:Кертис, ты тут? Кертис, это я, Нилла. Я слушаю тебя!:

Но, увы, все попытки оказывались тщетными.

Нилла никогда не интересовалась у отца, нашли ли тело Вэсты. Для себя она решила, что нашли: этого ей было достаточно. Ну а если даже вдруг и нет, рассудила она, значит, труп рыжеволосой преступницы съели аллигаторы.

Когда Нилле исполнилось тринадцать лет, с ней заговорила десятилетняя девочка по имени Дениз Бишоп. Их семья переехала из Мемфиса в Галфпорт, штат Миссисипи, где отец Дениз работал на буксирном судне. Новая подруга рассказывала Нилле, как в Мемфисе она общалась с каким-то юношей из городка Маунтин-Хоум, что в штате Арканзас, пока тот не ушел служить в армию. Этот юноша, в свою очередь, говорил Дениз, что постоянно поддерживал связь с неким библиотекарем, жившим в городке Спрингдейл. Из всего этого Нилла сделала вывод, что слышащих на свете немало. Только вот про свои способности многие предпочитают помалкивать, опасаясь быть непонятыми обществом.

Нилла рассказала Дениз, что ее родители были вынуждены поверить в способность дочери передавать мысли на расстоянии и о том, какое облегчение это принесло ей самой. Они с Дениз планировали даже встретиться, но звезды так и не сошлись. Девочки

переговаривались около двух лет, и лампы их телепатических радиоприемников горели ярко, но затем у Ниллы возникли трудности: ее батарейки начали садиться – связь ослабевала и постоянно прерывалась. В надежде перезарядиться Нилла пыталась отдохнуть, но, несмотря на периоды стабильной связи, сигнал пропадал все чаще и чаще.

В пятнадцать лет Нилла в последний раз поговорила с Дениз, а затем лампы ее ментального радиоприемника окончательно потухли.

В то время все мысли девочки уже занимали школа и сложные учебники по медицине, усвоить которые она мечтала любой ценой. Та кошмарная ночь на озере Пончартрейн, когда у нее на руках умирал Кертис, а она ничем не могла ему помочь, отпечаталась в памяти до конца дней. Нилла работала над собой как заведенная. Для начала она окончила несколько курсов Красного Креста и в числе прочего научилась оказывать пострадавшим неотложную помощь.

Затем, в двадцать четыре года, она поступила в Тулейнский университет Луизианы на медицинский факультет и спустя восемь лет получила диплом врача. Через три с небольшим года Нилла Тереза Люденмер вышла замуж за врача, участвовавшего в высадке десанта союзников в Нормандии, и стала миссис Роберт Хобарт. А в больнице ее теперь называли доктор Хобарт.

В мае 1962 года супруги открыли бесплатную больницу в Тримее на Эспланейд-авеню: неподалеку от Марэ-стрит, где раньше находилась парикмахерская Принса Парди, и в двух кварталах от почивших ночных клубов «Изысканный акр», «Десять баксов» и «Дан Дидит».

Несмотря на то что администрация города переименовала площадь Конго в площадь Борегара – в честь Пьера Борегара, генерала армии Конфедерации, – все жители Тримея продолжали называть ее на старый лад. Новый Орлеан рос и менялся, и многие заведения района прогнили, проржавели и рассыпались в кирпичную крошку – одним словом, канули в Лету и сохранились лишь в памяти старожилков. Никуда не делись только бесчисленные ряды лачуг, теснившихся одна к другой в трущобах Тримея.

Когда кто-нибудь спрашивал доктора Ниллу Хобарт, в честь кого названа больница, она неизменно отвечала: «В честь друга, сыгравшего главную роль в моей жизни. В честь друга, которого мой

отец прозвал рыцарем в сияющих доспехах». (Заметим в скобках, что даже долгие годы спустя Люденмер – этот сварливый старик, ставший просто невыносимым после того, как Эл Джей обыграл его в гольф, – продолжал именовать Кертиса не иначе, как рыцарем в сияющих доспехах.) И еще Нилла неизменно добавляла: «В честь того, кто умел слышать».

Примечания

1

От *англ.* «Pearly» – «жемчужный», «перламутровый». – *Здесь и далее примеч. ред.*

2

Имеется в виду детектив Дик Трейси – главный герой серии комиксов Честера Гулда.

3

Гражданский корпус охраны окружающей среды – программа государственного трудоустройства безработных в рамках «Нового курса» президента США Рузвельта, действовавшая в 1933–1942 гг. и направленная в основном на сохранение природных ресурсов.

4

Тримей – один из районов Нового Орлеана.

5

От *англ.* Moon – Луна.

6

Бак Роджерс – вымышленный персонаж, главный герой серии посвященных освоению космоса фантастических романов Ф. Нолана и основанных на них комиксов Д. Колкинса.